This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 40GS 0

A7
Griboyedov, V. M.
Narod i vlast'

Bd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received OCT 30 1931

22. A. 122

НАРОДЪ И ВЛАСТЬ

ВЪ

ВИЗАНТІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія.

В. М. Грибовскаго,

Приватъ-Доцента Имѣраторскаго С.-Петербургскаго Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

ANCIENT
964

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета печатать разрѣшается 10 декабря 1896 г.

Деканъ, заслуженный профессоръ *В. Сергѣевичъ*.

ОСТ 30 1931

ОГЛАВЛЕНІЕ.

страницы:

Предисловіе . . . . . I—XXII

Общія начала.

ГЛАВА I.

§ 1. Недостатки формальнаго опредѣленія государства . . . . 1— 9
§ 2. Невозможность раздѣленія понятій общества и государства. 9— 16
§ 3. Государство, какъ система равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ . . . . . 16— 35

ГЛАВА II.

§ 1. Романизмъ и эллинизмъ . . . . . 35— 41
§ 2. Эллинизація востока и восточный эллинизмъ . . . . . 41— 54
§ 3. Восточный эллинизмъ подъ римскимъ владычествомъ . . . 54— 65
§ 4. Основные интересы византійскаго населенія и ихъ отраженія въ борьбѣ партій . . . . . 65— 80

ГЛАВА III.

§ 1. Періодъ первый: отъ Константина Великаго до Льва Исавріанина . . . . . 80— 87
§ 2. Періодъ отъ Исавра до Василія Македонянина . . . . . 87—109
§ 3. Періодъ третій: отъ Василія Македонянина до Алексѣя Комнина . . . . . 109—120
§ 4. Періодъ отъ воцаренія Алексѣя Комнина до латинскаго завоеванія . . . . . 120—140

СТРАНИЦЫ

Населеніе.

ГЛАВА IV.

§ 1. Общее ученіе о византійскомъ населеніи и высшее сословіе 141—155
§ 2. Сословіе городское . . . . . 155—161
§ 3. Крестьяне . . . . . 161—173
§ 4. Остальные сословія и классы византійскаго населенія. . . 173—182

ГЛАВА V.

§ 1. Культурное единство византійскаго населенія . . . . . 182—185
§ 2. Тяготѣніе къ самоопредѣленію. . . . . 185—204
§ 3. Народъ и власть въ столицѣ (a) . . . . . 204—216
§ 4. Народъ и власть въ столицѣ (b) . . . . . 216—227
§ 5. Народъ и власть въ столицѣ (c) . . . . . 227—241

ГЛАВА VI.

§ 1. Идея народнаго верховенства въ Византіи . . . . . 241—252
§ 2. Доли участія различныхъ сословій въ дѣлѣ избранія правителя . . . . . 252—280

Власть.

ГЛАВА VII.

§ 1. Древнегреческія ученія о правительствѣ . . . . . 280—294
§ 2. Различіе теорій византійскаго и римскаго имперіализма . . 294—322
§ 3. Реализація народныхъ стремленій въ законѣ и обычаѣ . . 322—341

ГЛАВА VIII.

§ 1. Соотношеніе власти царя и патріарха . . . . . 341—362
§ 2. Происхожденіе статей Эпанагоги о власти патріарха и ихъ практическое примѣненіе . . . . . 362—386
§ 3. Преемство власти. . . . . 386—411

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе государственнаго строя Византіи, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свой вполнѣ самостоятельный историко-юридическій интересъ, который въ послѣднее время начинаетъ оцѣниваться по достоинству и привлекать къ себѣ вниманіе выдающихся ученыхъ.

Въ отношеніи Византіи въ наукѣ долго господствовало особое предубѣжденіе. Вся исторія этого замѣчательнаго государства разсматривалась какъ рядъ однообразныхъ картинъ крайностей деспотизма, безпрерывнаго насилія, умственнаго застоя, развращенности, грубости и даже дикости нравовъ. Издавна установившійся таковой отрицательный взглядъ заставлялъ видѣть въ существованіи византійской имперіи продолжительную агонію римской, погибавшей отъ яда, выработаннаго собственнымъ тѣломъ. Достойно замѣчанія, что многіе почтенные изслѣдователи прошедшихъ судебъ европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ между прочимъ знаменитый Гиббонъ, отказывались находить въ лѣтописяхъ Византіи какія-бы то ни было не только свѣтлыя, но даже просто своеобразныя стороны жизни. Уму этихъ мыслителей ничего не говорило тысячелѣтнее и притомъ далеко не безславное бытіе византійскаго государства; сердце ихъ не трогалось мученической

кончиной державы, на долю которой выпалъ тяжелый крестъ отстаиванья европейскаго цивилизованнаго міра отъ грозившихъ его затопить полчищъ языческихъ и магометанскихъ варваровъ. Преклоняясь передъ геніемъ классической греческой мудрости и искусства, европейскіе ученые точно также упустили изъ виду, что не кто иной какъ Византія сохранила въ своихъ нѣдрахъ сокровища высокаго эллинскаго духа и передъ трагической своей смертью передала Западу это драгоцѣнное наслѣдіе предковъ.

Надлежащему выясненію сущности византійской культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова и опредѣленію значенія ея въ западно-европейской исторіи долгое время мѣшалъ недостатокъ необходимыхъ матерьяловъ, за немногими исключеніями, хранившихся въ неизвѣстности по рукамъ у частныхъ лицъ, въ библіотекахъ различныхъ восточныхъ монастырей. На собираніе таковыхъ матеріаловъ потребовались годы вѣковой работы, въ наши дни далеко еще не законченной въ своихъ задачахъ, но уже въ результатахъ предоставляющей возможность любознательному изслѣдователю приподнять завѣсу таинственнаго прошлаго Византіи.

Сравнительная полнота источниковъ, находящихся въ распоряженіи ученыхъ девятнадцатаго столѣтія, произвела необходимый переворотъ въ міросозерцаніи людей, посвятившихъ свои силы византологіи. Прежняя сѣрая окраска историческихъ событій греко-римской имперіи смѣнилась цвѣтною. Глазу наблюдателей вдругъ раскрылись новые ранѣе невѣдомые горизонты. Нѣкогда почти бранное слово «византизмъ» — «византійщина», синонимъ произвола, бездушія, коварства, низкопоклонства, измѣнило свое содержаніе.

Прежде всего, между прочимъ, было указано, что Византія первая отразила на своемъ государственномъ строѣ начала обновившаго древній міръ христіанства; затѣмъ было дознано, что помимо передачи сокровищъ эллинскаго генія она выработала и сообщила Европѣ своеобразную культуру, сложив-

шуюся изъ трехъ элементовъ: древнегреческаго, халдейскаго и христіанскаго; наконецъ, было уяснено, что незамѣтно, но неотразимо, она повліяла на правовой порядокъ европейскихъ народовъ уже тѣмъ, что передала имъ въ юстиніановомъ законодательствѣ плоды первыхъ опытовъ творчества византійскаго образца и многое другое.

Въ нашу задачу не входитъ ближайшее опредѣленіе видовъ степеней культурнаго воздѣйствія восточно-греческой имперіи на западно-европейскій образованный міръ. Какъ-бы ни было велико таковое вліяніе, оно конечно никогда не можетъ сравниться съ тѣмъ умственнымъ давленіемъ, которое Византія оказала на православныя славянскія народности вообще и на русскую въ особенности. По этому поводу изученіе грекоримской имперіи должно интересовать русскаго юриста прежде всего съ послѣдней стороны. Слова «византійское заимствованіе» съ давнихъ поръ сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ, постоянно упоминаемымъ всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о самобытности основъ древнерусской письменности или древнерусскаго права. Тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени въ русской литературѣ не имѣется полныхъ точныхъ указаній на степень подобныхъ заимствованій и наши ученые за немногими исключеніями въ своихъ трудахъ обыкновенно довольствуются случайными, мало систематизированными сопоставленіями сходственныхъ явленій, сличеніемъ ясно совпадающихъ текстовъ, или даже просто ограничиваются соображеніями общаго свойства, исходя изъ нѣкоторыхъ апріорныхъ положеній, какъ-бы изъ незыблемыхъ истинъ.

Всякое, какое-бы то ни было, заимствованіе по существу своему есть не что иное, какъ подчиненіе болѣе слабой въ культурномъ отношеніи общественной личности болѣе сильной. Таковаго рода подчиненіе на практикѣ можетъ достигать чрезвычайно широкихъ размѣровъ. Не только государства, приходившія въ соприкосновеніе между собою, но даже народы завоеватели весьма часто подпадали вліянію болѣе раз-

витыхъ покоренныхъ туземцевъ и въ культурномъ смыслѣ вполнѣ уподоблялись тѣмъ, къ кому они относились съ презрѣніемъ, какъ къ своимъ рабамъ. Въ такомъ положеніи по отношенію грековъ оказались, напримѣръ, римляне, по отношенію китайцевъ—манджуры, по отношенію евреевъ—арабы.

Интеллектуальное воздѣйствіе одного народа на другой представляетъ собой крайне любопытное явленіе; но для того, чтобы имѣть о немъ ясное представленіе, необходимо точно установить, что должно понимать подъ словами заимствованіе, вліяніе, воздѣйствіе.

Нельзя не признать, что всѣ приведенные термины въ житейскомъ обиходѣ страдаютъ значительной расплывчатостью, мѣшающей уловить очертанія самого предмета. Въ самомъ дѣлѣ, когда говорятъ о вліяніи, то понимаютъ подъ нимъ нѣкоторое полное награжденіе одной общественной личности другою запасомъ извѣстныхъ идей, формъ частной гражданской и политической жизни, литературныхъ произведеній. Воздѣйствіе, при такомъ пониманіи дѣла, передаетъ подчиняющемуся заразъ и содержаніе и форму, обезличивая такимъ образомъ принимающаго совершенно. На этомъ убѣжденіи въ возможности сообщенія содержанія вмѣстѣ съ формой, кстати сказать, основана вѣра въ плодотворность и разумность принудительныхъ благихъ преобразованій по иноземному образцу На дѣлѣ мы видимъ, что, сколь-бы ни были благи начинанія преобразователей, какой-бы титанической силой исполненія они ни обладали, насильно привитые ростки самой высокой культуры засыхаютъ и отпадаютъ, какъ лишенные жизненной энергіи, и наоборотъ, тамъ гдѣ внѣшняя сила всѣми способами борется противъ поглощающаго вліянія сосѣдней болѣе высокой цивилизаціи, послѣдняя, если она соотвѣтствуетъ потребностямъ страны, проникаетъ черезъ всѣ преграды и наконецъ завоевываетъ общее признаніе.

Отсюда мы легко можемъ вывести одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ заимствованія, его внутреннюю самостоятельность,

повинующуюся своимъ собственнымъ законамъ развитія и упадка. Самостоятельность-же подобнаго рода обусловливается существованіемъ потребности, безъ которой нѣтъ заимствованія.

Что-же такое культура? Не есть ли это въ сущности та или другая выработанная техника жизни, имѣющая своимъ назначеніемъ облегчить человѣку его мало обезпеченное пребываніе на земномъ шарѣ? А если такъ, то данныя культуры суть только орудія, усовершенствованныя средства къ осуществленію человѣческихъ потребностей. Культура есть только форма, въ которую вливается независящее отъ нея самобытное содержаніе. Съ развитіемъ или, лучше сказать, осложненіемъ потребностей у каждаго народа возникаетъ необходимость въ удовлетвореніи ихъ наилучшимъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ способомъ; въ томъ случаѣ, когда означенные способы изыскиваются самостоятельно, сумма ихъ, совокупность порождаетъ самобытную культуру; когда же для сокращенія силъ и времени народъ прибѣгаетъ къ пользованію плодами чужой творческой дѣятельности, получается заимствованіе.

Право, какъ кристаллизація такъ или иначе сложившихся жизненныхъ отношеній, съ внѣшней стороны есть одинъ изъ видовъ проявленія человѣческой культуры и потому по общему закону подвержено постороннему воздѣйствію въ смыслѣ заимствованія чужихъ удобныхъ нормъ и институтовъ. Для того, чтобы на практикѣ получился случай заимствованія, необходима наличность двухъ условій: во-первыхъ, того, чтобы существовало извѣстное жизненное отношеніе въ смыслѣ разграниченія двухъ различныхъ интересовъ, и имѣлась норма, по свойствамъ своимъ отвѣчающая требованіямъ возникшей потребности и вмѣстѣ съ тѣмъ качественно превосходящая отечественное порожденіе. Чужая юридическая норма при этомъ можетъ быть заимствована даже съ сохраненіемъ внѣшней формулировки ея, т. е. съ рабскимъ подражаніемъ образцу, при каковыхъ обстоятельствахъ является примѣръ, такъ

называемой, рецепціи; или же, приспособляя умственное орудіе иноземной культуры къ нуждамъ мѣста и времени, заимствователь усваиваетъ только чужую мысль, облекаетъ ее въ своеобразную форму и тогда получается заимствованіе.

Простая рецепція обладаетъ свойствомъ наиболѣе легкой различаемости; для выясненія ея размѣровъ не требуется особой проницательности или научной зоркости. Знакомство съ образцомъ подлинника и сопоставленіе его съ рецепированными текстами сообщало бы въ данномъ случаѣ работѣ изслѣдователя характеръ механическаго труда, если бы необходимость обладанія историческими и филологическими свѣдѣніями не усложняла дѣла. Въ другомъ положеніи находится вопросъ опредѣленія вида и степени заимствованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Сличеніе текстовъ тутъ не имѣетъ мѣста, частныя данныя филологіи или исторіи получаютъ лишь вспомогательное значеніе. Перевѣсъ передается на сторону общихъ началъ, общихъ выводовъ, особой чуткости и пониманія жизненныхъ отношеній. Простое доказанное сходство, даже близкое совпаденіе въ области вліянія и заимствованія еще не объясняетъ и не доказываетъ ничего. Какъ справедливо замѣчаетъ нашъ извѣстный историкъ проф. В. И. Сергѣевичъ, «если условія жизни неодинаковы, то въ предѣлахъ одного и того же народа и даже племени могутъ возникнуть разные обычаи. Наоборотъ, при сходствѣ условій жизни, сходные обычаи могутъ возникнуть у народовъ вовсе не родственныхъ и не имѣвшихъ случая оказывать какого либо вліянія другъ на друга» *). Отсюда видно, насколько путь изслѣдованія заимствованій скользокъ и опасенъ. Духъ человѣческій всегда работаетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и на результатъ вліяетъ только матеріалъ, надъ которымъ ему приходится трудиться. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поражаютъ

*) Опытъ изслѣдованія обычнаго права. «Наблюдатель» 82. Ту же мысль смотри у названнаго автора въ статьѣ «Государство и право въ исторіи». Сборникъ Госуд. знаній, т. VII, 23.

на первый взглядъ постановленія, сходственныя почти дословно у двухъ народовъ, раздѣленныхъ во времени цѣлыми эпохами и удаленными другъ отъ друга значительными пространствами. Мы говоримъ о римлянахъ и евреяхъ. «Si nox furtum faxit, гласитъ VIII изъ XII таблицъ, si im accisit, jure caesus est»· «Если кто застанетъ вора подкапывающагося и ударитъ такъ, что онъ умретъ, то кровь не вмѣнится ему» (Исходъ XII, 2). «Si liberum hominem emptor sciens emerit, capitale crimen adversus eum ex lege Tabia de plagio nascitur» (Dig. 48, 15, 1). Почти то-же самое во Второзаконіи: «если найдутъ кого, что онъ укралъ кого-нибудь изъ братьевъ своихъ, изъ сыновъ израилевыхъ, и поработилъ его и продалъ, то такого вора должно предать смерти» (XXIV, 7).

Русское право въ значительной степени и рецепировало и заимствовало византійское, вліянію котораго при тѣсныхъ сношеніяхъ обоихъ государствъ оно не могло не подпасть, будучи грубѣе и ниже послѣдняго. Не смотря на то, до сихъ поръ таковое воздѣйствіе выяснено только въ самыхъ общихъ чертахъ и всего лишь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ права, главнымъ образомъ въ каноническомъ и гражданскомъ.

Какъ указываетъ проф. Дювернуа въ своей прекрасной книгѣ «Источники права и судъ въ древней Россіи въ памятникахъ древнерусскаго законодательства», нужно различать содержаніе ихъ, смотря потому, принадлежатъ-ли они къ эпохѣ самостоятельнаго существованія сѣверныхъ прибалтійскихъ народоправствъ или къ эпохѣ усиленія московскаго государства. Различіе обоихъ законодательствъ заключается въ томъ, что въ то время, какъ Новгородъ и Псковъ въ своихъ судныхъ грамотахъ развивали и систематизировали главнымъ образомъ гражданское право, прочимъ удѣляя второстепенное мѣсто, Москва, наоборотъ, постоянно въ судебникахъ и даже Уложеніи на первый планъ выдвигала государственное право, подкрѣпляемое уголовнымъ, гражданскому-же назначало служебную роль. Мы не будемъ останавливаться на весьма понятныхъ

причинахъ явленія подобнаго рода, но мы считаемъ своей обязанностью отмѣтить то неоспоримое положеніе, что рецепція является болѣе сильной, а заимствованіе болѣе явственнымъ въ области частоправныхъ нормъ, нежели въ сферѣ государственныхъ институтовъ, всегда проявляющихъ наклонность къ значительной самостоятельности и своеобразности.

Не потому-ли и большинство трудовъ русскихъ изслѣдователей, направившихъ свои усилія на выясненіе видовъ и мѣры подражанія иноземнымъ образцамъ и посвящено главнымъ образомъ гражданскому праву, въ то время какъ важнѣйшій интересъ въ изученіи Московской Руси кроется въ ея государственности, заложившей основы современнаго могущества родной намъ земли.

Вопросъ о томъ, насколько мы были самобытны или подражательны въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ не только отвлеченный историческій интересъ. Содержаніе его на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе жгуче и жизненнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Несомнѣнно, что одна изъ слабыхъ сторонъ русскаго человѣка кроется въ отсутствіи исторически-выработаннаго опредѣленнаго самосознанія. Мы, напримѣръ, привыкли себя считать законными наслѣдниками Византіи, и между тѣмъ до послѣдняго времени слово «византизмъ» и «византійщина» однимъ своимъ звукомъ приводитъ насъ въ содроганіе. А знаемъ-ли мы при этомъ, что такое «византизмъ». Въ существѣ дѣла мы этого не знаемъ. Авторитетные русскіе византологи, подобные профессорамъ Васильевскому или Успенскому, у насъ появились недавно. Кромѣ того, въ самой Западной Европѣ воззрѣнія на Византію, благодаря трудамъ Цахаріэ, Геймбаха, Мортрейля, Папарригопуло и др. измѣнились только на глазахъ еще живущаго поколѣнія; что-же касается до нашего общества, то оно все еще смотритъ на греко-римскій міръ устарѣлымъ взглядомъ послѣдователей Гиббона.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ печальный фактъ,

что, съ одной стороны отрицая Византію, мы, въ качествѣ ея наслѣдниковъ, съ другой—отрицаемъ въ то-же время въ прошломъ самихъ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу такового апріорнаго предубѣжденія, мы выдѣляемъ изъ своей среды черезчуръ незначительный процентъ людей, которые не боятся безплодно потерять время въ ознакомленіи съ неисчерпаемымъ запасомъ византійскихъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ, въ надеждѣ кое-чѣмъ воспользоваться оттуда для нуждъ науки отечественнаго права.

До сихъ поръ изслѣдованіе вопроса о вліяніи византійскихъ началъ на древне-русское и современное законодательство подвигалось впередъ усиліями отдѣльныхъ единицъ. Нужно надѣяться, однако, что недавнее учрежденіе спеціальнаго органа византиновѣдѣнія и сознанное значеніе этой отрасли знанія сообщатъ дальнѣйшій толчокъ начавшемуся движенію, но пока русско-византійская литература еще очень бѣдна и требуетъ усиленнаго пополненія своихъ запасовъ.

Параллельное изученіе Россіи и Византіи въ правовомъ отношеніи началось у насъ общими указаніями на этотъ предметъ Карамзина, Г. П. Успенскаго, Калайдовича, Строева. Ранѣе другихъ ближайшимъ сличеніемъ византійскихъ и русскихъ текстовъ по обязанностямъ службы занялся Розенкампфъ, труды котораго не потеряли своего относительнаго значенія до нашихъ дней; подробнѣе вошелъ въ дѣло Калачовъ, снабдившій рядомъ цѣнныхъ замѣчаній соотвѣтствующаго характера свои «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской правды»; много поработали въ указанной области права Неволинъ, Погодинъ, Рождественскій, Срезневскій, Лавровскій. Отъ позднѣйшаго времени нужно отмѣтить имена профессоровъ: Сергѣевича, Горчакова, Дювернуа, Павлова, Сокольскаго, Иконникова и Дьяконова, прямо или косвенно касающихся предмета византійскаго вліянія на русское право.

Большинство вышеупомянутыхъ ученыхъ занималось глав-

нымъ образомъ выясненіемъ объема рецепціи въ сферѣ гражданскаго, уголовнаго и церковнаго законодательства и, благодаря ихъ дѣятельности, теперь до извѣстной степени установлены общіе предѣлы непосредственнаго переноса византійскихъ текстовъ въ отечественные памятники. Въ настоящее время дознано, что прежде всего къ намъ проникли цѣликомъ нѣкоторые разрозненные греко-римскіе юридическіе сборники, главными представителями которыхъ явились Эклога и Прохиронъ, на ряду съ такъ называемыми номоканонами, а затѣмъ наиболѣе подходящія мѣста ихъ были рецепированы законодательными актами чисто русскаго происхожденія. Такъ напримѣръ, образцы буквальнаго перевода греческихъ текстовъ мы встрѣчаемъ въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, въ Русской Правдѣ, въ Кормчихъ, въ Уложеніи Алексѣя Михайловича, въ Новоуказанныхъ статьяхъ. Говорится въ одной редакціи Ярославова Устава: «аще иметъ жена ходити по игрищамъ или во дни или въ нощи, и мужъ иметъ усчевати, а она не послушаетъ». Въ Прохиронѣ читаемъ: ἐὰν ἱππικοῖς ἢ θεάτροις ἢ κονηγίοις παραγενήσεται ἐπὶ τῷ θεωρῆσα ἀγνοῦντος ἢ κωλύοντος τοῦ ἀνδρὸς (XI, 6). Калачовъ отмѣтилъ статьи Русской Правды о рабѣ тативѣ, о крадущемъ въ ночи, представляющія относительно своего содержанія полное тождество съ помѣщенными въ Кормчихъ выдержками изъ исаврійской Эклоги. Кормчія содержатъ въ себѣ буквальные переводы Прохирона, Эклоги, подъ именемъ Градскаго закона, Главизнъ премудрыхъ и вѣрныхъ царей Леона и Константина. Въ Уложеніи прямо помѣчены въ числѣ источниковъ византійскіе законодательные сборники, причемъ насколько близко производилась рецепція можно судить изъ слѣдующихъ текстовъ: «а будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ... и такого сожигальника казнити, сжечь» (гл. X, ст. 229), «Εἰ διά τινας ἔχθρας ἢ ἁρπαγὰς πραγμάτων ἐμπρησμὸν ἐν πόλει ποιοῦντες, πυρὶ παραδιδόσθωσαν» (Эклога) *).

*) Zachariae. Jus graeco-romanum, 42.

Гражданскія постановленія Прохирона оказались настолько жизненными что, «пройдя вѣковъ завистливую даль», они попали въ дѣйствующее русское законодательство и существуютъ въ нашемъ Десятомъ томѣ и Уложеніи о наказаніяхъ. Статьи 445, 1707, 1708, 2068 представляютъ собой почти буквальное воспроизведеніе текстовъ Прохирона, а въ статьяхъ 976, 1322, 2063, 2065, 2067 и 2201 послѣдній положенъ въ основаніе. То-же самое нужно сказать, напримѣръ, о 94 ст. Уложенія о наказаніяхъ, толкующей о невмѣняемости малолѣтнихъ, не достигшихъ семилѣтняго возраста.

Однако все, что сдѣлано Калачовымъ, Неволинымъ, Рождественскимъ, Погодинымъ, Срезневскимъ, проф. Павловымъ, Горчаковымъ преимущественно касается непосредственнаго вопроса рецепціи, оставляя мало изслѣдованнымъ другое обширное поле византійскаго воздѣйствія, именно заимствованіе неполное, заимствованіе, подвергшееся переработкѣ въ тѣлѣ русскаго народа и въ иномъ даже утратившее черты своего первоначальнаго происхожденія. Вліяніе послѣдняго рода въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, было гораздо глубже и обширнѣе перваѓо, если между прочимъ принять въ соображеніе то обстоятельство что воздѣйствіе Византіи на Русь началось указаннымъ путемъ гораздо ранѣе принятія русскими христіанства и заноса къ намъ подлинныхъ законодательныхъ сборниковъ.

Вліянію Византіи мы подпали при первомъ знакомствѣ и столкновеніи съ нею. Свидѣтельствомъ тому служитъ сопоставляемое содержаніе нашихъ договоровъ съ греками, гдѣ производится соглашеніе между обычнымъ русскимъ и писаннымъ византійскимъ и въ итогѣ получается нѣкоторая амальгама, въ свою очередь отзывавшаяся на туземной судебной практикѣ. Значеніе договоровъ съ греками для нашего древняго юридическаго быта точно также формулировалъ проф. Сергѣевичъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу нашъ уважаемый, высокоавторитетный ученый: «значеніе договоровъ съ

греками сводится къ тому, что они даютъ намъ новое право, проникнутое греческими понятіями. При составленіи договоровъ принимались въ соображеніе и русскіе обычаи... Но греки существенно измѣнили всѣ тѣ русскіе обычаи, которые были запечатлѣны началомъ самоуправства. Договоры являются древнѣйшимъ памятникомъ чужеземнаго вліянія на наше національное право» *). Итакъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ чистой рецепціей, но съ яснымъ образчикомъ свободнаго отношенія къ иноземному оригиналу.

Не смотря на все превосходство греческой цивилизаціи, древняя Русь оказалась удивительно стойкой въ своей самобытности. Было-бы ошибочно предположить, что свободное заимствованіе остановилось на греко-русскихъ договорахъ и въ дальнѣйшемъ замѣнилось рецепціей. На самомъ дѣлѣ, наоборотъ, общее вліяніе вплоть до самой Петровской эпохи постоянно сказывалось сильнѣе буквальнаго подчиненія иноземнымъ образцамъ и въ этомъ отношеніи можно утверждать, что Россія въ своихъ установленіяхъ сохранила болѣе относительной самостоятельности, нежели Западная Европа, за исключеніемъ Англіи, цѣликомъ подпавшая дѣйствію сперва насильно прививаемаго, а потомъ и добровольно усваиваемаго римскаго права.

Достойно замѣчанія, что въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту все несоотвѣтствовавшее народному правосознанію или совершенно отвергалось или передѣлывалось кореннымъ образомъ соотвѣтственно господствовавшимъ взглядамъ. Власть пыталась иногда насильно привить тѣ или другія чужія юридическія нормы, но безуспѣшно. Какъ объясняетъ Калачовъ, отсюда получился пестрый, подчасъ противурѣчивый составъ нашихъ древнихъ правовыхъ памятниковъ, запечатлѣнныхъ трудноуразумѣваемой съ перваго взгляда двойственностью. Старый порядокъ туго поддавался преобразованію и формы его про-

*) Греческое и русское право въ X вѣкѣ. Ж. М. Н. П. 82, CCXIX, 114.

должали существовать наперекоръ велѣніямъ самого законодателя. Послѣдній самъ въ силу здраваго смысла долженъ былъ отступать отъ выработанныхъ иноземныхъ образцовъ и давать мѣсто твердо сложившемуся отечественному обычаю предпочтительно передъ иностраннымъ закономъ.

Подобной модификаціи, между прочимъ, подверглись въ княжеской Руси византійскіе взгляды на преступленіе и наказаніе. Принципъ византійскаго воздаянія преступнику за содѣянное имъ зло основывался главнымъ образомъ на членовредительствѣ и смертной казни. Характеръ его былъ устрашающій. Градская казнь заключалась въ сожженіи, повѣшеніи, усѣкновеніи мечомъ, урѣзаніи языка, отрубленіи руки, ноги и проч. Наказаніе въ древне-русскомъ правѣ носило наоборотъ гражданскую окраску и замѣна мести состояла въ денежныхъ выкупахъ. При столкновеніи обоихъ взглядовъ у насъ взялъ верхъ родной. «Аще кто зажжетъ дворъ или гумно, читаемъ мы въ Ярославовомъ уставѣ, или что иное, митрополиту 100 гривенъ, а князь казнитъ». То-же самое въ Русской правдѣ: «аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу исплативши, а въ процѣ князю поточити і; такожде аже кто дворъ зажжетъ». (Троицкій списокъ, 79). Изъ сопоставленія обѣихъ статей съ достаточной вѣроятностью можно предположить, что и въ Ярославовомъ уставѣ выраженіе «князь казнитъ» имѣетъ имущественное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть въ данномъ случаѣ, какъ думаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, подъ словами «князь казнитъ» болѣзненныя наказанія, такъ какъ съ одной стороны князья первые отложили убіеніе за голову съ замѣною его уплатою извѣстнаго количества кунъ, съ другой—въ томъ-же уставѣ князь казнитъ за постриженіе головы или бороды. Неволинъ, въ данномъ случаѣ, косвенно высказывается въ пользу взгляда имущественнаго (т. VI, 301). Между тѣмъ смыслъ наказанія за зажигательство, по Прохирону, не оставляетъ никакихъ сомнѣній: ἐάν τις εἰδιὼς οἰκήματα, ἐμπρήσῃ ἢ σωρὸν σίτου πλήσιον οἰκήματος κείμενον

ἐλεγχόμενος πυρὶ παραδίδοται. Содержаніе греческаго и славянскаго текстовъ почти тождественны въ диспозиціи, но санкціи ихъ коренным образомъ расходятся. Даже если принять толкованіе проф. Владимірскаго-Буданова, то всетаки болѣзненное наказаніе будетъ неизмѣримо мягче казни огнемъ и такимъ образомъ переработка византійской нормы всетаки окажется налицо.

Приведенный нами примѣръ представляетъ собой далеко не частный случай. Какъ справедливо указалъ Калачовъ, въ русскомъ уголовномъ правѣ византійскія начала взяли окончательный перевѣсъ только въ Уложеніи, до того времени постоянно уступая первое мѣсто народному правовоззрѣнію.

Вопросомъ вліянія византійскаго законодательства и византійскихъ общественно-правовыхъ идей на русское право занимались у насъ весьма немногіе и потому предметъ является новымъ по самому существу своему. Въ указанномъ смыслѣ на первомъ планѣ должны быть поставлены изслѣдованія В. И. Сергѣевича *). Въ самое послѣднее время уважаемый ученый отвелъ данному предмету цѣлый отдѣлъ во второмъ выпускѣ второго тома «Русскихъ юридическихъ древностей». Какъ извѣстно, проф. Сергѣевичъ по спеціальности своей историкъ-государственникъ, потому-то вниманіе его было невольно привлечено государственными отношеніями свѣтской власти къ духовной въ Византіи и на Руси, такъ какъ государственное устройство допетровской эпохи носило на себѣ сильный церковный отпечатокъ. Такими же государственниками являются двое другихъ ученыхъ, непосредственно касающихся вопроса византійскаго вліянія на нашъ государственно-правовой бытъ, именно гг. Дьяконовъ и Сокольскій. Проф. Дьяконовъ въ своемъ сочиненіи «Власть Московскихъ государей» останавливается преимущественно на исторіи сложенія идеала русскаго государя подъ воздѣйствіемъ византійскихъ ученій о богоустановленности власти, проф. Сокольскій входитъ въ обсужденіе взаимныхъ отно-

*) См. его курсъ внѣшней исторіи русскаго права, вышецитированную статью въ Ж. М. Н. П. о договорахъ русскихъ съ греками.

шеній царя и патріарха въ грекоримской имперіи и попутно указываетъ на отраженіе тамъ образовавшихся идей на русской жизни. (О значеніи и характерѣ Эпанагоги. Византійскій временникъ, т. I, вып. I.).

Нельзя не замѣтить, что всѣ три названные автора затронули ту изъ сторонъ византійскаго вліянія, которая для разсмотрѣнія представляетъ наиболѣе трудности, причемъ далѣе всѣхъ въ указанномъ направленіи ушелъ проф. Дьяконовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже имѣли случай указать выше, государственно-общественныя отношенія у всѣхъ народовъ и во всѣ времена наиболѣе выказываютъ склонности къ самобытности. Содержаніе въ данномъ случаѣ получаетъ преобладающее значеніе надъ формой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время какъ почти всѣ отрасли права такъ или иначе закрѣпляются въ своихъ положеніяхъ въ законодательныхъ, ясно осязаемыхъ, текстахъ, государственное право все зиждется на неписанномъ обычаѣ, выливается въ фактически существующихъ политическихъ учрежденіяхъ и тѣмъ самымъ препятствуетъ удобству изслѣдованія.

Всѣ исторически сложившіяся конституціи всегда были не писанными, вслѣдствіе чего разбираться въ вѣковыхъ ихъ наслоеніяхъ крайне трудно. Документальный, непосредственно юридическій матерьялъ въ нихъ обыкновенно отсутствуетъ. Изслѣдователю приходится подвигаться впередъ въ своихъ трудахъ съ особой осмотрительностью, пользуясь главнымъ образомъ историческими данными, гдѣ случайное частное явленіе легко можетъ быть возведено на степень закрѣпленной обычаемъ правовой нормы.

Нужно удивляться въ данномъ случаѣ, съ какимъ необычайнымъ искусствомъ разрѣшаетъ всѣ указанныя затрудненія проф. Сергѣевичъ, въ выводахъ котораго не находится ни одного мѣста, гдѣ бы читатель не чувствовалъ у себя твердой почвы подъ ногами. Присущая уважаемому ученому осторожность въ увлеченіи обобщеніями заставляетъ его даже отрицательно отнестись къ положеніямъ другихъ изслѣдователей,

подчеркивающихъ иноземное вліяніе въ ущербъ отечественной самобытности.

Съ легкой руки Соловьева, намекнувшаго на участіе духовенства въ утвержденіи власти московскихъ князей надъ ихъ удѣльными соперниками, мысль знаменитаго историка, какъ указываетъ проф. Сергѣевичъ, получила свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ профессоровъ Николаевскаго и Иконникова, изъ которыхъ первый настаиваетъ на особыхъ заботахъ духовенства объ утвержденіи самодержавной власти въ русской землѣ, а второй доказываетъ существованіе преобладанія свѣтской власти надъ духовной въ Византіи и перенесеніе такового порядка вещей на Русь. Мысль проф. Иконникова въ рѣшительной формѣ окончательно провелъ проф. Дьяконовъ, утверждающій, что въ настоящее время не подлежитъ спору то положеніе, что идея русской самодержавной власти заимствована изъ Византіи.

Рядомъ доказательствъ проф. Сергѣевичъ подвергаетъ сомнѣнію выводы вышепоименованныхъ авторовъ и въ особенности останавливается на работѣ проф. Дьяконова, трудъ котораго при всѣхъ его выдающихся достоинствахъ обладаетъ, повидимому, однимъ крупнымъ недостаткомъ: предвзятостью нѣкоторыхъ основныхъ положеній. На этотъ недостатокъ въ свое время указывалъ проф. Латкинъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» еще въ 1890 г. Но касаясь теоріи гг. Иконникова и Дьяконова острымъ орудіемъ историко-критическаго анализа, признавая относительную долю воздѣйствія духовенства на русскихъ государей и указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на самобытныя черты въ проявленіи ихъ изъ принадлежавшей власти, уважаемый авторъ «Русскихъ юридическихъ древностей» не рѣшаетъ, однако, вопроса о воздѣйствіи и самобытности основы русской государственности по существу. Вслѣдствіе чего начатыя въ этой области работы оказываются неоконченными и въ исторіи русскаго права попрежнему чувствуется большой пробѣлъ, который профессора Иконниковъ и Дьяконовъ пытались за-

полнить вышеизложенной гипотезой черезчуръ общаго свойства.

Въ заключеніи къ своему послѣднему труду проф. Сергѣевичъ даже прямо отрицаетъ вопросъ позаимствованія идеи самодержавной власти изъ Византіи (стр. 615). Съ положеніемъ такового рода нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, власть въ какомъ бы то ни было видѣ, есть не что иное, какъ отвлеченіе отъ фактическаго состоянія совокупности общественныхъ отношеній. Поэтому, какъ таковая, въ существѣ своемъ, она заимствована ни откуда быть не можетъ и является самобытной по своему естеству. Иное дѣло формы ея внѣшняго проявленія и теоретическія обоснованія въ представленіи народномъ. Въ указанныхъ случаяхъ мы, несомнѣнно, въ русской исторіи сталкиваемся со слѣдами иноземнаго вліянія, чего не отрицаетъ и самъ В. И. Сергѣевичъ, называя постоянный ростъ царской власти явленіемъ многопричиннымъ и обусловливая его, между прочимъ, ученіемъ духовенства о божественномъ происхожденіи власти, проповѣдью духовенства о повиновеніи и покореніи властямъ и преданіями византійской имперіи *).

Область науки государственнаго права, однако, не исчерпывается выясненіемъ понятія существа власти и формъ ея внѣшняго выраженія. Рядомъ съ послѣдней стоитъ исторія политическихъ учрежденій, устройство административнаго механизма, пріемы внутренней политики и многое другое, на что должно быть современемъ обращено надлежащее вниманіе историковъ юристовъ. Пока въ указанномъ направленіи сдѣлано весьма мало, чтобы не сказать ничего; между тѣмъ даже поверхностное сравненіе нѣкоторыхъ византійскихъ учрежденій съ русскими, вродѣ, напримѣръ, помѣстной системы, порядка государственныхъ и придворныхъ должностей, судебныхъ инстанцій и проч., неотразимо наводитъ на мысль о воздѣйствіи

*) Общія замѣчанія на этотъ счетъ см. того же автора «Государство и право въ исторіи», Сборникъ государствен. знаній, т. VII, 52, 55.

и заимствованіи въ гораздо большей степени, нежели формы верховной власти.

Несомнѣнно, конечно, что и въ отношеніи послѣднихъ историкамъ русскаго государственнаго права остается попрежнему обширное, мало початое поле для любопытнѣйшихъ изслѣдованій, но, какъ справедливо говоритъ профессоръ Латкинъ, «для выясненія значенія византійскаго вліянія, какъ фактора образованія самодержавія русскихъ государей, необходимо прежде всего изучить строй государственныхъ и общественныхъ отношеній Византіи и ея политическую исторію. Только произведя подобную работу, можно до извѣстной степени опредѣлить степень византійскаго вліянія въ области русскаго государственнаго права вообще и въ отношеніи образованія самодержавной власти русскихъ государей въ частности». («Историческій вѣстникъ». 1890 г. Отзывъ о книгѣ г. Дьяконова, т. XXXIX, стр. 452). Несомнѣнно, что безъ таковой предварительной работы немыслимы какіе бы то ни было правильные, не произвольные выводы, противъ чего, кстати сказать, погрѣшили профессора Иконниковъ и Дьяконовъ. Первый потому, что, будучи хорошо знакомъ съ византійской литературной письменностью, перенесъ ученіе о ея несомнѣнномъ и глубокомъ вліяніи на русскую и на политическія отношенія, второй, потому, что, полагаясь на авторитетъ автора «Опыта изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи въ русской исторіи», безъ критической провѣрки воспользовался имѣвшимся въ его рукахъ цѣннымъ историко-юридическимъ матерьяломъ для размѣщенія его по предвзятому плану.

Инымъ путемъ въ послѣднемъ выпускѣ своихъ «Русскихъ юридическихъ древностей» пошелъ профессоръ Сергѣевичъ, предпославъ разсмотрѣнію дѣйствія вышеуказанныхъ византійскихъ началъ въ русской средѣ общій очеркъ состоянія таковыхъ элементовъ въ ихъ отечествѣ. Тѣмъ же пріемомъ непосредственнаго сравненія пользовался Неволинъ при обсужденіи вопроса о томъ, насколько подвергся византійскому вліянію

древне-русскій святительскій судъ, равно какъ и профессоръ Сокольскій въ уже цитированной статьѣ: «О характерѣ и значеніи эпанагоги».

Несомнѣнно, что путь, намѣченный поименованными учеными, единственно представляется правильнымъ и ведущимъ къ своей конечной цѣли. Для рѣшенія того математическаго отношенія, которое исторія ставитъ подъ видомъ родственности извѣстныхъ сторонъ правовой жизни тѣхъ или другихъ народовъ, необходимо знать его или крайніе или средніе члены. Въ данномъ случаѣ, конечно, подъ именемъ крайнихъ членовъ мы должны понимать государственно правовой бытъ Византіи и Россіи, а въ среднихъ видѣтъ произведеніе, явившееся слѣдствіемъ столкновенія двухъ различныхъ по своему существу началъ.

Итакъ, прежде чѣмъ говорить о какомъ-бы то ни было заимствованіи русскимъ государственнымъ правомъ византійскаго, всякій изслѣдователь обязанъ уяснить себѣ то, что составляетъ отправныя точки его работы, т.-е. дать себѣ болѣе или менѣе подробный полный отчетъ о состояніи обоихъ сравниваемыхъ имъ предметовъ въ извѣстную эпоху. Конечно, интересы науки не требуютъ, чтобы этотъ подготовительный черновой трудъ непремѣнно исполнялся-бы однимъ лицомъ, но пока самостоятельныхъ работъ по указанному вопросу не существуетъ, историкъ русскаго права, какъ мы видимъ на примѣрѣ Неволина, В. И. Сергѣевича и профессора Сокольскаго, силой вещей принужденъ поднимать двойную тяготу, если не желаетъ впасть въ ошибки, допущенныя учеными, хотя и сильными въ знаніи родной старины, по уклонившимися отъ самостоятельнаго разсмотрѣнія сущности византизма. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣльныхъ полныхъ монографій по вопросамъ византійскаго государственнаго права почти не существуетъ, если не считать краткаго бѣглаго очерка Мортрейля (Motreuil), помѣщеннаго въ III томѣ его «Histoire du droit byzantin», и сочиненій «Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome

et à Constantinople» Пайяра (Paillard), «De l'autorité imperiale en matière réligieuse à Byzance» Гаске (Gasquet), «Etudes sur l'administration byzantine dans lèxarchat de Ravenne» Диля (Diehl), «Die Byzantiner des Mittelalters» Краузе (Krause), «Византійское государство и церковь въ XI столѣтіи» профессора Скабалановича, «Отношенія между церковной и гражданской властью въ Византійской имперіи» проф. Курганова.

Различные по своимъ достоинствамъ вышеупомянутые труды всѣ обнимаютъ собою или черезъ-чуръ частные вопросы публичнаго права греко-римскаго государства, или-же касаются его только въ отдѣльныхъ моментахъ существованія, вслѣдствіе чего всякій желающій познакомиться съ состояніемъ политическихъ учрежденій Византіи, исключительно на основаніи работъ поименованныхъ ученыхъ, рискуетъ получить слишкомъ отрывочныя, разрозненныя и притомъ крайне частныя свѣдѣнія, требующія пополненія сырымъ матеріаломъ и монографіями общеисторическаго содержанія.

Итакъ, мы видимъ, что до настоящаго времени еще не имѣется ни общаго обзора государственнаго строя Византіи, ни достаточнаго запаса частныхъ трудовъ, исчерпывающихъ предметъ въ его различныхъ направленіяхъ. Само собою разумѣется при этомъ, что, пока не будетъ накоплено достаточнаго количества отдѣльныхъ изслѣдованій по различнымъ частнымъ вопросамъ, немыслимо появленіе какого-бы то ни было общаго ученія, въ виду того, что подобное предпріятіе есть трудъ слишкомъ громадный, который не по плечу одному. Въ особенности не по плечу онъ теперь, когда еще рѣдки работы даже по общей исторіи Византіи и когда задача собиранія первоисточниковъ еще далеко не закончена *).

Что касается до цѣли предлагаемой книги, то она заключается въ желаніи автора по мѣрѣ силъ хотя-бы крупицей

*) Смотри ст. проф. Васильевскаго, Успенскаго и Безобразова въ Журн. М. Н. П. за разные года.

пользы, посодѣйствовать тому значительному русско-византійскому движенію, которое отмѣтило собою юридико-историческую науку девятнадцатаго столѣтія и которое въ рядахъ передовыхъ своихъ дѣятелей теперь насчитываетъ столь высоко цѣнимыя въ русской наукѣ имена, какъ В. И. Сергѣевичъ, В. Г. Васильевскій, Ѳ. Н. Успенскій и нѣк. др.

«Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ», какъ опытъ историко-догматическаго изслѣдованія, подобно трудамъ вышеупомянутыхъ писателей—Мортрейля, Паяра, Гаске, Скабалановича, Диля и Курганова посвящено точно также частнымъ вопросамъ византійскаго государственнаго права съ тѣмъ отличіемъ, что въ корнѣ своемъ назначеніе его не самостоятельное, но служебное. Настоящій опытъ представляетъ собою только первую часть труда по предмету выясненія русско-византійскихъ заимствованій въ области государственныхъ учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова. Слѣдуя вышеприведеннымъ началамъ теоріи разработки иноземныхъ вліяній, авторъ опыта, прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію историко-юридическаго уравненія, постановилъ вначалѣ выдѣлить извѣстные его члены въ одну, неизвѣстные въ другую сторону. Въ данномъ случаѣ однимъ изъ неизвѣстныхъ, подлежащихъ выдѣленію и опредѣленію ранѣе другихъ, авторъ считаетъ нѣкоторые элементы византизма государственно-правоваго характера.

Беря на себя сложное и трудное дѣло выясненія общихъ началъ двухъ крупныхъ вопросовъ византійскаго государственнаго права, авторъ не закрываетъ глазъ на отвѣтственность, соединенную съ попыткой такового рода. Поэтому всякое указаніе на неточность или ошибочность въ посылкахъ или выводахъ книги будутъ приняты имъ съ чувствомъ глубочайшей благодарности. А въ томъ, что таковые недочеты найдутся, въ этомъ авторъ нисколько не сомнѣвается.

Когда, еще будучи на студенческой скамьѣ, авторъ обратился за нѣкоторыми указаніями къ нашему извѣстному визан-

тологу академику В. Г. Васильевскому, онъ сказалъ между прочимъ: «вы хотите познакомиться съ тѣмъ, что такое византизмъ? Но для этого нужна цѣлая жизнь». Вполнѣ соглашаясь съ уважаемымъ ученымъ относительно существа его замѣчанія, но не предполагая посвятить себя нарочитымъ занятіямъ византологіей и работая надъ ней, такъ сказать, попутно, я могъ удѣлить изученію одной изъ областей греко-римскаго міра только нѣсколько лѣтъ. На этотъ короткій промежутокъ, посвященнаго Византіи времени я заранѣе ссылаюсь какъ на одно изъ оправданій тѣхъ недочетовъ, которые должны встрѣтиться въ предлагаемой книгѣ.

Въ настоящей книгѣ въ первой главѣ производится между прочимъ бѣглый пересмотръ стараго и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новаго вопроса о существѣ государства. Глава эта не имѣетъ самостоятельнаго, но лишь служебное значеніе, которое заключается въ томъ, чтобы заранѣе уяснить читателю, какихъ исходныхъ точекъ зрѣнія держится авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи основныхъ чертъ положенія политическихъ партій, населенія и власти въ Византіи.

Встрѣчая во время хода работъ своихъ поддержку и содѣйствіе разнаго рода со стороны многихъ лицъ я пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать послѣднимъ свою живѣйшую признательность; прежде всего спѣшу выразить ее своимъ ближайшимъ наставникамъ профессорамъ: В. И. Сергѣевичу, В. Н. Латкину, М. И. Горчакову; затѣмъ В. Г. Васильевскому, В. Э. Регелю, члену Института французскому историку г. Даресту, В. И. Срезневскому, М. А. Грибовской; служащимъ въ библіотекѣ Петербургскаго Университета и М. И. Кудряшеву, гг. Садкову и Хребтову-Павлову; не могу также не помянуть добрымъ словомъ любезность администраціи Парижской Національной и С.-Женевьевской библіотекъ, гдѣ мнѣ пришлось работать во время заграничной командировки и нынѣ покойнаго помощника библіотекаря нашей Императорской Академіи Наукъ Б. П. Ламбина.

Старая-Руса, 1896 г.

ОБЩІЯ НАЧАЛА.

ГЛАВА I.

§ 1. Недостатки формальнаго опредѣленія государства.

Существующія въ политической литературѣ многочисленныя ученія о государствѣ не даютъ одного какого-либо положительнаго опредѣленія этого вида общественныхъ соединеній. Почти всѣ наиболѣе видные представители науки государственнаго права расходятся между собою въ пониманіи и формулировкѣ того загадочнаго явленія, которое издавна принято называть именемъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся-ли мы къ опредѣленію послѣдняго писателями древности, или перейдемъ прямо къ времени новому и новѣйшему, всегда и вездѣ мы наткнемся на поразительное разнообразіе сужденій. Наиболѣе общее опредѣленіе далъ, какъ извѣстно, Аристотель, сказавъ, что государство «есть нѣкоторая форма человѣческаго общежитія». Послѣ него мыслители различныхъ эпохъ пытались добавить къ этому опредѣленію рядъ многообразныхъ новыхъ признаковъ, но изъ нихъ право полнаго гражданства получили только территорія, власть и населеніе, вслѣдствіе чего

современная, не вызывающая споровъ, формулировка государства заключается въ томъ, что оно представляетъ собою подъ видомъ личности, субъекта правъ, высшій общественный союзъ людей-населенія, живущихъ на извѣстной части земной поверхности, именуемой территоріей, и объединенныхъ въ нѣкоторое однородное цѣлое силой, называемой государственной властью.

Однако, какъ можно убѣдиться при ближайшемъ разсмотрѣніи опредѣленія подобнаго рода, оно, въ свою очередь, несомнѣнно страдаетъ не только большой растяжимостью, но, кромѣ того, допущеніемъ черезъ-чуръ внѣшняго пріема формулировки. Не трудно видѣть, что въ понятіяхъ территоріи, населенія и власти отвлечены дѣйствительно неотъемлемо присущіе каждому современному государству признаки, но отвлечены они путемъ чисто внѣшняго наблюденія и притомъ у государственныхъ союзовъ лишь новѣйшаго времени. Говоря такимъ образомъ, мы разумѣемъ конечно, три указанные признака съ тѣмъ ихъ содержаніемъ, которое представляетъ намъ территорію, какъ часть земной поверхности съ твердо очерченными постоянными границами, населеніе какъ сложную также въ общемъ постоянную организованную сумму составныхъ единицъ-подданныхъ и, наконецъ, власть какъ централизованную или лучше сказать обособленную единую независимую силу, господствующую какъ надъ отдѣльными подданными, такъ и надъ общественными группами. Толкуя-же территорію, населеніе и власть слишкомъ распространительно, мы должны будемъ подвести подъ понятіе государства и орды татаръ, вандаловъ, лонгобардовъ, вестготовъ, всегда имѣвшихъ подъ ногами территоріальную точку опоры, въ составѣ своемъ многотысячныя толпы соплеменниковъ и, наконецъ, нѣкоторую власть въ лицѣ вождей и старѣйшинъ.

Современное ученіе о государствѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, далеко отъ подобнаго пониманія вещей; оно придаетъ имъ ясно выраженный опредѣленный тѣсный смыслъ, не обладаю-

щій, однако, общимъ значеніемъ въ отношеніи всѣхъ исторически-смѣнявшихся типовъ государства.

Рѣдко, кто не согласится, напримѣръ, что древне-русскія княжества, о государственномъ состояніи которыхъ не можетъ возникнуть спора, въ случаѣ надобности очень часто не былибы въ состояніи точно очертить границы своихъ владѣній, въ особенности на востокѣ и сѣверѣ, гдѣ неизвѣданныя и мало заселенныя пространства раздвигались въ безконечность. Въ такомъ-же точно положеніи находились Карѳагенъ, Римская и Византійская имперіи, изъявлявшіе подчасъ притязанія чуть-ли не на всемірное владычество. Государство-завоеватель Римъ, предъявляя свои права на тѣ или другія части чужой территоріи, опирался по крайней мѣрѣ на силу оружія, которая была способна всякую минуту реализировать властолюбивыя мечтанія; Византія-же не считала даже нужнымъ въ своихъ притязаніяхъ опираться на физическое могущество; будучи просвѣтительницей сосѣднихъ варварскихъ народовъ, сообщая имъ истины христіанскаго ученія, она въ то-же время совершала нѣкоторыя мирныя завоеванія, тотчасъ-же объявляя новообращенныхъ собственными подданными. Достаточно сказать, что даже Россія еще въ XIV вѣкѣ считалась византійскимъ населеніемъ, составной частью его государства, а русскіе митрополиты посылали въ Константинополь денежную дань и поминали въ русскихъ церквахъ божественное имя византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ *).

При такихъ обстоятельствахъ византійцы на предложенный имъ вопросъ, каковы территоріальныя границы ихъ державы, конечно не съумѣли-бы отвѣтить положительнымъ образомъ; да и безпристрастный, знающій историкъ не справился-бы съ таковой задачей, такъ какъ обиліе въ тѣ времена свободной земли и слабость связей, соединявшихъ многія народности, лишь номинально находившіяся въ подданствѣ греко-римской

*) Сергѣевичъ. «Русск. Юрид. Древности», т. II вып. II, 496.

имперіи, дѣлаютъ точное изслѣдованіе предмета недостижимымъ, тѣмъ болѣе, что нескончаемыя войны, вслѣдствіе перемѣннаго счастья держали признанную пограничную черту въ постоянномъ движеніи. Въ подобномъ положеніи неопредѣленности, между прочимъ, еще недавно находилась Россія относительно своихъ азіатскихъ границъ.

Не болѣе устойчивымъ, безспорнымъ признакомъ является населеніе въ его современномъ значеніи. Мы легко можемъ указать государства, гдѣ населеніе въ полномъ его составѣ пребывало на извѣстной территоріи, какъ-бы въ состояніи временного случайнаго подданства и всякую минуту въ полномъ же составѣ могло покинуть ее по усмотрѣнію. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о правѣ отъѣзда служилыхъ людей и правѣ ухода крестьянъ въ древне-русскихъ княжествахъ, допускавшихъ такое передвиженіе на основаніи издавна установившагося обычая. Населенію названныхъ государствъ лучше всего можетъ быть присвоенъ эпитетъ населенія плывучаго, съ каковымъ порядкомъ не въ состояніи мириться государство нашихъ дней, соединяющее съ извѣстной степенью свободы принятія и оставленія подданства рядъ стѣснительныхъ и сложныхъ условій.

Нечего, конечно, долго останавливаться на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что современное ученіе о власти, какъ о монополіи единаго носителя принужденія, рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ политическими формами государственнаго строя, предшествовавшаго возникновенію въ Европѣ абсолютныхъ монархій и изображенію Боденомъ его теоріи суверенитета. Трудно объяснить общепринятой фикціей полномочія отъ лица государства тотъ грубый произволъ, насиліе, самоуправство всякаго вида, которыми характеризуется эпоха господства средневѣковаго феодализма; а между тѣмъ, въ немъ мы не можемъ отрицать государственности и исторія государственныхъ ученій даже знаетъ его ревностныхъ апологетовъ; феодалы не пользовались званіемъ государей, но, признавая надъ

собою относительную власть послѣднихъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ располагали въ дѣйствительности всѣми ихъ правами и всѣмъ своимъ поведеніемъ отвергали принципъ единства власти, возводимый нынче въ неотъемлемый характерный признакъ государства.

На основаніи высказанныхъ соображеній и приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, мы имѣемъ право заключить, что три общепринятыхъ признака государственныхъ союзовъ далеко не исчерпываютъ собой совокупность главнѣйшихъ чертъ, отличающихъ государство во всѣ времена и у всѣхъ народовъ отъ другихъ ему подобныхъ формъ общественныхъ соединеній. Въ теоріи они являются пригодными до извѣстной степени только для опредѣленія нѣкоторыхъ видовъ политическихъ тѣлъ, существующихъ въ наше переходное время.

Итакъ современная формулировка понятія государства есть не что иное, какъ отвлеченіе частныхъ видовыхъ признаковъ и обобщеніе ихъ въ родовые на основаніи наблюденія еще царящей дѣйствительности. Насколько подобный пріемъ мало наученъ, насколько онъ способенъ болѣе затемнить дѣло, нежели выяснить его—объ этомъ нечего распространяться. Между тѣмъ, избраніе при ученыхъ изысканіяхъ такового пути не ограничивается примѣромъ отвлеченія могущихъ невольно ввести въ заблужденіе изслѣдователя вышеприведенныхъ признаковъ, но идетъ далѣе. Вслѣдствіе этого даже серьезные ученые, какъ напримѣръ, Велькеръ или Моль, прямо возводятъ наряду съ ними въ общее ученіе о государствѣ признаки парламентарности и достиженія имъ дозволенныхъ цѣлей.

Повидимому, общая ошибка большинства ученыхъ юристовъ и нашихъ дней кроется въ томъ, что обладая формальнымъ складомъ ума и будучи воспитаны въ школѣ формальнаго юридическаго мышленія, они слишкомъ много обращаютъ вниманія на внѣшнюю сторону предмета и слишкомъ мало засматриваютъ въ глубину.

Какъ справедливо замѣчаетъ Гирке *), задача всѣхъ наукъ вообще и науки государственнаго права въ частности состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить подлежащій разсмотрѣнію вопросъ и изнутри и снаружи. Послѣднее по сравненію съ первымъ конечно легче; стоитъ наблюсти, уловить очертаніе предмета и сужденіе о немъ уже можетъ быть составлено. Но сужденіе подобнаго рода всегда бываетъ слишкомъ поверхностно и отличительная черта его—крайняя односторонность. Этой чертой отмѣчены въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ почти всѣ современныя теоріи государственнаго права, показывая тѣмъ самымъ извѣстный упадокъ глубокаго вдумчиваго философскаго мышленія.

Подъ вліяніемъ того-же формалистическаго взгляда на вещи, издавна наука правовѣдѣнія совершенно произвольно, по случайному сходству и неправильной постановкѣ вопроса, уподобляется математикѣ. Насколько указанное сравненіе невѣрно по существу, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что математика, оперируя надъ отвлеченными не реальными, лишь мыслимыми величинами, къ каковымъ между прочимъ принадлежатъ безсмысленныя съ общежитейской точки зрѣнія разныя положительныя и отрицательныя безконечности, нули или минусъ-единицы, имѣетъ право на независимое отъ дѣйствительныхъ фактовъ существованіе.

Въ другомъ положеніи находится правовѣдѣніе. Оно неотдѣлимо отъ жизни, слито съ ней, какъ цвѣтъ, объемъ или плотность нераздѣльно слиты съ представленіемъ о предметѣ.

Совокупность правовыхъ нормъ въ существѣ дѣла конечно есть не что иное, какъ сумма линій тѣхъ формъ, въ которыхъ застыли, отвердѣли человѣческія отношенія извѣстнаго рода. Онѣ подобны той кривой, которую рисуетъ фонографъ, отмѣчая на воскѣ или гальванопластической пластинкѣ колебанія человѣческаго голоса. Измѣненія этой кривой несомнѣнно подчи-

*) Zeitschrift f. d. gesammte Staatswissenschaft, 1874.

няются, какъ и все на свѣтѣ, извѣстнымъ законамъ и потому способны подвергаться систематизаціи и обобщеніямъ. Но равно какъ кривая фонографа сама по себѣ мертва и не въ состояніи сообщить намъ представленія о человѣческомъ голосѣ, точно также кривая права не можетъ дать понятія о живомъ реальномъ естествѣ жизненныхъ отношеній, безъ изученія содержанія этихъ послѣднихъ. Функція неизвѣстной величины не опредѣляетъ существа своей производящей, въ особенности если мы отождествимъ ихъ обѣихъ; въ равной мѣрѣ мы не должны отождествлять права, какъ отвлеченнаго формальнаго понятія, съ его живымъ фактическимъ содержаніемъ.

Сторонники формальнаго математическаго взгляда на правовѣдѣніе не разбираются въ этихъ очевидныхъ истинахъ. До настоящаго времени даже изслѣдователи, склонные давать просторъ свободному сужденію, скованы по рукамъ и по ногамъ системой римской юриспруденціи, кстати сказать, обстоятельно разработавшей одну сравительно незначительную область права — право гражданское. Вникая только въ наружные признаки, не заглядывая и внутрь предмета, они не могутъ отрѣшиться отъ пріемовъ мышленія, завѣщанныхъ римскими юристами, и въ государствѣ, этомъ загадочномъ незнакомцѣ нашего времени, видятъ прежде всего гражданскій институтъ—юридическую личность, какъ нѣкогда видѣли сообщество, созданное договоромъ.

Представители-же крайняго формализма, основаннаго на началахъ гражданскаго права, идутъ еще далѣе и опредѣляютъ государственный союзъ въ качествѣ юридическаго отношенія, т. е. нѣкоторое сложное, собственно говоря, только недавно замѣченное явленіе, не обинуясь, укладываютъ въ старыя готовыя рамки.

Но, какъ справедливо говоритъ проф. Мартенсъ: «сводъ римскаго права (а съ нимъ и современнаго гражданскаго) не даетъ никакого отвѣта на многіе жизненные вопросы, отъ которыхъ зависитъ въ настоящее время всестороннее соціальное

развитіе народовъ» *). Вслѣдствіе чего подведеніе всѣхъ этихъ вопросовъ подъ излюбленныя привычныя рубрики является актомъ научнаго произвола и насилія. Вызванныя потребностями жизни, рядомъ со старыми возникаютъ и даже возникли новыя общественно-юридическія науки, среди которыхъ, между прочимъ, можно указать общественное право (Gesellschaftsrecht), ученіе объ управленіи (Verwaltungslehre), международное право и др. Системы гражданскихъ нормъ къ названнымъ отраслямъ права не приложимы; онѣ принуждены отыскивать себѣ дорогу своими средствами, но значеніе ихъ отъ этого нисколько не страдаетъ, а наоборотъ, возвышается и ростетъ.

Не изъ чего другого какъ изъ приложенія очерченнаго формальнаго метода и пользованія данными, выработанными относительно одной изъ областей права, несомнѣнно проистекаютъ всѣ тѣ многочисленныя трудности, которыми отличается современное изученіе государства. Точно такимъ же способомъ, какъ поступали римляне, отвлекая контурныя очертанія частноправныхъ отношеній и составляя изъ нихъ своеобразныя геометрическія фигуры, дѣйствуютъ и ученые девятнадцатаго столѣтія. Они открыли пресловутый консерватизмъ послѣдовательности римскаго права и примѣняютъ его начала повсюду, гдѣ только тому представляется возможность. Наблюдая внѣшнія черты самаго разнообразнаго характера, они пытаются путемъ воображенія по имѣющимся готовымъ, древностью испытаннымъ, образцамъ юридикологическихъ построеній постигнуть мыслимый обликъ государства. Факты свидѣтельствуютъ, однако, что успѣхъ не сопровождаетъ попытокъ такового рода.

Въ виду постоянныхъ неудачъ и размномыслія, изслѣдователи пришли, наконецъ, къ нѣкоторому соглашенію, проведя при помощи трехъ найденныхъ точекъ (территоріи, населенія

*) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 2.

и власти) плоскость, долженствующую изображать собой понятіе государства. Однако, какъ мы имѣли случай видѣть, таковая площадь въ дѣйствительности не получила опредѣленныхъ очертаній, такъ какъ точки ея построенія обладаютъ способностью раздвигаться въ безконечность.

§ 2. Невозможность раздѣленія понятій общества и государства.

Съ одной стороны нѣкоторыя историческія обстоятельства, съ другой—все то-же безсознательное тяготѣніе къ формальному внѣшнему пониманію государственныхъ союзовъ вызвали къ жизни надѣлавшую въ свое время много шуму теорію раздѣльности общества и государства.

Слабые намеки на подобную раздѣльность содержатся еще у Шлецера; мимоходомъ указывалъ на нее Гегель, коммунисты; болѣе подробно останавливались Краузе *), Аренсъ **), но опредѣленную характерную обработку она получила въ рукахъ Р. Моля и отъ него перешла во многіе учебники и монографіи.

Краузе и Аренсъ, однако, исходя въ своихъ разсужденіяхъ изъ отвлеченныхъ апріорныхъ метафизическихъ положеній, продолжали считать общество родомъ, а государство только видомъ его; Моль ***) отвергъ правильность такового взгляда и перевернулъ точку зрѣнія. По мнѣнію Краузе, общество произведеніе божеской и человѣческой природы его членовъ обнимаетъ весь кругъ высшихъ духовныхъ потребностей человѣка и потому возвышается надъ государствомъ, призваннымъ къ охраненію правопорядка и способствованію общественному развитію. Точно также смотрѣлъ на дѣло и Аренсъ, опредѣлявшій общество въ качествѣ совокупности всѣхъ жизненныхъ

*) Handschriftlicher Nachlass. 1836.
**) Organische Staatslehre. 1850.
***) Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. 1855—58.

сферъ, направленныхъ къ достиженію главнѣйшихъ цѣлей человѣческой жизни, къ каковымъ принадлежитъ и государство, какъ организмъ жизни юридической.

Въ представленіи Моля, наоборотъ, государство является высшимъ связующимъ звеномъ, объединяющимъ началомъ по отношенію общества, какъ суммы различныхъ группъ, основанныхъ на общности сходственныхъ интересовъ и положенія. По мнѣнію названнаго ученаго, число указанныхъ группъ не можетъ быть съ точностью опредѣлено заранѣе, такъ какъ оно зависитъ непосредственно отъ фактическаго состоянія важнѣйшихъ интересовъ, отстоявшихъ право на существованіе въ данное время въ данномъ обществѣ. Въ средѣ европейскихъ народовъ общественные элементы складываются въ видѣ естественныхъ союзовъ, основанныхъ общностью языка, происхожденія племеннаго или сословнаго, занятій, имущества религіи, близкаго сосѣдства и проч. Но всѣ примѣрно перечисленныя группы озабочены преслѣдованіемъ узкихъ, личныхъ, частныхъ интересовъ и въ погонѣ за ихъ осуществленіемъ упускаютъ единство цѣли, которое ставится фактомъ совмѣстнаго сожительства многихъ тысячъ людей. Поэтому общество не есть само по себѣ высшая форма общежитія, какъ нѣчто случайное, непрочное, недостаточно организованное. Пробѣлы его естества могутъ быть заполнены только организмомъ вполнѣ развитымъ, законченнымъ, каковымъ и является государство, воплощающее въ себѣ народное единство, средоточіе его силъ. Только въ государствѣ, обнимающемъ собой отдѣльныя лица, семейства, племена, общественные союзы и соединенія всѣхъ видовъ, всѣ цѣли человѣческой жизни могутъ получить надлежащее осуществленіе и только государство имѣетъ возможность соединить въ своихъ рукахъ всѣ средства, соотвѣтствующія цѣлямъ и необходимое повиновеніе со стороны членовъ этого всепоглощающаго союза *).

Итакъ Моль сдѣлалъ смѣлую попытку рѣшительнымъ обра-

*) Gesch. und Liter. der Staatswissenschaften. B. I. s. 88—101.

зомъ отвлечь безжизненныя линіи очертаній политическихъ тѣлъ и совокупности ихъ сообщить самостоятельное содержаніе, иначе, онъ попытался приложить къ изученію государства во всей его строгости тотъ методъ, которымъ пользовались римскіе юристы и который къ явленіямъ общественности прилагался до того только ощупью и гадательно. Плоды его трудовъ, въ томъ направленіи, въ какомъ опредѣлилъ изученіе государства самъ Моль, не замедлили сказаться въ наукѣ государственнаго права. Современная формальная школа плоть отъ плоти и кость отъ кости молевской теоріи, впервые задавшейся цѣлью установить основы юридической, въ общепринятомъ смыслѣ, природы государства.

Отдѣленіе государства отъ общества въ томъ видѣ, въ какомъ его представилъ Моль, не встрѣтило, какъ и слѣдовало ожидать всеобщаго сочувствія. Новой теоріи, между прочимъ, возражали Блюнчли и Эшеръ. Въ русской литературѣ она встрѣтила прямыхъ противниковъ профессоровъ Ренненкампфа, Сергѣевича, косвеннаго—Градовскаго. Остановимся на возраженіяхъ, формулированныхъ проф. Ренненкампфомъ. «Ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, говоритъ онъ *), есть только продолженіе прежняго ученія о Rechtsstaat и Polizeistaat, имѣющее одинъ и тотъ-же корень: стѣсненіе частной дѣятельности административнымъ многоуправленіемъ и разладъ, существующій въ большей части европейскихъ государствъ, между стремленіями правительства и общества. Взятое же независимо отъ своего историческаго значенія оно страдаетъ неопредѣленностью и отсутствіемъ основаній для будущаго развитія...

Государство, принятое только какъ юридическая форма общества, лишается самодѣятельности и способности самостоятельно выполнять даже ту небольшую долю обязанностей, которыя оставляются за нимъ: оно дѣлается пассивнымъ испол-

*) Очерки юридической энциклопедіи, 61.

нителемъ и сохранителемъ чуждыхъ ему желаній и интересовъ. Государство, принятое только какъ юридическая форма, неминуемо придетъ къ разложенію, потому что постоянно будутъ являться новые союзы, постоянно будутъ возникать притязанія союзовъ на бо́льшую самостоятельность и граница между сферою государственною и общественною будетъ разрушена... Жизнь личная и государственная суть не разъединенныя сферы: онѣ живутъ при взаимномъ содѣйствіи и представляютъ множество переходныхъ ступеней изъ одной области въ другую. Эти то переходныя ступени и были приняты за особыя сферы, составляющія содержаніе общества. Наконецъ, общественныя сферы хотя и возникаютъ собственной силой, независимо отъ государства, но самостоятельность ихъ жизни весьма относительна: онѣ связаны съ государствомъ не только внѣшними узами права, но всей совокупностью интересовъ, отношеній». Въ концѣ концовъ проф. Ренненкампфъ приходитъ къ тому выводу, что «государство не только организованная юридическая жизнь, но и само общество, обнятое во всѣхъ своихъ образованіяхъ».

Не такъ пространно, но не менѣе рѣшительно высказывается В. И. Сергѣевичъ. Явленія государственной и общественной жизни, по мнѣнію уважаемаго ученаго, до такой степени взаимно соприкасаются, что не могутъ быть изучаемы ни одной минуты отдѣльно, безъ вреда для результатовъ изученія *). «Непосредственное изученіе чистой природы государства, внѣ разнообразныхъ вліяній общества, дѣло невозможное, ибо государство безъ общества не существуетъ, говоритъ уважаемый авторъ. Если мы можемъ составить себѣ какое-либо понятіе о собственной природѣ государства—въ ея различіи съ природой общества, то только изучая общество и государство въ ихъ взаимодѣйствіи, а не отдѣльно» *). Послѣднія слова проф. Сергѣевичъ говоритъ по

*) Задача и метода государственныхъ наукъ, 32.

**) Ibid.

поводу мысли Лоренца Штейна, въ общемъ сливающаго ученіе объ обществѣ и государствѣ, но въ одномъ изъ своихъ сочиненій (System der Staatswissenschaften) утверждающаго, что въ наукѣ долженъ существовать моментъ раздѣленія обоихъ явленій въ цѣляхъ точнаго философскаго выясненія понятій.

Точно также Градовскій въ своихъ лекціяхъ общаго государственнаго права за 1882 г. ученіе объ обществѣ вводитъ въ отдѣлъ одного изъ элементовъ государства, именно, въ отдѣлъ населенія. По ученію покойнаго публициста, народъ только тогда входитъ въ составъ государства, когда онъ представляетъ собою общество, понимаемое какъ нѣкоторое сложное цѣлое, интегрированное и дифференцированное въ своихъ частяхъ *). Выясненію понятія общества, какъ государственнаго состоянія народа, посвящена почти цѣликомъ другая книга Градовскаго «Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ». Оба труда извѣстнаго ученаго касаются одного и того же вопроса, но только съ различныхъ сторонъ. Курсъ государственнаго права разсматриваетъ общество въ отношеніи экономическомъ, «Національный вопросъ «со стороны «государственной народности», являющейся на каждый разъ выразительницей «особой національной культуры».

«Происхожденіе, развитіе и строеніе того, что мы называемъ о б щ е с т в о м ъ, совершается, говоритъ Градовскій, подъ вліяніемъ факта, получившаго преобладающее значеніе в ъ о с ѣ д л о м ъ с о с т о я н і и, именно—р а з д ѣ л е н і я т р у д а»**). Послѣдствія указаннаго факта обнаруживаются въ двоякомъ направленіи: въ расчлененіи однородной массы первобытныхъ племенъ и въ выдѣленіи общественныхъ группъ, между которыми, въ силу основанной на обмѣнѣ взаимной зависимости, устанавливается прочная экономическая связь, называемая Градовскимъ общественной солидарностью. Сознаніе этой за-

*) Стр. 39 и слѣд.
**) Курсъ, 41.

висимости совершенно устраняетъ, кстати сказать, потребность того единства въ образѣ государства, на которое напираетъ Моль. Успѣшное, добросовѣстное веденіе своего дѣла одной группой обусловливается успѣхомъ таковыхъ же занятій всѣхъ другихъ. Страна со слабымъ сельскимъ хозяйствомъ страдаетъ отъ низкаго состоянія промышленности и торговли. Степень развитія прикладныхъ знаній находится въ прямомъ соотношеніи съ состояніемъ чистой науки. Уатты, Аркрайты, Эдиссоны и Морзы вполнѣ немыслимы въ странахъ, гдѣ химія, математика и механика пребываютъ въ полнѣйшемъ загонѣ.

Энергія народа прямо пропорціональна напряженію его религіозности, стремленій эстетическихъ, образовательныхъ. Варварство всегда влечетъ за собой, помимо умственнаго убожества, бѣдность и господство животныхъ инстинктовъ надъ духовными. Точно также здоровье цѣлаго зависитъ отъ большей или меньшей правильности распредѣленія богатствъ всякаго рода, какъ матерьяльныхъ, такъ и духовныхъ, среди членовъ общественнаго союза. Разъ кореннымъ образомъ нарушаются условія здороваго существованія общества, его единства, государство безсильно помочь горю, ибо оно само— общество.

Но общество, по мнѣнію Градовскаго, какъ государство, не есть простая кооперація различныхъ общественныхъ группъ и индивидовъ въ интересахъ взаимнаго матерьяльнаго и духовнаго обмѣна. Въ широкомъ смыслѣ слова всѣ общества сливаются въ этомъ отношеніи въ понятіи мірового хозяйства Листа. Общества въ государственномъ состояніи обладаютъ собственной культурой, отличающей ихъ отъ другихъ имъ равныхъ государственныхъ союзовъ, и такимъ образомъ являются въ видѣ не естественныхъ племенныхъ, но исторически сложившихся своеобразныхъ народностей, представители которыхъ связаны другъ съ другомъ единствомъ вкусовъ, склонностей, вѣрованій, убѣжденій, наконецъ привычекъ и освоеніемъ съ съ тѣми болѣе или менѣе усовершенствованными пріемами

жизни; ея, если такъ можно выразиться, техникой, которая именуется культурой. «Народность, говоритъ Градовскій, есть понятіе культурное, т. е. она предполагаетъ извѣстную общность историческаго развитія, въ которомъ проявились всѣ особенности духовной природы племени, и, кромѣ того, сильную степень народнаго самосознанія, т. е. сознанія своего коллективнаго я. Еслибы у итальянской народности (писано въ періодъ объединенія Италіи) не было ничего общаго, кромѣ единства происхожденія и языка, она не имѣла бы права на это званіе... Особенности племени и языка суть только зародыши, возможность народности. Сила и устойчивость этихъ особенностей испытываются исторіей, въ теченіе которой обнаруживается способно ли племя къ творчеству и самобытной цивилизаціи,—слѣдовательно къ образованію народности» *).

Въ конечномъ выводѣ цитируемый авторъ полагаетъ народность въ указанномъ смыслѣ въ основу здороваго государственнаго устройства, допуская вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе государствъ, въ своемъ бытіи основанныхъ на принципѣ насилія **). Но, прибавляетъ онъ кстати, «они (т. е. государства, образованныя принудительнымъ образомъ) должны направить всѣ свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бываютъ подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованье самостоятельности политической... Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ ***)».

*) Національный вопросъ, 21.
**) Ibid. 28.
***) Ibid. 29.

Отсюда видно, какъ Градовскій понимаетъ общество и насколько онъ считаетъ возможнымъ отвлеченіе отъ него идеи государства въ самостоятельное понятіе. Въ конечныхъ выводахъ онъ является солидарнымъ съ Эшеромъ, Блюнчли, проф. Сергѣевичемъ, Ренненкампфомъ. Да иначе и быть не могло.

Писатели широкаго ума, высокаго образованія, чуткіе, отзывчивые не въ состояніи мириться съ безсодержательной схоластикой предлагаемыхъ Молемъ построеній. Они отказываются оторвать форму отъ содержанія. Для нихъ отвлеченія истязуемой логики есть то, что Францискъ Бэконъ называлъ eidola fori, т. е. заблужденія, вытекающія изъ способа выраженія. Люди полагаютъ обыкновенно, что мысль управляетъ словами человѣка; но часто случается наоборотъ и слова управляютъ мыслями, и во имя словъ люди жертвуютъ возможностью истиннаго уразумѣнія существа вещи. Въ предметахъ же, кромѣ внѣшняго, есть, по выраженію того-же Бэкона, скрытый внутренній схематизмъ, безъ знакомства съ которымъ немыслима положительная наука. Формальная школа государственниковъ отрицаетъ таковыя положенія въ области подвѣдомственнаго ему знанія.

§ 3. Государство, какъ система равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ.

Градовскій въ изложеніи своихъ взглядовъ на государство, какъ это видно изъ его работъ, не могъ остановиться на исключительно юридической точкѣ зрѣнія на предметъ. Въ его ученіи мы легко можемъ различить сильное вліяніе двухъ направленій той сравнительно недавно народившейся науки, которая, говоря образно, задалась цѣлью изслѣдованія тѣла общественныхъ соединеній и законовъ, ими управляющихъ. Юристы все время упорно отстаивали необходимость изученія

формы; соціалисты, соціологи, экономисты и историки-націоналисты вдались въ содержаніе; первые, подобно Платону, указывали на существованіе отвлеченнаго образца идеи, постигаемой абстрактнымъ мышленіемъ, вторые, по слѣдамъ Аристотеля, требовали непосредственнаго наблюденія реальныхъ данныхъ, фактовъ.

Со стороны послѣдней школы въ ея развѣтвленіяхъ было выставлено понятіе воздѣйствія общества, какъ жизненнаго содержанія, на форму его; былъ поднятъ вопросъ объ органичности общественныхъ союзовъ, о глубокой естественной внутренней связи, существующей между отдѣльными ихъ частями. Самъ Моль подпалъ непосредственно силѣ позитивнаго теченія мысли и, работая въ области фактовъ на пользу уясненія формальнаго пониманія государства, на самомъ дѣлѣ трудился надъ положительнымъ изученіемъ реальныхъ явленій. Даже въ свое опредѣленіе государства онъ вводитъ слово организмъ, слово, имѣющее по меньшей мѣрѣ крайне отдаленное отношеніе къ юридической общепринятой терминологіи. Мы можемъ отрицать значеніе самой государственной теоріи Моля, но мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не признать его заслуги относительно науки о государствѣ въ смыслѣ сдѣланныхъ имъ общественныхъ изысканій. Въ указанномъ смыслѣ благодарность потомства ему принадлежитъ ни чуть не въ меньшей степени, нежели Лоренцу Штейну, опредѣлившему государство въ качествѣ интегрированной совокупности цѣлаго ряда раздѣльныхъ самостоятельныхъ организмовъ, представляющихъ собой развитіе моментовъ существа человѣческой личности. Говоря о формѣ, Моль не былъ въ состояніи избѣгнуть постановки вопроса о содержаніи, хотя и полагалъ, что таковой не имѣетъ прямого отношенія къ главной цѣли.

Намъ нечего останавливаться на перечисленіи и характеристикѣ тѣхъ авторовъ, которые внесли въ изученіе общества, какъ рода, и государства, какъ одного изъ видовъ его, живую струю положительнаго знанія. Имена и труды Консидерана,

Блана, Прудона *), Конта, Литтре, Герберта Спенсера, Кэри, Кетле, Бэджгота, Лиліенфельда, Шеффле, Цахаріэ, Франца, Поста, Гумпловича, Манчини, Пьерантони, Пальма извѣстны достаточно. Ихъ совокупнымъ усиліямъ мы обязаны тѣмъ, что въ схоластической безжизненно безсодержательной формалистической наукѣ о государствѣ все замѣтнѣе и замѣтнѣе чувствуется теченіе новой освѣжающей струи.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ авторовъ, какъ напримѣръ соціалисты и сторонники органической природы общества, уже съиграли свою роль въ научной литературѣ; но представителямъ экономическаго, историческаго и соціально-націоналистическаго направленія еще принадлежитъ будущность, равно какъ и принятому ими методу наблюдательнаго наведенія, съ чѣмъ придется считаться юристамъ формальной школы.

Труды писателей положительнаго образа мыслей указываютъ не только дорогу въ дѣлѣ изученія государства, но, кромѣ того, сообщаютъ многія данныя, способствующія уясненію существа предмета. Уже Градовскій по достоинству оцѣнилъ результаты, добытые непосредственнымъ наблюденіемъ, и попробовалъ свести главнѣйшіе изъ нихъ въ одно стройное цѣлое.

Изслѣдованіе государства, какъ одного изъ видовъ общественныхъ соединеній относительно его содержанія независимо отъ внѣшнихъ формъ, какъ указано было выше, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ двумя дѣйствующими въ немъ творческими силами, которыя можно назвать центробѣжной и центростремительной; силы эти есть интересъ частнаго и цѣлаго, хотя въ конечномъ выводѣ съ человѣческой, не міровой, точки зрѣнія послѣдній лишь постольку существуетъ разумно, поскольку имъ обезпечивается истинное благоденствіе перваго.

---

*) Моль въ своей критической работѣ «Geschichte und Literatur der Staatswissen.», въ обзорѣ соціалистической литературы, между прочимъ почему-то пропустилъ въ свое время очень популярные во Франціи труды Riche Gardon «Doctrine démocratique»; его-же «Moral socialiste»: «Xavier Sauriac «Un systeme d'organisation sociale» и нѣк. др.

Кстати сказать, несмотря на нѣкоторую отвлеченность философіи Лоренца Штейна, нужно признать, что ходъ его разсужденій очень удобенъ для приложенія данныхъ положительной науки къ изученію государства, и потому мы позволимъ себѣ, какъ намъ кажется, безъ нарушенія чистоты принятаго основного взгляда, воспользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ его и пріемами сужденій. Итакъ, въ изслѣдованіи общества необходимо отправляться, по нашему мнѣнію, отъ понятія личности и ея интересовъ; она представляетъ ту самую единицу счисленія, безъ обращенія къ которой невозможно уразумѣть законы образованія высшихъ, сложныхъ чиселъ. Мы не будемъ конечно, подобно Л. Штейну, говорить о безконечномъ назначеніи человѣка, или діалектическомъ противорѣчіи, лежащемъ въ его природѣ. Намъ достаточно установить, съ одной стороны, наличность существованія постояннаго узкаго себялюбиваго интереса индивида и невозможности удовлетворить его исключительно силами и качествами собственнаго естества, откуда вытекаетъ моментъ сперва инстинктивной, а потомъ и разумно сознанной потребности сожитія и простѣйшаго сотрудничества со стороны себѣ подобныхъ. Для дальнѣйшихъ разсужденій намъ довольно также удостовѣрить фактъ преобладанія личнаго интереса въ его первобытной формѣ, выражающагося въ стремленіи къ установленію не свободнаго, но подчиненнаго сожительства въ видѣ власти сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ, власти отца надъ дѣтьми, мужа надъ женой, господина—покорителя надъ рабомъ. Но мы не будемъ также долго останавливаться на эпохѣ господства этихъ простѣйшихъ потребностей, интересовъ, однородныхъ для всѣхъ членовъ первобытныхъ общественныхъ союзовъ.

Намъ важенъ моментъ возникновенія въ средѣ первобытнаго родового, племенного бродячаго или кочевого союза потребностей болѣе развитыхъ, интересовъ болѣе сложныхъ, стремленіе къ удовлетворенію которыхъ заставляетъ выйти изъ состоянія равновѣсія простѣйшіе общественные элементы.

Образцы первыхъ человѣческихъ соединеній зиждутся на извѣстномъ соотношеніи подобныхъ другъ другу, даже равныхъ, борьбой замиренныхъ, признанныхъ интересовъ. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, семья, родъ, племя, орда. «Какъ мы видимъ, говоритъ Спенсеръ, въ доселѣ существующихъ дикихъ племенахъ общество въ своей первой низшей формѣ есть однородное собраніе личностей, имѣющихъ одинаковую власть и одинаковую дѣятельность. Единственное различіе обусловливается тутъ различіемъ пола. Каждый мужчина-воинъ, охотникъ, рыбакъ, оружейникъ, строитель; каждая женщина исполняетъ одинакія домашнія работы; каждое семейство само удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, и, за исключеніемъ случаевъ нападенія или защиты, могло-бы жить отдѣльно отъ прочихъ *)». Существованіе цѣлаго ряда, по прекрасному выраженію одного французскаго соціолога, «общественныхъ окаменѣлостей» убѣждаютъ насъ въ справедливости словъ Спенсера.

Съ теченіемъ времени однородность первобытныхъ съѣздовъ нарушается согласно тому міровому закону эволюціи, по которому все существующее идетъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Какъ и когда въ общественныхъ соединеніяхъ ясно обозначалась указанная стадія развитія, конечно съ точностью опредѣлить невозможно, но большинство изслѣдователей связываетъ этотъ фактъ съ моментомъ возникновенія сложнаго сотрудничества, которое могло состояться только съ переходомъ кочевыхъ племенъ въ осѣдлое состояніе **). Съ того момента трудъ, обращенный къ землѣ, пріобрѣтаетъ особую напряженность и квалификацію. Упражненіе его различныхъ сторонъ вноситъ первыя различія въ составъ первобытнаго общества. Работники начинаютъ дѣлиться на группы; для успѣшнаго хода ихъ труда имъ требуется постоянная точка опоры, но

*) Основныя начала, 168.

**) Катрфажъ, Мэнъ, Спенсеръ, Кэри, Энгельсъ, Градовскій и др.

общность владѣнія послѣдней, въ видѣ неопредѣленной, но постоянно занятой территоріи, удовлетворяя потребности лично существовавшія, удерживаетъ членовъ союза отъ междоусобной борьбы.

Указанное первоначальное, хотя и слабое, расчлененіе общества, однако, является чрезвычайно богатымъ по своимъ послѣдствіямъ. Каждый производитель, къ какой-бы группѣ онъ ни принадлежалъ, въ силу большей обособленности занятій постепенно начинаетъ выражать склонность къ освоенію, какъ орудій производства, такъ и предметовъ потребленія. Общность имущества ведетъ къ безпорядочности и отзывается на производительности труда, этого не могъ не замѣтить осѣдлый человѣкъ. Отсюда рождается представленіе о собственности вообще и земельной въ особенности.

Какъ справедливо замѣчаетъ Градовскій, «въ этихъ условіяхъ форма собственности можетъ быть индивидуальная или общественная, причемъ общинная собственность, какъ напримѣръ общинное землевладѣніе въ Россіи, есть собственность группъ общества и ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ патріархальнымъ коммунизмомъ, который существовалъ да и теперь существуетъ у дикихъ народовъ».

Обособленіе и неизмѣнно сопутствующее ему различіе въ размѣрахъ собственности приводитъ въ столкновеніе групповые и индивидуальные интересы. Столкновеніе, въ свою очередь, ведетъ къ борьбѣ; борьба къ замиренію на извѣстныхъ условіяхъ и къ установленію новыхъ общественныхъ отношеній. На низкой степени цивилизаціи, когда внутренніе связующіе элементы культуры, необходимость, сознанная потребность существованія въ извѣстной средѣ, еще не успѣли подчинить себѣ составныя части общества, послѣднія зачастую отдѣляются и складываются въ самостоятельные союзы.

Въ силу врожденнаго стремленія личности къ подчиненію себѣ подобныхъ, расширенію собственнаго интереса на счетъ чужого, и въ новыхъ общественныхъ условіяхъ возникаетъ неравенство, болѣе сильные подчиняютъ себѣ болѣе слабыхъ

или замиряются съ ними на правахъ во столько разъ болѣе значительныхъ, во сколько силы первыхъ значительнѣе силъ вторыхъ. Прежняя общая равноправность входитъ въ составъ новаго общественнаго союза только въ видѣ различнаго объема одинаковыхъ правъ у представителей сходственныхъ по интересамъ группъ; но сравнительно другъ съ другомъ указанныя группы пользуются различной степенью правомочій. Въ моментъ установленія замиренности или равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ преобразованнаго общества, мы сталкиваемся съ моментомъ того болѣе сложнаго по сравненію съ ордой или родомъ общественнаго союза, который принято называть государствомъ. Такъ, между прочимъ, думаетъ Энгельсъ, и выводъ его находится въ послѣдовательной связи съ трудами прочихъ писателей одного съ нимъ направленія. «Первая попытка образованія государства, говоритъ онъ *), состоитъ въ томъ, чтобы разрушить роды, раздѣляя членовъ каждаго изъ нихъ на привиллегированныхъ и униженныхъ и этихъ снова на два промышленныхъ класса, такимъ образомъ, противупоставляя одного другому».

Итакъ, дѣйствіе двухъ силъ, центростремительной и центробѣжной, имѣющее мѣсто на первыхъ ступеняхъ человѣческаго сожитія, продолжаетъ существовать и въ его высшемъ проявленіи. Но разъединяющій интересъ личности тутъ уже навсегда теряетъ свой острый характеръ, сглаживаемый сознаніемъ групповаго единства; стремленіе отъ центра интересовъ групповыхъ умѣряется потребностью пребыванія личности въ тѣхъ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ индивиду и группамъ неприкосновенность привычныхъ культурно-бытовыхъ особенностей, отрицаемыхъ чужой культурой и бытомъ.

При таковомъ ходѣ разсужденій мы можемъ сказать, что государство, или общество въ государственномъ состояніи, есть моментъ сложнаго подвижнаго равновѣсія многообразныхъ лич-

*) Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, с. 98.

ныхъ и групповыхъ интересовъ на почвѣ исторически выработаннаго культурно-бытового единства.

Мы, конечно, съузили бы выставляемое опредѣленіе, если-бы стали понимать подъ равновѣсіемъ интересовъ—соотношеніе ихъ въ матерьяльномъ смыслѣ. Исключительные интересы собственности имѣютъ мѣсто лишь въ первое время существованія государства. Впослѣдствіи къ интересамъ матерьяльнымъ присоединяются духовные, по своимъ качествамъ едва ли не равные первымъ, вслѣдствіе чего при формулировкѣ государственнаго состоянія, какъ нѣкотораго равновѣсія, необходимо введеніе признаковъ сложности, многообразности и, кромѣ того, подвижности. Въ самомъ дѣлѣ, по закону эволюціи общественные интересы дробятся и множатся неустанно, причемъ зачастую вчерашній интересъ меньшинства превращается въ господствующій и наоборотъ. При такомъ положеніи вещей государство, какъ моментъ равновѣсія постоянно возникающихъ и борющихся силъ, не можетъ находиться въ неизмѣнномъ спокойствіи, но обладаетъ свойствомъ естественной подвижности, зависящей отъ напряженной силы объединенныхъ интересовъ, представляемыхъ политическими партіями въ широкомъ смыслѣ слова.

Правда, нѣкогда личный, впослѣдствіи выродившійся въ групповой, интересъ преобладанія всегда неукоснительно стремится оформить неравенство и закрѣпить его тѣмъ или другимъ образомъ на вѣчныя времена. Стремленіе подобнаго рода особенно усиливается, когда государство возникаетъ не тѣмъ прямымъ путемъ дифференціаціи первобытнаго общественнаго союза, но складывается при помощи завоеванія. Однако, въ конечномъ итогѣ мѣры насильственнаго достиженія равновѣсія интересовъ или убиваютъ государство, уничтожая основу его внутренняго единства, или приводятъ къ переворотамъ, именуемымъ политическими, когда они касаются внѣшнихъ формъ государственнаго состоянія, и соціальными, когда дѣло идетъ о самомъ содержаніи жизненныхъ отношеній.

Не трудно замѣтить, что предлагаемое опредѣленіе государства приложимо къ извѣстному общественному состоянію всѣхъ временъ и народовъ. Подъ понятіе сложнаго подвижного равновѣсія многообразныхъ интересовъ на почвѣ культурно-бытового единства подойдетъ римская республика и дуалистически парламентарная Англія, и монархическая Россія и деспотическая Турція. Политическій строй, формы управленія могутъ быть различными до прямой противуположности, но сущность, содержаніе основного понятія во всѣхъ случаяхъ останется безъ перемѣны и не выйдетъ изъ рамокъ представленія о равновѣсіи. Въ указанномъ отношеніи государство не исключаетъ даже формулировки его съ формальной юридической точки зрѣнія. Если признавать юридической нормой разграниченіе извѣстныхъ интересовъ, то государство окажется совокупностью, суммой всѣхъ юридическихъ нормъ, т. е. самимъ правомъ. Такой выводъ, однако, мало говоритъ и уму и сердцу.

Равнымъ образомъ государство, какъ состояніе равновѣсія интересовъ, лишается въ существѣ признака личности, не утрачивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего изъ понятія единства, т. е. нѣкотораго самостоятельнаго цѣлаго, способнаго на отчаянное сопротивленіе и противодѣйствіе въ ту минуту, когда какой-нибудь внѣшній фактъ разомъ поражаетъ всѣ интересы и грозитъ насильственнымъ разрушеніемъ ихъ естественнаго соотношенія. Конечно, чѣмъ большее количество интересовъ является признаннымъ въ государствѣ и потому чѣмъ большее число недѣлимыхъ заинтересовано въ сохраненіи извѣстнаго порядка, тѣмъ устойчивѣе и обезпеченнѣе то или другое государственное равновѣсіе извнѣ и изнутри.

Изъ даннаго опредѣленія государства легко можно вывести и тѣ внѣшніе признаки, которые сопутствуютъ реальному выраженію отвлеченнаго представленія объ общественномъ равновѣсіи, именно: признаки территоріи населенія, власти, правительственныхъ учрежденій. Для установленія мо-

мента замиренности интересовъ естественнымъ образомъ требуется существованіе налицо представителей послѣднихъ, ихъ субъектовъ единоличныхъ и групповыхъ, представляющихъ собой матерьяльный субстратъ отвлеченія, именуемый населеніемъ. Расчлененность и въ то-же время внѣшнее и внутреннее осязательное единство указаннаго субстрата служитъ его отличительными свойствами. Столь-же необходимымъ, конечно, является для бытія сложной системы человѣческихъ отношеній и опредѣленное пространство, въ предѣлахъ котораго имѣетъ мѣсто это расчлененное единство, вслѣдствіе чего мы сталкиваемся съ понятіемъ территоріи, замыкающейся въ свои естестественныя границы, когда ею охватывается кругъ пришедшихъ въ равновѣсіе сложныхъ многообразныхъ интересовъ извѣстнаго порядка.

Точно также не менѣе необходимымъ оказывается признакъ власти, всегда упоминаемый при формулировкѣ государства, но рѣдко опредѣляемой по существу.

Отмѣчая нѣчто, схваченное поверхностнымъ наблюденіемъ предмета, писатели формальнаго направленія не считаютъ нужнымъ вникать въ существо вопроса и довольствуются простымъ указаніемъ наличности нѣкотораго факта. Отсюда получаются опредѣленія государственной власти вродѣ слѣдующаго: «уже въ самомъ понятіи государства указана, какъ существенный его признакъ, необходимость власти повелѣвающей, устраивающей и приводящей свои рѣшенія въ исполненіе. Это и есть государственная власть *)», или «государственная власть есть сила, осуществляющая волю нѣкотораго лично-мыслимаго организма **)». Извѣстный Іерингъ сдѣлалъ уступку въ пользу позитивизма, формулировавъ государственную власть какъ независимо и принудительно организованную и объединенную общественную силу, зижду-

*) Моль. Энциклопедія государственныхъ наукъ, 82.

**) Gerber, Staatsrecht, 7.

щуюся на взаимной зависимости физической, экономической психической людей, составляющихъ общественный союзъ *).

Нужно сознаться, что гораздо общѣе формулировалъ власть широкій, точный и свѣтлый умъ, еще незамѣненнаго въ русской наукѣ Градовскаго. «Государственная власть, говоритъ онъ,—въ ея историческомъ развитіи должна быть разсматриваема какъ о с о б ы й, самостоятельный элементъ въ человѣческомъ обществѣ, элементъ, предполагающій раздѣленіе общественныхъ функцій, причемъ функціи политическія с о с р е д о т о ч и в а ю т с я в ъ о с о б о м ъ о р г а н и з м ѣ». Изъ приведенной выдержки видно, что покойный мыслитель различалъ власть только какъ особый элементъ общества, т. е. какъ особую самостоятельную силу, и пользованіе, распоряженіе этой силой со стороны особаго организма, который называется правительствомъ. Выводъ подобнаго рода въ значительной степени совпадаетъ съ опредѣленіемъ власти непосредственно, послѣдовательно вытекающимъ изъ пониманія государства, какъ сложнаго равновѣсія объединенныхъ культурой и бытомъ индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ.

Какъ мы старались доказать выше, государственное равновѣсіе достигается путемъ борьбы его составныхъ элементовъ и моментъ замиренія борющихся сторонъ наступаетъ тогда, когда дальнѣйшая борьба оказывается невозможной и общественныя отношенія пріобрѣтаютъ нѣкоторыя опредѣленныя устойчивыя формы. Интересы слабѣйшіе затираются, подавляются совершенно, сильнѣйшіе отвоевываютъ себѣ болѣе широкое признаніе, средніе довольствуются тѣснымъ кругомъ возможности осуществленія. Обыкновенно наступленіе такового момента не зависитъ отъ сознанія тѣхъ, кто дѣлается участникомъ новообразуемаго союза. Этотъ «общественный договоръ» возникаетъ въ силу молчаливаго соглашенія, обусловливаемаго сложившимися съ извѣстномъ порядкѣ о б с т о я т е л ь-

*) Цѣль въ правѣ I, 235.

ствами и равновѣсіе, независящее отъ единичной и даже групповой воли является для нея своего рода непреоборимымъ рокомъ. Въ обычныхъ условіяхъ всякій протестъ личности и даже извѣстной суммы ихъ безсиленъ произвести какое-бы то ни было измѣненіе въ установившейся системѣ житейскихъ отношеній, и всякая попытка такового протеста подавляется какъ-бы стихійно. Постепенно незыблимость основъ даннаго союза отвлекается въ представленіи его членовъ и создаетъ идею безплодности борьбы и необходимости безусловнаго подчиненія ему. Отсюда рождается представленіе о существованіи въ средѣ союза всепоглощающей, всеподчиняющей, неотразимой силы, именуемой государственной властью.

Прежде всего сознаніемъ этой неотразимости, конечно, пользуются въ своихъ цѣляхъ тѣ, кому въ системѣ объединенныхъ человѣческихъ отношеній, по волѣ судьбы, удалось занять преобладающее положеніе. Они стремятся закрѣпить во внѣшнихъ формахъ непроизвольно сложившійся порядокъ и выказываютъ склонность считать единичный интересъ своей группы за общегосударственный. Способнѣйшіе изъ представителей господствующихъ интересовъ принимаютъ мѣры къ ихъ наилучшему осуществленію и поскольку ихъ нужды со стороны культурно-бытовой совпадаютъ съ подобными-же нуждами остальныхъ составныхъ частей общественнаго союза, постольку дѣятельность этихъ немногихъ получаетъ дѣйствительно общегосударственный характеръ. Въ лицѣ дѣятелей указаннаго вида мы сталкиваемся съ первоначальнымъ понятіемъ правительства, а въ формахъ закрѣпленнаго равновѣсія интересовъ получаемъ государственный строй даннаго общества.

Законъ прогресса, т. е. неустанный переходъ одного простѣйшаго состоянія въ болѣе сложное, несомнѣнно, не останавливается на указанной стадіи развитія. Разумное правительство, встрѣчая нарожденіе новыхъ могущественныхъ интересовъ, старается избѣжать необходимыхъ предстоящихъ столкновеній, пользуется властью въ цѣляхъ чрезмѣрныхъ

ограниченій и той и другой стороны, и такимъ образомъ нечувствительно содѣйствуетъ перемѣщенію центра тяжести государственнаго равновѣсія. Неразумные руководители направляютъ власть на подавленіе вновь нарождающихся силъ и приводятъ государство къ потрясеніямъ или погибели.

Мы наблюдаемъ государство въ тотъ моментъ, когда вышеуказанная задача правительства уже ясно и опредѣленно сознана. Въ интересахъ здороваго состоянія общества современные правительственные дѣятели, хотя и выходящіе почти поголовно изъ «правящихъ классовъ», представляютъ всю совокупность жизненныхъ индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ своего отечества.

Но было-бы ошибочно предполагать, что этотъ взглядъ господствовалъ въ исторіи государства. Въ прошломъ мы знаемъ общественно-государственные союзы, гдѣ признавалось только три, четыре групповыхъ интереса, какъ напримѣръ въ политическихъ соединеніяхъ Индіи, Египта съ ихъ кастами, въ феодальномъ государствѣ съ его сословіями. Съ этой точки зрѣнія ошибоченъ, напримѣръ, взглядъ Гумпловича на государство, какъ на организованное господство людей надъ людьми на благо человѣчества. Если понятіе организованнаго господства людей надъ людьми входитъ какъ одинъ изъ элементовъ общества въ представленіе о немъ, то рядомъ съ этимъ признакъ благополучія человѣчества въ качествѣ заранѣе поставленной цѣли властвованія есть только отвлеченіе современнаго порядка вещей.

Продолжая ходъ нашихъ разсужденій, мы должны придти также къ тому заключенію, что государство, какъ состояніе, ничего не хочетъ, не должно и не можетъ. Проявленія духовной личности принадлежатъ индивиду въ его многообразныхъ групповыхъ соединеніяхъ и въ наши дни всесторонне отражаются европейскими правительствами, этими «общественными чувствилищами», объ отсутствіи которыхъ такъ жалѣлъ Спенсеръ.

Не смотря на успѣхи, которыхъ достигли современные правительственные организмы въ отношеніи уразумѣнія на нихъ лежащихъ задачъ прошедшее, однако, свидѣтельствуетъ намъ о существованіи нѣкоторыхъ специфическихъ свойствъ исторически смѣнявшихся типовъ «общественныхъ чувствилищъ», заставлявшихъ народы искать спасенія и защиты въ установленіи института монархіи, при господствѣ которой стремленіе къ обезпеченію интересовъ одной правящей семьи въ выгодахъ перевѣшивало таковое же стремленіе правящихъ классовъ, добивавшихся при посредствѣ правительствъ фактическое властвованіе надъ управляемыми усугубить оформленымъ, юридическимъ. Лоренцъ Штейнъ, наблюдая этотъ фактъ, пришелъ къ тому заключенію, что «нуженъ организмъ, который по природѣ своей не имѣлъ-бы никакого частнаго интереса, но былъ бы представителемъ каждаго частнаго лица; организмъ, который защищалъ бы интересы одного противъ интересовъ другого и содѣйствовалъ бы всѣмъ одинаково *). Знаменитый государствовѣдъ полагалъ, что таковой организмъ есть государство. Насколько ошибоченъ его взглядъ это ясно. Если организмъ, защищающій всѣ интересы государство, то, по стольку таковое существуетъ съ незапамятныхъ временъ, оно должно было всегда являться общимъ защитникомъ, чего на дѣлѣ мы не находимъ. Иначе, какъ мы видѣли, опредѣлилъ намъ существо предмета Градовскій, выдѣляя въ самомъ государствѣ мѣсто для особаго организма, спеціально упражняющаго функціи организующаго начала. Организмъ, распоряжающійся властью въ интересахъ всѣхъ признанныхъ и признаваемыхъ общественныхъ группъ мы называли бы, по слѣдамъ Градовскаго, современнымъ правительствомъ **), дѣятельность его—управленіемъ, искусство управленія—политикой.

*) System der Staatswissenschaft., t. II, 30.

**) Ср. Taine. La révolution. LI, 188. Oligarchique, monarchique ou aristocratique, la constitution n'est qu'une machine, bonne si elle atteint ce but (государст. интересъ), mauvaise si elle ne l'atteint pas, et qui, pour l'atteindre, doit, comme toute machine, varier sélon le terrain les matériaux et les circonstances.

Въ литературѣ, намъ кажется, еще до сихъ поръ царствуетъ давнишнее заблужденіе, кроющееся въ смѣшеніи въ одномъ понятіи государства и правительства. Долгое время мыслители, отвлекая идею государственнаго управленія, считали послѣднее государствомъ и потому говорили и даже говорятъ о цѣляхъ и задачахъ государственнаго союза, о правѣ его распоряженія личностью и имуществомъ гражданъ, о правѣ его на личное существованіе, объ отвѣтственности и проч. Намъ кажется также, что даже самый вопросъ о раздѣленіи общества и государства, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ возникъ вслѣдствіе вышеуказаннаго смѣшенія, и знаменитый индивидуализмъ Вильгельма Гумбольда, барона Этвеша, Лабуле и др., съ ихъ протестомъ противъ всепоглощающей опеки государства, его полицейской окраски, основанъ на томъ же самомъ заблужденіи и былъ направленъ не по надлежащему назначенію.

Мишенью ихъ нападокъ и доказательствъ служили не государства, какъ таковыя, а недостатки и несовершенства правительствъ, разработавшихъ и усвоившихъ наряду съ благими стремленіями просвѣщеннаго абсолютизма ужасные совѣты автора «Il principe».

Въ настоящее время европейскія правительства кореннымъ образомъ измѣнились: они раздвинули кругъ лицъ, допускаемыхъ къ отправленію функцій власти, съузили прежнюю безпредѣльную ширину своихъ задачъ, давъ большую свободу проявленію дѣятельности другихъ общественныхъ элементовъ. Предоставленные самимъ себѣ послѣдніе однако опять пришли въ состояніе другъ другу враждебнаго броженія и опять послышались нападки на государство (читай правительство), на его безразличность, на преданность формулѣ laissez faire, laissez passer и требованіе пользованія врученной властью для укрощенія строптивыхъ и насажденія надлежащаго порядка. Въ общемъ такимъ образомъ получилось стремленіе вернуться ко временамъ по меньшей мѣрѣ полицейскаго государства.

Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи соціализмъ, являю-

щійся главнымъ сторонникомъ чрезвычайныхъ полномочій государства и требующій отъ него вмѣшательства чуть ли не во всѣ области общественной жизни, какъ указываютъ Спенсеръ и Тэнъ *), далеко не прогрессивное ученіе, и его созидательныя свойства, обличеніе дѣйствительныхъ крайностей въ тенденціяхъ правительствъ, вдавшихся въ безразличіе относительно нѣкоторыхъ назрѣвшихъ вопросовъ, мало искупаютъ наличность другихъ разрушительныхъ. Несомнѣнно, что въ наше время созрѣло и вошло въ силу значительное количество новыхъ групповыхъ интересовъ, настойчиво добивающихся признанія и долженствующихъ получить таковое со стороны правительства и господствующихъ классовъ, но осуществленіе ихъ сопряжено ли съ необходимостью коренного измѣненія существующихъ системъ государственнаго равновѣсія, достигнутыхъ съ такой безмѣрной затратой физическаго и духовнаго труда? Какъ справедливо говоритъ Тэнъ: «логическое созданіе упрощеннаго типа человѣчества, усиліе подвести этотъ типъ живого человѣка, вмѣшательство правительственной власти во всѣ отрасли общественныхъ предпріятій, стѣсненіе труда, торговли, пользованья собственностью, наложенія путъ на семью и воспитаніе, на вѣрованья, на нравы и обычаи, на самое чувство, принесеніе въ жертву общинѣ отдѣльной личности—есть якобинская теорія. Нельзя себѣ представить ничего ретроградиѣе подобной теоріи, такъ какъ цѣль ея вернуть новаго человѣка къ общественнымъ формамъ, сквозь которыя человѣчество уже прошло, оставивъ ихъ позади себя тому назадъ восемнадцать вѣковъ» **).

Знаменитый французскій историкъ небезосновательно полагаетъ, что мечтанія соціализма подобны мечтаніямъ якобинцевъ, рисовавшихъ европейцу конца восемнадцатаго вѣка идеалъ государственнаго устройства желѣзнаго Рима и каменной

*) Спенсеръ. Грядущее рабство. Тэнъ. Соціализмъ какъ правительство.
**) Указанное сочиненіе. I.

Спарты, когда весь народъ былъ правительствомъ и понятіе личности не только подавлялось, но поглощалось государствомъ. Такой порядокъ, превращавшій весь народъ въ тотъ правительственный организмъ, который долженъ быть лишь элементомъ, одной изъ группъ общества, получалъ возможность существованія въ классическихъ государствахъ потому, что за группой только правящихъ куда входили всѣ полноправные граждане, стояли массы рабовъ и несвободныхъ, образовывавшихъ собою остальныя общественныя группы.

Съ тѣхъ поръ системы государственнаго равновѣсія много разъ мѣнялись, пока не пришли наконецъ въ современное положеніе. Весь народъ въ наши дни не можетъ быть правительствомъ; для того ему не хватаетъ досуга, имѣвшагося въ изобиліи у гражданъ римскаго форума или аѳинской и спартанской агоры. Современныя общественныя группы добиваются только того, чтобы сила государственнаго равновѣсія равнымъ образомъ служила интересамъ всего населенія, а не одной какой-либо его части, каковое положеніе вещей удачно формулировано С. Жирономъ въ словахъ: «народъ имѣетъ право быть хорошо управляемымъ».

Правительство выдѣляется въ особую организованную группу самимъ обществомъ изъ его среды изъ числа тѣхъ людей, которые имѣютъ такое-же призваніе къ искусству политики, какъ другіе къ наукамъ, ремесламъ или художествамъ. Но оцѣнка дѣятельности правительственной группы производится суммой отзывовъ о ней со стороны остальныхъ ею представляемыхъ, иначе говоря общественнымъ мнѣніемъ. Того момента, когда силой принужденія будутъ распоряжаться всѣ граждане и слѣдовательно власть потеряетъ свой принудительный характеръ, мы не можемъ ожидать въ будущемъ, а тѣмъ болѣе требовать въ настоящемъ. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ конечно о дѣйствительномъ распоряженіи властью, а не о томъ отвлеченномъ правѣ на него, которое именуется суверенитетомъ. Въ государствѣ нашихъ дней каждый гражда-

нинъ въ идеѣ можетъ изъ своей группы перейти въ правительственную, но безъ всякаго сомнѣнія не каждый считаетъ переходъ такого рода желательнымъ для себя и удобнымъ. Членъ современнаго государственнаго союза по главному правилу требуетъ себѣ свободы осуществленія его насущныхъ интересовъ и увѣренности въ хорошемъ управленіи, остальное-же—политику предоставляетъ какъ одинъ изъ видовъ профессій людямъ спеціальнаго призванія. Отсюда явствуетъ, между прочимъ, что и спутницу ученій соціализма, теорію, такъ называемаго, идеальнаго безначалія, т. е. такого состоянія, когда весь народъ реально причастенъ ко власти въ смыслѣ пользованія для нуждъ государства, мы должны искать только въ прошедшемъ.

Идеальное безначаліе въ отношеніи организаціи правительства въ будущемъ—утопія, въ отношеніи системы государственнаго равновѣсія—non sens. Намъ, конечно, нѣтъ никакой возможности предугадать и предопредѣлить всѣ формы, которыя впослѣдствіи приметъ организмъ правительства со связанными съ нимъ учрежденіями и всѣ послѣдующія измѣненія современнаго государственнаго равновѣсія; но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что организованная группа управляющихъ (общественное чувствилище) всегда будетъ въ томъ или другомъ видѣ существовать въ развитыхъ обществахъ и что равновѣсіе разнообразно сложившихся по группамъ человѣческихъ отношеній всегда будетъ подчинять себѣ индивида и простѣйшія составныя части государства, т. е. никогда не потеряетъ своихъ принудительныхъ свойствъ.

Мы можемъ согласиться съ Дюрингомъ *), что будущій мыслимый строй государственнаго порядка впослѣдствіи вѣроятно обопрется на безусловное благожелательно-добровольное повиновеніе гражданъ велѣніямъ власти которая устранитъ свой внѣшній принудительный характеръ, но несомнѣн-

*) Курсъ національной и соціальной экономіи.

но вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ глубинѣ этого повиновенія всегда, по прежнему, будетъ лежать сознаніе непреоборимости основъ, сложившагося независимо отъ воли человѣка равновѣсія личныхъ и групповыхъ интересовъ, равновѣсія, устойчивость котораго становится тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ оно групповымъ запросамъ общественныхъ элементовъ.

Равнымъ образомъ между прочимъ намъ трудно согласиться съ высказанной въ русской литературѣ теоріей государства, какъ юридическаго отношенія всѣхъ подданныхъ къ власти. Какъ это ни странно покажется съ перваго взгляда, но формально-юридическая теорія государства въ такомъ видѣ несомненно есть отзвукъ идей коммунизма, перенесенныхъ въ область государственнаго права и политики. Вышеприведенныя разсужденія относительно безосновательности идеальнаго безначалія вполнѣ приложимы и къ содержанію названнаго юридическаго ученія о государствѣ. Власть упражняетъ правительство, которымъ не можетъ быть весь народъ. Распоряженіе властью ни въ одномъ государствѣ, кромѣ отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки и нѣкоторыхъ республикъ Швейцарскаго союза да и то только въ извѣстной степени, не принадлежитъ всѣмъ подданнымъ иначе какъ потенціально и реальное общинное обладаніе властью есть не что иное какъ дальнѣйшее развитіе той многосторонней утопіи, во имя которой Прудонъ отрицалъ политическую экономію и науку государственнаго и международнаго права *).

Что-же касается сувокупнаго значенія всѣхъ вышеупомянутыхъ теорій, говорящихъ объ обществѣ и государствѣ, о ихъ правахъ и обязанностяхъ, то въ итогѣ приходится признать въ нихъ наличность ошибки въ основахъ сужденія. Тѣмъ не менѣе, наука государственнаго права не можетъ не считаться съ

*) Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, t. I. 5. «Les théories de droit public et international, avec toutes les variétés de gouvernement représentatif, sont encore fausses, puisq'elles reposent sur le principe de l'appropriation individuell».

ними, какъ со своеобразными попытками исканія истины, которое всегда сопряжено съ неизбѣжными при такихъ обстоятельствахъ заблужденіями и ошибками.

ГЛАВА II.

§ 1. Романизмъ и эллинизмъ.

Если съ воззрѣніемъ на государство, какъ на систему сложнаго подвижнаго равновѣсія представляемыхъ политическими партіями индивидуальныхъ и групповыхъ расчленяющихъ общество интересовъ, объединенныхъ общностью культуры и быта, приступить къ изученію государственнаго строя Византійской имперіи, то прежде всего придется столкнуться съ тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что большинство общественныхъ элементовъ Византіи, какъ политическаго тѣла, сложилось гораздо ранѣе формальнаго раздѣла Римской державы на двѣ части.

Со смертью Ѳеодосія Римская имперія оффиціально распалась на востокъ и западъ съ двумя самостоятельными государями во главѣ этихъ послѣднихъ. Но, несмотря на существованіе подобной формальной даты возникновенія новаго государства, было-бы заблужденіемъ думать, что оно явилось на свѣтъ Божій во всеоружіи внезапно, подобно Минервѣ изъ головы Зевса. Наоборотъ, не впадая въ преувеличенія, должно сказать, что съ воцареніемъ на востокѣ слабоумнаго Аркадія формально закрѣпилось положеніе вещей, существовавшее и возникшее задолго до наступленія момента его формальнаго признанія.

Востокъ и западъ различались не только по своей политической организаціи: въ нихъ были несходственны, даже болѣе того, прямо противуположны общественные интересы, ихъ группировка, вкусы, склонности, вѣрованія, убѣжденія, языкъ, происхожденіе, словомъ все, что составляетъ матеріалъ самобытныхъ государственныхъ соединеній. Востокъ и западъ яв-

лялись представителями двухъ культуръ, выражающихся въ понятіяхъ романизма и эллинизма. Въ чемъ состоитъ различіе двухъ названныхъ культурныхъ началъ, въ настоящее время болѣе или менѣе выяснено.

Со словомъ романизмъ въ нашемъ воображеніи тотчасъ-же возникаетъ картина римской цивилизаціи съ ея преобладаніемъ тѣла надъ духомъ, подражательнымъ искусствомъ, литературой, наукой, но самостоятельнымъ складомъ общественно-политическаго устройства, вооруженнаго безчеловѣчіемъ и жестокостью отечественнаго генія власти.

Территоріальныя увеличенія были задачею римлянъ, стремившихся во что-бы то ни стало осуществить идею мірового господства и проводившихъ ее съ удивительной послѣдовательностью. Всѣ свои силы этотъ народъ, призванный явить собой олицетвореніе насилія во всѣхъ видахъ его, потратилъ на разработку формальнаго права и на созданіе формъ закрѣпленія разъ сложившагося порядка государственнаго равновѣсія. Поглощенный одной мыслью, одной заботой, Римъ презиралъ торговлю, промышленность, земледѣліе, науку, искусство, инстинктивно чувствуя, что эти по общему правилу творческія начала по своимъ мирнымъ свойствамъ представляютъ начало разъѣдающее для той воинской, по выраженію Спенсера, организаціи государства, которую навсегда старался удержать народъ-солдатъ. Salus reipublicae suprema lex esto, гласилъ римскій девизъ, на каждомъ шагу реализируемый примѣрами вольнаго и невольнаго принесенія личности и слабой группы въ жертву односторонне понятому общему интересу. Подчиненіе характеризовалъ собой общественный складъ Рима. Сынъ безусловно подчинялся отцу, отецъ политическому начальнику, начальникъ выше надъ нимъ стоящему органу власти, послѣдній центральному правительству, преклонявшемуся въ свою очередь передъ отвлеченнымъ salus reipublicae. Это былъ порядокъ лагеря, перенесенный въ общественныя отношенія. Народу господину должны подчиняться народы-рабы.

Творчество перваго вылилось въ созданіе сложной политической системы, долженствовавшей многообразными и подчасъ съ виду совершенно различными средствами провести въ жизнь идеалъ государственнаго сосуществованія. Авторъ, посвятившій цѣлую книгу изслѣдованію судебъ романизма въ чистомъ и смѣшанномъ видѣ, пытается извлечь изъ массы историческихъ фактовъ основныя положенія римской политики, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: 1) допущеніе самой изысканной хитрости тамъ, гдѣ не хватало грубой силы или непосредственное ея примѣненіе было неудобно; 2) проникновеніе подъ видомъ помощи, дружбы, сочувствія, покровительства во внутреннія дѣла всякаго народа и постепенное незамѣтное подчиненіе его указанными средствами; 3) внушеніе всѣмъ подвластнымъ мысли о томъ, что римское правительство общій защитникъ, единственный третейскій безпристрастный и безкорыстный, гуманнѣйшій судья; 4) удержаніе покоренныхъ народовъ въ качествѣ страдательныхъ орудій дальнѣйшихъ римскихъ завоеваній; 5) стремленіе всѣ проявленія человѣческаго духа, способностей и природы обратить въ средства преднамѣченныхъ цѣлей *).

Политическому мыслителю, писавшему комментаріи на первыя книги Тита Ливія, въ цѣляхъ извлеченія оттуда совѣтовъ правительственной мудрости для флорентійскихъ тирановъ, дѣянія Рима представляли богатѣйшій матеріалъ потребнаго качества. Романизмъ, какъ совокупность политическихъ принциповъ, можно раздѣлить на два главнѣйшіе фазиса развитія, изъ которыхъ первый есть романизмъ языческій по содержанію и по формѣ, второй—романизмъ языческій по существу, но христіанскій по внѣшности **). Чтоже касается его внутреннихъ свойствъ, то оба фазиса обладали ими въ одинаковой

*) Pitzipios. Le romanisme, 3.
**) Pitzipios. Le romanisme, 25.

мѣрѣ. И въ языческую и въ христіанскую эпоху отличительными чертами служило все тоже стремленіе къ міровому господству, неразборчивость въ выборѣ средствъ достиженія намѣченной цѣли, крайнее себялюбіе, произволъ и проч. Въ древности романизмъ воплощался въ дѣятельности римскаго правительства, сената, народа и императоровъ; въ средніе вѣка и болѣе новое время въ возвышеніи папскаго престола.

Романизмъ по внутреннему содержанію своему слишкомъ незамысловатъ, чтобы на немъ надо было долго останавливаться. Съ внѣшней же стороны въ отношеніи формъ, кажется, ни одна культура не подверглась такой полной научной разработкѣ, какъ римская и потому всѣмъ извѣстна въ достаточной степени.

Что же касается эллинизма, то въ немъ мы должны признать явленіе болѣе сложнаго порядка, нежели тотъ, котораго только что пришлось коснуться.

«Грецiя, говоритъ Шерръ *), была страна свободы, гуманности и красоты. Здѣсь человѣчество достигло высшей степени процвѣтанія, какая только возможна была при условіяхъ древней жизни; здѣсь все благопріятствовало гармоническому развитію человѣческаго организма и сдѣланъ былъ удачный опытъ—построить всю жизнь художественнымъ образомъ». При обрисовкѣ качествъ греческаго духа, конечно, нельзя останавливаться исключительно на его стремленіи къ прекрасному, но съ другой стороны нельзя не видѣть, что таковое стремленіе опредѣлило собою весь ходъ эллинской цивилизаціи въ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Божественное и прекрасное были до извѣстной степени понятіями равнозначущими въ представленіи древняго грека. Бога онъ еще не постигалъ отвлеченно и видѣлъ его близко передъ собой въ той-же тѣлесной человѣческой оболочкѣ, но болѣе совершеннаго образца.

Эта близость къ божеству послужила творческимъ началомъ

*) Всеобщая исторія литературы, 70.

въ созданіи греческой религіи эпоса, драмы, лирики, скульптуры и даже философіи. «Нравственная философія, замѣчаетъ Жане, началась въ Греціи вмѣстѣ съ поэзіей»... Въ самомъ дѣлѣ у Гомера встрѣчаются самыя высокія понятія объ отношеніяхъ Бога и человѣка... У Гомера же мы можемъ найти родъ политическаго ученія, гласящаго, что царская власть происходитъ отъ Зевса, что она подобна отеческой, безгранична въ исполненіи своей высшей задачи осуществленія блага народа. Цари, находящіеся въ нѣкоторомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ божествомъ и потому зовутся его сынами, питомцами (διογενεῖς, διοτρεφεῖς), многіе изъ нихъ, герои, считаются прямымъ родствомъ съ богами и дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ послѣднихъ.

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей Греціи, Платонъ, въ своей философской системѣ развилъ и дополнилъ зачатки ученій, возникшихъ въ незапамятныя времена сложенія греческаго эпоса и безымянныхъ лирическо-дидактическихъ отрывковъ. Въ нихъ, между прочимъ, мы должны видѣть источникъ его представленій о мудрецѣ, какъ лучшемъ правителѣ государства, постоянно созерцающемъ божественную истину. Въ философіи Платона поэтому мы можемъ видѣть типичный образецъ поэтически-мечтательнаго греческаго генія, который, съ одной стороны, въ идеальномъ находитъ реальное, съ другой—наоборотъ, въ реальномъ идеальное. Отсюда получилась разносторонность эллинскаго духа, допустившаго безъ нарушенія внутренняго тождества сосуществованіе ученій двухъ кажущихся противуположностей—учителя Платона и ученика Аристотеля.

Эллинизмъ имѣетъ своихъ двухъ даровитыхъ и глубоко-знающихъ историковъ: Папарригопуло и Дройзена; изъ нихъ первый болѣе останавливается на выясненіи внутренняго содержанія названнаго начала, второй интересуется, главнымъ образомъ, его завоевательнымъ движеніемъ въ древнемъ мірѣ.

Папарригопуло *) указываетъ на національныя черты греческой народности, на преданность семейному очагу, на высокое положеніе женщины въ семьѣ, крѣпость узъ дружбы, гостепріимство, сознаніе общенароднаго единства, мягкость рабства, свободное подчиненіе власти, развитое самоуправленіе, художественность духовной природы.

Грецiя вплоть до самаго покоренія ея территоріи римскими легіонами, какъ извѣстно, не представляла собой одного централизованнаго государства; наоборотъ, греческое индивидуалистическое единство основывалось прежде всего на единствѣ культурно-бытовыхъ условій; политическая связь многочисленныхъ городовъ была очень слаба въ организаціонномъ отношеніи и носила на себѣ международноправовой отпечатокъ. Въ мирное время національное чувство, обнаруживавшееся только въ постоянномъ общеніи, амфиктіоніяхъ и олимпійскихъ играхъ, оказывалось во всей силѣ въ минуты вооруженной борьбы съ врагомъ. Передъ общей опасностью забывались мелкіе счеты, дрязги, узкій индивидуализмъ и греческая народность являлась сплоченнымъ могучимъ цѣлымъ. Греки въ количественномъ отношеніи были незначительной горстью, сравнительно съ несмѣтными персидскими полчищами, и между тѣмъ они съ честью выдерживали двухсотлѣтнюю борьбу съ врагомъ, закончившуюся полнѣйшимъ разгромленіемъ персидскаго царства Александромъ Македонскимъ.

«Исторія, говоритъ Дройзенъ по поводу пораженія Дарія, не знаетъ другого столь изумительнаго по своему характеру событія; никогда, ни раньше, ни послѣ, такому небольшому народу не удавалось такъ скоро и такъ полно ниспровергнуть господство такого исполинскаго государства и на мѣстѣ разрушеннаго зданія создать новыя формы государственной народной жизни» **). Конечно, трудно предполагать, что-

*) Histoire de la civilisation hellénique, 5 и слѣд.

**) Исторія эллинизма, I, 1.

бы маленькій греческій мірокъ почерпнулъ необходимыя для совершеннаго имъ гигантскаго подвига силы только въ воинской отвагѣ. Лѣтописи Рима свидѣтельствуютъ, что оружіемъ можно разрушать и поддерживать, но не творить. Творческимъ началомъ въ рукахъ греческой народности была ея цивилизація, созданная не воинственной и грубой Спартой, но мирными и утонченными Аѳинами, «гдѣ мужи были стройны, женщины прекрасно опоясаны, корабли быстры и богатства безчисленны».

Внутренняя раздробленность мирнаго времени требовала установленія союзныхъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, подъ начальствомъ какого-либо одного государства; изъ этой потребности создался институтъ гегемоніи, послѣ долгой борьбы въ концѣ концовъ все-таки перешедшей Аѳинамъ, вслѣдствіе признанія ихъ духовнаго превосходства. Греція до Александра Македонскаго не вела завоевательныхъ войнъ; она только оборонялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ она подчиняла себѣ кругъ извѣстныхъ древнему міру земель путемъ мирнаго завоеванія своей культурой.

Со временъ Гомера до македонскаго владычества греческая народность претерпѣла много превратностей судьбы, но основы ея самосознанія въ общемъ остались все тѣ-же, какими они были въ эпоху царей и героевъ. Увѣренность въ своихъ силахъ, гуманность, индивидуализмъ, способный, однако, подчиниться единоличной власти, берущей на себя обязанность наилучшаго осуществленія ей постороннихъ интересовъ, крѣпость семейнаго начала, уваженіе къ знанію, искусству, уму и таланту, предпріимчивость, трудолюбіе, стойкость не измѣнили эллинскому естеству и слились въ совокупное понятіе эллинизма.

§ 2. Эллинизація востока и восточный эллинизмъ.

Греческая цивилизація сложилась и развилась въ Европѣ на оконечности того обширнаго послуострова, который назы-

вается Балканскимъ. Первое время она являлась замкнутой на материкѣ, будучи съ одной стороны отдѣленной отъ варварскаго міра горами, съ другой водными пространствами. Послѣднія, впрочемъ, съ развитіемъ мореплаванья не могли служить надолго преградою къ сообщенію съ народами Италіи и малоазіатскаго материка. Разросшееся населеніе Греціи потеряло съ теченіемъ времени возможность группироваться въ предѣлахъ отечества и было вынуждено къ колонизаціи ближайшихъ земель. Переселенцы двинулись по двумъ направленіямъ, на западъ и на востокъ. Греческія колоніи на западѣ образовали великую Грецію Аппенинскаго полуострова, на востокѣ—среднія малоазіатскія и іоническія колоніи.

Движеніе на востокъ, однако, получило преобладающее значеніе. Какъ остроумно замѣтилъ Дройзенъ *), востокъ почему-то всегда особенно прельщалъ и поражалъ воображеніе грековъ. Во многихъ миѳахъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ мысль греческаго рапсода неизмѣнно обращается къ востоку. Оттуда похищаетъ Зевсъ сидонскую царевну, туда бѣжитъ Іо для того, чтобы обнять эллинскаго бога, отстраняемаго въ родной странѣ ревностью Геры; на златорунномъ баранѣ на востокъ хочетъ ѣхать Гелла, туда-же направляется походъ аргонавтовъ; съ цѣлью мщенія за обиду Агамемнона, греческіе цари плывутъ изъ Авлиды въ Азію. Даже первые проблески своей культуры греки приписывали воздѣйствію востока: такъ по древнимъ сказаніямъ выходецъ изъ Египта Кекропсъ соединилъ жителей Аттики въ одинъ народъ, научилъ ихъ воздѣлывать оливки, установилъ брачные обряды, судилище Ареопагъ и мн. др. Изъ Египта-же прибылъ Данай, изъ Финикіи явился Кадмъ, передавшій ѳивянамъ письменное искусство, музыку и умѣнье добывать руду.

За миѳами и эпическими поэтами свидѣтельствуютъ о неодержимомъ стремленіи на востокъ историческіе факты. По-

*) Исторія эллинизма, I, 3.

степенно разроставшаяся колонизація заселила почти все побережье Чернаго моря, отъ устоевъ Пропонтиды до подножія Кавказа, африканскій берегъ около Сирта, внутреннія части Малой Азіи. Завоеванія, успѣхи оружія Александра Македонскаго усилили эмиграцію на востокѣ, но изъ простого переселенческаго движенія послѣдняя превратилась, говоритъ Папарригопуло *), въ настоящій неудержимый потокъ греческой народности при наслѣдникахъ побѣдителя Дарія. Греки начали передвигаться въ Малую Азію, въ Сирію, въ Египетъ цѣлыми массами. Въ эпоху птоломеевъ и селевкидовъ въ этихъ мѣстностяхъ оффиціально насчитывалось до двухсотъ новыхъ поселеній, среди которыхъ многія стали на степень чрезвычайно значительныхъ и цвѣтущихъ городовъ древности. Такъ напримѣръ, Селевкія на Тигрѣ, вмѣщала въ себѣ шестьсотъ тысячъ жителей, Антіохія дафнійская, тетраполь, т. е. городъ, состоящій изъ четырехъ частей съ самостоятельными укрѣпленіями, объединенными общей стѣной, занимала окружность около шестнадцати тысячъ метровъ и населеніемъ равнялась Александріи, гдѣ, по Страбону, обитало около восьмисотъ тысячъ душъ.

Конечно, среди многотысячнаго населенія важнѣйшихъ городовъ эллинскаго востока имѣлось значительное число туземцевъ и лицъ, происходившихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, но вліяніе принесенной пришельцами культуры было на столько велико, что не только смѣшанныя поколѣнія сохраняли духовный греческій обликъ, но его принимали и аборигены. Помимо того, эллинскій элементъ преобладалъ численностью. Согласно свидѣтельству Малалы, Антіохія дафнійская при своемъ основаніи состояла изъ аѳинянъ, македонянъ, критянъ и кипріотовъ. Никомедія почти цѣликомъ была греческимъ городомъ не только по культурѣ, но и по племенному составу. Страбонъ сохранилъ извѣстіе, что Тигранъ основалъ Тигранокерту и перевелъ туда населеніе двѣнадцати разрушенныхъ гре-

*) Histoire de la civilisation hellénique, 73 и слѣд.

ческихъ городовъ. Филострать характеризуетъ Евсевію близь Тавра какъ греческій городъ. Въ царствѣ Пергама Филадельфія получила прозвище «малыхъ Аѳинъ».

Греки, переселяясь въ страны востока, переносили съ собой языкъ, вѣрованья, обычаи, политическія учрежденія, словомъ, весь складъ отечественной жизни. Между прочимъ, каждый изъ вновь образовываемыхъ городовъ заводилъ свой «демосъ», свою «герусію», «архонтовъ», «стратеговъ». Большинство изъ нихъ, какъ напримѣръ, Сизика, Магнезія, Никея, Пергамъ, Ефесъ, Смирна, Тарсъ, Атталія, Антіохія, Александрія и мн. др. соблюдали родной обычай устроенія общихъ игръ по образцу олимпійскихъ. Верховные властители не стѣсняли проявленій греческой самостоятельности и самобытности даже въ государственномъ отношеніи. Нѣкоторые изъ эллинскихъ городовъ добивались полнѣйшей независимости и выбирали правителей по личному усмотрѣнію подъ именемъ тирановъ, монарховъ, царей; большинство пользовалось только обширными привилегіями, какъ напримѣръ «священнымъ правомъ убѣжища», «автономіей и свободой», правомъ зваться метрополей. Таковыми были Антіохія — автономная метрополія, Селевкія — священная и автономная, Лаодикея приморская — священная съ правомъ убѣжища. Каждый греческій городъ въ Малой Азіи, въ особенности во владѣніяхъ Селевкидовъ, велъ свое лѣтосчисленіе, имѣлъ свою монетную систему аѳинскаго образца. Всѣ эллинскія поселенія постоянно сознавали свое племенное и духовное единство, выражая его внѣшнимъ осязательнымъ образомъ въ родственныхъ названіяхъ греческихъ общинъ. Такъ напримѣръ, Антіохія дафнійская, Селевкія, Лаодикея и Апамея назывались по Страбону «сестрами», по медалямъ «братскими димами». Многія объединялись болѣе дѣйствительными связями, складывались въ конфедераціи и образовывали τὰ κοινά, политическіе союзы по образцу ахейскаго, этолійскаго и беотійскаго *).

*) Подробности см. у Дройзена, т. III, 22 и слѣд., въ особенности примѣчанія, стр. 4 и слѣд.

Греческая цивилизація, осѣвшая сперва въ городахъ, мало по малу подчинила себѣ и деревни при сильной помощи со стороны администраціи Птоломеевъ и Селевкидовъ, подражавшихъ въ своихъ учрежденіяхъ Элладѣ. Такъ армія прежде всего была сформирована по греческому типу, и всѣ важнѣйшія должности въ ней были поручены грекамъ; греческій языкъ царствовалъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ дѣловыхъ оффиціальныхъ бумагахъ; греческіе боги были допущены болѣе чѣмъ на равныхъ правахъ въ мѣстныя святилища; при чемъ получилась нѣкоторая амальгамація обрядовъ съ явнымъ предпочтеніемъ въ пользу эллиновъ. Между прочимъ послѣдовало сліяніе культа Сераписа съ культомъ Зевса Гадеса, Изиды съ Деметрой; вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ особый культъ царя, который въ Птолемаидѣ и Ѳивахъ обожался рядомъ съ богомъ Аммономъ-Расанферомъ какъ σύνναοι θεοί*).

Птоломеи и Селевкиды поощряли всѣми мѣрами греческую науку и литературу. Восточные народы безъ принужденія подчинялись вліянію греческой цивилизаціи. Даже евреи, не поступившіеся только религіозными убѣжденіями, восприняли эллинскую культуру и въ извѣстной степени усвоили себѣ самый греческій языкъ.

Всѣ свойства греческаго духа получили возможность широкаго развитія въ новомъ восточномъ отечествѣ; между прочимъ сильно пошло впередъ мореплаванье, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и торговля. Главнѣйшіе города Египта и Малой Азіи стали выдающимися торговыми центрами, гдѣ сходились товары Индіи, Аравіи, Эѳіопіи, Персіи. Величественныя гидротехническія сооруженія остались памятниками предпріимчивости той замѣчательной эпохи. Подъ владычествомъ Птоломеевъ достигло высшей ступени процвѣтаніе греческой науки во всѣхъ ея тогда извѣстныхъ многообразныхъ отрасляхъ.

Средоточіемъ грековосточной образованности четвертаго вѣка

*) Ibid. 29.

сдѣлалась Александрія, съ ея громаднымъ просвѣтительнымъ государственнымъ учрежденіемъ — музеемъ, силою вещей превратившимся въ академію наукъ и въ университетъ. Факты, касающіеся положенія александрійскаго Музея, хорошо извѣстны для того, чтобы требовалось на нихъ останавливаться. Библіотека его заключала въ себѣ около семисотъ тысячъ томовъ; въ него стекались лучшія научныя силы того времени, у которыхъ почерпало свѣдѣнія не менѣе четырнадцати тысячъ слушателей. Въ Музеѣ подъ одной крышей были собраны геометры, механики, астрономы, инженеры, грамматики, риторы, историки, медики и проч. Въ немъ имѣлись всѣ необходимыя данныя и приспособленія, какъ для разработки точной науки, такъ и для упражненія легкой литературы. Въ Музеѣ Эратосѳенъ измѣрялъ величину земли и составлялъ каталогъ неподвижныхъ звѣздъ; Аристархъ пытался опредѣлить разстояніе отъ земли до солнца; Птоломей въ своемъ «Альмагестѣ» строилъ систему движенія небесныхъ тѣлъ; семьдесять толковниковъ переводили на греческій языкъ Ветхій Завѣтъ; Ѳеокритъ писалъ буколики; Плотинъ проповѣдывалъ неоплатонизмъ; Аппіанъ и Геродіанъ излагали исторію *). Въ Элладѣ греческая мысль была сжата тѣснотой территоріи и шла постоянно въ глубь. Со временъ похода Александра и путешествія на востокъ ученика Аристотеля Калисѳена, пересаженная на новую почву, она раздалась въ ширь и надолго предопредѣлила ходъ будущаго общеевропейскаго умственнаго прогресса.

Но придя въ соприкосновеніе съ болѣе слабой, но за то болѣе древней вдумчивой мистической цивилизаціей востока, греческая народность, оказывая вліяніе на первую, въ свою очередь не могла въ извѣстной степени не подпасть подъ ея воздѣйствіе.

*) Paparrigopoulo. Histoire de la civilisation hellénique, 70 и слѣд.; Nicolai, Geschichte der gesammten griechischen Literatur — указанія разбросаны. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, 154 и слѣд.

Пытливый умъ жизнерадостнаго грека, создавшій прекраснѣйшіе образы тѣлесной красоты, взиравшій на божество съ чисто человѣческой точки зрѣнія, долгое время увлекавшійся болѣе внѣшностью нежели содержаніемъ, при первыхъ столкновеніяхъ съ востокомъ сталъ лицомъ къ лицу съ совершенно инымъ міросозерцаніемъ и пониманіемъ вещей. Греки упражняли культъ тѣла, востокъ стремился постигнуть духъ. Для грека все окружающее, управляемое волей боговъ, о сокровеннѣйшихъ подробностяхъ жизни которыхъ самъ человѣкъ былъ вполнѣ освѣдомленъ, казалось очень яснымъ и простымъ. Для обитателя востока видимый міръ представлялся только неполнымъ отраженіемъ сокровеннаго порядка, постигаемаго лишь созерцаніемъ и откровеніемъ. Эллинъ даже самое небо, какъ обиталище боговъ, помѣщалъ на землѣ, на горкѣ, неподалеку отъ собственнаго жилища, въ то время, какъ персъ, еврей, индусъ, переносились его въ невѣдомыя области заоблачной тверди.

Въ первоначальномъ творчествѣ греческаго генія отразилась нѣкоторая разсудочно-близорукая поверхностность быстро схватывающаго и быстро обобщающаго взгляда. Эллинъ героическаго періода, при всей одаренности своей природы, черезчуръ скоро приходилъ къ конечному выводу и соединенному съ нимъ душевному успокоенію. Въ немъ было мало развито то ничѣмъ неутолимое исканіе истины, которое свойственно глубоковдумчивому уму, и съ этой стороны столкновеніе съ противуположными свойствами ума востока оказало на него самое благотворное вліяніе.

Мистически настроенный, увлеченный полетомъ ничѣмъ несдерживаемаго воображенія, востокъ конечно не былъ въ состояніи дать греческому міру большого запаса положительнаго знанія, хотя достовѣрно извѣстно, что халдеи обладали значительными свѣдѣніями по астрономіи, египтяне по механикѣ и строительному искусству, но за то онъ сообщилъ сильный толчокъ односторонней эллинской мысли доисторической эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, знаменательнымъ явленіемъ представляется то обстоятельство, что греческая философія впервые зародилась не въ метрополіи, а въ колоніи и притомъ малоазійской. Мыслитель, положившій краеугольный камень зданію эллинской отвлеченной мудрости, Ѳалесъ, родился въ Милетѣ. Оттуда же происходилъ родомъ его ученикъ Анаксименъ и учитель противуположной школы Анаксимандръ. Древніе писатели приписываютъ Пиѳагору путешествіе на востокъ и указываютъ на заимствованіе имъ оттуда основъ своего ученія. Малоазійскаго происхожденія были Ксенофанъ, Парменидъ, Зенонъ, Гераклитъ, Анаксагоръ, Демокритъ и многіе другіе, причемъ Демокритъ разстратилъ на путешествія по востоку все состояніе и съ гордостью говорилъ: «я посѣтилъ много климатовъ и странъ, слушалъ опытнѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей; въ вычисленіяхъ линейныхъ никто не превзошелъ меня, не исключая египтянъ, у которыхъ я прожилъ пять лѣтъ» *).

Іонійская и элеатская школы непосредственно отразили въ себѣ восточное исканье истины и желаніе проникнуть въ таинства естества міра и его Зиждителя. Общая безрезультатность такого рода попытокъ вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, реакцію, выразившуюся въ отрицательной философіи софистовъ, выставившихъ древнюю греческую мысль, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей въ качествѣ отправной точки человѣческаго знанія. Эта реакція сказалась и въ ученіи Сократа, обратившагося отъ изслѣдованія сущности бытія къ разработкѣ практическихъ вопросовъ общежитія. Однако, разъ испробованная сладость попытокъ проникновенія въ сокровенное снова взяла перевѣсъ въ міровой философіи Платона. Напрасно Льюисъ, довольно поверхностный писатель какъ критикъ, перечисляя поѣздки основателя академіи въ Мегару, въ Кирену, въ Египетъ, говоритъ, что онѣ остались безрезультатными для хода

*) Льюисъ. Исторія философіи, 95. Фулье указываетъ на то, что Демокритъ учился у гимнософистовъ Индіи и халдейскихъ маговъ. Extraits des grands philosophes, 28.

его философскаго мышленія: ученіе Платона о добрѣ и злѣ, душѣ и тѣлѣ, о формѣ и содержаніи, о созерцаніи, какъ высшемъ знаніи, ясно обрисовываютъ ихъ восточный характеръ, первоначальныя черты котораго несомнѣнно были почерпнуты у тѣхъ же элеатовъ и пиѳагорейцевъ, чего не отрицаетъ самъ Льюисъ.

Въ Аристотелѣ мы встрѣчаемъ новаго противника туманнаго мистическаго мудрствованія, новый протестъ тѣла противъ духа. Столкнувшись въ лицѣ двухъ силъ равнаго напряженія—Платона и Аристотеля—оба направленія на время пришли въ состояніе полнаго равновѣсія по отношенію другъ друга, вслѣдствіе чего въ философскомъ мышленіи Греціи получился застой.

Еще ранѣе того оставленные на распутьи двухъ дорогъ греки на время вдались въ скептицизмъ, вылившійся въ нелѣпомъ положеніи, что мудрецъ ничего не утверждаетъ даже и того, что онъ ничего не утверждаетъ; но уже Эпикуръ передался на сторону Платона вмѣстѣ съ стоикомъ Зенономъ; въ вѣрѣ въ отвлеченность кроется сходство системъ обоихъ этихъ мыслителей, столь различныхъ въ указаніяхъ выбора средствъ достиженія блага и столь сходныхъ въ конечной цѣли своихъ разсужденій. Новая академія пыталась примирить скептицизмъ съ платонизмомъ. Окончательно же въ философіи Платонъ восторжествовалъ съ возникновеніемъ новой чисто восточно-эллинской цивилизаціи послѣ того, какъ вслѣдъ за походами Александра Македонскаго греки заполонили собой востокъ.

Платонизмъ воскресъ въ Александріи, гдѣ въ точной наукѣ было удѣлено мѣсто также и Аристотелю съ его неумолимымъ позитивизмомъ. Непримиримыя противуположности, непереваренныя Элладой, здѣсь мирно ужились рядомъ. Разрозненные тѣло и духъ слились въ одно стройное законченное цѣлое. Греческая мысль вступила въ новый фазисъ своего существованія. Эллинскій геній нашелъ тотъ необходимый просторъ, гдѣ ему можно было развернуться во всю ширь его могучей природы. Востокъ дополнилъ западъ.

Конечно, какъ это всегда вездѣ бываетъ, философское движеніе, здѣсь равнодѣйствующая восточныхъ и западныхъ началъ, происходило наверху, въ образованнѣйшихъ классахъ восточно-греческаго общества. Но и народъ не отсталъ отъ своихъ духовныхъ руководителей. На востокѣ и онъ нашелъ свою обѣтованную землю и поспѣшилъ ее освоить, связавъ вновь созданнымъ миѳомъ старое отечество съ новымъ. Появились сказанія, что Іо, скитаясь по свѣту, прибыла въ Антіохію; что Орестъ, выздоровѣвъ отъ бѣшенства, перенесъ въ Приморскую Лаодикею камень Артемиды; что Триптолемъ назвалъ Гордіену при Тигрѣ, по прозвищу своего сына Гордія; что членъ аттической филы Кекропіи Арбелъ построилъ городъ того-же имени, а аравитяне оказались въ прямомъ родствѣ черезъ Геркулеса съ віотійцами и пелопонезцами и т. д. *).

Какъ культурно-бытовое понятіе, самъ эллинизмъ до извѣстной степени понемногу началъ приспособляться къ различнымъ имъ занятымъ мѣстностямъ, и смотря по различію составныхъ частей смѣшаннаго населенія началъ принимать различные оттѣнки въ языкѣ, нравахъ. Не остался безъ мѣстнаго вліянія и строй общественно-правовой жизни. Забывшіе преданія монархизма у себя на родинѣ, республиканцы греки на востокѣ снова привыкли чувствовать надъ собой единоличную верховную власть въ лицѣ преемниковъ Александра; но вмѣсъ тѣмъ они наполнили азіатскую форму эллинскимъ содержаніемъ. Въ силу этого какъ, прямые наслѣдники греческихъ царей, птоломеи и селевкиды въ значительной мѣрѣ могутъ быть названы платоновскими философами на тронѣ. Это признавали сами греки и высказывали при случаѣ.

Одинъ изъ птоломеевъ, между прочимъ, приблизилъ къ себѣ стоика Сфера, который, какъ таковой, и сказалъ однажды: «мудрецъ есть царь». Когда-же стоика спросили, царь ли въ

*) Дройзенъ, Исторія эллинизма, т. III, 23.

въ такомъ случаѣ Птоломей, Сферъ отвѣтилъ: «Птоломей мудръ, а потому онъ и царь» *).

Птоломеи и селевкиды точно съ умысломъ старались осуществить въ себѣ идеалъ платоновскаго правителя, и отсюда, повидимому, ведутъ нроисхожденіе ихъ произвища: Евергетъ, Сотеръ, Филадельфъ. Греки понемногу привыкали смотрѣть на своихъ повелителей, какъ на благодѣтелей, поставленныхъ для заботъ о своемъ народѣ. Такимъ образомъ въ представленіи восточныхъ грековъ постепенно практически складывалось представленіе о совмѣстимости высшей правительственной централизаціи съ крайне развитымъ самоуправленіемъ и свободой личности.

Политическая раздробленность коренной Эллады, часто служившая поводомъ возникновенія тираннической олигархіи въ отдѣльныхъ общинахъ, уже во время первыхъ персидскихъ войнъ ясно показала всѣ свои внутреннія и внѣшнія неудобства. Между греческими государствами, слабыми и ничтожными въ отношеніи единоличныхъ силъ, не существовало другого связующаго элемента, кромѣ временныхъ военныхъ союзовъ, разрушавшихся съ перемѣной господствовавшихъ партій, затѣмъ—общности религіи, домашняго быта, воззрѣній, языка. Но, при сильномъ постоянномъ соперничествѣ, внутренней групповой борьбѣ, культурно-бытовыя связи не давали возможности придти сложнымъ разнообразнымъ интересамъ греческихъ городовъ въ состояніе необходимаго общегосударственнаго равновѣсія. Индивидуалисты греки личной иниціативой не могли вмѣстѣ съ тѣмъ добиться установленія государственнаго единства изнутри, и оно пришло къ нимъ извнѣ въ новой родинѣ, въ лицѣ Александра Македонскаго и его преемниковъ.

Какъ извѣстно, религія и поэзія восточныхъ народовъ носила на себѣ мистическій отпечатокъ работы воображенія, тщившагося проникнуть въ тайны непостижимаго. Востокъ въ

*) Ibid, III, 314.

своемъ религіозно-философскомъ и поэтическомъ творчествѣ постоянно переступалъ границы человѣческаго пониманія и человѣческихъ формъ. Ему подчинявшаяся область была міромъ безконечно волнующихся, тѣснящихъ другъ друга призраковъ, картинъ безъ тѣней и перспективы, образовъ то туманныхъ, то ужасныхъ, символизма, иносказанія, обобщеній мистическаго созерцанія.

До Платона греческая философія только косвенно испытывала на себѣ давленіе восточной. Платонъ явился прямымъ проповѣдникомъ магизма. Его ученіе о душѣ и тѣлѣ, о добрѣ и злѣ есть непосредственное отраженіе идеи борьбы Ормузда и Аримана, борьбы, въ конечномъ итогѣ, долженствующей завершиться торжественнымъ пораженіемъ послѣдняго. Воздѣйствіе магизма можно усмотрѣть даже въ основѣ политической философіи Платона, рисовавшаго идеалъ царя мудреца—печальника народа. «Ты, о Ормуздъ, гласитъ стихъ Ясла, священной книги персовъ, поставилъ царя, который утѣшаетъ и кормитъ бѣдняго» *).

Какъ мы имѣли случай указать выше, платоновскій мистицизмъ на время былъ нейтрализованъ положительнымъ образомъ мыслей Аристотеля, но не надолго. Стоило ученію Платона прикоснуться къ землѣ, пропитанной сходственными элементами, и оно тотчасъ-же получило запасъ новыхъ силъ, подобно русскому богатырю миѳическаго періода. Греки перенесли съ собой Платона изъ Европы въ Азію и Африку; онъ нашелъ самую радушную встрѣчу и встрѣтилъ кровныхъ по духу. Въ Александріи, въ этомъ убѣжищѣ мыслителей всевозможныхъ направленій древности, платонизмъ впервые столкнулся съ еврейской религіозной системой и въ рукахъ Филона превратился въ новое ученіе. Восточнымъ пріемомъ сужденія, но съ помощью данныхъ греческаго скептицизма, Филонъ

*) Поль Жане. Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей, 25.

дошелъ до убѣжденія въ недостовѣрности чувствъ, безсиліи разума и необходимости вѣры, какъ единственнаго источника истиннаго знанія.

Но, упразднивъ разумъ, вмѣстѣ со скептиками quo ad jus, элленизированный еврей не смогъ отрѣшиться отъ него quo ad exercitium. Филонъ призналъ непостижимымъ только первопричину, само божество, но не производную отъ него силу—мысль (λόγός), вмѣщающую въ себѣ всѣ идеи платоновскаго ученія и творящую при посредствѣ ихъ видимый міръ.

Итакъ еврей Филонъ во имя вѣры и откровенія отвергнулъ разумъ, но послѣдующіе неоплатоники были слишкомъ греки для того, чтобы остановиться на такомъ выводѣ. Аммоній Саккасъ, Плотинъ, Порфирій, Проклъ разумомъ пытались оправдать допустимость вѣры въ познаніе сущаго и платоновской діалектикой старались обосновать теоріи пантеизма, эманаціи, божественнаго откровенія.

Принято считать неоплатониковъ представителями упадка и дряхлости греческой мысли [1]). Врядъ-ли, однако, можно согласиться съ подобнымъ положеніемъ. Греческая философія, зародившаяся подъ сѣнью пирамидъ, вернулась вовсе не для того, чтобы умереть на родной землѣ. Явившись слѣдствіемъ неугомонныхъ исканій истины въ теософіи, теургіи, мистицизмѣ, она незримо подготовила греческій востокъ, и съ нимъ и человѣчество, къ принятію новаго откровенія, тайны тріединаго естества Предвѣчной Первопричины.

Обращаясь къ подведенію итога элленизаціи востока, мы можемъ не только удостовѣрить несомнѣнный фактъ послѣдней, но, кромѣ того, мы имѣемъ право утверждать, что эллинизмъ въ Египтѣ, въ Малой Азіи и Палестинѣ, подвергся многимъ кореннымъ преобразованіямъ, какъ въ смыслѣ содержанія, такъ и формы. Въ немъ окрѣпли новыя политическія ученія, намѣченныя Платономъ и какъ бы реализовавшіяся въ во-

---

[1]) Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, 162.

сточно-греческомъ мірѣ подъ управленіемъ просвѣщенныхъ государей; въ немъ шире прежняго развернулись выдающіяся дарованія эллинской расы, смѣшавшейся съ восточными и въ кубкѣ любви Сузы и въ чашѣ мудрости въ Александріи; въ немъ раздѣлилось стремленіе къ знанію по двумъ направленіямъ, аристотелевскому положительному, которому мы обязаны существованіемъ математическихъ, филологическо-историческихъ и естественныхъ наукъ, и платоновскому метафизическому, положившему начало философскому обоснованію христіанства.

Пусть въ восточномъ преобразованномъ эллинизмѣ безграничная свобода воображенія царствуетъ надъ разумомъ, пусть будутъ смѣшны точному мыслителю ея попытки постигнуть божество въ восторгахъ созерцательнаго экстаза и весь міръ объять съ точки зрѣнія одного начала, безпристрастный историкъ долженъ признать всю важность проявленія этихъ умственныхъ теченій, содѣйствовавшихъ сложенію глубокой своеобразной культуры, которая получила впослѣдствіи возможность проявлять свою внутреннюю силу въ цементированіи великаго государства, именуемаго византійской имперіей.

§ 3. Восточный эллинизмъ подъ римскимъ владычествомъ.

Съ завоеваніемъ Эллады и эллинизированнаго востока римлянами, въ общемъ мало что измѣнилось въ культурномъ и политическомъ положеніи грековъ. Произошло это вслѣдствіе двухъ причинъ. Съ одной стороны, принесенная римлянами цивилизація была ниже той, съ которой ей пришлось столкнуться въ покоренныхъ странахъ, съ другой политическій принципъ Рима предписывалъ завоевателю сохранять особенности общественнаго склада новыхъ подданныхъ во избѣжаніе ихъ ассимиляціи со старыми и могущаго отсюда возникнуть взаимнаго усиленія.

Если мы вглядимся въ состояніе римской цивилизаціи, то увидимъ, что наиболѣе своеобразными и достойными вниманія въ ней были формы государственнаго управленія въ ихъ всевозможныхъ видахъ.

Но, какъ было указано выше, духовная дѣятельность римскаго народа въ силу римскаго понятія о значеніи, достоинствѣ и цѣли государства должна была принять узко-практическое направленіе, которое въ самомъ началѣ навсегда убило всякія проявленія философско-художественнаго сознанія, столь отличающаго греческую расу. Поэтому римляне не создали ни самобытной миѳологіи, ни героическаго эпоса: религія ихъ, также была лишена народной окраски и характеризовалась чертой практичности—терпимости къ самымъ разнообразнымъ и подчасъ даже противоположнымъ культамъ.

Всегда презирая грековъ, какъ варваровъ, Римъ всетаки въ духовномъ отношеніи почти цѣликомъ подпалъ вліянію эллинской культуры; отъ грековъ была заимствована миѳологія, героическія сказанія, азбука, литературные и художественные образцы. Все школьное образованіе было построено по греческой системѣ, и профессія учителя въ Римѣ по большей части принадлежала грекамъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ греческимъ духомъ напитывались только высшіе классы. Народъ и чернь по прежнему оставались коснѣть въ умственномъ убожествѣ, находившемъ любимое развлеченіе въ звѣриныхъ травляхъ, гладіаторскихъ сраженіяхъ, грубыхъ мимахъ и ателланахъ, хотя даже въ существованіи римскихъ мимовъ мы можемъ усмотрѣть далекій отзвукъ греческаго вліянія, на что указываетъ самое названіе мимъ μίμος отъ μιμέομαι.

Въ Элладѣ театральныя представленія возвышеннаго содержанія были достояніемъ всего народа; въ Римѣ Софокломъ, Эврипидомъ и Эсхиломъ наслаждались только немногіе избранные. Въ Аѳинахъ, въ Александріи философію можно было

преподавать прямо на площади, не рискуя подвергнуться холодности и безучастности прохожихъ; въ столицѣ римской имперіи люди, интересовавшіеся Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, скрывались въ уединенныхъ виллахъ, гдѣ можно было хотя на время отрѣшиться отъ мелочныхъ заботъ повседневной житейской суеты и не испытывать на себѣ захватывающаго принижающаго вліянія общенія съ малоинтеллигентной массой.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, трудно было ожидать глубокаго культурнаго вліянія Рима на Пелопонезскомъ полуостровѣ и на материкахъ Малой Азіи и Египта съ ихъ преобладающимъ греческимъ населеніемъ. Правда, римляне принесли съ собой оффиціальный латинскій языкъ, нѣкоторыя административныя учрежденія, свои національныя зрѣлища, въ видѣ цирковыхъ игръ, но въ этихъ обрывкахъ и заключался весь ихъ цивилизаціонный багажъ, которымъ не было возможности удивить грековъ.

Въ Элладѣ и на востокѣ Римъ не былъ въ состояніи духовно подчинить себѣ высшую сравнительно съ нимъ по культурности народность; онъ могъ только раздробить, ослабить, изуродовать ее силой своихъ желѣзныхъ легіоновъ, что и было осуществлено относительно Эллады свирѣпымъ, невѣжественнымъ Мумміемъ. Европейская Грецiя уже никогда болѣе не могла подняться на прежнюю высоту послѣ римскаго завоеванія, уже потому, что сотни тысячъ сыновъ ея погибли подъ ударами мстительныхъ, безжалостныхъ римлянъ, а убыль коренного населенія полуострова была пополнена римскими и варварскими колонистами.

Элленизованный востокъ избѣгъ печальной участи Эллады. Помпей, Юлій Цезарь, Антоній и даже Октавій вовсе не походили на Муммія. Сами они были образованнѣе упомянутаго консула-солдата, нравы ихъ были мягче. Кромѣ того въ Египтѣ, въ Сиріи, Каппадокіи, Виѳиніи, Пергамѣ и прочихъ восточныхъ государствахъ, война велась не противъ

грековъ, а противъ ихъ государей. Указанное обстоятельство послужило къ тому, что греки какъ одно изъ составныхъ частей населенія царствъ птоломеевъ, селевкидовъ и другихъ государей, не вызвали противъ себя ни раздраженія завоевателей, ни особаго нерасположенія.

Согласно основному принципу своей завоевательной политики, принципу, выраженному въ краткомъ но содержательномъ изреченіи divide et impera, римское правительство сочло нужнымъ не уничтожать крайней общественной раздобленности и безъ того ослабленной Греціи, но, наоборотъ, постановило сохранить старинное муниципальное устройство, съ его исконнымъ самоуправленіемъ и вольностями. Рознь греческихъ городовъ помогла Риму безъ особыхъ усилій отнять у грековъ политическую независимость, тѣмъ-же орудіемъ завоеватели рѣшили воспользоваться для того, чтобы поддержать свое владычество на естественныхъ основаніяхъ. Съ тѣмъ-же политическимъ разсчетомъ римляне измѣняли административныя установленія примѣнительно къ особенностямъ страны, оказывали наружное уваженіе греческимъ обычаямъ, нравамъ и даже предразсудкамъ. Значительнѣйшіе города Эллады получили столь-же наружную независимость. Аѳины и Спарта, напримѣръ, пріобрѣли почетное названіе союзницъ Рима. Греческія общины пользовались правомъ отправленія судопроизводства по мѣстнымъ законамъ. Въ Греціи у гражданъ не отнималась частная собственность; равнымъ образомъ, сохранились въ неприкосновенности городскія земли; однимъ изъ рѣдкихъ исключеній представляется случай конфискаціи все тѣмъже Мумміемъ коринѳской территоріи въ пользу римскаго государства, въ качествѣ ager publicus *).

Измѣненія въ администраціи вводились римлянами, между прочимъ, съ цѣлью болѣе удобнаго управленія греками, опередившими своихъ властителей въ дѣлѣ общественной орга-

*) Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ, 35.

низаціи. Отсюда получился фактъ установленія многихъ гражданскихъ и особенно финансовыхъ учрежденій, вполнѣ отличныхъ отъ тѣхъ, которыя существовали на Аппенинскомъ полуостровѣ, въ Галліи, Германіи и Испаніи.

На греческое населеніе востока распространились всѣ тѣ права, которыя были предоставлены Элладѣ. Но послѣдствія таковаго распространенія въ Египтѣ и Малой Азіи оказались болѣе серьезными, нежели то предполагалось Римомъ. Римское завоеваніе раззорило Грецію и въ корень подрѣзало всякую возможность дѣйствительнаго благосостоянія въ будущемъ. Разсчетъ побѣдителей призракомъ самостоятельности поддержать внутреннее безсиліе былъ вполнѣ вѣренъ въ отношеніи Пелопонеза, но недостаточно продуманъ въ приложеніи къ эллинизированнымъ восточнымъ провинціямъ. На востокѣ живыя силы греческой народности, подкрѣпившейся въ отношеніи свѣжести крови смѣшеніемъ съ туземнымъ населеніемъ, находились въ состояніи полнаго расцвѣта. Не смотря на раззорительную податную систему римскаго господства, не смотря на контрибуціи и расходы понесенныхъ войнъ, Антіохія, Александрія, долгое время Византія и другіе восточные города продолжали обладать колоссальными богатствами, а слѣдовательно и вліяніемъ. Изъ политическихъ соображеній римское правительство оставляло нетронутымъ весь складъ общественной жизни; отъ злоупотребленій его корыстной администраціи богатое греческое населеніе откупалось и тѣмъ сохраняло не только призрачную, но дѣйствительную фактическую независимость и самостоятельность.

Единовременный взносъ опредѣленной суммы предоставлялъ возможность богатымъ людямъ превращаться въ свободныхъ отъ налоговъ и сильныхъ многими иными преимуществами римскихъ гражданъ. Восточные греки пользовались этой возможностью усиленно, вслѣдствіе чего, какъ говоритъ Финлей, когда Неронъ, этотъ поклонникъ изящныхъ искусствъ и греческаго въ нихъ генія, освободилъ всѣхъ грековъ отъ

податей, онъ врядъ-ли нанесъ тѣмъ большой, неожиданный ущербъ общественнымъ доходамъ Рима *).

Когда эдиктомъ Каракаллы всѣмъ подданнымъ имперіи даны были права римскаго гражданства, малоазійскіе, сирійскіе и египетскіе греки точно также почти ничего не выиграли. Они давно уже составили на востокѣ господствующій, привилегированный классъ и въ мѣстной администраціи оттѣснили римлянъ на второй планъ **). Мало того, зараженные римскими предразсудками господства, они нарушили прежнюю тѣсную связь съ туземцами и выказали склонности къ тому, чтобы замкнуться въ обособленное сословіе. Вмѣстѣ съ усиленіемъ самостоятельности возникъ и мѣстный патріотизмъ. Разсказываютъ, что, когда извѣстный пиѳагорейскій философъ, Аполлоній Тіанскій, посѣтилъ Смирну и былъ приглашенъ въ Паніонійское собраніе, онъ замѣтилъ постановленія совѣта, подписанныя греками, принявшими римскія фамиліи. Этотъ фактъ послужилъ поводомъ къ цѣлому граду упрековъ по адресу эллиновъ, оставившихъ имена родныхъ героевъ и законодателей для того, чтобъ замѣнить варварскими для греческаго уха прозвищами Лукулловъ, Фабриціевъ и проч. Нужно замѣтить, что Аполлоній былъ уроженцемъ кападокійскаго города Тіана, непосредственно имѣвшаго мало общаго съ настоящей Греціей.

Все это взятое вмѣстѣ доказываетъ, что восточный эллинизмъ и восточные эллины подъ римскимъ владычествомъ не только не потерпѣли существеннаго ущерба, но наоборотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ много пріобрѣли и выиграли въ смыслѣ большей оформленности правъ на бытіе. Римскій элементъ привзошелъ въ очень слабой степени и ничего не измѣнилъ въ коренномъ складѣ общественной жизни.

Новое начало, одухотворившее грековосточный міръ и окончательно слившее разноплеменное населеніе восточныхъ

---

*) Греція подъ римскимъ владычествомъ, 47.

**) Ibid. 69.

провинцій въ культурно понимаемую народность, пришло не съ запада. Оно зародилось и развилось также здѣсь на востокѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи распространить свое благотворное связующее вліяніе на всѣ страны стараго и новаго свѣта. Мы говоримъ о христіанствѣ.

Христіанство, какъ божественное откровеніе, въ мѣстѣ рожденія его Основателя не встрѣтило сочувствія фанатичнаго еврейскаго населенія. Израильскій народъ ждалъ Мессію, но не того, который явился передъ нимъ со словами всепрощенія и любви къ врагамъ. Евреи желали Мессію героя, освободителя отъ ига римлянъ, и потому гнуснаго разбойника въ милосердіи властителя предпочли воплощенію Божества. И въ этомъ отношеніи безразличные къ религіи римляне, казнивъ Христа, тѣмъ не менѣе всетаки оказались выше евреевъ: они, по крайней мѣрѣ, поставили его статую въ Пантеонѣ, даже не будучи способны оцѣнить своимъ грубымъ умомъ всей глубины и тонкости новаго ученія. Что есть истина, этимъ интересовался и римскій патрицій, но его холодному воображенію недоступно было пониманіе Истины вочеловѣчившейся. Греку, наоборотъ, эта идея была родственна по духу.

Самые ранніе разсказы изъ греческихъ миѳовъ и эпоса изображаютъ намъ эллинскую народность совершенно свободной отъ деспотическаго авторитета духовенства, подобнаго еврейскому, египетскому, индѣйскому. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка былъ безграничный просторъ въ истолкованіи положеній общепризнанныхъ религіозныхъ догматовъ. Вѣра въ боговъ Олимпа поколебалась еще при первыхъ проблескахъ философіи, и уже Ксенофанъ подвергся гоненію за вѣру въ «единаго Бога изъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ существъ величайшаго, ни тѣломъ, ни мыслью непохожаго на смертныхъ *)». Охранители аѳинскихъ основъ

*) Εἷς θεὸς ἔν τε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποις μέγιστος
οὔτε δέμας θνητοῖσι ὁμοίος οὔτε νόημα.

не безъ поводовъ обвинили Сократа въ отрицаніи господствовавшей религіи. Ученіе Платона о божествѣ, о нравственности и созерцаніи шло прямо въ разрѣзъ съ общепринятыми мнѣніями и не даромъ много сотенъ лѣтъ спустя получило признаніе въ рукахъ христіанскихъ богослововъ, и было признано откровеніемъ, освѣтившимъ умъ греческаго философа. Однако, подобное разрушеніе религіозныхъ старыхъ вѣрованій, безъ замѣны ихъ какими-бы то ни было новыми, не могло удовлетворить запросовъ чувства и совѣсти, какъ отдѣльныхъ мыслителей, такъ и массы. Люди попрежнему стремились къ тому, чтобы чѣмъ-нибудь замѣнить забытый страхъ боговъ и заполнить образовавшуюся душевную пустоту. И вотъ врожденная наклонность грековъ къ мистической философіи развилась еще съ большей силой, когда александрійская школа заговорила объ откровеніи, о возможности слитія съ божествомъ въ состояніи созерцательнаго восторга. Александрійцы вывели современное имъ общество на новую дорогу, открыли новую область неразгаданнаго, таинственнаго, чудеснаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушился скептицизмъ, къ которому приводили безплодныя усилія разума и разсудка выбиться изъ заколдованнаго круга совпаденія первоначальной причины и конечной цѣли.

Проповѣдь учениковъ Христа, вѣсть о недавнемъ пребываніи на землѣ Сына Божія поразили востокъ, ужь много лѣтъ чего-то ждавшій, чего-то искавшій въ окружавшемъ его мракѣ. На всемъ востокѣ прежде всего образованные греки начали толпами стекаться и слушать христіанскихъ проповѣдниковъ. Знаменательное явленіе! Въ то время какъ на западѣ христіанское ученіе главнымъ образомъ прежде всего проникло въ нисшіе классы, откликнувшіеся на призывъ: «придите ко мнѣ всѣ обремененные и труждающіеся и Я упокою васъ», на востокѣ къ христіанскому ученію первыми примкнули представители высшей интелителлигенціи, мыслители, искавшіе духовной пищи не только сердцу, но и уму.

Въ этихъ людяхъ молодое христіанство получило новую

силу. Его догма подверглась систематической обработкѣ со стороны лицъ одаренныхъ и, кромѣ того, прошедшихъ серьезную школу эллинской мудрости.

За отдѣльными мыслителями прихлынула масса. Въ короткій срокъ, въ послѣдовательной постепенности, христіанство распространилось изъ Палестины на Кипръ, во Фригію, въ Галатію, въ Малую Азію, въ Египетъ, въ Африку. Основаніе первыхъ славнѣйшихъ церквей послѣдовало въ греческихъ городахъ: Дамаскѣ, Сирійской Антіохіи, Ефесѣ, Смирнѣ, Пергамѣ, Сардахъ, Лаодикеѣ. Первые и знаменитѣйшіе учителя православной церкви вышли изъ среды грековосточнаго населенія, какъ напримѣръ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ Смирнскій, Юстинъ Философъ, Климентъ Александрійскій и мн. др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны христіанство испытало попытки соглашенія его догмы съ различными философскими ученіями; съ другой—въ изложеніи греческихъ послѣдователей начало подвергаться изъясненію въ духѣ филофскихъ привычныхъ пріемовъ. Въ пользованіи языческой діалектикой и образностью выраженій не видѣли ничего дурного христіанскіе учителя. «Доктрина Платона, говорилъ, между прочимъ, во второмъ вѣкѣ Юстинъ мученикъ, не разнится очень отъ ученія Христа, но въ то-же время она не представляется во всемъ сходственной, точно такъ-же, какъ теоріи прочихъ писателей и поэтовъ; каждый изъ нихъ видѣлъ только одну сторону божественнаго слова и только мы, христіане, обладаемъ всѣми». Въ томъ-же приблизительно смыслѣ высказывался Климентъ Александрійскій, признававшій греческую философію подготовительной стадіей къ принятію христіанства.

Взгляды подобнаго рода, конечно, не могли остаться безъ вліянія на образованіе разновидностей въ исповѣданіи христіанскаго откровенія. Сложились первыя секты; христіанство гностическое и платоническое. И то и другое исходило изъ представленія о Спасителѣ, какъ эманаціи вѣчнаго самосущаго

разума, эманаціи, исходящей изъ послѣдняго, качественно не будучи отличной отъ него. Христіанствующая философія, въ свою очередь, вліяла на философствовавшихъ христіанъ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, Юстинъ мученикъ полагалъ, что божественный лучъ, озарившій Христа никогда не отымался у него, а равнымъ образомъ никогда не отдѣлялся отъ источника. Для объясненія своей мысли Юстинъ приводилъ два примѣра, изъ которыхъ первымъ приравнивалъ Богочеловѣка къ слову, исходящему отъ одного человѣка, передаваемаго другому и всетаки остающагося у произнесшаго его; вторымъ объяснялъ возможность передачи свѣта свѣтильникомъ безъ ущерба отъ заимствованія силы перваго свѣтоисточника. Примѣръ свѣтильника, взятый у платониковъ, позднѣе получилъ общее признаніе и вошелъ въ никейскій символъ вѣры *).

Древняя христіанская поэзія точно также воспользовалась уже готовой греческой формой, куда было влито новое соотвѣтствующее христіанскому настроенію содержаніе. Жившій въ четвертомъ вѣкѣ, св. Григорій Богословъ составилъ трагедію «Страдающій Христосъ» (Χριστὸς πάσχων) цѣликомъ по Еврипиду, заимствуя отдѣльныя мѣста изъ драмъ «Вакханки», «Ипполитъ», «Медея», «Троянки» и др. Заимствованныя строфы приведены безъ измѣненій лишь съ нѣкоторыми приспособленіями къ требованіямъ предмета.

Вотъ какъ, напримѣръ, обращается Христосъ къ Богоматери, повторяя слова Ипполита къ Артемидѣ:

σοὶ τόνδε πλακτὸν στέφανον ἐξ ἀκηράτου
λειμῶνος, ὦ δέσποινα, κοσμήσας φέρω **).

«Тебѣ-же сей вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ на дѣвственномъ лугу возросшихъ, я подношу, владычица».

---

*) Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, 214.

**) Рядъ любопытнѣйшихъ примѣровъ у Фоккова «Синтаксисъ новозавѣтнаго греческаго языка. Введеніе, с. XVII и слѣд. Также Ellissen, Analecten der mittel und neugriechischen Literatur, b. I.

Въ пятомъ вѣкѣ написана была христіанская поэма Гомерокентра, точно также составленная изъ отрывковъ Гомера съ измѣненными именами. Духовные ораторы неоднократно брали себѣ за образецъ творенія языческихъ мастеровъ слова. Имѣвшійся передъ глазами типъ греческаго общиннаго устройства повліялъ на сложеніе первыхъ и послѣдующихъ христіанскихъ исповѣдныхъ общинъ, допустившихъ у себя соборное правленіе уполномоченныхъ и всей массы вѣрующихъ извѣстнаго округа. Греческій языкъ объединялъ эти религіозныя корпораціи. Соборы, основанные на преданіяхъ ахейскихъ, фокейскихъ и разныхъ иныхъ собраній, реально поддерживали духовныя связи сыновъ восточной церкви. Эти-же восточные греки выставили наибольшее число мучениковъ въ ту минуту, когда потребовалось на дѣлѣ доказать преданность ученію Божественнаго Основателя религіи любви, и потому нѣтъ возможности счесть всѣ жертвы, погибшія въ Антіохіи, Александріи, Цезареѣ, Смирнѣ и другихъ малоазійскихъ, сирійскихъ и египетскихъ центрахъ.

Римское правительство, наконецъ, обратило серьезное вниманіе на новое движеніе, но было уже поздно. Христіанство широкимъ могучимъ потокомъ разлилось по всему востоку, поглощая въ себѣ всѣ народности, видоизмѣняя нравы, обычаи, установленія, взгляды, убѣжденія. Заимствовавъ идею самоуправленія у грековъ, христіанство вдохнуло въ него новую жизнь, создавъ ранѣе неизвѣстные интересы; найдя въ греческомъ обществѣ зачатки гражданскаго равноправія и уваженія къ женщинѣ, оно объявило войну рабству и закрѣпило распадавшуюся семью. Власть епископовъ въ своемъ возникновеніи, въ отношеніи свѣтскихъ дѣлъ опершаяся на монархическія убѣжденія восточныхъ грековъ, въ свою очередь отраженно способствовала укорененію въ умахъ нредставленія о разумности повиновенія единоличнымъ благожелательнымъ начальникамъ. Христіанство, способствуя дальнѣйшей эллинизаціи туземцевъ, сплотило разнородныя массы, подняло въ нихъ духъ

самоуваженія и самосознанія, развило энергію сопротивленія и въ конечномъ итогѣ на новыхъ началахъ примирило, привело въ равновѣсіе безчисленное количество групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ, объединившихся на общей всему востоку, почвѣ признанія завѣта братской любви и вѣры. Восточные греки были подготовлены и предрасположены къ принятію христіанства, и, разъ получивъ силу, оно глубоко вошло въ народные нравы, слилось съ ними и наложило неизгладимый отпечатокъ на весь общественный строй востока и на всѣ его послѣдующія судьбы.

§ 4. Основные интересы византійскаго населенія и ихъ отраженіе въ борьбѣ партій.

Итакъ, въ греко-восточномъ мірѣ находились на лицо всѣ элементы, изъ которыхъ складываются самостоятельные государственные союзы. Мало того, фактически въ лицѣ восточныхъ провинцій Римской имперіи существовало особое полунезависимое государство, которому недоставало только политическаго центра, чтобы предъявить права на полную суверенность. Реформы Константина Великаго довершили и закончили естественный ходъ событій. Съ признаніемъ христіанства въ качествѣ господствующей религіи, перенесеніемъ столицы въ Византію и административнымъ переустройствомъ имперіи востокъ очутился только въ номинальной зависимости отъ запада.

Одряхлѣвшая, развращенная сама по себѣ вслѣдствіе внутренней реформы Константина и раздробленія административнаго механизма, западная имперія совершенно утратила сохранившійся у нея запасъ матеріальныхъ силъ. Въ случаѣ нужды, западъ уже не былъ въ состояніи оказать даже простого физическаго давленія на востокъ. Помимо того, при юридическомъ сохраненіи единства центръ тяжести управленія съ возвыше-

ніемъ Константинополя перемѣстился и Риму пришлось оплакивать павшее величіе прошлаго. Теперь цѣлая пропасть легла между романо-языческимъ по преимуществу западомъ и эллино-христіанскимъ востокомъ. Недавній властитель въ скоромъ времени долженъ былъ покориться своему презираемому даннику.

Самъ Константинъ, преслѣдуя императорско-династическія цѣли, повидимому не сознавалъ того великаго дѣла, котораго виновникомъ онъ явился. По крайней мѣрѣ, какъ указываетъ Финлей *), онъ не замѣчалъ давнишняго и неуклоннаго стремленія греческой народности къ господству на востокѣ черезъ замѣну языка, обычаевъ и установленій римскихъ своими собственными.

Упуская изъ виду мѣстныя особенности, преобразователь далъ Византіи устройство, вполнѣ согласное съ римскими идеями. Константинополь долженъ былъ стать латинскимъ городомъ. На него императоръ перенесъ всѣ привилегіи Рима и населилъ главнѣйшимъ образомъ римскими выходцами **).

Поэтому въ качествѣ будущей столицы восточной имперіи Византія вначалѣ мало соотвѣтствовала истиннымъ потребностямъ первой. Военный глазъ Константина Великаго прежде всего оцѣнилъ въ мегарской колоніи ея стратегическое положеніе, и если Константинополь оказался вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ средоточіемъ тогдашней торговли, то это было дѣломъ простой случайности. Можно съ увѣренностью сказать, что если-бы какое-нибудь другое поселеніе представило собой большія военно-политическія выгоды, императоръ безъ колебаній выбралъ-бы его въ качествѣ своего постояннаго мѣстопребыванія. Судьбѣ было угодно отмѣтить своей благосклонностью Византію, и востокъ все-таки остался отъ такого выбора въ большемъ выигрышѣ, нежели это ему предстояло въ случаѣ перенесенія столицы, напримѣръ, въ Лютецію или Равенну.

*) Грецiя подъ римскимъ владычествомъ, 92.

**) Гиббонъ. Исторiя упадка и разрушенiя римской имперiи, II, т. 201.

Прикасаясь къ востоку только краемъ, Византія все-таки была до извѣстной степени греческимъ городомъ, хотя восточный эллинизмъ въ ней не имѣлъ глубокихъ корней. Какъ извѣстно Византія (Βυζάντιον), основанная въ 658 г. въ видѣ мегарской колоніи, долгое время сохраняла общегреческое муниципальное устройство и выдаваясь своимъ развитымъ торгово-промышленнымъ строемъ, доставлявшимъ ей громадныя богатства, играла важную роль въ борьбѣ сперва Европы съ Азіей, а потомъ грековъ съ Филиппомъ Македонскимъ. Во время похода Дарія на скиѳовъ она была подчинена персидскому владычеству; за участіе въ возстаніи малоазійскихъ грековъ лишилась самостоятельности, причемъ большинство ея гражданъ подверглось изгнанію, а самый городъ превратился въ персидскую крѣпость. Послѣ сраженія при Платеѣ Византія освободилась отъ персидскаго ига, но подпала подъ господство Аѳинъ, отъ власти которыхъ освободилась только посредствомъ возстанія. Въ войнахъ римлянъ съ Атталомъ Пергамскимъ и Антіохомъ Сирійскимъ Византія была союзницей Рима вслѣдствіе чего получила большія преимущества во время римскаго владычества. При первыхъ императорахъ она достигла значительнаго процвѣтанія, впервые потерпѣвъ нѣкоторый ущербъ отъ Веспасіана, наложившаго на нее руку подъ предлогомъ, злоупотребленія свободой. Однако въ 196 г. при осадѣ ея Септиміемъ Северомъ, она смогла выставить флотъ въ пятьсотъ тріиръ и отбивалась въ продолженіи цѣлаго трехлѣтія. Покоренная наконецъ Византія потеряла свое прежнее могущество: привилегіи торговыя и промышленныя были у нея отняты, укрѣпленія срыты, и сама она была отдана подъ главенство сравнительно незначительнаго греческаго выселка Перинѳа. Правленіе Константина и намѣреніе его сдѣлать изъ многострадательной мегарской колоніи столицу римской имперіи застало Византію въ жалкомъ униженномъ положеніи.

Можно легко понять, что если въ недавно скромномъ поселеніи и сохранялись еще греческія преданія, то оказанная

римскимъ императоромъ честь должна была чувствомъ благодарности подавить чувство патріотизма. Наплывъ природныхъ римлянъ облегчилъ смягченіе проявленій эллинскаго духа. Дальнѣйшія благодѣянія Константина, предоставленіе черни: дарового хлѣба, цирковыхъ зрѣлищъ закрѣпили признательность. Первое время Константинополь пребывалъ вполнѣ римскимъ городомъ и востоку, какъ государству, предстояло совершить послѣднее завоеваніе, превратить Византію въ дѣйствительную столицу греко-восточнаго міра.

Дѣло предстояло не легкое. Спустя много лѣтъ послѣ смерти Константина его созданіе оставалось вѣрнымъ памяти основателя и упорно хранило свою римскую физіономію, и въ этой чертѣ кроется глубокій поражающій трагизмъ всей византійской исторіи.

Никогда римское вліяніе не отзывалось такъ сильно на греческой жизни, какъ теперь, когда запечатлѣнный кобарствомъ, бездушіемъ, формализмомъ, сухостью и насиліемъ романизмъ, потерявъ точку опоры на родинѣ, сталъ оффиціальнымъ знаменемъ народности, всѣмъ существомъ своимъ протестовавшей противъ навязываемой ей идеи. Однако, потомки римлянъ, массами осѣвшихъ въ восточной имперіи, толпы всевозможныхъ варваровъ-чужеземцевъ и тѣ изъ грековъ, кого плѣняло обаяніе древней славы вѣчнаго города, заняли въ новой столицѣ преобладающее мѣсто и сплотились въ компактный стойкій кадръ, объявившій централизацію, принужденіе и требованье безусловнаго подчиненія руководящими началами своей дѣятельности. Этотъ романизмъ, принявшій христіанскую окраску и взявшій на себя задачу представительства интересовъ въ корнѣ ему враждебной имперіи, долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ наиболѣе печальныхъ историческихъ явленій. Это была часть зараженной крови запада, впущенная въ жилы обновленнаго полнаго жизни и силъ востока.

Изъ столкновенія двухъ указанныхъ противуположныхъ элементовъ: христіанизированнаго восточнаго эллинизма и хри-

стіанизированнаго романизма возникла новая цивилизація, новая культура, проявленія которой до настоящаго времени еще не разслѣдованы достаточно и которая носитъ названіе византизма.

Византизмъ это—переработка могучей сложной средой христіанскаго востока въ него попавшихъ и насильно механически внѣдрившихся римскихъ началъ. Поэтому при изученіи византизма постоянно приходится имѣть передъ глазами обѣ части древняго и средневѣковаго міра: востокъ и западъ, эллинизмъ и романизмъ. Въ Византіи востокъ вступилъ въ борьбу съ западомъ съ первыхъ же дней основанія столицы. Еще ранѣе тріумфъ его надъ врагомъ выразился въ торжествѣ христіанства, но съ тѣхъ поръ успѣхи его долго были лишены характера открытыхъ завоеваній и долгое время таились въ глухой подземной работѣ, пока, наконецъ, не приспѣлъ часъ новаго яваго торжества. На первыхъ порахъ съ романизмомъ было труднѣе бороться потому, что, сохранивъ всѣ свои внутреннія качества, онъ принялъ христіанскую внѣшность и тѣмъ согласно основному принципу римской политики вводилъ въ заблужденіе самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ.

Не смотря на трудности, восточно-греческое государство неуклонно, неотступно продолжало наполнять римскія формы собственнымъ содержаніемъ и въ концѣ концовъ преобразовало ихъ приблизительно по своему образцу. Господство востока надъ Византіей прежде всего выразилось въ появленіи на свѣтъ въ седьмомъ вѣкѣ новой расы по типу средней между чистогреческой и малоазійской *), въ замѣнѣ долго царствовавшаго въ законахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ латинскаго языка греческимъ, въ переработкѣ римскаго законодательства въ мѣстное, согласованное съ бытовыми особенностями страны, въ измѣненіи правительственныхъ учрежденій, точно также, по мѣрѣ возможности, приспособленныхъ къ понятіямъ и взглядамъ населенія.

---

*) Hertzberg, Geschichte des Griechenlands, 16.

Могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ насильно привитымъ и столь-же насильно удерживаемымъ романизмомъ служила конечно вся эллинская культура съ ея художествами, литературой, философіей, прикладной наукой. Проводникомъ греческой цивилизаціи явился, какъ и слѣдовало ожидать, греческій языкъ, вначалѣ разрѣшенный для практическихъ цѣлей на частные случаи Аркадіемъ и узаконенный Ѳеодосіемъ Вторымъ, предписавшимъ употребленіе его въ школьномъ преподаваніи *).

Борьба романизма и эллинизма въ Византіи вызвала возникновеніе политическихъ партій, изъ которыхъ первая можетъ быть названа западнической, вторая эллинофильской. Западники были консерваторами, тянули сторону иноземцевъ, эллинофилы представлялись прогрессистами, народолюбцами. Лучшіе умы восточной имперіи всегда стояли на сторонѣ освободительнаго движенія, въ то время какъ все духовно убогое, нравственно безпринципное крѣпко держалось за охраненіе римскихъ преданій формы и духа. Объясняется это тѣмъ, что представители запада издавна привыкли къ безусловному повиновенію установившимся авторитетамъ, къ насильственно проводимому единству, къ ограниченности круга духовныхъ запросовъ, въ то время какъ востокъ никогда не терялъ склонности къ самоопредѣленію и самостоятельному изслѣдованію природы всѣхъ вещей. Различіе естественныхъ свойствъ восточной и западной культуры въ частности сказалось, напримѣръ, даже въ различіи поприщъ, на которыхъ предпочтительно подвизались выдающіяся личности изъ среды духовенства обѣихъ половинъ тогдашняго цивилизованнаго міра. Западъ, создалъ многихъ выдающихся церковныхъ администраторовъ вродѣ Григорія VII, въ то время какъ Востокъ породилъ цѣлый рядъ духовныхъ мыслителей, историковъ, догматиковъ, поэтовъ. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Юстинъ мученикъ,

*) На Никейскомъ соборѣ отцы церкви вели пренія по гречески, и Константинъ Великій принужденъ былъ объясняться съ ними черезъ переводчика.— Евсевій. О жизни блаженнаго царя Константина, гл. 13.

Климентъ Александрійскій и большинство, если не всѣ отцы церкви были восточные греки, по происхожденію и воспитанію. Достаточно вспомнить, что даже столпы Западной церкви Тертуліанъ и Бл. Августинъ родились на востокѣ, тамъ получили школьное образованіе и лишь впослѣдствіи романизировались.

Востокъ, сложившись въ особое государство, по прежнему оставался вѣренъ своему исконному направленію въ смыслѣ подавленія тѣла духомъ и смягченія требованій сухого разума гибкостью воображенія. Этимъ стремленіемъ отмѣченъ весь строй византійской имперіи. Всѣ матерьяльные интересы отступали въ ней на второй планъ. Самое государство пріобрѣло духовный, церковный оттѣнокъ, ослабившій сословныя перегородки, рабство, римскую кровожадность въ зрѣлищахъ и жестокость въ домашней жизни.

Ревностное горячее отношеніе къ вѣрѣ, къ божественной мудрости, вошло въ обязанность и подданныхъ и монарха. Евангельскія притчи и ветхозавѣтныя иносказанія вмѣстѣ съ тайной воплощенія дали обильную пищу воображенію грече скаго востока. Конечно, проникать въ глубь непостижимаго хотя-бы отчасти, созерцать истину или доходить до нее путемъ умозаключеній выпадало только на долю избранныхъ, но за то каждый гражданинъ изъявлялъ притязаніе на самостоятельную оцѣнку дѣятельности мудрецовъ и отсюда возникло то характерное для востока групповое религіозное разномысліе, которое принято называть ересями. Ереси въ корнѣ своемъ несомнѣнно все тотъ-же плодъ неугомоннаго исканія, присущаго восточно греческому уму, не признававшему надъ собой насильно поставленнаго умственнаго и нравственнаго авторитета. Ереси и философія это родныя сестры; Арій и Платонъ дѣти свойствъ одного и того же безпокойно пытливаго эллинскаго разума.

Долгое время романизованное правительство Византіи не могло и не хотѣло въ своемъ стремленіи къ установленію религіознаго единства понять той простой вещи, что вѣра и ра-

зумъ одинаково не поддаются воздѣйствію иного оружія, кромѣ горячаго, прочувствованнаго убѣжденія, и залило подчиненную ему землю потоками благороднѣйшей крови. Византійскія религіозныя преслѣдованія и ожесточеніе гонимыхъ—прямой результатъ пріемовъ римской политики, повсюду выдвигавшей на первое мѣсто силу физическаго принужденія; на востокѣ духъ эллинизма въ концѣ концовъ подавилъ вооруженную мечомъ религіозную нетерпимость, но на западѣ ей удалось устроить на землѣ при помощи почтенной дѣятельности святѣйшей инквизиціи временное отдѣленіе ада со всѣми его ужасами.

Выше мы упомянули о существованіи и борьбѣ въ византійскомъ государствѣ двухъ партій—народнической-національной и западнической, отражавшихъ въ себѣ взгляды, родственные и чужіе общественному складу востока. Не только что въ подробностяхъ, но даже въ расчлененномъ общемъ, исторія этихъ партій, являющаяся на самомъ дѣлѣ внутренней исторіей самой Византіи, до сихъ поръ еще не нашла себѣ достойнаго изслѣдователя и потому страдаетъ отсутствіемъ даже простѣйшихъ полныхъ данныхъ. Имѣющіяся на этотъ счетъ свѣдѣнія отрывочны и разрознены.

Какъ это должно было слѣдовать изъ религіозной окраски государства, византійскія партіи прежде всего приняли таковую-же церковно-исповѣдную внѣшность и подчинили указанному характеру всѣ тѣ общественныя формы, въ которыя имъ пришлось по ходу историческихъ событій выливаться. Какъ справедливо указываетъ нашъ извѣстный византологъ проф. Успенскій *), зачатки первой партійной общественно-исповѣдной организаціи нужно искать въ такъ называемыхъ, цирковыхъ факціяхъ, на которыя дѣлилось все населеніе эллинизованнаго востока.

Названный авторитетный проницательный писатель обстоятельно доказываетъ, на сколько близоруки въ отношеніи ви-

*) Византійскій временникъ, т. I, вып. I; Партіи цирка и димы въ Константинополѣ, 1 и слѣд.

зантійскихъ цирковыхъ партій господствующіе взгляды Гиббона *) и его послѣдователей: Фридлендера, Рамбо и др., усматривающихъ въ фракціяхъ гипподрома простую разновидность проявленій народныхъ забавъ. «Константинополь, говоритъ, между прочимъ, авторъ «Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи», усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ-же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать на гипподромѣ. Въ царствованіе Анастасія это народное неистовство усилилось отъ религіознаго рвенія... Изъ столицы эта зараза распространилась по провинціямъ и городамъ востока и изъ созданнаго для забавы различія двухъ цвѣтовъ возникли двѣ сильныя и непримиримыя партіи, потрясавшія слабую правительственную власть въ самомъ основаніи... Въ Антіохіи и Константинополѣ снова выступила на сцену демократія со свойственной ей разнузданностію, но безъ свойственной ей свободы, и поддержка которой либо изъ партіи сдѣлалась необходимой для всякаго кандидата, искавшаго гражданской или церковной должности... Зеленымъ приписывали тайную привязанность къ семейству или къ сектѣ Анастасія: голубые были преданы интересамъ православія **)». «Если, замѣчаетъ по этому поводу проф. Успенскій, партіи имѣли такое значеніе, что потрясали правительственную власть, если цирковыя партіи были носителями демократическихъ принциповъ, и были въ состояніи давать преобладаніе такой религіозной системѣ, за которую онѣ высказывались, то ясно, что здѣсь историку предстоитъ имѣть дѣло не просто съ безразсудствомъ и съ народнымъ неистовствомъ, а съ какимъ-то

*) Кстати сказать, почти дословно повторяющаго на этотъ счетъ сужденія Прокопія въ его Arcana. Вообще въ настоящее время взгляды Гиббона относительно Византіи представляются очень устарѣлыми.

**) Т. IV, 321.

болѣе важнымъ фактомъ, который не случайно усвоенъ изъ Рима и распространился затѣмъ по провинціямъ и городамъ востока *)».

Указанное проф. Успенскимъ внутреннее противорѣчіе въ словахъ Гиббона рѣжетъ глазъ. Объясненіе общественнаго явленія, продолжавшагося на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, народнымъ безразсудкомъ, свидѣтельствуетъ, по меньшей мѣрѣ, о поверхностномъ отношеніи къ предмету. Въ указанныхъ Гиббономъ свойствахъ факцій гиподрома нужно видѣть непосредственные признаки слагавшагося изъ различныхъ элементовъ византизма, какъ новаго культурнаго факта. Римскій циркъ, часто жалованный побѣдителями побѣжденнымъ въ качествѣ особаго знака отличія тому или другому городу, на востокѣ привился особенно прочно потому, что соотвѣтствовалъ природному духу грековъ, забавлявшихся бѣгомъ коней еще во времена Гомера **). Поэтому Константинополь заимствовалъ отъ Рима даже не идею, а только нѣкоторыя внѣшнія формы партійности, напримѣръ цвѣта, подъ которые тотчасъ-же подошло содержаніе чисто мѣстнаго восточно-греческаго и христіанско-исповѣднаго характера.

Въ самомъ дѣлѣ, въ организаціи партій мы встрѣчаемся съ принципами чисто эллинскаго демократизма: съ его свободнымъ отношеніемъ къ власти, съ выборнымъ началомъ внутри факцій и вліяніемъ партійности на общественныя дѣла, съ религіозно-философской окраской тѣхъ или другихъ стремленій и поставленныхъ задачъ, съ готовностью каждую минуту съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои убѣжденія.

Византійскія партіи не довольствовались только косвеннымъ вліяніемъ на дѣла управленія. Повидимому, отражая въ себѣ два постоянныя общественныя теченія, западническое и національное, онѣ при каждомъ удобномъ случаѣ выступали въ каче-

---

*) Партіи цирка и димы, 4.

**) См. Грибовскій. Циркъ древнихъ грековъ и римлянъ. 1885 г.

ствѣ упорядоченной активной силы. Въ циркѣ съ давнихъ поръ еще въ Римѣ случались столкновенія представителей различныхъ цвѣтовъ, и императоры вмѣшивались въ наѣздническія распри. Но римская власть не допускала существованія цирка, какъ представительнаго собранія. Иной порядокъ былъ заведенъ въ Византіи. Тамъ народъ черезъ нарочныхъ герольдовъ вступалъ въ объясненія со своими повелителями, предъявлялъ имъ требованья, ставилъ условія и очень часто добивался желаемаго. Еще Константину Великому пришлось уступить настояніямъ толпы, кричавшей на ипподромѣ, и распорядиться объ обезглавленіи своего друга Сопатера, обвиненнаго въ колдовствѣ. Гордый Юліанъ Отступникъ терпѣливо сносилъ насмѣшки глумившагося надъ нимъ народа въ антіохійскомъ циркѣ. Языкъ, которымъ разговаривало константинопольское населеніе съ Юстиніаномъ на ипподромѣ 11 января 532 г., поражаетъ современнаго читателя.

— Государь, кричали зеленые, — мы терпимъ несправедливости и не въ состояніи ихъ сносить долѣе.

— Мнѣ ничего неизвѣстно о вашихъ страданіяхъ, холодно отвѣчалъ императоръ.

Зеленые громогласно перечислили понесенныя обиды и назвали имена ихъ виновниковъ. Юстиніанъ замѣтилъ, что должностныя лица исполняютъ не свою волю и потому не отвѣтственны.

— «Кто-бы онъ ни былъ, преслѣдующій насъ, не унимались просители, — его постигнетъ участь Іуды».

Послѣ этихъ словъ, разговоръ принялъ оборотъ, по замѣчанію Гиббона *), наиболѣе странный, чѣмъ когда-либо таковой происходилъ между монархомъ и его подданными.

— Замолчите, жиды, манихеи, самаритяне, провозгласилъ императорскій глашатай.

*) Гиббонъ, IV, 324. Весь разговоръ въ подробностяхъ изложенъ у Надлера. Юстиніанъ и партіи цирка. Подлинныя рѣчи у Феофана въ хронографіи 279—289 и въ Пасхальной хроникѣ.

— Ты называешь насъ жидами и самаритянами, завопили въ ярости зеленые.—Матерь Божія, спаси насъ.

— Кончители-ли вы обвинять самихъ себя? продолжалъ насмѣшливо Юстиніанъ.

— Кто не свидѣтельствуетъ, что его величество думаетъ правовѣрно, того постигнетъ проклятіе подобно Іудѣ, въ томъ-же тонѣ отвѣчали зеленые.

— Я свидѣтельствую, что вы принимаете крещеніе во имя Единаго,—заключилъ императоръ.

Обвиненіе въ монофизитской ереси довело праксиновъ до неистовства. Забывъ все уваженіе къ императорскому достоинству, они проклинали отца Юстиніана, произведшаго на свѣтъ такого сына, поносили самого императора, называя его человѣкоубійцей, глупцомъ, вѣроломнымъ тираномъ. Чаша терпѣнія была переполнена съ обѣихъ сторонъ. «Развѣ вы не дорожите жизнью», воскликнулъ разгнѣванный монархъ. Но угроза не достигла своей цѣли, а наоборотъ явилась искрой народнаго возмущенія и улицы Константинополя, вмѣстѣ съ ипподромомъ, превратились въ театръ междоусобной войны.

Приведенный отрывокъ обмѣна мыслей народа и носителя власти разъясняетъ намъ ихъ взаимныя отношенія и значеніе оппозиціонной партіи. Мѣстный политическій характеръ послѣдней выступаетъ здѣсь во всей очевидности. Юстиніанъ и голубые — это византійскій романизмъ, слѣпой, безжалостный, прямолинейный въ поставленіи и разносторонній въ достиженіи цѣли; романизмъ, отрицающій законность даже по отношенію подчиненной власти и господствующій для себя самого; и рядомъ съ нимъ византійскій эллинизмъ, уступчивый, легальный до послѣдняго момента обладанія чувствомъ и разсудкомъ, убѣжденный сторонникъ монархической власти, какъ общей защитницы, воплощенія идеи божественной правды и мира.

Тотъ не правъ, кто полагаетъ, что византійское населеніе было скопищемъ буяновъ и бунтовщиковъ по призванію. Требовалась всякій разъ большая затрата усилій со стороны ро-

манизированнаго константинопольскаго правительства, чтобы разжечь страсти и произвести мятежъ *). Должно отдать справедливость, что въ этомъ дѣлѣ византійская администрація съ многими изъ государей во главѣ выказывала болѣе способностей, чѣмъ въ чемъ-бы то ни было другомъ.

Послѣ знаменитаго возмущенія «Ника», правительство приняло рядъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію организаціи и могущества цирково-политическихъ партій, и понемногу достигло этого. Начиная съ седьмого вѣка, извѣстія о дѣяніяхъ факцій становятся все рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ прекращаются. Это показываетъ, какъ справедливо говоритъ проф. Успенскій, что димамъ былъ нанесенъ сильный ударъ, отъ котораго они не могли никогда оправиться.

Опредѣленныя внѣшнія формы византійскаго политическаго разномыслія такимъ образомъ должны были измѣниться съ теченіемъ времени; но изъ этого не слѣдуетъ что измѣнились его коренныя теченія. Годы содѣйствовали только возрастанію и укрѣпленію восточно-эллинскихъ началъ. Постепенно національная жизнь вошла въ свои права и въ борьбѣ съ наросшей на нее чужеземной корой ей порой удавалось на цѣлыя столѣтія раздвигать удушающія объятія христіанизированнаго романизма и давать своимъ порывамъ полный законный просторъ. Борьба западнической и отечественной партій не уставала ни на минуту, пока наконецъ не закончилась, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, полной побѣдой національстическаго начала. Въ тѣ счастливыя минуты, когда во главѣ правительства становились отчизнолюбцы, въ своихъ начинаніяхъ и при своихъ невзгодахъ они всегда, какъ будетъ указано ниже, получали поддержку изъ глубины страны, изъ отдаленныхъ мѣстностей Малой Азіи, Сиріи и Египта; наоборотъ вся-

*) Ср. характеристику константинопольскаго населенія у Пайяра «Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople», 336. «Ce peuple est pieux, docile, humain et juste tout que la colère et la superstition ne l'emportent pas.

кій разъ, когда осиливали въ правительственныхъ сферахъ западники, они прежде всего завязывали прочныя сношенія съ западомъ и туда-же обращались за помощью въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ *).

Неутихающая борьба порождала подчасъ крайности и увлеченія, вызывала страстную натуру восточныхъ грековъ къ проявленію разнузданнаго фанатизма, но тѣмъ не менѣе она имѣла и свои благотворныя послѣдствія. Не возстань духъ христіано-эллинской культуры на защиту своихъ попранныхъ римскими традиціями правъ Византіи не удалось-бы продлить своего «тысячелѣтняго умиранія». Осѣвшій въ столицѣ востока романизмъ являлся врагомъ очень опаснымъ. Онъ, какъ Протей, мѣнялъ наружность и пользовался мѣстными установленіями для своихъ цѣлей. Какъ это ни странно, напримѣръ, но вполнѣ [illegible] греческое явленіе монашества, между прочимъ, постепенно превратилось въ могучее оружіе западнической партіи въ отношеніи національной. Объясняется это тѣмъ, что въ своемъ развитіи восточное монашество потеряло свои коренныя основы, и старыя отечественныя формы наполнились новымъ, чужимъ содержаніемъ. Романизмъ ловилъ каждый промахъ противника. Въ позднѣйшемъ монашествѣ, между прочимъ, заключалась одна черта, противная греческому духу, именно: отрицаніе всякаго самоопредѣленія, строгость дисциплины и послушанія; этимъ въ своихъ цѣляхъ и выгодахъ воспользовался воспитанный на безотвѣтности и слѣпомъ подчиненіи желѣзный романизмъ.

Впрочемъ и тутъ нужно еще разъ оговориться, что востокъ создалъ не тѣ общежительные монастыри и монашескіе ордена, которые въ качествѣ на воинскій ладъ организованныхъ союзовъ впослѣдствіи съ такимъ успѣхомъ привились и распространились на западѣ. Греческій индивидуализмъ и здѣсь проявилъ себя въ идеализаціи отшельничества, пустынничества въ полномъ смыслѣ этого слова.

*) Ср. Ѳ. Успенскій. Очерки по исторіи византійской образованности, 67.

Первыми отшельниками были люди аскетическо-созерцательныхъ наклонностей, отрѣшившіеся отъ міра и признававшіе надъ собой только власть Бога и духовнаго авторитетъ уже стяжавшихъ себѣ извѣстность исключительнымъ благочестіемъ подвижниковъ. Первые монахи проводили свою жизнь въ самоуглубленіи и, подобно стоикамъ, отрицали реальность всѣхъ благъ земныхъ. Ихъ подвижничество было окружено простотой и крайней непригязательностью. Лишь впослѣдствіи условія монашескаго быта коренным образомъ измѣнились. Древнее подвижничество истинной святостью своихъ поступковъ какъ-бы накопило столь обширный запасъ заслугъ передъ Богомъ и людьми, что преемники отшельниковъ Нитріи и Оиваиды въ подавляющемъ большинствѣ сочли себя на долгій срокъ свободными отъ какихъ-бы то ни было духовно-нравственныхъ обязательствъ. Мѣсто избранныхъ созерцателей заняли толпы спасавшихся отъ жизненныхъ неудобствъ рабовъ, солдатъ, колоновъ, привлекаемыхъ въ монастыри приманками относительной независимости, общественныхъ привилегій, обезпеченнаго и спокойнаго существованія. Старинное благочестіе и суровость нравовъ замѣнилась продажнымъ халкенитствомъ, пустосвятствомъ и страшной распущенностью.

Несомнѣнно, что во весь періодъ существованія византійской имперіи постоянно выдвигались отдѣльныя личности, вѣрныя преданіямъ истиннаго монашества, но, какъ рѣдкіе свѣтлые лучи, они терялись среди общаго мрака. Нужно замѣтить при этомъ, что всѣ позднѣйшіе лучшіе представители отшельническаго подвижничества, когда силою вещей имъ приходилось высказываться или дѣйствовать въ пользу мірскихъ дѣлъ, всегда въ большой или меньшей степени примыкали къ отечественной партіи, тогда какъ остальное монашество не переставало тянуть сторону западниковъ.

Согласно различнымъ фазисамъ культурной борьбы двухъ указанныхъ направленій византійской мысли, христіанизованнаго романизма и восточно-христіанскаго эллинизма, всю ис-

торію имперіи поэтому можно раздѣлить на четыре періода: первый отъ Константина Великаго до Льва Исаврянина; второй отъ Льва Исаврянина до Василія Македонянина; третій отъ Василія Македонянина до призванія рода Комниновъ; и наконецъ, четвертый отъ Алексѣя Комнина до завоеванія Константинополя крестоносцами; съ наступленіемъ въ 1204 г. романскаго владычества, поступательное движеніе византизма кончилось, уступивъ мѣсто воспоминаніямъ прошлаго.

ГЛАВА III.

§ 1. Періодъ первый: отъ Константина Великаго до Льва Исаврянина.

Содержательная исторія восточно-эллинской христіанской культуры, въ средѣ которой частное и государственное право являются, какъ и вездѣ, необходимыми составными частями, простирается на протяженіи девяти вѣковъ, въ теченіи которыхъ образующія начала поперемѣнно достигали различныхъ степеней напряженности.

Каждый изъ вышеуказанныхъ періодовъ дѣленія византійской исторіи можетъ быть характеризованъ съ точки зрѣнія борьбы романизма съ эллинизмомъ многими рѣзкими, явственно выступающими, чертами внутренняго и внѣшняго свойства. Періодъ отъ Константина до Льва Исавра даетъ намъ картину господства римскихъ началъ въ политикѣ и ясно выражаемаго отрицанія запросовъ и требованій мѣстнаго духа и жизни. Въ царствованіе иконоборцевъ мы натыкаемся на длинный рядъ фактовъ напряженной реакціи противъ владычества западниковъ, съ Василія Македонянина опять замѣчается западническій, но уже смягченный, поворотъ въ сторону романскихъ традицій и, наконецъ, Алексѣй Комнинъ окончательно примиряетъ крайности, отводя каждому изъ началъ византизма подобающее ему мѣсто. Первые три періода византійской исторіи, между прочимъ, нашли себѣ выраженіе въ трехъ замѣчательныхъ законодатель-

ныхъ памятникахъ: юстиніановомъ Кодексѣ, Эклогѣ Василія и Константина исаврянъ, и Василикахъ македонской династіи. Четвертая эпоха не создала какого-нибудь одного свода законовъ, но за то она выпустила въ свѣтъ цѣлый рядъ новеллъ, прекрасно очерчивающихъ духъ времени.

Для того чтобы доказать, что отъ Копстантина Великаго до Юстиніана романизмъ и его представлявшая партія царили въ византійской имперіи во всей своей силѣ, не требуется особаго искусства или проницательности. Отпечатокъ римскаго управленія, римскихъ идей, воззрѣній чувствуется и слышится повсюду, гдѣ дѣло касается внѣшнихъ формъ государственной жизни и правительственной политики. Вплоть до самаго начала царствованія Льва Исаврянина не измѣнялась римская система раскладки и сбиранія податей, служившихъ не къ усиленію средствъ государства, но къ раззоренію гражданъ; въ продолженіи четырехъ столѣтій администрація сохраняла свой латинскій обликъ, сказывавшійся даже въ названіяхъ должностей; впродолженіи четырехъ вѣковъ угнеталась исконная свобода восточно греческихъ городовъ, превратившихся при посредствѣ дарованія имъ римскаго муниципальнаго устройства въ предметъ узаконеннаго утѣсненія и произвола. Нужно-ли говорить о томъ, что въ вопросы совѣсти былъ перенесенъ римскій взглядъ на исповѣдное разномысліе, какъ на политическое преступленіе. Стыдно сказать, что въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго и Юстиніана Великаго язычникамъ и евреямъ жилось въ имперіи лучше, нежели христіанамъ, осмѣливавшимся относиться самостоятельно къ тѣмъ религіознымъ взглядамъ, которыхъ придерживался подчасъ самъ впадавшій въ ересь императоръ. За невѣрными въ извѣстной степени, отрицались гражданскія права; еретики же подвергались жесточайшимъ казнямъ зачастую безъ всякаго повода для примѣненія къ нимъ мѣръ жестокости.

Императоры продолжали упражнять древне-римскій культъ власти съ тѣмъ различіемъ, однако, что высоко, хотя-бы и узко, по-римски, понимаемый лозунгъ salus reipublicae suprema

lex esto, замѣнился въ эту эпоху въ Византіи другимъ болѣе характернымъ кличемъ quod principi placuit, legis habet vigorem *). Этому принципу вполнѣ сознательно приносились въ жертву всѣ другіе. Восточный міръ все это долженъ былъ теперь особенно сильно чувствовать потому, что прежде отдаленный центръ романизма, съ основаніемъ Константинополя, передвинулся ближе къ востоку и прилѣпился къ его краю.

Эллинамъ была извѣстна партійность съ ея скрытымъ происком и тайной агитаціей, но ихъ нравамъ не былъ свойствененъ, теперь получившій повсюду примѣненіе, пріемъ невидимаго правительственнаго соглядатайства, вѣроломства, двуличія, коварства, безчеловѣчной мстительности и безграничной гордыни Благородный образъ платоновской монархіи, нѣкогда осуществляемой птоломеями и селевкидами, теперь замѣнился низкой подозрительной деспотіей, не останавливавшейся ни передъ какимъ бы то ни было тайнымъ и явнымъ преступленіемъ въ цѣляхъ охраненія своего жалкаго спокойствія.

Выродившійся Римъ палъ отъ недостатковъ своего государственнаго устройства. Потерявшіе равновѣсіе его общественные элементы вошли въ составъ другихъ болѣе сильныхъ союзовъ. Правительственная система, погубившая уже одно государство и перенесенная въ другое, грозила уничтожить послѣднее, если-бы само восточно-греческое общество не напрягло всѣхъ своихъ силъ на парализованіе благопріобрѣтеннаго недуга. Жизненное начало, однако, таилось въ глубинѣ политическаго тѣла, проступая наружу только мѣстами, какъ-бы случайно, и римская внѣшность, заслонявшая восточно-греческое содержаніе, обманула многихъ изслѣдователей Византіи, скользнувшихъ взглядомъ по поверхности и не давшихъ себѣ труда заглянуть внутрь **).

*) Dig. I, IV, 1.

**) Гиббонъ поэтому царствованіе Юстиніана считаетъ еще продолженіемъ существованія римскаго государства. Точно также Финлей начинаетъ повѣствованіе о Византіи съ воцаренія дома Исавровъ, относя предшествующее время къ исторіи Греціи подъ римскимъ владычествомъ.

Первые слѣды мѣстнаго вліянія націоналистовъ сказались, между прочимъ, въ области права, въ основахъ своихъ заимствованнаго у Рима. Мы не будемъ останавливаться на кодексѣ Ѳеодосія и на установленіяхъ прочихъ предшествовавшихъ Юстиніану императоровъ. Сводъ, обработанный подъ руководствомъ знаменитаго правовѣда и лихоимца Трибоніана въ общемъ отразилъ въ себѣ всю законодательную и правообразовательную дѣятельность императорскаго Рима и императорской Византіи. Тому, кто разберется въ различныхъ наслоеніяхъ юстиніанова Кодекса, станетъ ясно взаимное соотношеніе различныхъ заложенныхъ туда началъ.

Обыкновенно считаютъ юстиніаново право римскимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такой взглядъ, однако, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ для того, чтобы быть принятымъ въ качествѣ вполнѣ научнаго. Мы не будемъ, конечно, касаться того вопроса, что въ римскомъ правовѣдѣніи романизмъ облагородился введеніемъ въ него свѣжей и чистой струи juris gentium: мы укажемъ прежде всего, что уже въ трудахъ Ульпіана, Павла, Помпонія, Модестина встрѣчаются ссылки на греческіе источники, вслѣдствіе чего въ латинскій текстъ Дигестъ во многихъ мѣстахъ оказываются вкрапленными греческія цитаты *). То-же самое нужно сказать объ Юстиніановыхъ институціяхъ, гдѣ встрѣчаются цѣлые отрывки изъ Гомера**) и упоминаются законы Солона, Дракона. Въ Кодексъ греческій элементъ долженъ былъ вторгнуться чрезъ посредство тѣхъ-же принятыхъ въ Дигесты римскихъ юристовъ, но, кромѣ того, въ него вошелъ цѣлый рядъ положеній, порожденный мѣстными византійскими условіями, и въ особенности глубоко укоренившимся христіанствомъ, преломившимся въ римскомъ пониманіи вещей.

Принимая все сказанное во вниманіе, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ проф. Энгельмана, что юстиніаново законода-

*) I, 1, 6; I, 3, 2, 6, 30; I, 16, 6 и мног. др.

**) Instit. II, 17, prooim; III, 23.

тельство уже само по себѣ есть грандіозный памятникъ византизма, притомъ нужно прибавить, въ первой стадіи его развитія. Римскія традиціи и воззрѣнія въ этомъ сложномъ сооруженіи впервые явственно уступили нѣкоторое мѣсто восточно-греческой цивилизаціи и подались подъ ея натискомъ. Въ обстоятельной книгѣ Виллемса «Римское государственное право» можно найти цѣлый рядъ указаній на многообразныя измѣненія, которымъ подверглись римскіе правовые институты въ византійской имперіи. Юстиніанъ, напримѣръ, уничтожилъ различіе между ingenui и libertini, Константинъ окончательно отнялъ у господина право безнаказаннаго убіенія раба, право разъединенія его съ семьей при продажѣ; тотъ-же императоръ установилъ два новыхъ способа отпущенія на волю: manumissio in sacrosanctis ecclesiis и отпущеніе безъ всякихъ формальностей собственникомъ-лицомъ духовнымъ. Константиномъ же было уничтожено право жизни и смерти отца по отношенію дѣтей и мп. другое *).

Принято думать, что рабство, подвергшееся многимъ ограниченіямъ въ законодательствѣ византійскихъ императоровъ, претерпѣло видоизмѣненія главнымъ образомъ подъ вліяніемъ христіанской церкви. Нисколько не отрицая важныхъ заслугъ въ этомъ дѣлѣ христіанства, мы позволимъ себѣ замѣтить, что старинный духъ равноправія грековъ и ихъ культурная впечатлительность и врожденная мягкость безъ всякого сомнѣнія точно также содѣйствовали переработкѣ памятника человѣческаго безсердечія. Еще въ глубокой древности рабы въ семьѣ грека въ гомерическій періодъ находились на положеніи младшихъ членовъ рода: господинъ раздѣлялъ съ ними полевыя работы, а госпожа вмѣстѣ съ невольницами занималась тканьемъ, мытьемъ платья, пряденіемъ. Очень часто выбывшаго члена семьи замѣнялъ рабъ и такимъ образомъ становился полноправнымъ гражданиномъ. Иначе смотрѣли на невольника

*) Виллемсъ, II, 746, 754, 760.

римляне, видѣвшіе въ немъ только вещь и болѣе ничего. Демократическій принципъ равенства, провозглашенный Евангеліемъ, пришелся прямо по душѣ человѣчно настроенному греку, но римлянинъ его не принялъ съ открытымъ сердцемъ. Согласно своему практическому разуму, онъ строго раздѣлилъ на двое понятіе о божескомъ и человѣческомъ, примѣнительно къ ученію о jus naturale и jus civile.

Достойно замѣчанія, что многіе отцы церкви, отрицая рабство отвлеченно, съ христіанской точки зрѣнія, признавали его въ качествѣ положительнаго государственнаго установленія, прибѣгая для доказательства справедливости своихъ умозаключеній даже къ софизмамъ. Амвросій Медіоланскій, ссылаясь на евангельскій текстъ, что первые будутъ послѣдними, называлъ рабство даромъ Божіимъ *). Точно также Іоаннъ Златоустъ безъ всякой боязни дѣлалъ выводъ, что рабство благо, такъ какъ даетъ христіанину возможность заслуги **). Но далѣе всего въ данномъ направленіи пошелъ вполнѣ романизованный грекъ Бл. Августинъ, представившій полную теорію рабства. Христіанскій мыслитель безъ колебанія утверждалъ, что естественное право ошибалось, проповѣдуя несправедливость института рабовладѣнія, такъ какъ основаніе его есть слѣдствіе первороднаго грѣха, подобное болѣзни и смерти, не уничтоженныхъ крестными страданіями Спасителя. Рабство, по ученію Бл. Августина, уничтожится только въ Божьемъ царствѣ, а въ человѣческомъ оно должно существовать со всею силой необходимости ***). Не нужно удивляться послѣ этого, что тотъ-же самый Бл. Августинъ въ своихъ твореніяхъ освятилъ принужденіе въ дѣлахъ вѣры, потому что Богъ самъ не пощадилъ своего Сына и отдалъ его въ руки палачамъ. Вотъ что говорилъ представитель римскихъ идей, предвозвѣстникъ

---

*) Жане. Исторія государственной науки, 212.

**) Ibid.

***) Ibid. 216.

ужасовъ Испаніи и Нидерландовъ, прямой предокъ Торквемады и Арбуэса.

Культурное воздѣйствіе эллинскихъ воззрѣній отразилось не только на сущности юстиніанова законодательства, но получило свою долю и въ созданіи внѣшности; мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ, конечно, не юридическіе институты, зачастую непереваримые для греческаго желудка *), но языкъ, которымъ написанъ Кодексъ. Какъ справедливо указываетъ проф. Энгельманъ **), законныя книги Юстиніана въ значительной части принадлежатъ по языку къ литературѣ греческой, и не только по языку; многое, содержащееся въ нихъ становится удобопонимаемымъ только при сличеніи латинскаго текста съ греческимъ.

Натиску эллинизма подверглось не только писанное право τῶν νόμων οἱ ἔγγραφοι, но и не писанное τῶν νόμων οἱ ἄγραφοι. Какъ въ Кодексѣ, такъ и въ Дигестахъ при полной разносторонней разработкѣ частнаго права, государственное затронуто лишь въ общихъ чертахъ. Основы византійскаго самодержавія не получили въ юстиніановыхъ книгахъ опредѣленнаго выраженія и въ это неогражденное мѣсто ринулся восточный эллинизмъ. При помощи этого пробѣла византійцамъ удалось установить утраченную Римомъ непосредственную связь монарха съ народомъ, сказавшуюся прежде всего въ сохраненіи обычаемъ права переговоровъ съ государемъ въ церкви и подачи ему всякихъ свитковъ, съ просьбами, пожеланіями и даже наставленіями, что имѣется, напримѣръ, въ свиткѣ дьякона Агапита.

Необходимость заставила постепенно допустить официально употребленіе греческаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ. Самъ Юстиніанъ новеллы свои издавалъ на греческомъ языкѣ

*) За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ понятій въ греческомъ языкѣ нѣкоторые латинскіе термины при переводѣ замѣнялись простымъ греческимъ написаніемъ, напр. τὰ περὶ τοῦ κοδικέλλου или ἡ πραιτωρία τοῦ πατρώνος и проч.

**) Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права, 51.

и въ одной изъ нихъ, седьмой, онъ объясняетъ, что не писалъ объявляемаго закона по латыни по тому, что хотѣлъ его сдѣлать понятнымъ всему народу. Жизнь обошла также повелѣніе императора удерживаться отъ толкованія законовъ въ видахъ приданія имъ необходимой устойчивости и надлежащаго единства. Первоначальное простое допущеніе сличенія мѣстъ и объясненія отдѣльныхъ словъ превратилось въ сложный экзегезисъ, и творчество византійскихъ юристовъ незамѣтно вырвалось на полный просторъ. Точно также смѣшеніе въ одномъ кодексѣ законоположеній духовныхъ и свѣтскихъ, при обособленномъ состояніи клира потребовало позднѣе составленія особыхъ правовыхъ сборниковъ, въ началѣ же вызвало изданіе нѣсколькихъ спеціальныхъ новеллъ.

Итакъ римская оболочка, осуждавшая Византію на неподвижность и смерть, туго, но раздвигалась въ стороны. Народная струя постепенно просачивалась наружу. Романизированный до мозга костей славянинъ Юстиніанъ не могъ не поддаться очарованію греческой культуры и въ своихъ постройкахъ провелъ при помощи іонійскихъ архитекторовъ Анѳимія и Исидора античное изящество, красоту и легкость греческаго стиля. Какъ-бы проникаясь идеей служенія божественной мудрости св. Софіи, которой всегда былъ приверженъ мыслитель грекъ, константинопольская василика отразила въ себѣ особенность къ свѣту стремящагося греческаго генія: византійскій типъ щедро освѣщаемаго сверху храма св. Софіи рѣзко отличается отъ полутемныхъ образцовъ западной готики, какъ бы сохранившей мракъ ее породившей средневѣковой мысли.

§ 2. Періодъ отъ Льва Исавра до Василія Македонянина.

Какъ мы имѣли случай неоднократно указывать выше, пытливость ума, духъ постояннаго и безпокойнаго исканія были издавна присущи греческой народности. Апостолъ Павелъ прекрасно охарактеризовалъ эту особенность грековъ въ слѣдую-

щихъ словахъ: «іудеи знаменія просятъ, эллины премудрости ищутъ *). Въ болѣе раннее время эти свойства природы грековъ сказывались въ послѣдовательно смѣнявшихся многочисленныхъ и многообразныхъ философскихъ системахъ, позднѣе, въ христіанскую эпоху, они послужили неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ ересей.

Уже въ первые вѣка своего существованія христіанское общество выдѣлило изъ себя три группы разномыслящихъ: христіанъ іудеевъ, гностиковъ и платониковъ, по своему понимавшихъ и толковавшихъ основныя положенія новой религіи. Разногласія по вопросамъ христіанской догматики, конечно, не могли остановиться на трехъ поименованныхъ направленіяхъ. Ветхій Завѣтъ и Евангеліе слишкомъ много говорили уму и воображенію грековъ для того, чтобы они могли успокоиться на уже изжитыхъ мистически-философскихъ мечтаніяхъ евіонизма, магизма и платонизма. Строго и стройно выработаннаго вселенскими соборами единства въ христіанскомъ ученіи тогда еще не имѣлось, и потому представлялась широкая свобода толкованіямъ, изслѣдованіямъ и спорамъ. До того времени еще какъ Арій потрясъ всю восточную церковь своимъ ученіемъ о неравенствѣ Бога Отца и Бога Сына, главнымъ образомъ, египетскія провинціи уже породили множество сектъ вродѣ донатистовъ, монтанистовъ, максиміанистовъ, маркіонитовъ, рогаціанъ, савелліанъ, новаціанъ въ меньшей степени, но все-же тревожившихъ спокойствіе правовѣрныхъ и требовавшихъ государственнаго признанія ихъ интересовъ.

Съ большей или меньшей увѣренностью, но во всякомъ случаѣ можно предположить, что, если-бы восточно-эллинскому міру удалось объединиться и превратиться въ признанное государство подъ главенствомъ вполнѣ національнаго правительства, способнаго представить если не интересы всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большинства, дробленіе христіанъ на

*) Посланіе къ коринѳянамъ, I, 22.

секты никогда бы не достигло того напряженія, какимъ отмѣченъ долгій періодъ царствованія императоровъ романскаго образа мыслей. Безъ всякаго сомнѣнія, помимо примѣненія мирныхъ средствъ къ убѣжденію въ отношеніи заблудшихся, монархами эллинами, никогда не были-бы пущены въ ходъ насиліе и принужденіе, отождествляющіе самоопредѣленіе въ вопросахъ совѣсти съ государственнымъ преступленіемъ. Равнымъ образомъ вполнѣ естественно, что правители, пропитанные римскими воззрѣніями и понятіями, должны были въ свою очередь поступать такъ, какъ они поступали, т. е. продолжать гоненія противъ тѣхъ, которые, подобно жертвамъ Нерона или Деоклеціана, осмѣливались оспаривать мнѣнія своихъ повелителей и не подчиняться ихъ приказаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, что перевѣшивало въ данномъ случаѣ? Желаніе ли надѣлать возможно большее число участниковъ счастливой жизни будущаго вѣка или-же стремленіе сломить неповиновеніе ослушныхъ подданныхъ. Никто не поручится, что побужденія послѣдняго разряда не затмевали собою первыхъ.

Какъ-бы то ни было, но тотъ фактъ, что первый христіанскій вѣнценосецъ, онъ-же представитель сконцентрированнаго романизма, какъ-бы продолжилъ дѣло языческихъ императоровъ, заимствовавъ даже текстъ нѣкоторыхъ угрозъ сектантамъ дословно изъ эдиктовъ Діоклеціана противъ послѣдователей Христа,—находится на лицо *).

Религіозная нетерпимость, завѣщанная Константиномъ Великимъ преемникамъ, была принята послѣдними съ воодушевленіемъ. Рабы не лукавые и не лѣнивые, императоры Ѳеодосій, и Юстиніанъ съ кликой раболѣпныхъ сподвижниковъ, не зарыли полученнаго таланта власти въ землю. Они употребили его на возвеличеніе блеска имперіи съ одной стороны и на истребленіе своихъ подданныхъ съ другой. Въ дѣлѣ гоненія заблудшихся христіанъ Ѳеодосію I и Юстиніану

*) Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи, II, 402.

принадлежитъ первое мѣсто среди прочихъ гонителей не только потому, что въ годы ихъ правленія востокъ истекалъ кровью изъ ранъ, нанесенныхъ собственнымъ оружіемъ, но кромѣ того потому, что, подобно Константину, они старались облекать свои историческія ошибки въ форму закона и такимъ способомъ содѣйствовали ихъ постоянному повторенію въ будущемъ. Три столѣтія борьбы съ эллинизмомъ въ Византіи не ослабили гибельной остроты романизма, и славянинъ Юстиніанъ явился цѣлостнымъ выразителемъ римскихъ традицій, не считавшихъ нужнымъ раздѣлять въ своемъ представленіи и въ законодательствѣ религіи отъ политики *)

Плоды религіознаго протекціонизма, установленнаго Константиномъ Великимъ, понемногу сказались на судьбахъ восточной имперіи. Многочисленные гонимые, вольнодумцы, не находя удовлетворенія въ отечествѣ самымъ возвышеннымъ духовнымъ интересамъ, постепенно прониклись равнодушіемъ къ выгодамъ того государственнаго порядка, который въ отношеніи ихъ проявлялся только невыгодами. Нетерпимость возстановляла еретиковъ, стѣсненіе всякаго изслѣдованія возбуждало православныхъ. Внутри государства пріобрѣлъ право гражданства противуестественный способъ обращенія къ власти и воздѣйствія на нее при помощи уличныхъ и цирковыхъ возмущеній. Идея законности вырождалась. Народъ и правительство начинали привыкать становиться въ положеніе двухъ враждующихъ силъ, борьбой домогающихся перевѣса другъ надъ другомъ. Во время безпорядковъ «Ника» династическій переворотъ уже былъ готовъ; народныя волны уже выступили изъ береговъ. Потребовалась отвага и жестокость наемныхъ варваровъ для того, чтобы удержать отъ паденія пошатнувшійся престолъ. Повидимому византійскіе романизованные государи рѣшительно не представляли себѣ того простого положенія, что правительство, основывающее свои дѣй-

*) См. Paparrigopoulo. Histoire de la civilisation hellénique, стр. 143 и слѣд. замѣчанія о значеніи терпимости для благосостоянія государства.

ствія только на страхѣ, а не на преданности гражданъ, подрываетъ самого себя.

Царствованія Юстиніана и Геракліево служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго. Время господства этихъ монарховъ есть постепенное, но неуклонное паденіе Византіи; гражданскія чувства имперскихъ подданныхъ подверглись вырожденію на всемъ протяженіи государственной территоріи. Прежде могущественная, страшная врагамъ имперія, съ успѣхомъ нѣсколько времени поддерживавшая завоевательныя преданія Рима, начиная съ шестого столѣтія принуждается къ позорной, по тогдашнимъ понятіямъ, оборонительной политикѣ. Но и съ этой стороны Византіи не хватало достаточной силы къ сопротивленію. Славяне подступали къ самымъ стѣнамъ столицы; персы и арабы отнимали на востокѣ одну провинцію за другой и издѣвались надъ византійскими, по большей части, наемными легіонами. Государственныя основы достигли такой степени расшатанности, что подданные восточной имперіи безъ всякихъ угрызеній совѣсти передавались на сторону враговъ за одно обѣщаніе сохранить имъ въ неприкосновенности религіозную свободу. Въ 639 г. монофизиты Египта обязались содѣйствовать Амру въ отнятіи ихъ страны у Византіи и сдержали свое обязательство. Египетъ такимъ образомъ навсегда былъ потерянъ для имперіи.

Въ Сиріи и Месопотаміи христіанское населеніе не выказало прямой измѣны отечеству, но за то очень легко освоилось съ правительствомъ халифовъ, имѣвшихъ благоразуміе оставить покореннымъ исповѣдную самостоятельность. Какъ извѣстно, христіанамъ Дамаска жилось подъ арабскимъ владычествомъ настолько хорошо, что одинъ изъ ихъ духовныхъ вождей былъ даже приближеннымъ блистательнаго халифа и съ успѣхомъ предстательствовалъ за своихъ единовѣрцевъ во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ. Въ шестомъ вѣкѣ гонимые языческіе философы искали покровительства и убѣжища въ предѣлахъ владѣній персидскаго царя, въ седьмомъ, преслѣ-

дуемые христіанскіе вольнодумцы спасались у магометанъ арабовъ и на Ефратѣ основывали многочисленныя колоніи, образовавшія впослѣдствіи несторіанскую халдейскую церковь. Очевидно, у обитателей эллинизированнаго востока было по духу болѣе общихъ связей съ потомками Агари и Измаила, нежели съ духовными сынами итальянскихъ разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, арабы явились какъ-бы естественными преемниками греко-восточной культуры. Къ сожалѣнію, магометанство преградило возможность доступа въ ихъ среду истинъ христіанскаго ученія, вошедшаго неотъемлемой частью въ составъ восточнаго эллинизма; за то во многихъ другихъ отношеніяхъ арабы оказались достойными представителями той цивилизаціи, которая такъ тщательно истреблялась на мѣстѣ своей родины. Арабамъ мы обязаны поступательнымъ движеніемъ медицины, физики, химіи, астрономіи въ тѣ времена, когда Европа коснѣла въ грубѣйшемъ невѣжествѣ или, какъ выразился одинъ историкъ-художникъ, была погружена въ тяжелый сонъ, полный ужасныхъ сновидѣній.

Римско-византійская религіозная нетерпимость имѣла еще одно крайне печальное послѣдствіе. Какъ это всегда и вездѣ бываетъ, умственная жизнь и въ имперіи заправлялась наиболѣе одаренными единицами, бравшими на себя отвѣтственныя общественныя роли, въ то время какъ масса являлась простымъ зрителемъ, даривщимъ свое сочувствіе, смотря по достоинствамъ, то той, то другой сторонѣ. Толпа не создаетъ ничего новаго, но за то, при извѣстныхъ условіяхъ, она обладаетъ качествомъ правильности, хотя подчасъ и безсознательной, оцѣнки, пониманія истины при помощи практическаго разсудка. Подъ вліяніемъ постоянныхъ преслѣдованій, разжигавшихъ и будившихъ страсти, чувство умѣренности и спокойнаго вдумчиваго отношенія къ отвлеченнымъ вопросамъ замѣнилось слѣпою преданностью ученіямъ, почему либо тронувшимъ умъ или сердце, и стремленіемъ отстаивать ихъ цѣною какихъ угодно жертвъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилось въ на-

родныхъ массахъ низкое чувство мстительности, явившееся естественнымъ послѣдствіемъ фанатизма. Старинный духъ греческой партійности пріобрѣлъ романскую остроту.

Итакъ, въ первые вѣка существованія Византіи въ условіяхъ ея общественно-государственной жизни сказалось сильное дѣйствіе центробѣжныхъ, разлагающихъ началъ. Прежнее неоформленное культурное единство греческаго востока въ основѣ своей было крѣпче теперешняго формально государственнаго. Романское правительство, взявшее на себя заботу о благоденствіи ввѣреннаго его попеченіямъ политическаго тѣла, какъ-бы поставило себѣ задачей изсушать его жизненные источники. А между тѣмъ измѣнившіяся обстоятельства требовали особой напряженности, особой энергіи со стороны народа. Съ востока продолжали надвигаться арабы, постоянно получавшіе подкрѣпленіе изъ самой Византіи отъ гонимыхъ еретиковъ, язычниковъ и евреевъ; съ запада притекали все новыя и новыя полчища славянъ. Для борьбы съ первыми не хватало стойкости и гражданскаго самоотверженія, для борьбы со вторыми не доставало силы культурнаго уподобляющаго воздѣйствія.

При такомъ положеніи дѣлъ на императорскій престолъ Византіи вступилъ представитель малоазійскаго племени исавровъ. Волею и дарованіями этого государя Византія удержана была отъ предстоявшаго паденія. Съ воцареніемъ его задавливаемый эллинизмъ подалъ явственные признаки жизни; имперія вложила руки въ собственныя раны и впервые дѣйствительно попыталась уврачевать ихъ.

Значеніе правленія Льва Исавра для византійской имперіи было указано уже Финлеемъ, съ этого времени считавшимъ греко-восточное государство вступившимъ въ фазисъ самостоятельнаго бытія. Въ отношеніи нрава величіе поименованнаго государя выяснилось благодаря трудамъ Цахаріэ фонъ-Лингенталя **) и профессора аоинскаго универ-

*) Греція подъ римскимъ владычествомъ.

**) Ersch und Gruber. Encyclopedie. Bb. LXXXVI и LXXXVII.

ситета г. Папарригопуло *), изслѣдовавшихъ и обобщившихъ законодательную дѣтельность Льва III. Оказалось, что подобно Юстиніану I, Левъ Исаврянинъ создалъ свой кодексъ, отразившій въ себѣ многіе насущнѣйшіе запросы византійской жизни и такимъ образомъ представившій собою памятникъ чистаго мѣстнаго правосознанія.

Въ предшествовавшій періодъ долгою борьбою съ внутренними и внѣшними врагами власть имперіи была сильно расшатана въ основаніяхъ. Политическіе перевороты стали частымъ и никого не смущавшимъ привычнымъ явленіемъ. За промежутокъ шести лѣтъ, истекшихъ со дня смерти Юстиніана II до дня воцаренія Льва III, на императорскомъ престолѣ смѣнилось три государя внѣ условій какой-бы то ни было законности или упорядоченности престолонаслѣдія. Городское населеніе, войско и иноземныя полчища варваровъ поочередно возводили въ императоры своихъ ставленниковъ, предъявляя временнымъ властителямъ свои требованія. Въ Римѣ смѣна императора не отзывалась на существѣ, силѣ и формахъ централизованной власти. Въ Византіи борьба отечественной и чужеземной партій внесла разладъ въ правительственную дѣятельность, постоянно вдававшуюся въ фанатическія крайности.

Народныя смуты выдвинули впередъ сенатъ, представителя нуждъ высшаго сословія, и противупоставили его императорской власти, какъ постоянно дѣйствующій факторъ сословной себялюбивой оппозиціи; горожане и войско предались своеволію. Безпорядочно бившіяся о насильно навязанную преграду романизма волны народнаго восточно-эллинскаго самосознанія, наконецъ, размыли оплотъ владычества римскихъ идей, но завоеваніе это досталось дорогой цѣной государственной дезорганизаціи. Общественные элементы снова пришли въ состояніе смѣшенія и борьбы. Гераклій и Константій

*) Histoire de la civilisation hellénique.

въ надеждѣ сохранить послѣдніе остатки римской системы управленія, ухватились за мысль снова перенести столицу имперіи или въ Карѳагенъ или въ Римъ, но отчизнолюбцы не допустили такого шага.

Таково было положеніе имперіи, когда во главѣ ея сталъ Левъ III. Воцареніе его, какъ мы сказали выше, знаменуетъ новую эру въ исторіи Византіи. При немъ еще разъ перемѣстился центръ тяжести управленія, конечно, не въ положительномъ, но отвлеченномъ смыслѣ слова. Власть отказалась отъ насильственнаго поддерживанія римскихъ традицій и прониклась духомъ національнаго; западники потерпѣли генеральное пораженіе, восточно греческіе интересы привлекли къ себѣ ближайшее вниманіе правительства и расшатанное государственное равновѣсіе снова пріобрѣло потребную, хотя все-таки относительную, устойчивость. Дѣло въ томъ, что приверженцы романизма не положили оружія. Ихъ сопротивленіемъ и происками отмѣчена вся эпоха полнаго торжества освободительныхъ началъ. Между прочимъ, благодаря пристрастію авторовъ историковъ западническаго лагеря, личность Льва Исаврянина долгое время пребывала затемненной, вслѣдствіе чего установилось ложное предубѣжденіе, какъ относительно всей эпохи иконоборческаго движенія, такъ и относительно моментовъ его возникновенія.

Отборнѣйшимъ свидѣтельствомъ въ пользу отмѣнныхъ политическихъ способностей и дарованій Льва III безспорно является замѣчательный памятникъ византійскаго законодательства, извѣстный подъ именемъ «Эклоги царей Льва и Константина».

Указанный сборникъ безпорядочно, въ отрывкахъ, безъ всякой критической оцѣнки въ соединеніи съ выдержками изъ другихъ сходныхъ памятниковъ, былъ напечатанъ еще Леунклавіемъ во второмъ томѣ его Jus graeco-romanum. Вслѣдствіе загадочности помѣщенныхъ въ заголовкѣ Эклоги именъ императоровъ Льва и Константина съ одной стороны, вслѣдствіе дол-

гаго существованія испорченной редакціи сборника съ другой, мнѣнія ученыхъ долгое время рѣшительно склонялись къ признанію Эклоги плодомъ дѣятельности потомства Василія Македонянина. Несмотря на господство такового взгляда, попавшаго даже въ справочныя книги *), Цахаріэ подвергъ имѣвшіеся списки упомянутаго памятника строгой, критической провѣркѣ, сопоставилъ ихъ съ прочими сходными законодательными византійскими сборниками и пришелъ къ противоположнымъ выводамъ. Изслѣдованіе его подтвердило догадку Бинера, касательно того, что Эклога принадлежитъ не македонской, а исаврійской династіи. Но, кромѣ того, Цахаріэ открылъ, что памятникъ, согласно предисловію, долженствовавшій только приспособить юстиніаново римское право къ византійской практикѣ, на самомъ дѣлѣ, въ достаточной степени оказался самостоятельнымъ произведеніемъ мѣстныхъ юристовъ народническаго направленія.

Содержаніе Эклоги явилось выразителемъ узаконенія многихъ крупныхъ общественно-правовыхъ національныхъ преобразованій, затронувшихъ государственный строй съ самыхъ различныхъ сторонъ. Доводы Цахаріэ были приняты всѣмъ ученымъ міромъ, интересовавшимся изслѣдованіемъ греко-римскихъ древностей. Авторство Льва Исавра въ отношеніи Эклоги стало внѣ всякаго сомнѣнія. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ византологовъ проф. В. Г. Васильевскій даже точно опредѣлилъ самую дату ея изданія—726 годъ **).

Разбирая содержаніе исаврійскаго сборника, Цахаріэ, г. Папарригопуло и проф. Васильевскій наглядно и убѣдительно доказываютъ всю важность и обиліе произведенныхъ имъ преобразованій. Реформѣ подверглись брачныя отношенія, въ области которыхъ понятіе таинства брака впервые было поднято на истинно-христіанскую высоту; были ограничены произволъ раззорительныхъ римскихъ судейскихъ поборовъ и

*) Schoell. Geschichte der griechischen Literatur. B. T, s. 458.

**) Ж. М. Н. П. 1878 г., № 199, стр. 279.

строгость преслѣдованія римской идеи оскорбленія величества заглазно; претерпѣла измѣненія система наказаній; послѣдовало уничтоженіе крѣпостного права, замѣненнаго особылъ видомъ поземельныхъ отношеній, подобныхъ чиншевому праву западно-русскихъ губерній. Въ видѣ приложенія къ Эклогѣ при Львѣ Исаврѣ увидѣлъ свѣтъ нарочитый сборникъ сельскохозяйственныхъ законовъ, оформившихъ, между прочимъ, фактическое существованіе византійской сельской общины.

Въ тѣсныхъ предѣлахъ книги небольшого размѣра императоръ исавріецъ съумѣлъ дать своему народу разработанный сводъ важнѣйшихъ юридическихъ нормъ, знаніе которыхъ необходимо въ повседневномъ гражданскомъ обиходѣ. Нечего говорить, что текстъ этого сборника былъ изданъ на греческомъ языкѣ. Содержаніе его кратко. Нѣкоторыя стороны права имъ прямо переданы вѣдѣнію знатоковъ обычая.

Не смотря на то, что Эклога издана была государемъ иконоборцемъ, въ ней не имѣется указаній на запрещеніе поклоненія иконамъ и не содержится опредѣленія наказаній за это. Въ такомъ отсутствіи запретительныхъ и карательныхъ нормъ извѣстнаго характера, проф. Васильевскій видитъ признакъ ранняго изданія кодекса, именно того времени, когда Левъ III не выступалъ еще открыто на борьбу съ извращенной западническимъ вліяніемъ христіанской обрядностью *).

Вполнѣ соглашаясь съ объясненіемъ такового рода, мы не можемъ не высказать догадки, что молчаніе Эклоги относительно иконопоклоненія явилось, быть можетъ, точно также уступкой духу восточно-греческой вѣротерпимости и выразило одинъ изъ актовъ политической мудрости монарха-преобразователя. Въ самомъ дѣлѣ, при допущеніи пробѣла въ Эклогѣ, Льву всегда предоставлялась полнѣйшая возможность пополнить его изданіемъ нарочитой новеллы, если-бы это потребовалось обстоя-

*) Ibid. 288.

тельствами; однако даже въ самомъ иконоборческомъ указѣ 728 г., повидимому, не содержалось *) уголовной санкціи иконопоклоненія, такъ какъ преслѣдованія начались только въ 730 г. и то за преступленія свѣтскаго характера, лишь косвенно относившіяся къ обрядности. Къ мѣрамъ строгости Льва вынудили сами иконопочитатели, выказывавшіе ему неповиновеніе въ чисто свѣтскихъ дѣлахъ, самъ-же онъ, какъ и почти всѣ послѣдующіе государи восточнаго происхожденія и греческаго воспитанія, проявлялъ сознаніе необходимости установленія принципа терпимости.

Крутой поворотъ къ мѣрамъ строгости по отношенію иконопочитателей по ходу дѣлъ былъ-бы тѣмъ болѣе неестественъ, что въ свое время Левъ III былъ довѣреннымъ лицомъ императора западника Анастасія II и въ началѣ своего царствованія не уступалъ въ ревности къ вѣрѣ Ѳеодосію Великому или Юліану. Въ отвѣтъ на волненія евреевъ, еще разъ увлеченныхъ лжемессіей, онъ распорядился принуждать къ принятію христіанства возмутившихся подъ страхомъ смертной казни за отказъ. Ту-же мѣру вначалѣ примѣнилъ онъ и къ павликіанамъ, которые, характерная черта, начали было массами сжигать себя въ своихъ храмахъ. Поворотъ къ иконоборчеству совершился въ душѣ Льва не сразу; ему нужно было воочію убѣдиться, до чего дошло умышленное духовное ослѣпленіе народа любостяжательными монахами, и до какихъ размѣровъ выросли невѣжество, предразсудки и суевѣріе массъ подъ руководствомъ чернаго духовенства.

Забывъ истинное назначеніе иконъ, темная толпа, главнымъ образомъ женщинъ и черни, превратила ихъ въ предметъ поклоненія, какъ нѣчто достойное обожанія само по себѣ. Несомнѣнно, что въ этомъ безразсудномъ поклоненіи гипсу и разрисованному дереву возрождалось павшее язычество. Невѣжественная масса, воспитанная на отсутствіи просвѣщенія и

*) Подлинный текстъ указа утраченъ.

культивировкѣ суевѣрій императорами римскаго направленія, потеряла способность отвлеченнаго пониманіи существа вещей; міръ идей для нее оказался недоступенъ, и вотъ, какъ послѣдствіе грубой матерьялизаціи высокихъ понятій, появились въ христіанскихъ храмахъ изображенія, проливавшія слезы, истекавшія кровью, мигавшія, двигавшія глазами и, наконецъ, раздѣлявшіяся на классы по степени своей чудодѣйственной силы *).

Казалось, ожили махавшія руками статуи Минервы, плакавшія Венеры, изрекавшія предсказанія статуи Сераписа и чудесно подымавшіяся на воздухъ колесницы Серапіона. Переживаніе язычества пошло еще далѣе. Многіе языческіе символы получали удобное приспособленіе къ христіанскому культу и въ такомъ видѣ превращались въ предметъ горячаго поклоненія **).

Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствовало, что старинное разумное сознательное отношеніе къ высочайшимъ истинамъ христіанской религіи, благодаря стараніямъ западнической партіи, выродилось въ слѣпой безсмысленный фанатизмъ, опору всякихъ безчинствъ и разнузданности тѣхъ, кто на немъ основывалъ свое презрѣнное благополучіе.

Во всякомъ государствѣ упадокъ просвѣщенія и пониженіе умственнаго уровня населенія всегда сопрягается съ общимъ упадкомъ благосостоянія и общественныхъ силъ. Такъ было и въ Византіи. Эпоха господства римскихъ идей и понятій почти довела имперію до внутренняго разложенія.

Назрѣвшія реформы поэтому должны были затронуть всѣ стороны государственной жизни. Но при византійской религіозной окраскѣ государства онѣ не могли быть приведены въ исполненіе безъ того, чтобы на очередь тотчасъ же не вступили исповѣдные вопросы. Обоготвореніе иконъ, какъ порожденіе

---

*) Maimbourg. Histoire des iconoclastes. 44—47. Рѣдкое изданіе 1686 имѣется въ парижской національной библіотекѣ.

**) Гартполь Лекки. Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ, 169 и 170.

иноземнаго вліянія, порожденіе, въ корнѣ противорѣчившее философско-отвлеченному пониманію религіи востокомъ, не могло не остановить на себѣ вниманія націоналистовъ.

Было бы ошибочно предполагать, что иконоборство всецѣло задумано и поднято Львомъ Исавряниномъ. Еще въ царствованіе императора Зенона, въ концѣ пятаго вѣка, епископъ Гіерополя въ Сиріи, Филоксенъ выказалъ намѣреніе отмѣнить поклоненіе иконамъ въ всемъ своемъ діоцезѣ. Не задолго до вступленія на престолъ Льва III, императоръ Филипикъ, армянинъ по происхожденію, въ 713 г. обнародовалъ законъ, отмѣнявшій иконопочитаніе. Существовали издавна племена и секты востока, отрицавшія обязательность почитанія иконъ, таковы были, напримѣръ, малоазійскіе армяне, павликіане. Левъ III поэтому вовсе не былъ иниціаторомъ иконоборства; волна послѣдняго давно подымалась и наростала на востокѣ, и исаврійскій императоръ былъ только вынесенъ ею наверхъ и оказался бросающимся въ глаза ея завиткомъ.

Льва III ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ противу-христіанскихъ идеяхъ, какъ это дѣлали враги иконоборческаго движенія. Императоръ-преобразователь былъ слишкомъ преданъ православію, чтобы измѣнять въ чемъ-либо догматы вѣры. Иконопочитаніе же являлось не догматомъ, но всего лишь основаннымъ на обычаѣ и утилитарныхъ цѣляхъ обрядомъ.

Западническая партія, отстаивая вещественное поклоненіе иконамъ, отстаивала цѣлую государственную систему; въ свою очередь націоналисты, нападая на изображенія святыхъ и Бога, нападали на ненавистный имъ общественный порядокъ. Иконопочитаніе и иконоборство оказались въ существѣ дѣла только знаменами, вокругъ которыхъ группировались бойцы различныхъ партій. Нужно признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ націоналисты проявили крайности фанатизма, не уступавшаго въ своихъ излишествахъ слѣпой ярости западниковъ, но этотъ печальный фактъ объясняется вышеуказаннымъ вѣковымъ политическимъ воспитаніемъ, подавившимъ и разнуздавшимъ страсти.

Какъ мало было личной изобрѣтательности въ дѣлѣ открытія идеи иконоборства со стороны Льва III—явствуетъ изъ того, что первый опытъ его въ указанномъ направленіи немедленно встрѣтилъ горячее сочувствіе сотенъ тысячъ единомышленниковъ, среди которыхъ насчитывалось множество выдающихся личностей. Императоръ взялъ на себя осуществленіе вопроса, давно назрѣвшаго въ нѣкоторыхъ слояхъ византійскаго общества *). На призывъ Льва къ уничтоженію иконопоклоненія тотчасъ же откликнулись архіепископъ Ефеса Ѳеодосій, Фана, епископъ Клавдіополя въ Галатіи, и Константинъ—Наколіи во Фригіи. Названіе областей прямо указываетъ, откуда предпринятое властью иконоборческое движеніе получило первую помощь. Провинціи востока первыя доставили ему убѣжденныхъ сторонниковъ въ средѣ высшаго духовенства. Восточные легіоны первыми высказались за желательность нововведенія и съ тѣхъ поръ съ оружіемъ въ рукахъ всякую минуту являлись готовыми поддержать реформу противъ ея враговъ. Знаменательно также, что правой рукой Льва Исаврянина и его надежнымъ совѣтникомъ обрядоваго преобразованія оказался сиріецъ Визиръ.

Левъ III могъ убѣдиться на опытѣ, что партія націоналистовъ была въ состояніи служить прочной точкой опорой его начинаніямъ. За свѣтскія реформы онъ принялся не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, но въ отношеніи религіозныхъ, сравнительно, долго медлилъ. Только спустя девять лѣтъ послѣ занятія престола, утвердившись на немъ, осмотрѣвшись, покрывъ себя славой многочисленныхъ побѣдъ надъ безпокойными арабами, Левъ представилъ для утвержденія сенату указъ, осуждавшій иконопочитаніе, какъ идолопоклонство. Высшее пра-

*) Съ этой точки зрѣнія необходимо отвергнуть легенду о козняхъ какого-то еврея, повліявшаго на Льва, и на желаніе послѣдняго подражать арабскому калифу Череду. Сомнѣніе относительно еврейскаго воздѣйствія высказалъ уже Burigni, Histoire des révolutions de l'empire de Constantinople 1750 г., кн. II, царствованіе Льва Исавра.

вительственное мѣсто, пользовавшееся тогда достаточнымъ вліяніемъ, не высказалось противъ эдикта. Указъ былъ обнародованъ.

Согласно своимъ истинно христіанскимъ убѣжденіямъ съ одной стороны и освободительному просвѣщенному образу мыслей съ другой, Левъ не принималъ никакихъ насильственныхъ мѣръ къ приведенію несогласныхъ въ единомысліе съ императоромъ. Онъ не позволилъ себѣ даже непосредственнаго оскорбленія религіозныхъ чувствъ преданной поклоненію иконамъ черни. На первый разъ императоръ только распорядился повѣсить въ храмахъ священныя изображенія возможно выше для того, чтобы воспрепятствовать слишкомъ вещественному ихъ обожанію *).

Какъ и нужно было ожидать, первое противодѣйствіе иконоборству, поднявшемуся съ востока, послѣдовало съ запада. Папа Григорій II счелъ этотъ поводъ наиболѣе удобнымъ для того, чтобы окончательно устранить остатки номинальной зависимости отъ Византіи и потому рѣшительно протестовалъ противъ иконоборческаго эдикта.

Вмѣшательство папы вызвало волненія опять-таки въ романизованныхъ областяхъ имперіи, въ Верхней Италіи, Македоніи, Иллиріи, Пелопонезѣ, окончательно разошедшимися съ востокомъ въ основахъ міросозерцанія. Левъ III пытался подѣйствовать на папу силою убѣжденія, какъ это и подобало истинному представителю христіанскаго эллинизма. Убѣжденія, однако, не подѣйствовали ни на папу, ни на населеніе западныхъ провинцій. Тогда императоръ прибѣгъ къ силѣ и подавилъ мятежъ. Послѣдствіемъ открытаго сопротивленія западниковъ явилось изданіе указа 728 г., безусловно отмѣнявшаго поклоненіе иконамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ практика показала, что въ борьбѣ съ римской партіей правительству не представлялось возможнымъ идти путемъ полумѣръ. Второй иконоборческій

*) Подробное изложеніе хода иконоборческихъ мѣръ см. Παραρρηγοπουλο, Histoire de la vilisation hellénique, стр. 195 и слѣд.

указъ, за исключеніемъ патріарха Германа съ большинствомъ высшаго духовенства, былъ встрѣченъ также сочувственно. Новыя увѣщанія не убѣдили патріарха. Все еще не желавшій обостренія отношеній, императоръ передалъ свой споръ съ Германомъ на разсмотрѣніе сената, но первосвященникъ не пожелалъ никакихъ третейскихъ судей въ своемъ дѣлѣ, кромѣ папы. Левъ раздражился, смѣстилъ патріарха и замѣнилъ его синкеллomъ Анастасіемъ.

Западники не унялись. Тщетно преданное реформѣ духовенство проповѣдывало противъ языческихъ пріемовъ иконопоклоненія, тщетно свѣтскими средствами агитировалъ Визиръ, тщетно, наконецъ, появлялся на ораторской каѳедрѣ самъ императоръ, руководители иконопочитателей и самая масса продолжали упорствовать.

Въ исполненіе императорскаго указа должностныя лица приступили къ истребленію священныхъ изображеній. Эта уже прямо оскорбительная для религіозныхъ чувствъ толпы мѣра привела обѣ партіи къ кровавому столкновенію. Горстью черни и монаховъ у самыхъ дверей дворца были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей офицеръ императорской гвардіи съ нѣсколькими солдатами. Въ то-же время мятежники совершили нападеніе на домъ патріарха Анастасія съ цѣлью умерщвленія послѣдняго и такимъ образомъ переступили всякія границы дозволеннаго. Они начали совершать преступленія общеуголовнаго характера. Власть не могла долѣе оставаться безразличной. Гвардія получила приказаніе разсѣять возмутившихся, павшихъ же въ свалкѣ своихъ сторонниковъ иконодулы поспѣшили занести въ списки мучениковъ за христіанскую вѣру.

«Несомнѣнно, говоритъ г. Папарригопуло, Левъ III въ иконоборческихъ стремленіяхъ самъ зашелъ слишкомъ далеко, какъ справедливо писалъ Іоаннъ Дамаскинъ, иконы для людей необразованныхъ (попутная характеристика представителей западнической партіи) имѣютъ то-же значеніе, что книги для

грамотныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, иконы наглядно учили народъ исторіи церкви и отчасти даже догмѣ ея. Отрицательное значеніе иконъ заключалось только въ кощунственномъ обожествленіи ихъ, съ чѣмъ нужно было бороться не запретительными указами, но распространеніемъ просвѣщенія, ослабленіемъ вліянія монашества и повышеніемъ общей культурности. Этими мѣрами впослѣдствіи лучшіе византійскіе государи боролись съ западническими тенденціями, не измѣняя духу восточно-эллинской терпимости къ разномыслію. Что же касается ударовъ топора по писанному лику Спасителя или Богородицы, то, вызванные отзвукомъ той-же римской прямолинейности, они могли оскорблять и отвращать отъ реформы даже убѣжденныхъ націоналистовъ.

Нельзя, однако, не признать, что, до извѣстной степени, иконоборческимъ правительствомъ принимались разумныя мирныя средства борьбы съ предубѣжденіемъ противниковъ. Левъ III самъ озаботился о постепенной передачѣ завѣдыванья школами въ руки свѣтскихъ лицъ и бѣлаго духовенства. Извѣстенъ случай обращенія перваго императора иконоборца за содѣйствіемъ къ корпораціи профессоровъ высшей константинопольской школы. Къ сожалѣнію, ученая коллегія, состоявшая точно также изъ монаховъ, отказала своему государю въ помощи и потому была упразднена *).

Не смотря на допущенныя вынужденныя крайности, реформа, однако, достигла своей цѣли. Она доставила возможность отечественнымъ элементамъ свободно, а не украдкой по недосмотру начальствующихъ, пробиться наружу и открыто заявить свои права на существованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ восточно-эллинская реакція не дошла до того, чтобы огуломъ отрицать все полученное отъ Рима наслѣдіе. Правда Эклога Льва и Константина отклонилась отъ системы юстиніанова Ко-

*) Легенда о сожженіи библіотеки-школы со всѣми профессорами не согласуется съ характеромъ эпохи и должна быть отнесена въ область вымысла. (Скабалановичъ. Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ. Христ. чтеніе. 1884 г., г. I, стр. 352).

декса, но за то она сохранила цѣлые отдѣлы столь разработаннаго римскими юристами гражданскаго права. Составители Эклоги выкидывали только то, что шло въ разрѣзъ съ взглядами націоналистовъ по существу. По этому въ сборникѣ исаврійцевъ не имѣется юстиніановскаго обилія титуловъ, охранявшихъ правовѣріе, лучше сказать, единомысліе, и ограничивающихъ гражданскую личность людей сомнительной чистоты исповѣданія. Въ Эклогѣ выпущены запрещенія подымать споры о св. Троицѣ, о православіи; страницы ея не заполнены въ такихъ подавляющихъ размѣрахъ перечисленіемъ правъ и преимуществъ сановниковъ sacrosanctae ecclesiae съ различными подчиненными ей разрядами лицъ. Ученіе о евреяхъ, манихеяхъ, самаритянахъ и еретикахъ не разработано съ такой исчерпывающей предметъ полнотой, но тѣмъ не менѣе уголовные титулы эклоги напоминаютъ Кодексъ. Статья 52 семнадцатаго титула исаврійскаго уложенія гласитъ кратко: οἱ μανιχάοι καὶ οἱ μοντανοὶ ξίφει τιμωρείσθωσαν—манихеи и монтанисты подлежатъ наказанію мечемъ.

Правда, вышеприведенный текстъ есть возможность толковать относительно благопріятно для еретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, редакція закона въ данномъ случаѣ очень глуха и неопредѣленна. Мы не имѣемъ указаній, чтобы въ царствованіе Льва Исаврянина манихеи и монтанисты подвергались наказанію мечемъ безъ всякаго другого повода, кромѣ образа мыслей. Опытъ принужденія павликіанъ къ крещенію былъ совершенъ Львомъ въ первыя дни его царствованія и затѣмъ болѣе не повторялся; если-же мечемъ посѣкались манихеи и монтанисты за общія уголовныя преступленія, то въ этомъ родѣ наказанія нельзя видѣть какихъ-бы то ни было privilegia odiosa, такъ какъ и православные подвергались такой-же самой карѣ за правонарушенія, предусмотрѣнныя многочисленными статьями той-же Эклоги *). При всемъ томъ нарочитое

*) Zachariae a Lingenthal. Jus graeco-romanum, pars. IV, Ecloga privata acuca, titulus XVII, 35, 37, 39, 41. Указанныя статьи см. также у Леунклавія, Jus graeco-romanum, t. II, tit. XVI, ст. 21, 35, 53 и др.

выдѣленіе манихеевъ и монтанистовъ въ законѣ въ особый параграфъ свидѣтельствуетъ о вниманіи законодателя къ взглядамъ западнической партіи и объ уваженіи къ старинѣ, хотябы только наружномъ.

Кстати сказать родъ преемственности въ отношеніи стараго и новаго въ византійскихъ законахъ позволяли установить многіе проблески эллинизма, вкравшіеся еще въ законодательство Юстиніана. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже говорили при случаѣ; теперь является необходимымъ упомянуть одну новеллу, устанавливающую исключеніе изъ общихъ запретительныхъ нормъ относительно иновѣрцевъ нѣкоторыхъ разрядовъ. Именно самаритяне въ общемъ порядкѣ лишенные права наслѣдованія, пользовались таковымъ, будучи колонами *). Строгій, неуклонный въ дѣлахъ вѣры Юстиніанъ принужденъ былъ сдѣлать уступку давленію обстоятельствъ, но таковая уступка являлась благопріятнымъ прецедентомъ къ установившейся въ Византіи впослѣдствіи гражданской равноправности безъ различія исповѣданій.

Итакъ, въ законахъ Льва III мы можемъ видѣть нѣкоторые прямые намеки на вѣротерпимость по отношенію еретиковъ. Сынъ-же его Константинъ V Копронимъ выразилъ этотъ принципъ самымъ явственнымъ образомъ. Нисколько не стѣсняясь существованіемъ въ уголовныхъ законахъ отца 52 статьи семнадцатаго титула, карающаго мечемъ манихеевъ и монтанистовъ, Константинъ не затруднился на мѣсто вымершей отъ чумы части константинопольскаго населенія перевести изъ Сиріи и Арменіи массы колоновъ павликіанскаго толка, долженствовавшихъ служить императору опорой въ его иконоборческихъ стремленіяхъ.

Полумѣры Льва III не подѣйствовали на западниковъ. Константинъ Копронимъ рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе. Въ 754 г. онъ созвалъ на малоазійскомъ берегу Босфора соборъ

*) Just. novella CXVII, de samaritis, II. Новелла вызвана желаніемъ поощрить земледѣліе въ имперіи.

изъ 388 епископовъ, торжественно осудившихъ иконочитаніе. Западная партія произвела въ отвѣтъ на это постановленіе новые безпорядки. Уже ранѣе озлобленный ея политическими происками, императоръ далъ волю своему гнѣву, и теперь начались настоящія казни и гоненія. Повидимому, считая свѣтскія реформы отца достаточными для своего времени, Константинъ пятый старался всѣми силами закрѣпить ихъ при помощи возможнаго ослабленія западниковъ. Съ этой цѣлью онъ насмѣхался и издѣвался надъ монахами, казнилъ заподозрѣваемыхъ въ крамолѣ свѣтскихъ лицъ высшаго круга, обращалъ ихъ имѣнія и имущества монастырей въ государственную казну.

Преемникъ Константина Копронима Левъ IV вначалѣ не отступалъ отъ политики династіи, политики націоналистовъ, но позднѣе, подъ вліяніемъ тайной сторонницы западнической партіи, жены своей Ирины, допустилъ жестокую ошибку. Защитники стараго порядка съумѣли черезъ женскую половину дворца убѣдить императора, что отецъ его переступилъ границы реформы задуманной дѣдомъ и что для блага государства требуется бо́льшая умѣренность. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Папарригопуло *), совѣтъ былъ болѣе чѣмъ коваренъ. Интересы націоналистовъ требовали нанесенія рѣшительнаго удара монашеству, въ которомъ прочно засѣли римскія религіозныя и политическія идеи. Между тѣмъ Левъ IV вернулъ монахамъ многія права, потеряпныя ими въ предшествовавшія царствованія. Послабленія западниковъ тотчасъ-же заставили ихъ поднять голову и начать домогаться дальнѣйшихъ уступокъ. Только тогда Левъ IV понялъ свой промахъ, пожелалъ искупить его, но было уже поздно. Разрывъ съ женой привелъ его къ внезапной смерти, причину которой легко уразумѣть, сопоставивъ замыслы Ирины и ослѣпленіе ея родного сына съ западническими стремленіями ей мѣшавшаго императора

*) Histoire de la civilisation hellénique, 223.

Послѣ кончины Льва IV, отъ имени сына ставшая во главѣ правленія, аоинянка Ирина въ короткій срокъ возстановила монашество, иконопочитаніе, а вмѣстѣ съ ними и всѣ злоупотребленія стараго порядка. Выказавшіе преданность реформамъ, испытанные восточные легіоны были распущены и замѣнены новобранцами изъ западныхъ областей; главнокомандующимъ, на мѣсто прославленнаго побѣдами Лаханодракона, былъ назначенъ бездарный любимецъ императрицы евнухъ Ставракій, впослѣдствіи превратившійся въ перваго министра; провинціи застонали отъ чрезмѣрныхъ поборовъ, лихоимства и несправедливостей чиновниковъ; внѣшняя политика подъ вліяніемъ ряда испытанныхъ пораженій пріобрѣла характеръ заискиванья и безграничной уступчивости, украсившихъ Византію рядомъ унизительныхъ договоровъ. Не доставало только религіозныхъ гоненій, чтобы картина была точнымъ осколкомъ съ эпохи царствованія Юстиніана или Геракліевъ.

Націоналисты постоянно волновались, устраивали заговоры, манифестаціи, уличныя возмущенія. Внутренняя политика пошла толчками. Императоръ Никифоръ, не возбуждая вопроса объ иконахъ, опять отнялъ много земельныхъ имѣній у монастырей и всѣ ихъ имущества безъ изъятія обложилъ государственнымъ сборомъ. Михаилъ Ранкабе́, наоборотъ, далъ льготы монашествующимъ и объявилъ войну еретикамъ-павликіанамъ, оплоту иконоборства. Замѣстившій Михаила Левъ Армянинъ опять круто повернулъ дѣло въ пользу коренной реформы во всѣхъ ея видахъ. Состоявшійся при немъ соборъ опять отмѣнилъ поклоненіе священнымъ изображеніямъ, кромѣ креста, и ввелъ новый кругъ церковныхъ пѣснопѣній. Михаилъ Косноязычный склонялся на сторону безотносительной терпимости и умѣренности, но сынъ его Ѳеофилъ на Влахернскомъ соборѣ въ 833 г. въ третій разъ осудилъ торжественно иконопочитаніе и подвергъ усиленному преслѣдованію монаховъ. Между прочимъ, монастыри въ населенныхъ мѣстностяхъ были закрыты, и черное духовенство получило рѣшительное запреще-

ніе появляться въ многолюдныхъ собраніяхъ во избѣжаніе тѣснаго общенія съ народомъ.

Послѣ смерти Θеофила западническая партія достигла формальнаго перевѣса, но въ глубинѣ вещей торжество ея было только временнымъ, мнимымъ. Реакція уже носила смертельную рану, полученную ею въ борьбѣ съ представителями крайняго національнаго въ его грубо-насильственныхъ проявленіяхъ. Столѣтнее господство реформы не прошло даромъ. Оно оставило на всѣхъ сторонахъ византійской жизни неизгладимые слѣды, совокупной силѣ которыхъ принуждены были подчиниться римскія традиціи.

§ 3. Періодъ третій. Отъ Василія Македонянина до Алексѣя Комнина.

Какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ области общественныхъ отношеній равнодѣйствующая двухъ силъ всегда выбираетъ средній путь и идетъ по діогонали. Столкновеніе въ Византіи двухъ противуположныхъ крайнихъ партій породило собой существованіе третьей, выставившей своимъ руководящимъ началомъ умѣренность и возможное соблюденіе разумныхъ интересовъ обоихъ боровшихся направленій.

Представителей умѣренности постепенно начали выдѣлять изъ себя обѣ партіи и на этомъ базисѣ основалась впослѣдствіи мудрая политика замѣчательныхъ по чуткости и пониманію сложныхъ задачъ правительства государственныхъ дѣятелей Комниновъ. Правительство, съ головой переходящее на сторону одной какой-либо общественной группы, какъ замѣтилъ еще Платонъ, измѣняетъ своему назначенію общаго представительства и, сообщая исключительную силу однимъ въ ущербъ другихъ, содѣйствуетъ колебаніямъ государственнаго равновѣсія, порожденнаго компромиссомъ. И романизованные императоры западники и восточники иконоборцы равнымъ образомъ грѣшили противъ вышеуказаннаго правила и тѣмъ самымъ содѣйствовали смутамъ въ своихъ владѣніяхъ.

Первые явственные признаки появленія партіи умѣренныхъ нужно отнести къ царствованію Льва IV. Мы знаемъ, что, когда императрица Ирина пригласила на патріаршій престолъ своего приверженца Тарасія, онъ сразу объявилъ свою программу дѣйствій. Новый патріархъ, какъ оказалось, рѣзко раздѣлялъ въ своемъ представленіи поклоненіе Божеству, которое можно постигать только мысленно, и уваженіе къ иконамъ, которыя представляютъ собой только средство мнемоники и ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи проявить ни доли божественныхъ, достойныхъ обожанія качествъ. Онъ училъ, что цѣлованіе иконъ, земные поклоны передъ ними, воскуреніе фиміама и возженіе свѣчей есть не что иное, какъ простой обычай, не болѣе. Примиряя такимъ образомъ западниковъ и націоналистовъ, Тарасій вмѣстѣ съ единомышленниками высказывался за сохраненіе свѣтскихъ преобразованій иконоборческихъ императоровъ, но Ирина со Ставракіемъ и монахами не пожелали остановиться на полъ-пути и рѣшили уничтожить все, что напоминало о реформѣ *). Восшествіе на престолъ друга Тарасія, великаго логоѳета Никифора, ознаменовалось относительнымъ примѣненіемъ принциповъ умѣренности къ дѣятельности правительства; воззрѣнія примирителей сказались и при Михаилѣ Рангабе́, въ царствованіе котораго съ необычайной быстротой во многихъ областяхъ Малой Азіи начало распространяться павликіанство. Западникъ по убѣжденіямъ Рангабе́ вмѣнилъ себѣ въ обязанность принять мѣры къ пресѣченію зла и созвалъ нарочитый совѣтъ для опредѣленія плана дѣйствій. Собесѣдовали умѣренные и крайніе правые. Первые настаивали на обращеніи еретиковъ въ лоно церкви кротостью, мирной проповѣдью, распространеніемъ просвѣщенія; вторые безусловно требовали казней, ссылаясь на примѣръ наказанныхъ Богомъ Ананіи и Сафиры Внявъ мнѣнію обѣихъ сторонъ, Михаилъ распорядился обезглавить коновода павликіанъ, но пощадилъ ихъ отъ массоваго избіенія.

*) Paparrigopoulo. Hist. de la civilis. hellénique, 231.

Какъ и нужно было ожидать, иконоборцевъ, точно также какъ и иконопочитателей, поддерживала извѣстная часть фанатически настроенныхъ низшихъ классовъ общества; къ умѣреннымъ примкнула высшая интеллигенція, и потому въ ихъ рядахъ всегда подвизалось избранное меньшинство. Въ царствованіе Михаила Косноязычнаго голосъ умѣренныхъ предпочительно передъ другими опять былъ услышанъ правительствомъ, и съ тѣхъ поръ вліяніе ихъ на дѣла управленія пошло глубже и увѣреннѣе, не смотря на наступившую при Василіи Македонянинѣ западническую реакцію.

Прошедшее всегда обусловливаетъ собою будущее и настоящее: силою вещей борющіяся начала необходимо вырабатываютъ, въ концѣ концовъ, нѣкоторый modus vivendi въ томъ случаѣ, когда оба являются достаточно сильными, чтобы не быть вполнѣ поглощену противникомъ. Иконоборство, объявившее непримиримую вражду всякимъ изображеніямъ Божества и святыхъ, должно было въ итогѣ примириться съ возстановленіемъ иконопочитанія; послѣднее, въ свою очередь, подъ воздѣйствіемъ открыто высказываемыхъ критическихъ взглядовъ, въ свою очередь утратило языческую окраску и уступило мѣсто настоящему его христіанскому отвлеченному пониманію. Со времени иконоборства пластическія изображенія, священныя изваянія навсегда потеряли свою привлекательность для православныхъ; въ отношеніи-же иконъ даже католики признали ихъ относительное условное значеніе.

Борьба націоналистовъ съ западниками основывалась на коренномъ различіи культурныхъ взглядовъ. Но съ теченіемъ времени націоналисты отрѣшились отъ крайностей отрицанія всего иноземнаго, съ другой стороны, западники прониклись національной гордостью, не допускавшей болѣе тѣстныхъ сношеній съ папой и видѣвшей въ таковомъ общеніи измѣну родинѣ. Стремленія націоналистовъ привели къ полному разрыву между востокомъ и западомъ. Благодаря энергіи представителей отечественной партіи, воскресли убитые романи-

зованные императорами Платонъ и Аристотель; быстро двинулось впередъ образованіе въ высшихъ классахъ. Выработался принципъ мягкости въ обращеніи съ еретиками. Здѣсь мы встрѣчаемъ новый случай компромисса. Общество не отказывало отъ идеи единства исповѣданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно начинало сознавать непригодность дотолѣ практиковавшихся средствъ религіозной борьбы, и исповѣдныя гоненія постепенно вымираютъ естественной смертью. Какъ мы указали выше, царствованіе Василія Македонянина должно считать высшей точкой формальнаго торжества западнической партіи. Въ самомъ дѣлѣ, реформа, господство которой продолжалось съ небольшими перерывами почти цѣлое столѣтіе, вмѣстѣ со всѣми своими дѣятелями, съ высоты престола была заклеймлена, какъ нѣчто безбожное и нечестивое. Исаврійскіе законы подверглись безусловному осужденію и полузабытый памятникъ юстиніанова законодательства долженъ былъ опять возродиться въ видѣ Василикъ, съ разными юридическими сборниками второстепенной важности, вродѣ Прохирона, различныхъ Анакатарзисовъ, Эпанагогъ, Синопсисовъ и проч.

Романизованный Славянинъ по происхожденію, Василій Македонянинъ, при вступленіи на царство, несомнѣнно, былъ одушевленъ желаніемъ вернуть имперію къ тѣмъ, съ его точки зрѣнія, счастливымъ временамъ, когда Византіей правилъ такой-же какъ и онъ худородный уроженецъ Балканскаго полуострова, покрытый однако порфирой римскихъ императоровъ. Въ силу своихъ романскихъ тенденцій, Василій съ предубѣжденіемъ долженъ былъ отнестись ко всему, что создалось стараніями восточныхъ государей націоналистовъ. Замѣститель Михаила-Пьяницы и не думалъ скрывать своихъ симпатій или антипатій. Во введеніи къ Прохирону онъ слѣдующимъ образомъ отзывается объ Эклогѣ и объясняетъ необходимость изданія новаго уложенія: «такъ какъ наши предшественники оставили намъ нѣчто подобное, то почему-бы и намъ не успокоиться на этомъ сокращеніи и зачѣмъ прибѣгать ко второй

выборкѣ... Слѣдуетъ, однако, знать, что это руководство содержало не столько выборъ, сколько извращеніе добрыхъ законоположеній, допущенныхъ намѣренно собирателемъ». Подъ извращеніемъ добрыхъ законоположеній, Василій Македонянинъ разумѣлъ не что иное, какъ Эклогу. Точно также въ предисловіи къ Эпанагогѣ законы иконоборцевъ рѣшительно объявляются отмѣненными вслѣдствіе ихъ богопротивности.

Отрицая всю дѣятельность и всѣ заслуги иконоборцевъ, Василій желалъ возстановить Юстиніаново законодательство во всей его неприкосновенности и вернуть Византію къ эпохѣ господства римскихъ идей въ церкви и государствѣ.

Формально задуманное предпріятіе въ значительной степени было исполнено. Текстъ Василикъ съ точностью воспроизвелъ большую часть устарѣвшихъ положеній Кодекса, но повелѣніе императора не могло вдохнуть жизнь въ то, что давно изжило свое старое содержаніе и замѣнило его новымъ. Буква закона разошлась съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Такъ напримѣръ, въ Василикахъ мы встрѣчаемся съ изложеніемъ праваго состоянія колоновъ по тексту юстиніановыхъ законовъ, между тѣмъ, положеніе колоната кореннымъ образомъ измѣнилось уже при Львѣ III, а Василій между тѣмъ не издавалъ эдиктовъ, возвращающихъ крестьянъ въ прежнюю зависимость. До насъ дошли указанія, что послѣдствія крестьянской реформы продолжали существовать при македонской династіи во всей ихъ неприкосновенности, и потому части Василикъ, касающіяся колоната, въ дѣйствительности не имѣли никакого реальнаго значенія *). Слова ихъ были звукъ пустой. Далѣе: параграфъ первый шестого титула второй книги тѣхъ-же Василикъ торжественно гласитъ: «императоръ не подчиненъ законамъ», второй параграфъ точно также дословно переводитъ положеніе: quod principi pla-

*) Доказательство тому смотри «Ж. М. Н. П.», Васильевскій. Законодательство иконоборцевъ, 1878, т. 200, стр. 126.

cuit legis habebit vigorem. Не смотря на существованіе такихъ нормъ въ дѣйствовавшемъ законѣ, извѣстно, что примѣненія къ практикѣ онѣ не получали, въ виду того, что христіанскіе императоры сами признавали ограниченіе своей воли по крайней мѣрѣ въ отношеніи предписаній Евангелія и семи вселенскихъ соборовъ. Что-же касается въ частности Василія Македонянина, то онъ самъ въ Эпанагогѣ еще болѣе ограничивалъ себя четвертымъ параграфомъ перваго титула этого сборника *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ полновластіи византійскіе императоры въ значительной степени подчинялись всегда силѣ общественнаго мнѣнія и установившимся обычаямъ, откуда видно, что формула римскаго деспотизма оставалась кимваломъ гремящимъ и болѣе ничѣмъ **).

Давленіе новыхъ условій общественной жизни, при этомъ было настолько велико, что составители Василикъ, не смотря на объявленную анаѳему исаврійскому законодательству, не могли не позаимствоваться отъ него, если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ. Критика текста Василикъ установила безусловное подчиненіе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ Прохирону, изъ котораго заимствованы многія мѣста 39-го титула сороковой уголовной главы и титула сорокового о раздѣлѣ добычи ***). Прохиронъ же въ соотвѣтствующихъ частяхъ носитъ на себѣ явственные слѣды вліянія исаврійской Эклоги, которую въ качествѣ источника указываютъ сами составители названнаго уложенія въ предисловіи къ послѣднему.

Василій Македонянинъ пожелалъ снова наложить на византійскую имперію римскія цѣпи. Но онѣ спадали съ набравшагося

*) Ὑπόκειται ἐκδικεῖν καὶ διατηρεῖν ὁ βασιλεὺς πρῶτον μὲν πάντα τὰ ἐν τῇ θείᾳ γραφῇ γεγραμμένα, ἔπειτα δὲ καὶ τὰ παρα τῶν ἁγίων συνόδων δογματισθέντα ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐγκεκριμένους ῥωμαικοὺς νόμους.

**) Относительно значенія христіанскаго общественнаго мнѣнія въ смыслѣ ограниченія произвола власти см. статью В. С. Соловьева. Вѣстникъ Европы 1896 г. кн. 3 и 4. Византизмъ и Россія.

***) Аваревичъ. Исторія византійскаго права, т. II, 81.

свѣжихъ силъ политическаго тѣла вслѣдствіе естественныхъ условій органическаго роста Жизнь какъ бы обтекала Василики. Крестьянское населеніе продолжало существовать на новыхъ основаніяхъ, пользуясь для своихъ нуждъ исаврійскимъ земледѣльческимъ закономъ. Въ обществѣ обращалось множество законодательныхъ сборниковъ, замѣнившихъ необъятный сводъ изъ шестидесяти книгъ, и вмѣстѣ съ прочими на равныхъ правахъ продолжала циркулировать и отреченная Эклога. Василики, хотя и въ сокращенномъ видѣ, воспроизвели постановленія Кодекса о еретикахъ, евреяхъ и математикахъ, но тотъ-же Василій за рѣдкими исключеніями отказывался прибѣгать къ жестокимъ и принудительнымъ мѣрамъ по отношенію иновѣрцевъ и сектантовъ даже тогда, когда считалъ необходимымъ ихъ обращеніе въ правовѣріе. Извѣстно, напримѣръ, что онъ обѣщалъ денежныя награды евреямъ, изъявлявшимъ желаніе креститься.

Основатель македонской династіи былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не понять послѣ нѣкотораго числа опытовъ, что вернуться въ дѣйствительности къ юстиніановымъ порядкамъ безъ ущерба не только для народа, но и для императорской власти, невозможно. По рожденію и воспитанію этотъ императоръ принадлежалъ къ западнической партіи и, кромѣ того, нуждаясь въ ея поддержкѣ, въ тяжелыя минуты первыхъ шаговъ правленія, въ началѣ царствованія, рѣшилъ прямо перейти на ея сторону. Но, какъ мы постараемся доказать ниже, въ третьемъ отдѣлѣ нашего труда, онъ вскорѣ замѣтилъ, что за годы борьбы съ иконоборцами при постоянныхъ сношеніяхъ съ непомѣрно возвеличеннымъ папою, взгляды и программа главнѣйшей части западниковъ, именно чернаго духовенства съ патріархомъ во главѣ, радикально измѣнились. Какъ прежде чернь, такъ теперь императоръ для нихъ являлся простымъ орудіемъ новыхъ своеобразныхъ цѣлей. Василій непосредственно имѣлъ случай продумать и прочувствовать всю опасность близкаго союза съ западниками и отсюда

произошелъ тотъ поворотъ въ его политикѣ, который, съ провозглашеніемъ необходимости вернуться назадъ, въ то же самое время незамѣтно далъ свободный ходъ поступательному развитію націоналистическихъ началъ въ ихъ умѣренной формѣ. Поэтому то на сторонѣ западнической партіи перевѣсъ получился не реальный, а только формальный.

Естественнымъ путемъ Василій пришелъ къ признанію правильности принциповъ политики умѣренныхъ, но онъ не далъ ей открытой санкціи въ силу шаткости своего трона, продолжая выставлять себя западникомъ и поддерживать дружескія связи съ папой. Проницательнымъ практическимъ умомъ государственнаго человѣка Василій Македонянинъ проникъ въ тайну разумной дѣятельности правительства; онъ постарался представить въ своемъ лицѣ всѣ важнѣйшіе интересы группъ, составляющихъ государство, и этимъ вполнѣ объясняется, почему бывшій конюхъ, убійца законнаго государя и своего благодѣтеля, снискалъ такую безграничную любовь и преданность подданныхъ, перенесшихъ свои чувства даже на недостойныхъ изъ его потомковъ.

Достойными-же великаго предка были только сынъ Василія Левъ VI и Константинъ Порфирородный, до извѣстной степени, старавшіеся продолжать начала умѣренности въ политикѣ и въ своихъ новеллахъ воспроизводившіе формально не признаваемые принципы иконоборческихъ императоровъ; это началъ дѣлать уже самъ Василій, отвергшій вмѣстѣ съ Эклогой римскій конкубинатъ, ограничившій исключительную власть отца въ отношеніи дѣтей, установившій равенство уголовныхъ наказаній, «не взирая на лица», стѣснившій прежнюю легкость развода и проч. *).

То обстоятельство, что основатель македонской династіи, если такъ можно выразиться, наклеилъ на свою правительственную систему западническій ярлыкъ, не осталось безъ нѣкото-

*) Novellae №№ I, III, IX, XI и др. Mortreuil. Histoire de droit byzantin, t. II 280 и слѣд.

рыхъ печальныхъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что съ одной стороны, послѣ смерти Василія правительство усвоило пороки того направленія, которое оффиціально взялъ подъ свое покровительство покойный императоръ, съ другой стороны общество двинулось далѣе по пути національностическаго развитія. Отсюда произошелъ внутренній разладъ, а затѣмъ и новыя столкновенія, новые толчки, колебанія государственнаго равновѣсія, съ такимъ трудомъ закрѣпленнаго въ царствованіе перваго македонянина.

Въ царствованіе худшихъ изъ его преемниковъ внутреннее управленіе имперіи являло картину, напоминавшую времена Юстиніана и Геракліевъ: общая распущенность нравовъ въ высшихъ классахъ, поруганіе семейнаго союза, кровавыя козни при дворѣ, господство евнуховъ, монаховъ и женщинъ, соединеніе ханжества съ изумительной свирѣпостью, непомѣрная расточительность, раззорительные налоги, произволъ чиновничества, коварство во внѣшней политикѣ и слабость въ вооруженной борьбѣ. Всѣ эти Зои, Ѳеодоры, Константины Мономахи, Михаилы Пафлагоняне кажутся какой-то стаей безразсудныхъ живущихъ минутой хищниковъ, своими дѣйствіями на много лѣтъ предупредившихъ мудрое правило подруги французскаго короля: «послѣ насъ, хоть потопъ».

Въ правленіе лучшихъ мы встрѣчаемъ слабыя попытки къ продолженію политики Василія, попытки, не получавшія однако надлежащаго значенія въ виду частой смѣны государей. Еще при Василіи монашество, по завѣтамъ иконоборцевъ, подверглось значительнымъ стѣсненіямъ. Согласно постановленію собора 861 г., подъ предсѣдательствомъ Фотія было запрещено учреждать новые монастыри безъ предварительнаго разрѣшенія подлежащаго епископа; не разрѣшалось также поступленіе въ монахи въ отсутствіе того, кто могъ принять необходимые обѣты. Въ дополненіе къ этимъ узаконеніямъ Романъ Лекапенъ запретилъ мелкимъ собственникамъ, поступающимъ въ монастырь, передавать ему свое имѣніе. Іоаннъ Цимисхій отнялъ право

свободнаго даренія монастырямъ, епископамъ и богоугоднымъ заведеніямъ недвижимыхъ имуществъ безъ особаго на то каждый разъ разрѣшенія верховной власти. Этотъ-же императоръ пріостановилъ построеніе новыхъ обителей и богоугодныхъ учрежденій подъ тѣмъ предлогомъ, что увеличеніе ихъ числа отнимаютъ необходимыя средства и поддержку благотворителей у существующихъ.

Исторія, при всемъ томъ свидѣтельствуетъ, что государей безразличныхъ къ истиннымъ нуждамъ имперіи третій періодъ далъ гораздо больше, нежели монарховъ дѣятельныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ долга и любовью къ подданнымъ.

Какъ мы уже разъ упомянули, западничество изъ борьбы съ націоналистами вышло обновленнымъ. Оно превратилось, если такъ можно выразиться, въ западничество отечественное, т. е. безъ непосредственнаго подчиненія запада въ дѣйствительности, оно усвоило себѣ нѣкоторые его идеалы и прежде всего идеалъ папства въ перенесеніи его на византійскую почву. Мы говоримъ о папистическихъ стремленіяхъ Константинопольскихъ патріарховъ, домогавшихся не только относительной самостоятельности, но—и прямого подчиненія себѣ свѣтскаго монарха. Новому движенію предстояла извѣстная будущность. Внѣшняя націоналистическая окраска обманула и привлекла въ данномъ случаѣ къ себѣ многихъ изъ бывшихъ противниковъ западническаго теченія, по послѣднее, не имѣя прочныхъ корней въ отечественныхъ понятіяхъ, слишкомъ рано порвало связи съ прежнимъ союзникомъ, римскимъ первосвященикомъ *), и слишкомъ поспѣшно выдало свои истинныя намѣренія свѣтской власти и тѣмъ подорвало себя.

Борьба со свѣтской властью ослабила западниковъ и дала новыя силы умѣреннымъ, вслѣдствіе чего конецъ третьяго періода подготовилъ въ политикѣ господство этого направленія, полнымъ выразителемъ котораго явился Алексѣй Комнинъ.

---

*) Разрывъ 1054 г. Михаила Кирулларія и папы Льва IX.

Въ томъ же третьемъ періодѣ былъ одинъ рѣзкій взрывъ національнзма въ старинномъ духѣ, но онъ устрашилъ всѣхъ и продолжался недолго. Заговоръ солдатъ провозгласилъ 8 іюня 1057 г. доблестнаго Исаака Комнина императоромъ. Новый государь немедленно указалъ основанія той программы, которой онъ намѣренъ былъ держаться. Чуть ли не первымъ дѣломъ онъ распорядился объ отобраніи въ казну всѣхъ жалованныхъ и жертвованныхъ недвижимостей какъ духовенству, такъ и свѣтскимъ лицамъ. Проклятія монашества, угрозы вѣчными мученіями въ будущей жизни за святотатство не остановили предпріимчиваго и рѣшительнаго монарха.

Честный и прямой солдатъ Исаакъ Комнинъ не былъ политикомъ по призванію и потому не признавалъ компромиссовъ. Прямолинейность и послужила причиной его ранней смерти, повидимому стоявшей въ непосредственной связи съ тѣмъ титуломъ шестидесятой книги Василикъ, который говоритъ περὶ φαρμακῶν καὶ τῶν διδόντων φάρμακον. Рѣзкость пріемовъ императора, не справлявшагося съ условіями времени, возбудила противъ себя всѣхъ безъ разбора. Прежняя страстность борьбы къ концу одинадцатаго столѣтія уже прошла давнымъ давно. Умѣренность пріобрѣла себѣ общее признаніе. Комнинъ дѣйствовалъ, такъ сказать заднимъ числомъ. Потому то, дѣлая оцѣнку дѣятельности этого замѣчательнаго государя, даже панигиристъ его, Михаилъ Пселлъ, самъ придерживавшійся освободительнаго образа мыслей, замѣчаетъ: «Богъ создалъ міръ въ шесть дней, а императоръ хотѣлъ все сдѣлать въ одинъ» *).

Исаакъ торопилъ событія и эта торопливость опять на нѣкоторое время отдала власть въ руки западниковъ, вслѣдствіе его собственной недальновидности. Ставя духовное родство выше тѣлеснаго, Комнинъ благородно устранилъ отъ престола родственниковъ и передалъ царство бывшему другу Дукѣ, подъ

*) П. В. Безобразовъ. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ, 84.

вліяніемъ общаго недовольства суровостью Исаака не оправдавшему возложенныхъ на него отрекшимся государемъ надеждъ.

Въ итогѣ болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее правленіе оппортунистовъ и ретроградовъ всевозможныхъ оттѣнковъ истощило имперію и опять привело ее на край гибели. Варвары, которыхъ не могло долѣе сдерживать величіе Византіи и сила ея оружія, сомкнулись тѣснымъ кольцомъ вокругъ до нельзя уменьшенныхъ владѣній нѣкогда столь могущественной державы. Формальный разрывъ съ западомъ создалъ въ лицѣ послѣдняго новаго непримиримаго врага. Въ борьбѣ съ внѣшними народами Византія опять оказалась не въ состояніи проявить должной силы сопротивленія и внутренняго единства. Если иногда что-нибудь и дѣлалось на пользу потрясаемаго извнѣ и изнутри государства, то только со стороны отдѣльныхъ выдающихся личностей, которыхъ въ то-же самое время преслѣдовала черная неблагодарность ихъ повелителей, усвоившихъ себѣ взгляды Юстиніана на Нарзеса и Велизарія. Такой участи, напримѣръ, подверглись Константинъ Лихудъ, Іоаннъ Ксифилинъ, Вріенній, Комнины и мн. др. Подозрительность и неблагодарность стали отличать большинство византійскихъ правителей, заботившихся только объ удовольствіяхъ своего тѣла и спасеніи своей же души.

§ 4. Періодъ отъ воцаренія Алексѣя Комнина до латинскаго завоеванія.

Алексѣй Комнинъ вступилъ на престолъ въ 1081 году. Въ правовомъ отношеніи ни царствованіе его самого, ни его наслѣдниковъ, не отмѣчено какими-либо законодательными работами вродѣ Кодекса, Эклоги или Василикъ. Можно сказать даже болѣе: формальное право во весь періодъ императорства Комниновъ не сдѣлало никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ и оставалось все время на той точкѣ, до которой довели его македоняне.

Помимо того, съ перваго дня занятія престола Алексѣй сталъ къ западникамъ и націоналистамъ оффиціально въ нейтральное положеніе. Онъ не объявлялъ никакой программы дѣйствій, не передавался ни на одну сторону. Политика его характеризуется полнѣйшей умѣренностью въ смыслѣ поставленія задачъ и выбора средствъ ихъ осуществленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ заступникомъ всѣхъ сосуществующихъ въ государствѣ интересовъ, въ Алексѣѣ Комнинѣ нельзя не видѣть просвѣщеннаго отчизнолюбца, подъ внѣшностью охранителя скрывавшаго свѣтлые освободительные взгляды, которые онъ умѣлъ проводить въ жизни.

Выдающейся особенностью византійскаго государственнаго устройства между прочимъ было-то обстоятельство, что правитель въ немъ разсматривался какъ нѣкоторое высшее должностное лицо, поставленное Богомъ для того, чтобы заботиться о подчиненномъ ему народѣ и вести его къ абсолютному благу. Общественное мнѣніе постоянно слѣдило за государемъ и если общество замѣчало, что таковой не отвѣчаетъ предъявляемымъ ему требованьямъ, оно считало себя вправѣ возбуждать тѣмъ или другимъ путемъ вопросъ о новомъ замѣщеніи престола. Внѣ вліянія этого могущественнаго фактора оставаться въ званіи монарха можно было только при помощи войска или преданности, поддержкѣ организованной сплоченной партіи. Всѣ лучшіе византійскіе государи безъ всякаго принужденія опирались прямо на общественное мнѣніе, прочіе прибѣгали къ другимъ точкамъ опоры, но только до времени. Къ первымъ по своимъ пріемамъ принадлежалъ и Алексѣй Комнинъ.

Онъ болѣе чѣмъ кто либо былъ освѣдомленъ съ язвами и недугами имперіи. Онъ ясно видѣлъ, какое зло приносили Византіи западники, всегда основывавшіе свой успѣхъ на самыхъ темныхъ сторонахъ народной жизни. Отъ него не было точно также скрыта та главная сила, на которую опиралась западническая партія. Съ монашествомъ боролись всѣ отчизнолюбцы, съ ними-же предстояла напряженная борьба ему.

Какого вліянія добивались подчасъ представители монашества въ государственныхъ дѣлахъ, слѣдуетъ изъ того, что многіе изъ нихъ въ царствованіе ничтожныхъ государей достигали высокихъ постовъ первыхъ министровъ, какъ напримѣръ Левъ Параспондилъ при Θеодорѣ и Михаилѣ Стратіотикѣ, Михаилъ Никомидійской при Вотаніатѣ и др. Какъ велико было значеніе монаховъ въ XI столѣтіи, намъ сообщаетъ проф. Скабалановичъ *).

Длинный рядъ по своему благочестивыхъ императоровъ постоянно заботился объ увеличеніи числа величественныхъ обителей и надѣленіи ихъ всякими преимуществами. Романъ Аргиръ, между прочимъ, воздвигъ монастырь, соперничавшій съ храмомъ Соломона и св. Софіей по богатству отдѣлки. Тысячи монаховъ укрывались въ этомъ убѣжищѣ праздности, обезпеченной щедрыми надѣлами наемнымъ трудомъ обрабатываемой земли. Въ сѣверномъ предмѣстьи Константинополя Михаилъ Пафлагонянинъ воздвигъ великолѣпный монастырь во имя св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана съ роскошными садами, прихотливыми бассейнами и купальнями для монаховъ. Нѣжность Константина Мономаха къ Склиренѣ выразилась въ совмѣстномъ построеніи дворца и монастыря. Императоры, патріархи и просто знатные люди наперерывъ другъ передъ другомъ соперничали въ сооруженіи убѣжищъ для чернецовъ, и въ этомъ отношеніи не уступали другимъ даже такія просвѣщенныя лица—какъ Константинъ Лихудъ и Іоаннъ Ксифилинъ. Построеніе монастырей, превратившееся въ какой-то спортъ, грозило отнять работниковъ и плательщиковъ податей у всей имперіи.

Отсюда понятно почему и Василій Македонянинъ, и Романъ Лекапенъ, и Іоаннъ Цимисхій, и Исаакъ Комненъ пытались наложить руку на монастырскія имущества; къ сожалѣнію, эти спорадическіе разрозненные опыты не были въ состояніи оста-

*) Византійская церковь и государство въ XI вѣкѣ, 425 и слѣд.

новить развитія силы чернаго духовенства непомѣрно возвышавшагося въ прямой ущербъ бѣлому.

Монашество было не только матерьяльной, но и нравственной силой тѣмъ болѣе страшной, что опору свою послѣдняя находила въ ослѣпленіи фанатизма и грубѣйшемъ невѣжествѣ буйной черни. Правда, среди тогдашняго монашества выдвигались исключительные люди, вродѣ Симеона Новаго Богослова, Іоанна Мавропода или не сохранившаго имени инока всесвятого-πανάγιος, но большинство, забывавшее обѣты самоотреченія, невѣжественное, любостяжательное, фарисействующее, мстительное, злобное пользовалось довѣрчивостью простяковъ для цѣлей, съ благочестіемъ ничего общаго не имѣющихъ. Вотъ какъ описываетъ, между прочимъ, Пселлъ одного своего сожителя въ монастырѣ на Олимпѣ: «лежа на ложѣ всю ночь, ты служишь свой канонъ, Іаковъ, радуясь умерщвленію плоти; ибо, предпочитая мѣха чаши, кубки, ты пьешь цѣлую ночь»... или: «Ты (Феревій) прожигаешь жизнь въ трактирахъ и съ языка своего не сходятъ волшебныя и любовныя слова. Всѣ говорятъ, что ты предаешься игрѣ въ кости, вращаешься въ обществѣ флейтщицъ и... самъ бы съ удовольствіемъ сталъ плясать на сценѣ.*) Симеонъ новый Богословъ подтверждаетъ обвиненія Пселла: онъ укоряетъ монаховъ за пристрастіе къ мірскимъ дѣламъ, за корыстолюбіе и прочіе постыдныя для ихъ сана свойства **).

«Монахи, говоритъ проф. Скабалановичъ, не любили заключаться въ стѣнахъ монастырей. Многіе изъ нихъ, преисполненные честолюбія и корыстолюбія, лицемѣры въ душѣ, съ виду посланники Божіи, вращались среди людей, одѣтые въ монашескую одежду, нося на тѣлѣ вериги, съ ногами грязными, руками заскорузлыми, клали подъ голову камень и своимъ аскетизмомъ увлекали многихъ. Ни одно публичное торжество не обходилось безъ монаховъ; какъ скоро скапливалась толпа,

*) Безобразовъ. Византійскій писатель Михаилъ Пселлъ, 51.
**) Migne. Patrologia CXX, 457.

появлялись и монахи» *). Не ограничиваясь площадями, монахи проникали въ дома частныхъ людей, втирались въ милость вліятельныхъ лицъ и суевѣрныхъ императоровъ. Нѣкоторые изъ государей выказывали особую нѣжность черноризцамъ. Михаилъ Пафлагонянинъ собственноручно обмывалъ имъ ноги; Константинъ Мономахъ цѣловалъ ихъ нечесанные волосы и ставилъ власяницу выше порфиры; Константинъ Дука заслужилъ почетное прозваніе монахолюбца (φιλομόναχος). Нужно ли упоминать, что изъ императоровъ монахолюбцевъ таковыми были ничтожнѣйшіе по своимъ личнымъ качествамъ. Не довольствуясь политикой и саморазвлеченіемъ, монахи занимались торговыми дѣлами, вели тяжбы въ судахъ, сдавали на аренду монастырскія земли, ростовщичествовали и проч. Съ возникновеніемъ разрыва западной и восточной церкви они взяли подъ свою защиту и запятнали византійское православіе. Задавшись цѣлью вмѣстѣ съ патріархами образовать государство въ государствѣ, монахи выработали свой типъ западничества, вытѣснившаго чисто римское, но заимствовавшее отъ него пріемы борьбы, руководящія идеи и оружіе.

Всякое нападеніе свѣтской власти на права и преимущества монашества вызывало со стороны послѣдняго открытое возмущеніе. Такимъ образомъ новозападники представили собой силу, съ которой очень и очень нужно было считаться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ того же одиннадцатаго вѣка націоналистическая партія точно такъ-же вышла изъ узкихъ рамокъ борьбы за насущнѣйшіе жизненные интересы востока и окончательно превратилась въ умѣренную, теперь стремясь основаться на чисто духовныхъ началахъ. Благодаря ея усиліямъ, забытое эллинское просвѣщеніе опять широкой волной разлилось по византійскому востоку. Въ корнѣ новозападники, къ которымъ теперь присоединилась значительная часть бѣлаго духовенства, и умѣренные стояли другъ передъ другомъ въ

*) Византійская церковь и государство въ XI вѣкѣ, 443.

томъ же боевомъ положеніи, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ иконоборцы и иконопочитатели, съ той разницей, что интересы съ обѣихъ сторонъ были поставлены шире и опредѣленнѣе До извѣстной степени измѣнились и самыя средства борьбы. Бывшіе западники, попрежнему, при случаѣ не прочь были прибѣгнуть къ тайному дѣйствію яда, интриги и прямого насилія; націоналисты же наоборотъ противупоставляли врагу просвѣщеніе и гуманность. Конечно, послѣдній способъ борьбы теперь былъ возможенъ только потому, что предшествующіе вѣка вооруженной рукою отстояли право націоналистовъ на существованіе. Кстати сказать, если бы тотъ же Алексѣй Комнинъ цѣликомъ проникся взглядами умѣренныхъ, то западники задавили бы его навѣрно.

Какъ мы указывали ранѣе, еще чистые западники проповѣдывали необходимость уничтоженія всякаго знанія, которое они считали языческимъ. Забывая о томъ, что Богъ, непосредственно въ своемъ откровеніи поучая высшимъ тайнамъ непостижимаго, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ человѣку возможность читать доступное разуму въ великой книгѣ природы, монашество считало священныя книги источникомъ для объясненія всѣхъ явленій Вселенной. Поэтому бл. Августинъ рѣшительно высказывался противъ антиподовъ на томъ основаніи, что въ св. Писаніи среди потомковъ Адама не упоминаются таковые. Извѣстный александрійскій ученый монахъ Козьма Индикоплавъ въ томъ же родѣ опровергалъ «бабьи сказки» объ антиподахъ и кромѣ того въ своей надѣлавшей много шума книгѣ «Христіанская топографія» пытался построить систему міра на основаніи данныхъ изъ Ветхаго Завѣта, именно: Книги Бытія, псалмовъ Давида, пророчествъ Осіи, Исаіи и даже словъ аллегорическаго Мельхиседека. За исходную точку разсужденій Козьма принялъ образное выраженіе апостола Павла, уподоблявшаго землю Скиніи, и пришелъ къ выводу, что земля съ небомъ представляетъ собою палатку, окруженную океаномъ. Таковыми оказывались люди, съ кото-

рыми издавна принуждена была бороться эллинская прикладная и отвлеченная мудрость.

Гоненіе просвѣщенія являлось лозунгомъ западниковъ во всѣ времена ихъ существованія. Въ царствованіе Ѳеодосія, монахи и чернь разрушили въ Александріи Птоломееву академію; въ слѣдующее царствованіе растерзали знаменитую Гипатію. Еще Константиномъ Великимъ были закрыты медицинскія школы-асклепіоны, и врачи были замѣнены знахарями-любителями изъ среды той-же монашествующей братіи. Эдиктомъ Великаго Юстиніана въ 529 г. подверглась уничтоженію аѳинская академія. Занятіе свѣтскими науками, наконецъ, вообще заклеймилось закономъ, какъ дѣйствіе преступное и требующее наказанія. Такое направленіе, конечно, вполнѣ характеризуетъ намъ типъ константинопольской школы, въ порывѣ раздраженія закрытой Львомъ Исаврійскимъ, давшимъ новый толчекъ свѣтской наукѣ. Съ этого времени распространеніе свѣтской образованности пошло впередъ неудержимо и въ одиннадцатомъ вѣкѣ невѣжество массоваго монашества встрѣтилось лицомъ къ лицу съ высокой степенью знанія, въ средѣ просвѣщенныхъ высшихъ и среднихъ классовъ имперіи *).

Вмѣстѣ съ освободительнымъ движеніемъ въ средѣ византійскаго населенія проснулась національная склонность грековъ къ исканію таинственнаго, неизвѣстнаго. «Многіе, по этому поводу замѣчаетъ Пселлъ, на половину не знаютъ природы, ни того, что выше природы. Изъ такъ называемыхъ философовъ... нѣкоторые возсѣдаютъ съ торжественнымъ видомъ и объемистой бородой (древній признакъ философа), блѣдные, угрюмые, до нельзя грязные (философское равнодушіе къ внѣшности), колупаютъ Аристотеля и снаружи и изнутри, воображая, что отгадываютъ скрытое во мракѣ невѣдѣнія **).» Самъ Пселлъ,

*) Скабалановичъ, Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ. Христіанское Чтеніе, 1884 г. Часть I, стр. 356. О ходѣ преподаванія въ томъ-же вѣкѣ много говоритъ въ своихъ мемуарахъ Михаилъ Пселлъ. См. у Безобразова. Византійскій писатель Михаилъ Пселлъ.

**) Скабалановичъ, Византійская наука, 345.

какъ и многіе изъ его современниковъ, украдкой, помимо признаннаго Платона и Аристотеля, началъ зачитываться Плотиномъ, Порфиріемъ, Ямвлихомъ, занимался алхиміей, некромантіей, жалѣлъ объ утратѣ данныхъ халдейской и египетской мудрости *), хотя не упускалъ случая свалить эту склонность къ вкушенію запрещеннаго плода на того, кому онъ хотѣлъ повредить во мнѣніи западниковъ. Занятіе Плотиномъ и Ямвлихомъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ могутъ показаться нѣкоторымъ смѣшными: дѣйствительно, сами по себѣ они были несовременны въ смыслѣ умственной отсталости ими интересовавшихся лицъ. Но дѣло въ томъ, что знаніе и мышленіе идутъ преемственно. Романизмъ задавилъ ихъ на востокѣ въ стадіи мистическаго мудрствованія и для того, чтобы послѣдовательно двигаться далѣе, восточно-эллинское мышленіе должно было пойти оттуда, гдѣ оно остановилось. Умѣренные въ массѣ интересовались мистическими философами, конечно, съ точки зрѣнія чистаго знанія безъ всякихъ цѣлей его практическаго примѣненія. Что-же касается нѣкоторыхъ наиболѣе рѣшительныхъ и пытливыхъ умовъ, то по той-же наклонной плоскости пытливости греческаго духа они послѣдовательно докатились, какъ и нужно было ожидать, до изслѣдованія догмы христіанскаго ученія.

Причины, порождавшія ереси въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ вѣкахъ, оказались дѣйствующими и въ одиннадцатомъ, придавшемъ, однако, сектантству аристократическій характеръ. Новыя ереси цѣликомъ строились на чисто философскихъ началахъ и потому были доступны пониманію весьма немногихъ. Толпа была устранена отъ участія въ обсужденіи ихъ. Въ качествѣ подобныхъ еретиковъ-философовъ въ четвертомъ періодѣ вступили Іоаннъ Италъ, ученикъ Михаила Пселла при Алексѣѣ Комнинѣ; затѣмъ ученики Итала, монахъ Нилъ, никейскій архіепископъ Евстратій и нѣкоторые другіе. Роко-

*) Безобразовъ. Матерьялы для исторіи византійской имперіи. Ж. М. Н. П. 1889 г., т. 265, стр. 73.

вымъ образомъ опять-таки вслѣдствіе особенностей склада восточно-эллинскаго мышленія, всѣ ересіархи одиннадцатаго столѣтія приходили къ отрицанію почитанія иконъ, въ чемъ получали массовую поддержку среди постоянно сильно разроставшихся по числу павликіанъ и малоазійскихъ армянъ, бывшихъ сподвижниковъ императоровъ иконоборцевъ. Однако, не смотря на идейную приверженность иконоборству, ни Италъ, ни Нилъ, ни Евстратій не выдвигали уже этого вопроса въ качествѣ центральнаго въ своихъ системахъ. Высшая интеллигенція Византіи, не потерявшая вкуса къ изысканіямъ въ области отвлеченностей, точно также не ощущала потребности касаться давнишняго стараго спора, уже взвѣшеннаго судьбою *). Увлеченіе имъ представлялось теперь на долю нисшихъ классовъ, точно также тяготѣвшихъ къ свободомыслію.

Вотъ какую поразительную въ умственномъ отношеніи пестроту представляло собой византійское общество, въ то время, когда Алексѣй Комнинъ взялъ въ свои руки кормило правленія. Слѣдуя мудрой политикѣ поддержанія общаго равновѣсія, этотъ замѣчательный монархъ не желалъ открыто становиться на сторону какой-бы то ни было изъ борющихся партій. По своимъ убѣжденіямъ племянникъ Исаака Комнина конечно примыкалъ къ умѣреннымъ, но онъ не считалъ нужнымъ пользоваться ихъ знаменемъ непосредственно. Наоборотъ въ извѣстныхъ случаяхъ онъ выставлялъ себя искреннимъ охранителемъ, однако безъ того, чтобы подобно Василію Македонянину связывать себя хотя-бы формально опредѣленной программой. Глубокимъ умомъ истиннаго государственнаго дѣятеля Алексѣй понялъ, что монархъ это—фокусъ правительства, которое, въ свою очередь, есть фокусъ всѣхъ законныхъ групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ даннаго

*) Свѣдѣнія о существѣ ученій византійскихъ ересіарховъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка, см. Успенскій. Очерки по исторіи византійской образованности. Книга уважаемаго ученаго, между прочимъ, открываетъ новые горизонты относительно философскаго вліянія востока на западъ.

государственнаго союза. Собственная жена Алексѣя Комнина оскорбила этого государя именемъ лицемѣра; о двуличіи его много говорилось послѣдующими историками. Но никто изъ порицателей Комнина не далъ себѣ труда проникнуть въ глубину смысла дѣятельности названнаго императора, который въ своей кажущейся непослѣдовательности или двуличіи скрывалъ проявленія высшей государственной мудрости, отражавшей и охватывавшей жизнь со всѣхъ ея различныхъ и многообразныхъ сторонъ.

Если мы вглядимся въ важнѣйшіе факты изъ періода управленія Алексѣя Комнина *), то увидимъ, что они запечатлѣны по внѣшности окраской прямого западническаго консерватизма; объясняется это тѣмъ, что западническая партія, какъ наиболѣе сплоченная и организованная, требовала по отношенію себя большаго вниманія. Западники попрежнему являлись силой грозной для самого императора. Но, отстаивая западническо-охранительныя начала наружно, Алексѣй до послѣдней возможности старался не нанести малѣйшаго ущерба смѣшаннымъ націоналистамъ. Приведемъ въ доказательство тому нѣсколько фактовъ.

Какъ извѣстно, воспользовавшійся нѣкоторыми церковными имуществами для военныхъ цѣлей Комнинъ былъ обличенъ новозападниками подъ руководительствомъ халкидонскаго архіерея въ нечестіи и иконоборствѣ. Странно сказать, самодержавный государь по этому случаю публично выступалъ предъ народомъ съ оправданіями и объясненіемъ причинъ своего образа дѣйствій. Въ таковыхъ актахъ императора не было покаянія, наоборотъ въ одной изъ своихъ рѣчей Комнинъ защищался подобно Периклу передъ собраніемъ аоинянъ и даже приводилъ подлинныя слова знаменитаго государственнаго дѣятеля древности **). Съ своей стороны Алексѣй дѣлалъ всяческія

*) Источники: Сокращенное сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина Анны Комниной, хрон. Баронія, труды Зонары т. II, Гиики и др.

**) Эти деньги потрачены для блага государства и вашего величія.

уступки западникамъ: онъ ссылался на законы Юстиніана, *) убѣждалъ, не заставляя соглашаться съ нимъ тѣхъ, кого могъ прямо принудить, сносилъ ему въ лицо кидаемыя оскорбленія и все это для того, чтобы не обострять отношеній. Но, дѣйствуя такимъ способомъ, императоръ не отступилъ отъ выясненныхъ иконоборствомъ условій истиннаго почитанія священныхъ изображеній. Націоналисты изъ его устъ еще разъ услышали въ качествѣ безспорнаго положенія ту мысль, что уваженіе иконамъ отдается не σχετικῶς, а только λατρευτικῶς, т. е. относительно, а не абсолютно. Точно также Комнинъ былъ далекъ отъ того, чтобы утратить всякую самостоятельность слова и дѣла подъ давленіемъ западнической партіи. Мы знаемъ, съ какой настойчивостью онъ защищалъ свои взгляды; мы знаемъ также, что обращеніе къ народу за разрѣшеніемъ пользоваться церковными сосудами и послѣдующая апологія этого поступка были только комедіей, льстившей чувству греческаго демократизма. Не тайна для насъ точно также, что, хотя и съ душевнымъ сокрушеніемъ, Комнинъ всетаки лишилъ сана и заточилъ своего обидчика архіерея Льва въ Понтійскій Сизополь и такимъ образомъ охранилъ престижъ власти.

Подъ тѣмъ-же воздѣйствіемъ западниковъ императоръ предписалъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія не полагаться слишкомъ на эллинскую мудрость, лично неодобрительно отзывался объ Италѣ, Нилѣ, Евстратіи, богомилахъ, павликіанахъ, манихеяхъ и даже принималъ мѣры къ обращенію ихъ, но тѣмъ не менѣе, онъ всячески избѣгалъ какихъ-бы то ни было гоненій или насилій, предпочитая дѣйствовать на нечестивцевъ путемъ убѣжденія и вразумленія.

Такъ напримѣръ, когда Италъ открыто началъ проповѣдывать свое ученіе о «человѣчествѣ, обожествленномъ по естеству», первоначально къ нему былъ присланъ патріархъ для увѣщаній. Когда оказалось, что увѣщатель, подъ вліяніемъ

*) Nov. 120. Superflua Ecclesiae distrahi possunt, non tamen ex omni causa, sed tantum si ipsa Eccelesia debitis praegravetur.

обаятельной діалектики увѣщаемаго, самъ впалъ въ опровергаемую ересь, Италъ былъ приглашенъ для собесѣдованія къ царю. Но такъ какъ и это средство не подѣйствовало, іерархи приговорили вольнодумца къ отлученію отъ церкви и одиннадцать пунктовъ его ученія подверглись торжественному анаѳематствованію, и болѣе ничего. Между тѣмъ, какъ формально не отмѣненныя Василики лишали еретика правъ состоянія, налагали высокій денежный штрафъ и, кромѣ того, опредѣляли виновному изгнаніе *). Тоже наказаніе было наложено на Нила, а Евстратій за еретическій образъ мыслей только лишился сана, т. е., потерпѣлъ слабѣйшую кару.

Въ царствованіе Алексѣя Комнина не могло быть и рѣчи о принципіальныхъ разногласіяхъ при выборѣ средствъ обращенія еретиковъ-сектантовъ на путь истинный. Императоръ самъ указалъ мѣры культурной борьбы съ диссидентами. На первомъ планѣ онъ ставилъ публичную проповѣдь, затѣмъ литературное обличеніе при помощи спеціальныхъ полемическихъ сочиненій подобныхъ книгамъ Евфимія Зигавина и, наконецъ, нарочитое собесѣдованіе и убѣжденіе вольнодумцевъ.

Комнинъ не копался въ душѣ человѣческой. Преслѣдуя съ внѣшней стороны римскій принципъ религіознаго единства или, лучше сказать, подчиненія, онъ требовалъ хотя-бы только наружнаго примиренія, соблюденія формы.

Проведеніе такого рода политики ему удавалось сравнительно легко относительно еретиковъ высшаго разбора, каковыми были все тотъ-же Италъ или Евстратій, формально въ концѣ концовъ вернувшіеся въ лоно церкви. Но, воспитанныя въ слѣпой преданности вѣрѣ, народныя массы и ихъ невѣжественные, но стойкіе, вожаки не шли на компромиссы и создавали человѣколюбивому и мудрому монарху множество хлопотъ. Но и тутъ онъ измѣнялъ своимъ принципамъ умѣренности только подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

*) Βίβλιον Α κεφ. IV: εἰδέ τις τοῦτο ποιήσειν ἢ παθεῖν ἀνάσχοιτο εὐγενὴς ὢν καὶ μὴ τὸ γενόμενον διελέγξε ἐξορία καὶ δέκα λιτρῶν χρυσίου προστίμῳ καταδικασθήσεται.

Любопытный примѣръ такого рѣзкаго столкновенія императора съ сектантами представляетъ дѣло богомиловъ. Богомильство, эта чисто славянская секта, сложившаяся подъ вліяніемъ павликіанства, въ царствованіе Алексѣя Комнина, начала дѣлать слишкомъ быстрые успѣхи среди византійскихъ болгаръ. Императоръ, не считавшій возможнымъ относиться къ этому явленію вполнѣ безразлично, вытребовалъ къ себѣ главу богомиловъ болгарина Василія и попытался въ личной бесѣдѣ отклонить его отъ сектантства. Василій однако остался непреклоненъ. Комнинъ рѣшилъ прибѣгнуть къ репрессіи: по его приказанію тысячи богомиловъ были вдругъ схвачены и заключены въ тюрьмы, на условіи освобожденія при первомъ выраженіи желанія отказаться отъ ереси. Когда-же и эта мѣра не подѣйствовала, Алексѣй приказалъ воздвигнуть передъ глазами узниковъ костры, съ угрозою сжечь всѣхъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Богомилы не устрашились. Въ ихъ ученіе входило пророчество, что изъ самыхъ страшныхъ мученій и даже изъ пламени ихъ всегда освободятъ и выведутъ тѣ ангелы, которые вывели трехъ отроковъ изъ пещи огненной. Передъ такой твердостью Комнинъ отступилъ и выпустилъ на свободу всѣхъ заключенныхъ, кромѣ Василія.

Положеніе императора было затруднительно. Онъ самъ затѣялъ борьбу, не разсчитывая встрѣтить столь непреклоннаго сопротивленія. Западническая партія, съ которой необходимо было жить въ ладу, раздражилась. Звѣрю нужна была жертва. Комнинъ еще разъ попытался спасти ее. Василій былъ опять выведенъ на площадь, и передъ необъятной величины костромъ ему было предложено или отречься отъ заблужденій, или сгорѣть живьемъ. По разсчету императора, видъ костра, пламя котораго достигало высоты самыхъ громадныхъ обелисковъ гипподрома, долженъ былъ вызвать хотя-бы минутную слабость пророка. Но Василій впалъ въ восторженное состояніе и рѣшительно выбралъ костеръ. На глазахъ многотысячной толпы, монархъ не могъ помиловать безумца, не роняя своего авторитета...

Василій сгорѣлъ. Но это была единственная вынужденная жестокость, запятнавшая царствованіе доблестнаго государя. Впослѣдствіи, въ 1114 г., при обращеніи павликіанъ, Комнинъ не вышелъ изъ предѣловъ мирнаго увѣщанія, открывъ свой дворецъ для личныхъ собесѣдованій со всѣми желающими. Сердце націоналистовъ, быть можетъ, отвратившееся отъ императора на минуту послѣ прискорбнаго случая съ вожакомъ богомиловъ, теперь опять могло привѣтствовать осуществленную имъ національную терпимость.

Дѣлая уступки западникамъ, Алексѣй не уставалъ однако вести неукоснительную послѣдовательную борьбу съ этимъ непримиримымъ врагомъ отечества, исподволь ослабляя его главную опору, монашество. Цѣлый рядъ мѣръ былъ направленъ въ указанную сторону. Подобно своимъ предшественникамъ, императоръ озаботился постройкой у подножія константинопольской цитадели великолѣпнаго храма и обширнѣйшаго госпитателя. Но въ отличіе отъ общепринятаго порядка, въ новой больницѣ монахи явились не хозяевами, а только служителями. Завѣдываніе же госпитателемъ было поручено высшимъ чинамъ арміи. Алексѣемъ было окончательно отнято у монаховъ дѣло народнаго образованія, и, какъ надъ черными, такъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ были поставлены особые надзиратели, обязанные доносить епископу о всѣхъ замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ. Монастыри оказались подчиненными самому строгому наблюденію епископа, которому, между прочимъ, поручалось слѣдить за занесеніемъ въ нарочитые списки дареній обители отъ поступающихъ въ нее.

Новеллы Алексѣя въ указанномъ отношеніи даютъ очень любопытный и обильный матерьялъ, къ разсмотрѣнію котораго мы вернемся въ послѣдующихъ отдѣлахъ нашего труда. Нужно замѣтить кстати, что бѣлое духовенство вначалѣ не сливалось плотно съ чернымъ до тѣхъ поръ, пока константинопольскіе патріархи не задумали подчинить на востокѣ свѣтскую власть духовной и не придали западничеству новую окраску. Съ

этого времени начинаетъ чувствоваться тяготѣніе къ новому центру и со стороны бѣлоризцевъ. По этому поводу нѣкоторыя ограничительныя мѣры Алексѣя были направлены и противъ бѣлаго духовенства, причемъ послѣднее подверглось строгой разборкѣ въ виду того, что съ теченіемъ времени въ Византіи накопилось множество священниковъ, находившихся не при дѣлѣ. Таковые «крестовые попы» вели бродячую безпорядочную жизнь, въ средѣ населенія подвизались въ рядахъ монаховъ *) и увеличивали собой силы новозападниковъ.

Бережливый, справедливый, рачительный государь Алексѣй Комнинъ, такимъ образомъ, по мѣрѣ силъ поддерживалъ правильность соотношеній общественно—групповыхъ интересовъ, и въ его тридцатисемилѣтнее царствованіе государственное равновѣсіе Византіи достигло высшей степени устойчивости.

При послѣдующихъ Комнинахъ, направленіе умственныхъ теченій византійскаго общества не измѣнялось. Въ главнѣйшихъ чертахъ оставалась прежней и внутренняя политика. Сынъ Алексѣя, Іоаннъ Комнинъ (1111—1143) ничего не прибавилъ къ дѣламъ отца, но ничего и не убавилъ. Это былъ такой-же мягкій, просвѣщенный и заботливый монархъ, видѣвшій высшую цѣль своей жизни въ достиженіи возможнаго блага отечества. Онъ точно также держался двойственности въ отношеніи къ различнымъ партіямъ, боровшимся въ государствѣ. Относясь крайне терпимо къ еретикамъ и сектантамъ самыхъ разнообразныхъ толковъ, Іоаннъ Комнинъ въ то-же время устраивалъ религіозныя торжественныя процессіи въ римскомъ вкусѣ, носившія характеръ исповѣдныхъ демонстрацій въ пользу взглядовъ охранителей православія всѣхъ разновидностей.

---

*) На упорядоченіе бѣлаго духовенства направлено содержаніе XXI новеллы Алексѣя Комнина Νεαρὰ νομοθεσία τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ διατυποῦσα τὰ περὶ τῶν ψήφων καὶ ὁποίους δεῖ εἶναι τοὺς παντανοῦ ἱερεῖς. У Zachariae въ Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum эта новелла помѣщена подъ № XLI общаго счета.

Религіозные споры не прекращались въ Византіи втеченіи всего двѣнадцатаго вѣка. За стараніе на раціоналистическихъ началахъ выяснить отношеніе Бога Отца къ Богу Сыну въ разное время подверглись отлученію отъ церкви и осужденію слѣдующія лица: Михаилъ, магистръ риторовъ, Никифоръ Василаки, Евстаѳій митрополитъ Драча, Сотирихъ Пантевгенъ, Іоаннъ Ириникъ и Константинъ митрополитъ Керкирскій *). Всѣ эти люди, во многихъ случаяхъ столь различные по профессіи, принадлежали къ представителямъ тѣхъ крайнихъ націоналистовъ, которые въ божественномъ откровеніи по старо-эллинскому образцу продолжали искать началъ человѣческой философіи.

Мануилъ Комнинъ, внукъ Алексѣя (1143—1186), въ принципѣ не отступалъ отъ политическихъ традицій династіи; однако, при отсутствіи того такта, которымъ владѣли его отецъ и дѣдъ, третій Комнинъ, позволилъ себя увлечь раціоналистамъ и два раза самъ впадалъ въ грубѣйшую ересь. Въ первый разъ, вначалѣ осудивъ Сотириха Пантевгена, Евстаѳія и Михаила ритора, императоръ позднѣе самъ выступилъ съ толкованіемъ осужденнымъ текста: «Отецъ болій Мене есть», которое Мануилъ отказывался понимать иначе, какъ въ смыслѣ самимъ Спасителемъ изъясненнаго плотскаго неравенства Бога Сына и Бога Отца. Во второмъ случаѣ императоръ возсталъ противъ формулы произнесенія проклятія Богу магометову, на томъ основаніи, что Богъ единъ и какъ таковой не можетъ быть оскорбляемъ, съ чьей-бы стороны ни слѣдовало Ему поклоненіе. Въ отвѣтъ на противорѣчіе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, Мануилъ, забывъ мудрыя правила своего дѣда и обязанности сана, разразился бранью и вначалѣ выказалъ склонность проявить немедленное насиліе надъ противниками. Спустя нѣсколько времени, царь овладѣлъ собою созналъ ошибку и по примѣру Алексѣя Комнина, требовалъ

*) Успенскій. Очерки византійской образованности, 211.

себѣ публичнаго народнаго суда, упирая на то, что самъ онъ происходитъ отъ благочестивыхъ родителей.

Въ остальномъ Мануилъ старался продолжать начинанія предковъ. Онъ постоянно указывалъ духовенству на идеалы жизни, завѣщанныя Божественнымъ Основателемъ христіанской религіи; онъ возобновилъ законъ Никифора Фоки, запрещавшій монастырямъ пріобрѣтеніе новыхъ недвижимыхъ имуществъ, хотя и не отнималъ старыхъ; онъ гласно порицалъ стремленіе многихъ императоровъ воздвигать монастыри въ людныхъ городахъ, между тѣмъ какъ по смыслу монашескихъ обѣтовъ, обители должны быть построяемы въ мѣстахъ уединенныхъ, суровыхъ, дикихъ и тѣмъ удобныхъ для подвижничества и проч. Не трудно усмотрѣть за всѣми этими мѣрами и сужденіями одну постоянную цѣль ослабленія силы и господства западнической партіи.

Со смертью Мануила кончился вѣкъ царствованія доблестнаго рода Комниновъ. Алексѣй II былъ убитъ еще ребенкомъ. Временно наступило правленіе женское. Его смѣнило правительство безчеловѣчнаго Андроника; затѣмъ престолъ перешелъ къ слабоумному Исааку II, при близкихъ преемникахъ котораго Византія подпала подъ власть крестоносцевъ. Мать Алексѣя II оживила старинную безпорядочность въ администраціи, безпутство, мотовство двора, распущенность арміи и волненія черни. Андроникъ ввелъ жестокость и подавилъ всякія исповѣдно-національностическія движенія, не давъ въ тоже самое время стока истинному религіозному чувству народа. Исаакъ II возобновилъ языческую преданность и вѣру въ самостоятельное значеніе иконъ и усилилъ вліяніе нищенствующихъ монаховъ. Система Комниновъ подверглась постепенному разрушенію и наконецъ была разбита въ самыхъ основаніяхъ.

Новыя умственныя движенія въ безпорядкѣ смѣшались со старыми, не успѣвъ выработаться въ формы здороваго научно-философскаго мышленія внѣ связи съ мистикой, суевѣріями и религіозной догматикой. Правительство предоставило все по-

длежащее его вѣдѣнію на волю случая и рока. Борьба классовъ обострилась. Жизненное соотношеніе общественныхъ элементовъ, вслѣдствіе постоянныхъ толчковъ, нарушилось. Государство, какъ моментъ равновѣсія групповыхъ интересовъ, потеряло устойчивость и первый сильный внѣшній ударъ рѣшительнымъ образомъ перевернулъ центръ тяжести и передалъ его на сторону западныхъ пришельцевъ *).

Справедливость заставляетъ признать, что, какъ ни была мудра политика, основанная Алексѣемъ Комнинымъ и продолженная его потомками, но все-таки и въ ней крылся порокъ, со своей стороны много посодѣйствовавшій ускоренію гибели имперіи.

Соблюдая равновѣсіе интересовъ исповѣдныхъ, Комнины упустили изъ вида экономическіе и племенные. Сотни лѣтъ религіозные интересы въ имперіи постоянно выдвигались на первый планъ и окрашивали собой все государство. Будучи отвлеченными духовными по существу, они дали мѣсто вслѣдъ за собою интересамъ науки, литературы, искусствъ. Правительству легко было придти къ сознанію законности и необходимости стремленія къ образованію. Книгой и картиной боролись обѣ стороны въ средѣ враждовавшихъ партій. Этими же орудіями пользовались и сами императоры для своихъ цѣлей. Нечего говорить о томъ, какъ были важны эти культурныя завоеванія. Въ литературѣ и въ искусствѣ выражалось, сказывалось все различіе естества долгое время состязавшихся восточно-эллинской и романской культуръ. Комнины, пользуясь указаніями историческаго опыта приняли во вниманіе духовныя стороны имъ подвластнаго населенія и въ этой области много сдѣлали для общественнаго блага.

*) Источники для царствованія Іоанна, Мануила Комниновъ и ихъ преемниковъ: Исторія Никиты Хоніата, Іоанна Киннама (имѣются въ русскомъ переводѣ), Récueil des histoiriens des croisades Вильгельма Тирскаго. Histoire du Bas-Empire par Lebeau. Burigny, Histoire des revolutions de l'empire de Constantinople. Keri, Imperatores Orientis compendio exhibiti e compluribus graecis scriptoribus a Constantino Magno ad Constantinum Ultimum.

Но, оставаясь на высотѣ въ одномъ отношеніи, Комнины не смогли стать въ уровень со всѣми другими исторически измѣнившимися условіями общественной жизни.

Усиліями отчизнолюбцовъ романизмъ въ чистомъ видѣ былъ наконецъ побѣжденъ. Приспособляясь къ обстоятельствамъ, новозападники съумѣли во время преобразовать свою программу и заручиться расположеніемъ народа при помощи провозглашенія однимъ изъ своихъ принциповъ начала народности. Комнины-же допустили ошибку, сошли съ почвы національнзма и въ противовѣсъ папистическимъ замысламъ патріарховъ съ духовенствомъ сами завязали тѣсныя сношенія съ западомъ. Произошло это потому, что византійскіе монархи конца одиннадцатаго и начала двѣнадцатаго вѣка, чувствуя въ отечествѣ подъ ногами всегда колеблющуюся почву, полагали возможнымъ искать точки опоры извнѣ. Послѣдствіемъ такихъ разсчетовъ оказалась особая нѣжность ихъ къ иностранцамъ всякаго рода. Уже Юстиніанъ въ своихъ столкновеніяхъ съ народомъ постоянно пользовался услугами солдатъ иноземцевъ. Съ теченіемъ времени обычай держать въ имперіи наемныя войска кондотьеровъ укоренился.

Обширныя торговыя сношенія, которыя вела Византія со всѣмъ міромъ, конечно всегда привлекали въ имперію множество иностранцевъ. Комнины, желая упрочить расположеніе къ себѣ латинянъ, пользовавшихся могущественнымъ покровительствомъ папъ, цѣлымъ рядомъ распоряженій выдѣлили всякихъ венеціанцевъ, генуезцевъ, амальфійцевъ изъ массы прочаго ремесленно промышленнаго и торговаго люда, и въ ущербъ собственнымъ подданнымъ пожаловали ихъ всякими льготами и преимуществами. Такой правительственный пріемъ поразилъ два важные интереса, которые были просмотрѣны византійскими политиками, увлеченными исконной исповѣдной распрей. Правительство Комниновъ отказало народу въ представительствѣ интереса экономическаго и племенного. Опираясь на поддержку туземной государственной власти, иноземцы-ла-

тиняне дружно сплотились *) и выступили по отношенію туземцевъ въ качествѣ самостоятельной враждебной силы. Они отбивали заработокъ и барышъ у туземнаго населенія, а попутно издѣвались надъ его языкомъ, вѣрованіями, обычаями, воззрѣніями.

Нужно представить себѣ всѣ тѣ неимовѣрныя усилія, которыя потратилъ востокъ въ борьбѣ за національное самосознаніе для того, чтобы понять высокую степень ненависти, воспитанной въ византійцахъ относительно всего что пахло латинствомъ. Злоупотребленія и заносчивость латинянъ двѣнадцатаго вѣка, не встрѣчавшія мѣръ строгости со стороны власти побудили народъ лично вступаться за свои попранныя права, и отсюда возникли частыя кровавыя столкновенія. Нѣкоторыя изъ нихъ получили историческую извѣстность. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Мануила въ 1149 г. подъ стѣнами Керкиры возгорѣлась жесточайшая драка между венеціанцами и греками, въ качествѣ союзниковъ, стоявшими лагеремъ рядомъ другъ съ другомъ. Драка была затѣяна венеціанцами, но императоръ изъ расположенія къ латинянамъ не счелъ нужнымъ вникать въ дѣло и предалъ его забвенію. При Алексѣѣ II въ 1182 г. при тѣхъ-же условіяхъ правительственнаго невмѣшательства народный мятежъ въ Константинополѣ предалъ истребленію все населеніе латинскаго квартала, не смотря на то, что многіе греки были связаны съ латинянами узами кровнаго родства. Папистовъ сжигали живьемъ и какъ милость предоставляли возможность быть проданными туркамъ въ неволю. Священники и монахи повсюду руководили рѣзней.

Само собой разумѣется, что двукратное прохожденіе крестоносцевъ и постоянное болѣе чѣмъ льготное пребываніе иноземцевъ-торговцевъ и промышленниковъ стояли въ прямомъ противорѣчіи съ основными интересами византійскаго населе-

*) Въ Константинополѣ имѣлся цѣлый самоуправлявшійся «латинскій кварталъ».

нія и явились однѣми изъ многихъ причинъ безвременной страдальческой кончины имперіи. Она умерла въ 1204 году. Магометъ II завоевалъ уже не государство, а простую муниципію.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

§ 1. Общее ученіе о византійскомъ населеніи и высшее сословіе.

Мортрейль, набрасывая краткій очеркъ государственныхъ учрежденій Византіи, основательно замѣтилъ, что на первый взглядъ, повидимому, нѣтъ ничего проще и яснѣе этой чисторимской системы управленія *). Ближайшее ознакомленіе съ предметомъ однако, заставляетъ, изслѣдователя отказаться отъ таковыхъ предвзятыхъ воззрѣній. Подъ римской внѣшностью, привитой побѣжденнымъ побѣдителями, скрывалась сильная самостоятельная своеобразная жизнь, постоянно стремившаяся переработать римскія государственныя древности сообразно требованіямъ собственныхъ нуждъ. Могущественный дѣятель подобныхъ преобразованій—восточный элленизмъ—явился въ данномъ случаѣ творческимъ началомъ, требовавшимъ для полнаго своего выраженія соотвѣтствовавшей оболочки.

Римскія установленія, дѣйствительно, долгое время оставались въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ ихъ застало превращеніе нѣсколькихъ римскихъ провинцій въ самостоятельное государство. Первые годы все представлялось какъ-бы застывшимъ въ старинныхъ формахъ. Во главѣ имперіи стоялъ

*) Mortreuil. Histoire du droit byzantin, т. II, 31.

монархъ, точно такъ-же какъ въ Римѣ, пользовавшійся по виду ничѣмъ не ограничиваемой властью; точно такъ-же отправлялъ свои обязанности униженный сенатъ; по-прежнему назначались новые консулы, дававшіе году свое имя; продолжали свое существованіе преторы, всадники, всевозможные оффиціалы, префекты, декуріоны, силенціаріи. Новое государство даже не пользовалось собственнымъ именемъ, считаясь частью своего соперника. Должностныя лица его говорили на чужомъ языкѣ, приносили присягу величію прошлаго, полагая въ настоящемъ только его продолженіе. Между тѣмъ, въ это самое время коренной переворотъ уже началъ совершаться, и давленіе тяжелыхъ обломковъ чужой старины только задерживало, но не останавливало неуклонно-поступательнаго движенія новой жизни.

Признаніе христіанства господствующей религіей уже само по себѣ было явленіемъ, нарушавшимъ основы прежней государственности. Вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ сразу выдвинулся обширный разрядъ гражданъ, надѣленныхъ особыми правами и преимуществами; узаконенное рабство пріобрѣло рѣшительнаго противника; самъ императоръ призналъ надъ собой существованіе нѣкотораго высшаго закона, полагавшаго извѣстный предѣлъ произволу личнаго усмотрѣнія *).

Въ дальнѣйшемъ картина еще болѣе измѣняется. Чернь, въ Римѣ праздная, презираемая, раболѣпная и на средства знати упивавшаяся зрѣлищемъ гладіаторскихъ боевъ и скачекъ, въ Константинополѣ сказочнымъ образомъ превращаетъ гипподромъ въ политическое собраніе, вступающее въ пререканія со своими повелителями, принимающее ихъ, и смѣщающее по произволу; игрушка въ рукахъ императоровъ, сенатъ еще при Константинѣ Великомъ въ Константинополѣ, игравшій жалкую роль, это учрежденіе, за которымъ сохранилось много почета, но ни тѣни значенія, входитъ въ силу классической эпохи и дѣйствительно является высшимъ правительственнымъ мѣстомъ

*) Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности, т. II, в. 2, стр. 603.

Имперіи. Отъ него въ значительной степени начинаетъ зависѣть избраніе новаго государя, имъ опредѣляется въ широкихъ размѣрахъ государственная дѣятельность послѣдняго; онъ не упускаетъ случая высказаться по всѣмъ вопросамъ общественной важности, разрѣшеніе которыхъ императоръ опасался цѣликомъ принять на свою отвѣтственность; ограниченіе власти ростетъ. Въ обществѣ, подъ вліяніемъ народныхъ вольностей, церковныхъ ученій и платоно-аристотелевскихъ политическихъ теорій возникаетъ представленіе объ императорѣ, какъ о высшемъ дожностномъ лицѣ, поставленномъ на царство ради охраненія законовъ и наилучшаго устроенія государства. Монархи сами проникаются подобными воззрѣніями; лучшіе прямо объявляютъ себя вѣчными работниками на тронѣ, худшіе — стараются соблюсти соотвѣтствующую внѣшность и, сдерживаемые уваженіемъ къ управляемымъ, никогда не доходятъ до той разнузданности и безконечнаго презрѣнія къ подданнымъ, которымъ отличались разные Геліогабалы, Нероны, Калигулы и прочіе выродки рода человѣческаго.

Духъ преобразованій и обновленія сказался и отразился на всѣхъ сторонахъ общественно-политической жизни. Измѣнилось существо императорской власти, иначе сложилась система государственныхъ учрежденій, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ, консулатъ, куріалы, изчезли совершенно; по природѣ склонный къ самоуправленію, индивидуалистъ—народъ разбился на политическія партіи и, въ качествѣ элемента государства, населенія, сгладилъ постепенно то вопіющее неравенство, которое составляло отличительную черту Рима. Итакъ все знаменовало наступленіе особаго порядка вещей, съ отжившимъ прежнимъ имѣвшаго очень мало общей связи.

Пріобрѣтеніе правъ гражданства въ Византійской имперіи происходило тремя способами: рожденіемъ, натурализаціей и отпущеніемъ на волю того разряда лицъ, представители котораго считались чѣмъ-то среднимъ между домашнимъ животнымъ и неполноправнымъ гражданиномъ древне-римской эпохи. Съ

того времени какъ императоръ Каракалла (211—217 г.), въ интересахъ казны, предоставилъ равноправность всѣмъ свободнымъ жителямъ, имѣвшимъ осѣдлость на территоріи римскаго государства, прежнее различіе между классами свободныхъ лицъ утратилось въ общемъ, сохранивъ въ частностяхъ нѣкоторыя видовыя особенности, порожденныя новыми общественными условіями.

Важнѣйшія гражданскія права подданныхъ Византійской имперіи первыхъ вѣковъ ея самостоятельнаго существованія совпадали, несмотря на пріобрѣтеніе гражданства тѣмъ или другимъ способомъ и не взирая на то, къ кругу-ли свободныхъ людей принадлежалъ гражданинъ—по рожденію или онъ приписывался къ таковымъ, по праву вольноотпущенничества. Въ частности въ отношеніи натурализаціи, необходимо замѣтить, что она не представляла для иностранца никакихъ затрудненій. Одно пребываніе его на территоріи византійскаго государства и намѣреніе стать его составною частью было достаточно для признанія за нимъ правъ гражданина и не считалось препятствіемъ впослѣдствіи къ достиженію высшихъ общественныхъ ступеней *). Появленіе на императорскомъ престолѣ варваровъ чужеземцевъ, какъ напримѣръ, Юстина I, серба по происхожденію, постоянное пополненіе рядовъ арміи иностранцами самыхъ различныхъ народностей, представляются въ данномъ случаѣ лучшими свидѣтельствами, замѣняющими отсутствіе опредѣленныхъ указаній въ законодательныхъ текстахъ.

Во все время существованія имперіи всевозможные перебѣжчики принимались какъ нельзя болѣе радушно. Въ принципѣ, требованіе разрѣшенія на принятіе подданства со стороны императора, какъ и въ Римѣ, сохраняло свою силу и въ важнѣйшихъ случаяхъ даже примѣнялось на практикѣ: такъ, когда вестготы въ 375 г., спасаясь отъ нашествія гунновъ, пожелали поселиться на окраинѣ имперіи, мѣстныя власти прежде чѣмъ дозволить принятіе ими подданства испро-

*) Dig. I, 5, 17.

сили на то согласіе Валента; но причиной подобной торжественности была конечно только исключительность явленія, массовая натурализація цѣлой воинственной и организованной народности. Внѣ круга подобныхъ событій дѣло совершалось гораздо проще. Иноземецъ приносилъ присягу на вѣрность и сразу становился полноправнымъ византійскимъ гражданиномъ. Позднѣе увеличеніе числа иноплеменниковъ въ Имперіи и достиженіе ими высшихъ должностей вызвали, начиная съ X вѣка, нѣкоторыя ограниченія въ политическихъ правахъ. Этого требовали интересы народнической партіи. «Иноплеменниковъ, прямо говоритъ византійскій боярinъ XI столѣтія *), если они происходятъ не отъ царскаго рода страны своей, не возводи въ высокіе чины и не ввѣряй имъ важныхъ должностей. Пусть не говоритъ твоя царственность: «я для того пожаловалъ его, чтобы и другіе, узнавъ объ этомъ, приходили-бы сюда». Не хорошій это разсчетъ. Если желаешь, то за хлѣбъ и одежду я приведу тебѣ такихъ иноплеменниковъ сколько угодно». «Спроси, государь, и узнай, продолжаетъ далѣе этотъ отчизнолюбецъ,—что при многихъ обстоятельствахъ они приходили при царствовавшихъ прежде киръ-Василіи Порфирородномъ, при отцѣ, дѣдѣ, прадѣдѣ его и выше: но зачѣмъ я говорю о древнихъ людяхъ? Ни киръ-Романъ Аргиропулъ, ни кто другой изъ этихъ блаженныхъ государей не возводилъ франка или варяга въ достоинство патриція, не дѣлалъ его ипатомъ, не поручалъ ему наблюденія за войскомъ».

Примѣръ массоваго переселенія иноплеменниковъ сообщаетъ намъ, между прочимъ, Константинъ Порфирородный **), отмѣчающій фактъ усиленнаго передвиженія славянъ съ сѣвера въ западныя области Византійской имперіи. «По распоряженію Ираклія, говоритъ царственный авторъ, хорваты, начавъ войну, изгнали аваровъ и, по указанію императора, поселились въ ихъ землѣ». Ранѣе того, объясняетъ Константинъ,

*) Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка. В. Васильевскій, 131.

**) De administrando imperio, cap 31, p. 148.

хорваты пришли издалека какъ разъ въ то время, когда авары изгнали изъ Далмаціи византійцевъ и сами поняли эту мѣстность. Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о сербахъ Константинъ передаетъ, что, «когда послѣ смерти одного изъ князей сербскихъ двое его сыновей раздѣлили между собой народъ, одинъ изъ нихъ обратился къ Ираклію за разрѣшеніемъ осѣсть въ провинціи Ѳесалоникѣ, что и было дозволено.» *) Спустя нѣсколько времени, сербы пожелали возвратиться въ мѣсто прежняго обитанія и со стороны императора опять не встрѣтили никакой задержки или препятствія.

Положеніе иностранцевъ въ Византіи находилось въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ состояніемъ еще нынѣ сохранившагося въ Европѣ двойного подданства. Тѣ изъ нихъ, которые хотѣли обратиться въ византійскихъ гражданъ фактомъ своего долгого пребыванія превращались въ нихъ, тѣ, которые съ теченіемъ времени предпочитали возвращеніе на родину, имѣли свободный выходъ изъ предѣловъ государства. Но, находясь на византійской территоріи, они во всѣхъ отношеніяхъ подчинялись мѣстнымъ законамъ и считались подданными имперіи, при желаніи не утрачивая политическихъ связей со своимъ отечествомъ. Отсутствіе правильныхъ дипломатическихъ сношеній въ эту эпоху, отсутствіе постоянныхъ агентовъ на территоріи иноземныхъ державъ ставили иностранца въ полнѣйшую зависимость отъ мѣстной власти, и право временнаго подданства было по отношенію къ нему высшимъ проявленіемъ справедливости. Вначалѣ, приходившіе въ Византію чужеземцы, искатели приключеній, обыкновенно являлись съ цѣлью поступленія на выгодную военную службу; славянскія племена привлекались обиліемъ свободныхъ плодородныхъ земель; позднѣе итальянцы и французы начали перебираться въ виду торгово-промышленныхъ выгодъ.

Наплывъ этихъ послѣднихъ особенно увеличился со времени царствованія Мануила Комнина и достигъ высшихъ раз-

*) Ibid., cap. 32, p. 152—153.

мѣровъ при Михаилѣ Палеологѣ, предоставившимъ въ распоряженіе фряжскихъ латинянъ цѣлую часть Константинополя, его предмѣстье-Галату *). Между прочимъ преимущества, нѣкогда дарованныя Алексѣемъ Комниномъ венеціанцамъ за услуги, оказанныя ими въ борьбѣ этого государя съ Робертомъ Гюискардомъ, обратились въ губительный вредъ Византіи. Какъ свидѣтельствуетъ, Никита Хоніатъ **) и Іоаннъ Киннамъ ***), венеціанцы, получивъ въ награду за военную помощь отъ Алексѣя право безпошлинной торговли во всѣхъ частяхъ имперіи, въ короткій срокъ сильно разбогатѣли и начали себя держать крайне надменно не только по отношенію простыхъ гражданъ, но и самой власти. Іоаннъ Комнинъ сперва за то ихъ изгналъ, но потомъ опять принялъ на прежнихъ условіяхъ. Мануилъ Комнинъ, при которомъ венеціанцы не прекратили своего предосудительнаго поведенія, постановилъ принять въ свою очередь рѣшительныя мѣры. Онъ отдѣлилъ венеціанцевъ постоянно жившихъ въ Византіи отъ тѣхъ, которые наѣзжали въ имперію ради временныхъ интересовъ, и потребовалъ отъ первыхъ клятвы въ вѣчномъ подданствѣ. Не смотря на данную присягу, венеціанцы почти въ то-же самое время учинили безмѣрное буйство и разнесли дома своихъ соперниковъ ломбардцевъ, за что были однодневной облавой всѣ переловлены и временно заключены въ тюрьмы.

Въ смыслѣ выясненія состоянія нормъ византійскаго подданства свидѣтельство Киннама представляется чрезвычайно многозначущимъ и важнымъ. «Онъ, т. е. царь, говоритъ историкъ, отдѣлилъ венетовъ, жившихъ въ Византіи, отъ тѣхъ, которые приходили въ римскую имперію для торговли, и назвалъ ихъ латинскимъ словомъ б у р г е з і я м и, съ тѣмъ, чтобы они искренне дали ему клятву оставаться въ римскомъ подданствѣ на всю жизнь, и б о т а к о е з н а ч е н і е и м ѣ е т ъ у н и х ъ э т о и м я». Изъ

*) Krause. Die Byzantiner des Mittelalters. 201 и слѣд.

**) Византійскіе историки, переведенные при С.-Петербургской Духовной Академіи. Никита Хоніатъ, т. I, 219 и слѣд.

***) Тоже. Іоаннъ Киннамъ, 312.

приведеннаго текста явствуетъ, что для закрѣпленія венеціанцевъ въ дѣйствительномъ подданствѣ Византіи въ греко-римскомъ правѣ не нашлось выработаннаго термина, который-бы уяснилъ иностранцамъ значеніе ихъ присяги и новаго ихъ политическаго состоянія. Окружавшая жизнь не научила венеціанцевъ соблюденію порядка и святости связей подданнаго съ отечественной землей. Византія не переживала господства западно-европейскаго феодализма; она не знала сословныхъ различій въ томъ ихъ законченномъ выкованномъ видѣ, который создали страны, подчинившіяся завоеванію германскихъ выходцевъ; древне-римское jus quiritium-civitas, послѣ эдикта Каракаллы, потеряло свое родовое отличіе и ничѣмъ не было замѣнено вновь. Все наличное населеніе имперіи съ тѣхъ поръ начало считаться состоящимъ въ одинаковой степени равнаго подданства.

Римскій терминъ перегринусъ—peregrinus—исчезаетъ изъ законодательныхъ памятниковъ послѣ юстиніановской эпохи. Слово это еще встрѣчается въ Кодексѣ Ѳеодосія *) въ значеніи соотвѣтствующемъ иностранцу, но уже въ Кодексѣ Юстиніана утрачиваетъ первоначальный смыслъ. Такъ напримѣръ, 6 п. IX книги XVIII титула указаннаго уложенія толкуетъ о магикахъ, которые, по причинѣ противуестественности ихъ занятій, «naturae peregrini sunt». Эклога ничего не знаетъ о различіи подданныхъ и иностранцевъ; не упоминаютъ объ этомъ ни Василики, ни Прохиронъ, ни Эпанагоге, ни Новеллы императоровъ различныхъ эпохъ, ни, наконецъ, позднѣйшіе учебники права, вродѣ Синопсисовъ Атталіата или Михаила Пселла. Такимъ образомъ приходится, повидимому, придти къ той мысли, что византійское государство ничего не прибавило къ эдикту Каракаллы и въ этомъ отношеніи благородной консервативностью превзошло общественный строй Западной Европы, заимствовавшій свои внѣшнія формы у германцевъ подъ вліяніемъ грубыхъ установленій варварской народности.

*) C. Th. 4. 6.

Но, если указъ римскаго императора III вѣка опредѣлилъ собою судьбу византійскаго подданства на весь срокъ его долговѣчнаго существованія, то внутреннее подраздѣленіе массы подданныхъ не удержалось въ соотвѣтствіи съ закономъ римской имперіи и толкованіями ея юристовъ. Не смотря на то, что выраженіе omnes homines aut liberi sunt aut servi получило право гражданства въ греческомъ языкѣ и попадается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ ученыхъ обработкахъ византійскаго законодательства *), истинное значеніе его давно утратило свой исконный смыслъ и замѣнилось новымъ несоотвѣтствующимъ формѣ содержаніемъ.

Дѣйствительно, согласно древнему законодательству Рима всѣ граждане представлялись или свободными людьми, или рабами, но подобное дѣленіе уже потеряло свою разумность въ императорскую эпоху. Въ это время возникло, напримѣръ, прежде неизвѣстное состояніе людей, не пользовавшихся свободой передвиженія, замкнутыхъ въ тѣсномъ кругу себѣ подобныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесно независимыхъ отъ хозяина, на землѣ котораго они оказались осѣвшими. Общественное явленіе подобнаго рода извѣстно въ исторіи подъ именемъ колоната или крѣпостничества; корни его происхожденія не отысканы до сихъ поръ. Законодательство-же христіанскихъ императоровъ застало этотъ институтъ вполнѣ законченнымъ и сложившимся. Съ годами правительство византійскаго государства, озабоченное необходимостью большей производительности земли, начало награждать колоновъ нарочитыми преимуществами и постепенно совершенно преобразовало этотъ классъ населенія въ нѣчто еще болѣе своеобразное, нежели было то, что пришлось унаслѣдовать отъ эпохи язычества.

Точно также потерпѣло существенное измѣненіе положеніе свободныхъ людей. Юстиніанъ новеллой уничтожилъ прежнее, еще Кодексомъ упоминаемое, различіе между ingenui и libertini**).

*) Synopsis Attal. Titulus primus. Πάντες ἄνθρωποι ἢ δουλοί εἰσιν, ἢ ἐλεύθεροι.
**) Nov. J. 78. 1, 2, 5.

Вслѣдствіе этого, вопросъ о благородствѣ перешелъ съ почвы происхожденія на государственную службу, посредствомъ которой всякій могъ добиться высшихъ степеней общественныхъ отличій, и, какъ справедливо замѣчаетъ Виллемсъ *), въ эту эпоху настоящимъ дѣленіемъ гражданъ по объему принадлежавшихъ имъ правъ было различіе управляющихъ и управляемыхъ; иначе говоря, различіе прикосновенныхъ, къ распоряженію государственной властью и неприкосновенныхъ. Къ первымъ принадлежалъ классъ высшихъ сановниковъ имперіи, знать, сенаторское сословіе и нисшіе чиновники; въ разрядъ вторыхъ входили: знать муниципальная, декуріоны, затѣмъ плебеи, состоявшіе изъ мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ, купцы, мастеровые и, наконецъ, крестьяне. Въ общемъ таковое дѣленіе сохранилось и для послѣдующихъ временъ.

На востокѣ, какъ и на западѣ, нужно различать сенатъ какъ учрежденіе, и сенаторское сословіе, съ первымъ имѣющее мало общаго. И здѣсь и тамъ сенаторское сословіе, въ качествѣ знати, поставляло членовъ сената, замѣщало обыкновенно своими представителями высшія должности, наполняло императорскую гвардію. Въ Римѣ сенатъ, какъ высшее правительственное мѣсто имперіи, съ теченіемъ времени выродился совершенно. Римскіе императоры употребляли пожалованіе сенаторскимъ рангомъ какъ одно изъ средствъ косвеннаго вымогательства денегъ у богатѣйшихъ гражданъ. Константинъ Великій учредилъ сенатъ въ Константинополѣ въ подобномъ-же видѣ, но нуждаясь въ какой-либо опорѣ со стороны хотябы части населенія, преемники постепенно возвысили его значеніе. Одна изъ конституцій Ѳеодосія II (446 г.) **) передала въ вѣдѣніе сената просмотръ всѣхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ они должны были выйти въ свѣтъ черезъ посредство государственнаго совѣта. Юстиніанъ сохранилъ эту конституцію въ Кодексѣ ***), и отмѣна ея послѣдовала только при

*) Римское госуд. право, т. II, 746.

**) Виллемсъ, 691.

***) I, 14, 8.

Львѣ Мудромъ *), когда древній сенатъ, фактически еще при Никифорѣ Фокѣ слившійся съ государственнымъ совѣтомъ, наконецъ вытѣснилъ послѣдній или, лучше сказать, превратился самъ въ это учрежденіе.

Римская раззорительная сенаторская обязанность подношенія подарковъ императорамъ съ теченіемъ времени была отмѣнена въ Византіи **); ее замѣнила раздача самимъ вновь воцарившимся монархомъ денежныхъ суммъ членамъ императорскаго совѣта. Званіе члена сенаторскаго сословія, соединенная съ титуломъ clarissimus, съ VII вѣка замѣняемаго греческимъ словомъ συγκλητικός, передавалось по наслѣдству всякому, чей отецъ былъ clarissimus въ моментъ рожденія дитяти ***). Пожалованіе императоромъ или достиженіе личными усиліями извѣстныхъ чиновъ точно также давало и новичку званіе сенатора съ титуломъ clarissimus, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени сложился особый многочисленный классъ людей, подобный древнеримскимъ патриціямъ и нобилямъ. Члены этого сословія несли особыя повинности, но за то пользовались и особыми привиллегіями. Нѣкоторые изъ сенаторовъ проживали въ столицѣ, участвуя въ дворцовыхъ выходахъ, обсуждая государственныя дѣла въ совѣтѣ, другіе постоянно находились въ провинціяхъ, занимая въ нихъ должности высшаго управленія или пребывая въ своихъ помѣстьяхъ въ качествѣ богачей землевладѣльцевъ. Всѣ они пользовались значительными льготами и привилегіями: особой подсудностью въ Константинополѣ у городскаго префекта, въ областяхъ у ихъ высшихъ начальниковъ ****), смягченной уголовной отвѣтственностью *****), свободой отъ нѣкоторыхъ налоговъ и повинностей и проч.******).

---

*) Nov. 67. (Изданіе новеллъ Футтера).
**) C. XII, 2, 2.
***) C. XII, 1, 11, также Basilica, VI, I, VII.
****) Cod. LIII, 24, 3.
*****) Dig. XLVII, 18, 1 § 2; XLVIII, 19, 28 § 2. 38 § 3. C. XII, 10.
******) Cod. XII, 1, 4. 11.

Противъ неравенства передъ уголовнымъ закономъ классовъ высшихъ и низшихъ, впервые выступилъ Левъ Исаврянинъ со своей Эклогой, ко времени изданія которой постановленія Кодекса и Дигеста получили распространительное толкованіе. «Всѣхъ, кто поставленъ исполнять законъ, говоритъ Эклога, мы убѣждаемъ и заклинаемъ воздерживаться отъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго смысла произносить рѣшенія истинной справедливости, не презирать бѣдняка, не оставлять безъ обличенія сильнаго, неправду дѣлающаго *)».

Къ уравненію гражданъ предъ лицомъ суда приложилъ заботы и Василій II. До царствованія этого государя въ уголовномъ правѣ Византіи дѣйствовалъ законъ, по которому всѣ чиновники, не ниже протоспаѳарія, будучи уличены въ умышленномъ убійствѣ, наказывались только потерей сана и чести. Протоспаѳаріемъ заканчивалась лѣстница двѣнадцати важнѣйшихъ чиновъ, сообщавшихъ ихъ обладателю право присоединенія къ сословію сенаторовъ. Василій II новеллой 996 г. опредѣлилъ, чтобы на будущее время всѣ чиновники, не взирая ни на какое служебное положеніе, уличенные въ убійствѣ или составленіи заговора, были наказываемы смертью**). Прежній взглядъ на чиновныя отличія, конечно, не могъ быть вытѣсненъ сразу изъ ума привыкшихъ къ нему людей — Дука Антіохійскій Никита въ 1034 г., руководствуясь прежними воззрѣніями за преступленіе убійства, при случаѣ казнилъ около 100 человѣкъ простыхъ горожанъ, а 11 человѣкъ, отличавшихся богатствомъ и происхожденіемъ, наказалъ лишь конфискаціей и тюрьмою ***), но тѣмъ не менѣе новый взглядъ постепенно прокладывалъ себѣ дорогу.

---

*) Предисловіе. Τοὺς δὲ μετιέναι τεταγμένους τὰ νόμιμα πάντων τῶν ἀνθρωπίνων παθῶν παραινοῦμεν ἅμα καὶ παρεγγυῶμεν ἀπέχεσθαι, καὶ ἀπὸ ὑγιοῦς διανοίας προφέρειν τῆς ἀληθοῦς δικαιοσύνης τὰ κρίματα καὶ μήτε πένητος καταφρονεῖν μήτε δυνάστην ἀδικοῦντα ἐᾶν ἀνεξέλεγκτον... Zachariae. Prochiron, XXIV.

**) Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI ст., 358.

***) Ibid. 359, II, 510.

Между прочимъ, какъ это всегда бываетъ, дурное въ данномъ случаѣ много содѣйствовало хорошему. Боязнь всѣхъ некрѣпко державшихся на престолѣ императоровъ выражалась въ тиранніи, которая главнымъ образомъ обращалась противъ знатнѣйшихъ лицъ, постоянно питавшихъ въ средѣ своей духъ придворной интриги и крамолы. Заподозрѣнныхъ въ причастности къ заговору или въ оскорбленіи величества членовъ сенаторскаго высшаго сословія мнительные императоры предавали пыткамъ и смертной казни безъ всякихъ стѣсненій, вслѣдствіе чего прежнія привилегіи уничтожились подъ конецъ сами собою. Еще Константинъ V захвативъ пятнадцать высшихъ чиновъ имперіи, подвергъ ихъ безчестію на гипподромѣ, выставивъ на посмѣяніе черни, и затѣмъ предалъ различнымъ наказаніямъ, начиная бичеваніемъ и кончая отрубленіемъ головы; Іоаннъ Цимисхій ослѣпилъ Льва Куропалата съ сыномъ *); такія же жестокости упражняли надъ византійской знатью Константинъ VIII, Михаилъ Стратіотикъ и другіе государи, въ особенности Андроникъ Комнинъ, напоминающій своимъ безпощаднымъ истребленіемъ знати нашего Ивана Грознаго или Андрея Боголюбскаго болѣе древнихъ временъ; о равномъ обложеніи земельной собственности всѣхъ гражданъ безъ исключенія говорятъ Василики (LVI, 8,10), повторяющія постановленія Кодекса.

Съ уничтоженіемъ провинціальныхъ сенатовъ Львомъ Мудрымъ **), мѣстное богатое землевладѣльческое населеніе прихлынуло на государственную службу и при легкости полученія чиновъ, пріобрѣтаемыхъ, между прочимъ, за деньги, своимъ составомъ усилило численность высшаго служилаго сословія. Наклонность къ подобнаго рода передвиженію, но по другимъ причинамъ, наблюдалась еще до царствованія Юстиніана Великаго, но нарочитыя мѣры закона ***) предупреждали

*) Левъ Діаконъ, книга VII.

**) Nov. 66.

***) Appendix къ Cod. Th. p. 26 изд. Kitter.

ничѣмъ невознаградимую убыль зажиточнаго населенія городовъ. Добившись извѣстнаго чина, провинціалы возвращались на родину, украшенные почетнымъ достоинствомъ, и такимъ образомъ сливались съ остальной массой людей высшаго сословія. Еще ранѣе указаннаго передвиженія законодательные *) и историческіе источники начинаютъ раздѣлять весь народъ Византійской имперіи на два разряда, на бѣдныхъ (οἱ πενητοί) и богатыхъ (οἱ δυνατοί). Несомнѣнно, что къ первымъ, кромѣ высшихъ чиновниковъ, всегда наживавшихся на своихъ мѣстахъ, прежде всего нужно отнести крупныхъ земельныхъ собственниковъ; легкое облагороженіе гражданина за деньги не могло не повлечь за собой притокъ новыхъ искателей почетнаго званія, помимо землевладѣльцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, императоръ Михаилъ Стратіотикъ начинаетъ возводить въ чины плебеевъ высшаго разряда, конечно, зажиточнѣйшихъ **). Точно также поступалъ Константинъ Дука ***).

Если чины представлялись крайнимъ предѣломъ честолюбія средняго гражданина, то естественно, какъ къ нимъ должны были стремиться люди, самой судьбой поставленные на путь бюрократическаго подвижничества. Любопытныя свѣдѣнія по этому поводу сообщаетъ намъ Михаилъ Пселлъ, въ своихъ письмахъ къ различнымъ вліятельнымъ лицамъ. Знаменитый ученый не стѣснялся прибѣгать къ самой грубой лести, низкопоклонству, даже доносу, съ той цѣлью, чтобы добиться повышенія или запастись расположеніемъ полезнаго человѣка въ ожиданіи будущихъ благъ ****). Такимъ образомъ съ теченіемъ времени византійская знать получила характеръ крайней смѣшанности состава, вполнѣ отвѣчавшій ей окончательно присвоенному названію οἱ δυνατοί.

---

*) Эклога, предисловіе.

**) Cedr. II, 634.

***) Psellus, изд. Саеы, IV, 265.

****) П. В. Безобразовъ. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ.

Вначалѣ эта постепенно разроставшаяся знать не могла развить въ своей средѣ значительной силы, но впослѣдствіи, начиная съ IX вѣка, изъ нея выдѣлились могущественныя фамиліи, оказавшія глубокое вліяніе на судьбы государства и поставившія на византійскій престолъ цѣлый рядъ императоровъ *). Въ политическихъ партіяхъ, о которыхъ мы говорили выше, знать почти всегда занимала мѣсто противуположное лѣвой, оппозиціонной, освободительной сторонѣ. Неизбѣжная враждебность, постоянно возникающая между обезпеченными и неимущими классами, очерчиваетъ взаимныя отношенія управляющихъ и управляемыхъ въ Византіи. Подчиненіе послѣднихъ первымъ было очень необезпечено въ имперіи, и потому большинство историковъ не упускаетъ случая выбранить чернь, по ихъ воззрѣніямъ, неимѣющую никакихъ правильныхъ государственныхъ понятій и всегда склонную къ возмущенію въ надеждѣ грабежа и легкой наживы на счетъ богатыхъ **).

Что касается до мелкаго чиновничества и мелкихъ землевладѣльцевъ, то они не представляли собой никакой политической силы и съ давнихъ поръ не обладали никакими нарочитыми преимуществами; ихъ общественное значеніе ничтожно и темно въ исторіи византійскаго государственнаго права. Идеаломъ ихъ было высшее чиновничество и богатые собственники земли. Какъ въ повѣствованіяхъ историковъ, такъ и въ законодательныхъ памятникахъ гораздо ярче выступаютъ сословія городское и сельское, какъ совокупности лицъ, существенная дѣятельность которыхъ такъ или иначе всегда отражается на строѣ, благосостояніи государства и, до извѣстной степени, даже опредѣляетъ ихъ.

§ 2. Сословіе городское.

Городское сословіе Константинополя и провинціальныхъ муниципій, какъ мы указали выше, состояло изъ купцовъ и

*) Krause. Die Byzantiner des Mittelalters, 105.

**) Напр. Прокопій, Левъ Дьяконъ, Никита Хоніатъ и др.

ремесленниковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, куда законъ относилъ всѣхъ врачей, художниковъ, ученыхъ и прочихъ представителей свободныхъ профессій. Особенностью строя византійской общественности являлась группировка людей знанія, ремесла или искусства по корпораціямъ, подобнымъ цехамъ западной Европы съ той разницей, что въ Византіи такимъ союзамъ и ихъ членамъ не присваивалось особыхъ гражданскихъ правъ, и они обладали чисто классовымъ характеромъ. Римское право имперіи знало только корпоративное устройство мелкихъ торговцевъ, нисшихъ ремесленниковъ или, лучше сказать, мастеровыхъ, приписываемыхъ къ извѣстному роду занятій и передававшихъ свое званіе потомству наслѣдственно. Въ Византіи городская корпоративность получила общее значеніе. Левъ Мудрый обнародовалъ собраніе правилъ, опредѣлявшихъ эти новые корпораціонные порядки, но, къ сожалѣнію, сборникъ не дошелъ до нашего времени, и отъ него уцѣлѣлъ только одинъ отдѣлъ, касающійся условій допущенія новичковъ въ союзъ нотаріусовъ *). Какъ это естественно слѣдовало изъ свойствъ національнаго характера, городское населеніе Византіи обладало врожденной склонностью складываться въ небольшія, но сплоченныя общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ природное стремленіе грековъ къ образованію мелкихъ тѣсныхъ союзовъ въ римскихъ порядкахъ нашло себѣ среди римскихъ установленій форму до извѣстной степени соотвѣтствовавшую эллинскому содержанію. Постепенно эта форма была приспособлена къ мѣстнымъ потребностямъ и такимъ образомъ древне-римскій институтъ пріобрѣлъ совершенно новый византійскій характеръ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Римскому праву давно были извѣстны различныя сообщества и товарищества. Заимствуя отъ Рима всю его общественную внѣшность, первые византійскіе императоры пересадили попутно и римскую корпоративность. Поэтому уже въ кодексахъ Юстиніана и Ѳеодосія

*) Mortreuil. Hist. du droit. byz. III, 50.

находятся спеціальные отдѣлы, посвященные вопросу корпоративнаго устройства *); но упоминаемыя въ этихъ уложеніяхъ коллегіи касаются главнымъ образомъ только одного разряда ремесленниковъ и рабочихъ людей, именно римскихъ artifices, collegiatos, corporatos. Хотя и на корпоративность высшаго купечества имѣются слабыя указанія въ Кодексѣ Юстиніана, который, между прочимъ, рѣшительно запретилъ лицамъ благороднаго происхожденія заниматься торговлей, какъ трудомъ унижающимъ ихъ личное достоинство, во всякомъ случаѣ, ремесленники и торговцы нисшаго разбора являются главнымъ предметомъ его законодательныхъ попеченій.

Вначалѣ, какъ въ самомъ Константинополѣ, такъ и въ прочихъ городахъ имперіи, положеніе членовъ принудительныхъ ремесленныхъ и торговыхъ корпорацій было крайне незавидно. Находясь на службѣ городу, т. е. будучи обязаны поставлять извѣстные предметы посредствомъ выдѣлыванія ихъ изъ сырого матерьяла или доставки изъ другихъ мѣстъ, участники такихъ рабочихъ союзовъ оказывались закрѣпощенными и не могли никакимъ способомъ освободиться отъ своего невольничества, передавая его по наслѣдству дѣтямъ. Въ воздаяніе за такое непрерывное общественное служеніе, корпораціи награждались особыми преимуществами, отчасти скрашивавшими тягости ихъ труда. Въ шестомъ столѣтіи такіе отдѣльные союзы представляли собой naviculariі, на свой счетъ закупавшіе хлѣбъ въ Египтѣ и доставлявшіе его на корабляхъ въ столицу за извѣстное прибыльное вознагражденіе **); pistores— мельники, пекаря, приготовлявшіе печеный даровой хлѣбъ для черни ***), колбасники ****), оружейники, литейщики, рудокопы

*) IV, 63. De commerciis et mercatoribus. Serrigny (Droit public romain, II, 353) приводитъ купечество въ нѣсколько странную связь съ пожарной командой Константинополя.

**) C. XI. 2.

***) C. XI, 15.

****) C. XI, 16.

и многіе др. *). Между прочимъ при Ѳеодосіи даже актеры и всевозможные уличные скоморохи объединялись въ одной корпораціи наслѣдственно въ виду того нескрываемаго презрѣнія, которое выказывалъ романизованный законъ по отношенію артистовъ **).

Византія переработала суровость римскихъ воззрѣній на театральное искусство. Бракъ Юстиніана и Ѳеодоры прежде всего поколебалъ царствовавшее предубѣжденіе, а при позднѣйшихъ императорахъ шуты и комедіанты превращались зачастую въ ближайшихъ наперсниковъ государей. Василій Македонянинъ несомнѣнно обязанъ въ большей степени появленіемъ на тронѣ своимъ атлетическимъ способностямъ, нежели государственнымъ дарованіямъ.

Какъ мы сказали выше, корпораціи торговцевъ и ремесленниковъ, въ виду лежавшихъ на нихъ общественныхъ обязанностей, пользовались извѣстными преимуществами: они не подлежали опекѣ, были свободны отъ военной службы, не могли привлекаться къ отправленію другихъ работъ, кромѣ тѣхъ, которыя имъ нарочито указывались закономъ. Помимо того, каждая община указаннаго рода обладала опредѣленнымъ внутреннимъ устройствомъ, управлялась рѣшеніемъ по меньшей мѣрѣ двухъ третей голосовъ ***), выбирала исполнительный органъ-синдика ****). Въ общемъ, первоначально, это былъ прямой сколокъ съ римскихъ opificum collegia, точно также имѣвшихъ свои сборныя мѣста curiae, scholae, гдѣ происходило обсужденіе всѣхъ касавшихся коллегій вопросовъ и устраивались корпоративныя торжества. У этихъ цеховъ находились въ распоряженіи общественныя кассы, откуда, между прочимъ, выдавались суммы на похороны бѣднѣйшихъ участни-

*) C. XI, 9. De fabricensibus.

**) Подробнѣе объ этомъ см. Serrigny. Droit public et administratif romain, II, 312 и слѣд.

***) Serrigny. II, 350.

****) Dig. 1 § 1, ?; 6. § 34.

ковъ коллегій. Въ публичныхъ шествіяхъ корпораціи шли въ полномъ составѣ и несли свои значки (vexilla *). Главнѣйшее отличіе византійскихъ цеховъ отъ римскихъ по идеѣ учрежденій заключалось въ томъ, что opificum collegia имѣли цѣлью борьбу, совокупными силами viribus unitis той или другой корпораціи противъ подавлявшей конкурренціи привозныхъ иноземныхъ издѣлій; въ то время, какъ въ Византіи преслѣдовался частный интересъ закрѣпощенія извѣстной части населенія въ интересахъ власти и господствующихъ классовъ. Въ Римѣ цехи возникли, самостоятельно, въ греко-восточной имперіи принудительно какъ одинъ изъ видовъ константиновской политики. Поэтому выходъ изъ корпораціи въ началѣ былъ крайне затрудненъ, но впослѣдствіи подневольность корпоративности уничтожилась и представители коллегій начали подыматься до высшихъ общественныхъ ступеней.

Съ уничтоженіемъ новеллой Льва Мудраго прежняго муниципальнаго устройства византійскихъ городовъ, упразднилось и въ самомъ законѣ существованіе коллегій, какъ подневольныхъ общинъ. Но фактическое превращеніе этихъ крѣпостныхъ юридическихъ лицъ, служившихъ на пользу чужихъ интересовъ, въ свободные союзы, повидимому, состоялось гораздо ранѣе. Сохранить корпоративное устройство было выгодно для государства въ виду большаго удобства собиранія податей и налоговъ; вмѣстѣ съ тѣмъ цехоподобная организація ремеслъ и торговли вслѣдствіе монополій представила многія преимущества и самому городскому населенію, фактически усиливавшемуся такимъ способомъ. Послѣ потери житницы Константинополя, Египта, нечего было и думать о постоянномъ кормленіи черни даровымъ хлѣбомъ. Между тѣмъ, законодатель не вычеркнулъ изъ текста законовъ положенія о капитуляціяхъ, и перевозка съѣстныхъ припасовъ и вообще торговля хлѣбомъ осталась въ рукахъ отдѣльнаго замкнутаго круга лицъ, сохранившаго ста-

*) Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ, 351.

ринныя права монополиста. Древне-византійскія анноны были тѣсно связаны съ такъ-называемыми натуральными повинностями, которыя выплачивались различными предметами въ обработанномъ и необработанномъ видѣ. Уже въ римскомъ государствѣ замѣчалась наклонность къ замѣнѣ всякихъ налоговъ въ ихъ естественномъ видѣ взносами денежными *). Въ Византіи эта мѣра получила дальнѣйшее примѣненіе съ самаго начала, но на время она была пріостановлена наплывомъ славянскихъ поселенцевъ, еще не усвоившихъ себѣ понятія денежнаго хозяйства въ полномъ смыслѣ слова. Въ XI вѣкѣ стремленіе къ замѣнѣ естественныхъ повинностей мѣновыми знаками выражается уже въ окончательныхъ формахъ **) по отношенію всего населенія; что касается до гражданъ грекоовосточнаго происхожденія, обитателей городовъ, то они перешли на условія денежнаго платежа подати гораздо ранѣе. Уже Левъ Исаврянинъ для возобновленія разрушенныхъ землетрясеніемъ константинопольскихъ стѣнъ, установилъ новый налогъ дикератъ, явившійся увеличеніемъ на два кератія каждой номизмы поземельной подати ***). Съ уничтоженіемъ аннонъ бывшія подневольныя коллегіи превратились въ свободныя корпораціи, самоуправляющіяся единицы, облегчавшія ихъ отдѣльнымъ членамъ борьбу за существованіе и обезпечивавшія взаимную помощь.

Дигесты давали законный поводъ не только къ сохраненію подобныхъ старинныхъ общинъ, но и къ образованію новыхъ ****) въ кругу указанныхъ лицъ и съ особаго на каждый разъ разрѣшенія закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ корпоративное устройство сообщало громадное значеніе горожанамъ во время политическихъ переворотовъ. Въ случаѣ надобности, они выбѣгали на площади въ составѣ своихъ общинъ и дѣйствовали

*) Виллемсъ. II, 725.

**) Скабалановичъ. Виз. госуд., 272. Mortreuil, III, 107.

***) Theoph. I, 634.

****) Bas. VIII, 2. Dig. De col. et corp.

дружно и заразъ *). Преемники Льва Мудраго: Романъ Лекапенъ и Константинъ Порфирородный и Никифоръ Фока въ своихъ новеллахъ удостовѣряютъ бытіе корпорацій во всѣхъ городахъ и областяхъ Византіи **). Внутренняя организація этихъ коллегій, судя по Василикамъ, не претерпѣла существенныхъ измѣненій ***), но кой-какія нововведенія, въ особенности по отношенію принятія новыхъ членовъ, мы можемъ предположить, разсматривая уцѣлѣвшую часть Правилъ Льва Мудраго, касающуюся нотаріусовъ ****).

§ 3. Крестьяне.

Громадное большинство земледѣльцевъ до и послѣ юстиніанова періода находилось въ крѣпостномъ состояніи, унаслѣдованномъ отъ Рима; что же касается ничтожной горсти крестьянъ собственниковъ, то они до такой степени были стѣснены налогами, что при каждомъ удобномъ случаѣ или отдавались подъ покровительство богатыхъ помѣщиковъ, или же прямо переходили въ качествѣ крѣпостныхъ на земли послѣднихъ. Отсюда возникло постоянное сокращеніе числа свободныхъ хлѣбопашцевъ и увеличеніе, такъ называемыхъ, колоновъ.

Населеніе, носившее въ эту эпоху имя колоновъ (coloni) по большей части было лично свободно *****); представители его считались cives romani, пользовались съ нѣкоторыми ограниченіями jusconnubii, commercii, но въ представленіи закона мыслились нераздѣльно съ занимаемой ими землею и при переходѣ ея въ новыя руки поступали вмѣстѣ съ нею къ новому владѣльцу или собственнику. Обработка полей производилась

*) Никита Хоніатъ. I, 440.
**) Mortreuil. III, 77.
***) VIII, II. Περὶ συστημάτων.
****) Τῶν περὶ πολιτικῶν σωματείων διαταξέων... πρώτη περὶ ταβολλαρίων.
*****) C. XI, 51, 1; 47, 24.

колонами на свой счетъ; помѣщику они вносили годовую плату, и кромѣ того платили черезъ владѣльца государству подушный налогъ, который, между прочимъ, не могъ быть по произволу увеличенъ хозяиномъ [1]) подъ угрозой обжалованья его дѣйствій судьѣ. Равнымъ образомъ, владѣлецъ не могъ согнать колона съ насиженнаго мѣста [2]), но и послѣдній въ случаѣ оставленія своего участка подлежалъ преслѣдованію и возвращенію на землю, какъ бѣглый рабъ [3]). Точно также колоны не имѣли права возбужденія иска противъ помѣщика [4]); владѣли имуществомъ они на правахъ пекуліума. Этотъ разрядъ крѣпостныхъ отличался отъ простыхъ рабовъ, воздѣлывавшихъ поля господъ на прежнихъ основаніяхъ полнѣйшей неволи.

Происхожденіе колоната вызвало въ наукѣ нѣсколько предположеній, объясняющихъ это явленіе двоякимъ способомъ: постепеннымъ превращеніемъ домашнихъ рабовъ въ воздѣлывателей латифундій и постояннымъ осѣданіемъ свѣжихъ полчищъ варваровъ въ предѣлахъ римской территоріи на условіяхъ подчиненія ихъ хозяевамъ земель [5]). Юстиніаново право застало институтъ колоната уже нормированнымъ предшествовавшимъ законодательствомъ и потому вполнѣ сложившимся. Начиная съ IV вѣка, крѣпостное состояніе сообщалось рожденіемъ, пріобрѣталось тридцатилѣтней давностью поселенія на владѣльческихъ участкахъ [6]), путемъ объявленія желанія стать колономъ на судѣ [7]), слѣдовало, какъ наказаніе, за нищенство [8]). Юстиніановъ кодексъ среди крѣпостныхъ различаетъ колоновъ въ собственномъ смыслѣ и адскриптиціевъ, но какъ

---

[1]) C. XI, 49, 1.

[2]) C. XI, 47, 2, 7, 21.

[3]) C. XI, 47, 23.

[4]) C. XI, 49, 2.

[5]) Подробныя указанія на различныя теоріи см. Serrigny, II, 387; свѣдѣнія по литературѣ предмета. Виллемсъ, II, 750; Mortreuil, III, 52.

[6]) C. XI, 47, 19, 23.

[7]) C. XI, 47, 22.

[8]) C. XI. 25, 1. Nov. 7. 80, 5.

доказываетъ Цахаріэ, разница между этими двумя видами зависимыхъ земледѣльцевъ слабая въ началѣ, въ концѣ VI столѣтія утратилась совершенно *). Нѣсколько времени спустя послѣ царствованія Юстиніана, набѣги варваровъ славянъ и переселеніе ихъ цѣлыми племенами въ византійскія области кореннымъ образомъ повліяли на положеніе крестьянства и произвели въ его средѣ крутой переворотъ; въ послѣдующіе вѣка колоны съ хозяйскимъ пекуліумомъ ἐναπόγραφοι исчезли и замѣнились въ цѣломъ μισθωτοὶ μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν, вполнѣ свободными отъ воли частнаго лица землепашцами.

Переворотъ, совершившійся въ обычномъ правѣ и пошедшій въ разрѣзъ съ закономъ, былъ замѣченъ монархомъ Sturm und Drang періода византійскихъ государственныхъ порядковъ. Преобразованія Льва Исаврянина реформировали крестьянское законодательство на новыхъ началахъ. Отдѣльныя главы Юстиніанова кодекса замѣнились стройнымъ нарочитымъ уложеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Νόμος γεωργικός, внутреннія достоинства котораго были оцѣнены не только въ Византіи; большинство славянскихъ земель, въ томъ числѣ и Россія, заимствовали этотъ правовой памятникъ и, такъ сказать, усыновили его **). Наступленіе новой эпохи знаменуется изгнаніемъ прежняго термина colonus для обозначенія зависимаго земледѣльца словомъ πάροικος, заключавшаго въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно новый своеобразный смыслъ. На ряду съ преобразованіемъ положенія зависимыхъ, расширяется и даже дѣлается преобладающимъ кругъ свободнаго крестьянства. По своему содержанію Νόμος γεωργικός представляетъ собою сборникъ узаконеній, касающихся главнымъ образомъ сельской полиціи.

*) Zachariae. Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 226.

**) При изложеніи судебъ крестьянскаго населенія въ Византіи въ періодъ господства Νόμος γεωργικός мы руководствовались трудами Zachariae. Geschichte des griechisch-römischen Rechts и статьей проф. Васильевскаго. «Законодательство иконоборцевъ». Νόμος существуетъ въ русскомъ переводѣ съ параллельнымъ текстомъ греческимъ и славянскимъ съ объясненіями проф. Павлова подъ именемъ «Книги законныя».

Частью онъ перерабатываетъ постановленія юстиніанова права, частью вводитъ новизну. Въ частности Νόμος толкуетъ о кражѣ хлѣба на корню, плодовъ, лѣса, о проступкахъ и небрежности пастуховъ, о вредѣ, нанесенномъ домашними животными или домашнимъ животнымъ. Но среди подобныхъ статей попадаются, въ особенности въ самомъ началѣ сборника, мѣста, опредѣляющія основныя начала юридическаго состоянія сельскихъ обывателей. Сообразно новому порядку вещей, существовало только два разряда крестьянства: свободные,—жившіе общиннымъ бытомъ и—относительно зависимые, тяготѣвшіе къ землѣ, на которой они сидѣли, но не къ хозяевамъ ея. Первые образовывали общества съ общественными полями, лугами, выгонами (κοινότης τοῦ χωρίου), въ отношеніи которыхъ члены общины являлись совладѣтелями. Исключеніе, какъ можно предположить, составляли только дома и сады, повидимому, всегда находившіеся въ частной собственности *). При господствѣ такового общиннаго быта однако не упразднялось и вполнѣ индивидуальное существованіе крестьянъ собственниковъ. Всякій участникъ земледѣльческой артели (χωρίτης) могъ въ какое угодно время выдѣлиться и зажить самостоятельнымъ хозяйствомъ.

Членовъ общины крѣпко связывала между собой круговая порука по уплатѣ налоговъ. Въ томъ случаѣ, когда какой-либо плательщикъ уклонялся отъ взноса и покидалъ назначенный участокъ, за него платило все общество, удерживая въ свою пользу его надѣлъ; если-же самъ общинникъ, несмотря на отлучку, продолжалъ платить подати, земля оставалась за нимъ и самовольно занявшіе ее подвергались взысканію **). Объясненіе возникновенія порядковъ подобнаго рода мы имѣли случай привести выше: Цахаріэ предлагаетъ двоякую гипотезу: вліяніе новыхъ народностей, переселившихся и переселяемыхъ цѣлыми племенами и поневолѣ слагавшимися въ общины въ силу

*) Цахаріэ, 252.

**) Цахаріэ, 244.

единства происхожденія и требованія казны, выгадывавшей въ удобствахъ сбора податей въ круговой отвѣтственности совокупности плательщиковъ *). Проф. Васильевскій склоняется въ сторону перваго предположенія, но въ то же время высказывается въ томъ смыслѣ, что славянская народность принесла съ собой мысль общиннаго устройства, послужившаго образцомъ законодателю **). Нисколько не оспаривая такового предположенія по существу, мы позволимъ себѣ привести въ связь установленіе общиннаго быта съ явленіемъ общаго распространенія корпорацій въ городахъ, отсюда имѣвшихъ свободную возможность распространиться и въ средѣ сельскихъ обывателей, усвоившихъ себѣ представленіе о преимуществахъ таковыхъ установленій.

Конечно, правительство въ виду государственныхъ фискальныхъ и иныхъ интересовъ должно было отнестись доброжелательно къ новой группировкѣ населенія и по мѣрѣ силъ съ своей стороны благопріятствовать ей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу преданій римскаго консерватизма, оно должно было считаться со внѣшностью установившихся формъ государственной жизни. Корпоративность-же городского населенія какъ прецедентъ давала удобный поводъ къ узаконенію совершившагося факта безъ ущерба основамъ привычнаго юридическаго мышленія.

Конечно, благосклонность правительства сильно способствовала укрѣпленію и расширенію крестьянской общинности. Въ борьбѣ съ западнической партіей, лучшіе изъ византійскихъ императоровъ ясно понимали важность укрѣпленія и устойчивости началъ свободнаго крестьянства, что и выразили въ цѣломъ рядѣ новеллъ послѣ реформаціонной эпохи, ограждающихъ интересы мелкаго землевладѣнія. Къ такимъ мѣрамъ нужно отнести прежде всего право выкупа общинами земель, проданныхъ ихъ обнищавшими членами (προτίμησις) богатымъ собственникамъ или

*) Zachariae, 254.

**) Васильевскій. Законод. иконоб. Ж. М. Н. П. 1878, т. 200, стр. 105.

юридическимъ лицамъ духовнаго характера *). Въ виду сказаннаго относительно происхожденія общиннаго землевладѣнія въ Византіи, можно придти къ тому выводу, что, какъ въ большинствѣ случаевъ, такъ и здѣсь данное явленіе было слѣдствіемъ болѣе чѣмъ одной причины, равно заключавшимъ въ себѣ предположенія и Цахаріэ и проф. Васильевскаго. Какъ бы то ни было, но со времени выхода въ свѣтъ Νόμος γεωργικὸς, представленіе о законности и разумности существованія крестьянской общины утвердилось въ сознаніи византійскаго правительства и послужило предметомъ его попечительныхъ заботъ. Кстати нужно замѣтить, что въ рукахъ императоровъ-націоналистовъ покровительство увеличенію свободнаго крестьянства служило средствомъ ослабленія богатыхъ собственниковъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежали и монастыри. Поэтому законодательство, касавшееся свободныхъ хлѣбопашцевъ, шло толчками, содѣйствуя которымъ Левъ Исаврiецъ, напримѣръ, уничтожилъ юстиніановское patrocinium, реакція-же снова его возстановила **).

Рядомъ съ положеніями о свободныхъ хлѣбопашцахъ Νόμος γεωργικός говоритъ также о такъ называемыхъ мортитахъ (μορτίται) или арендаторахъ. Подъ именемъ послѣднихъ исаврійскій законъ разумѣетъ крестьянина на основаніи особаго договора занявшаго извѣстный участокъ земли и платящаго хозяину (τῷ χωροδότῃ) опредѣленный годовой взносъ предметами посѣва. Земледѣльческій законъ опредѣляетъ арендную плату количествомъ каждаго десятаго снопа съ собраннаго хлѣба, призывая гнѣвъ Божій на голову помѣщиковъ, взимающихъ высшій процентъ. Какъ объясняетъ Цахаріэ ***), такой порядокъ соблюдался только при долгосрочной арендѣ, что-же касается краткосрочной то

*) См. Nov. Romani Lecapeni I Περὶ ἀναλύσεως τοῦ πραθέντος; Const. Porphyrog. Περὶ ἐκποιήσεως κτημάτων καὶ προτιμήσεως... и др.; подробнѣе объ этомъ ниже.

**) Zachariae, 259.

***) Ibid. 256.

словія ея установлялись по взаимному соглашенію. Въ общемъ порядкѣ крестьянинъ недовольный своимъ помѣщикомъ могъ во всякое время покинуть занятый участокъ, подвергаясь только взысканію гражданскому, въ случаѣ неоконченныхъ счетовъ съ собственникомъ земли, который, въ свою очередь, имѣлъ право предложить неугодному арендатору очистить мѣсто. О какомъ бы то ни бы пекуліумѣ въ эту эпоху уже нѣтъ болѣе рѣчи, но въ видѣ исключенія сохраняется нѣкоторая постоянная связь съ насиженной землей для тѣхъ, кто непрерывно воздѣлывалъ свой участокъ впродолженіи тридцати лѣтъ. Такого старожила помѣщикъ уже не могъ согнать съ участка по своему усмотрѣнію, и во избѣжаніе такого освоенія земель государственныхъ, императорскихъ и церковныхъ на основаніи Эклоги договоръ аренды могъ пребывать въ силѣ не долѣе двадцати девяти лѣтъ.

Реформація, повлекшая за собой реакцію, потерпѣвъ пораженіе не уступила, однако, западникамъ всего поля битвы. Это мы имѣли случай указать еще въ первой части нашего труда. Общественно-законодательныя завоеванія, по причинѣ жизненности своихъ корней, сохранились въ дѣйствительности и существовали наперекоръ мертвой буквѣ бумажнаго закона. Самъ Василій Македонянинъ въ новеллахъ повторилъ нѣкоторыя части византійскихъ новшествъ *). Что-же касается Льва Мудраго, то онъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названнымъ преобразователемъ. Духъ времени былъ настолько силенъ, что идти противъ него, во чтобы то ни стало, оказывалось невозможнымъ. Поэтому, если дѣятельность императоровъ исаврійской династіи назвать радикализмомъ, то правительственныя мѣропріятія послѣдующихъ государей, какъ на почвѣ религіозной, такъ и въ области гражданскихъ нуждъ, должно охарактеризовать именемъ выжидательныхъ. Въ дѣлахъ внутренней политики былъ избранъ средній примиряющій путь; его дер-

*) Nov III., запрещающая конкубинатъ (Mortreuil, III, 281), повторяетъ Эклогу.

жались лучшіе и способнѣйшіе императоры послѣ исаврійской эпохи.

Черты указаннаго направленія мы можемъ прослѣдить и на крестьянскомъ вопросѣ. Νομός γεωργικός совершенно уничтожилъ колонатъ. Василики, возстановившія юстиніаново крестьянское право, создали юридическія нормы, не существовавшія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, и македонская династія ни сколько этимъ не обезпокоилась. Наперекоръ ея формальнымъ постановленіямъ ἐναπόγραφοι уже болѣе не существовали и не возродились впослѣдствіи.

Крѣпостное право рушилось безъ возврата, но на мѣсто него возникли новыя поземельныя отношенія между помѣщиками и арендаторами. Какъ въ прошедшія времена, стѣсняемые поборами и несправедливостью чиновниковъ не только мортиты, но даже свободные собственники теперь опять цѣлыми общинами начали отдаваться подъ покровительство богатыхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ. На ряду съ прочими обстоятельствами тому, между прочимъ, много посодѣйствовалъ извѣстный голодъ и моровая язва 927—933 годовъ, когда цѣлыми массами народъ пошелъ въ кабалу изъ-за куска насущнаго хлѣба. Привлекали своими вольностями земли монастырскія и жалованныя частныя, освобожденныя императорами отъ платежа налоговъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ, переселеніе на бѣлые участки возродило понемногу древній patrocinium въ его прежнемъ видѣ. Отнынѣ арендаторы, пребывавшіе на помѣщичьей землѣ въ продолженіи срока пріобрѣтательной давности, становились крѣпкими землѣ и не могли ни сами сойти по своей волѣ, ни быть удаленными землевладѣльцемъ. Возникъ своеобразный институтъ, при которомъ арендатору принадлежало дѣйствительное право на неотчуждаемую землю, хозяину же dominium emminens и опредѣленный доходъ *). Въ общемъ получились тѣ загадочныя отношенія, которыя существуютъ

*) Zach., 260 стр. Васильевскій, Законод. иконоборцевъ. Ж. М. Н. П. 1878 т. 200 стр. 128.

до нашихъ дней въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и извѣстны нашему праву подъ именемъ чиншевого владѣнія. Тридцатилѣтніе сроки закрѣпощающей аренды Эклоги были развиты правительствомъ. Охранители воспользовались ею въ своихъ выгодахъ, на что указываетъ Евстаѳій Римлянинъ, говоря: Βοηθεῖται τῇ τριακονταετίᾳ εἰς τὸ δεσπόσαι.

Вскорѣ послѣ изданія Эклоги начало входить въ общее употребленіе слово πάροικοι для обозначенія арендаторовъ. Въ одномъ памятникѣ 834 г. говорится, что императоръ Ѳеофилъ былъ добръ къ своимъ парикамъ: ἦν πρὸς τοὺς αὐτοῦ παροίκους ἀνὴρ ἀγαθὸς. Наоборотъ, къ свидѣтельству Евстаѳія Римлянина, Василій Болгаробойца часто сгонялъ ихъ со своихъ земель. Въ объясненіе таковой суровости, нужно замѣтить, что еще ранѣе часто практиковалось самовольное присельничество, ничѣмъ не связывавшее господина земли, безъ нарушенія закона имѣвшаго права удалять отъ себя нежданныхъ захребетниковъ по усмотрѣнію. Въ новеллахъ Юстиніана словомъ παροικικὸν обозначается именно такое самовольное и только терпимое поселеніе на чужой землѣ. Насильственное вторженіе варварскихъ племенъ сразу неизмѣримо повысило число таковыхъ париковъ, а затѣмъ тотъ терминъ постепенно распространился и на договорныхъ арендаторовъ, войдя во всеобщій обиходъ. Съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій измѣнились и внутреннія. Установленная десятина мортитовъ у париковъ смѣнилась произвольными поборами и барщиной, зачастую порождавшими свои злоупотребленія.

Увеличеніе числа полузависимыхъ покровительствуемыхъ крестьянъ заставило византійское правительство обратить усиленное вниманіе на вполнѣ свободныхъ собственниковъ. Для интересовъ государства охраненіе ихъ состава представлялось дѣломъ не малой важности. Этимъ разрядомъ гражданъ пополнялись количественные недочеты арміи, платилась значительная часть налоговъ, исполнялось множество различныхъ повинностей, отъ которыхъ вліятельные помѣщики стремились

освободить своихъ париковъ. Тѣмъ не менѣе крестьяне собственники, не смотря на благопріятствовавшія имъ правительственныя мѣропріятія, съ году на годъ приходили въ большее раззореніе. Поражающее развитіе церквей, а въ особенности монастырей, всегда щедро снабжаемыхъ строителями населенными землями, въ сильной степени содѣйствовало паденію свободнаго хлѣбопашества; въ томъ же направленіи дѣйствовали богатые помѣщики, во времена народныхъ бѣдствій скупавшіе за безцѣнокъ громадныя земельныя пространства.

Послѣднее явленіе, стремленіе землевладѣльцевъ къ расширенію своихъ имѣній, Цахаріэ объясняетъ необезпеченностью денежныхъ капиталовъ того времени, всегда наиболѣе удобно влагаемыхъ въ земельные фонды; но рядомъ съ этимъ, по нашему мнѣнію, дѣйствовала и другая причина—несовмѣстимость иного рода коммерческихъ денежныхъ оборотовъ съ достоинствомъ лицъ высшаго сословія. Законъ Юстиніана прямо запрещалъ благороднымъ занятіе торговлею *), считая таковую по римскому воззрѣнію унизительной. Воззрѣніе это вкоренилось въ нравы византійскаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ византійскіе богачи предпочитали скупать земли въ виду тѣхъ соображеній, что онѣ облегчали имъ принятіе на себя казенныхъ откуповъ **), которые являлись гораздо болѣе выгоднымъ помѣщеніемъ капиталовъ, нежели сопровождаемая рискомъ торговля, которая, кстати сказать, процвѣтала въ Византіи во все время ея существованія исключительно въ рукахъ купеческаго класса. «Не входи въ излишнія спекуляціи и вовсе не бери на себя казенныхъ откуповъ—даетъ совѣтъ византійскій бояринъ XI столѣтія,—иначе погубишь хлѣбъ твой и наслѣдникамъ твоимъ вмѣсто добраго наслѣдства оставишь заботу». Несомнѣнно, что при различныхъ спекуляціяхъ земельныя богатства являлись наилучшимъ свидѣтельствомъ кредитоспособности обязывав-

*) C. J. VI, 63,3.

**) Васильевскій. Совѣты вив. боярина 50.

шихся лицъ и надежнымъ залогомъ на случай несостоятельности.

Императоръ Левъ Мудрый почему-то разрѣшилъ возбраненное Юстиніаномъ, пріобрѣтеніе земель высшими чиновниками, за исключеніемъ стратеговъ въ мѣстахъ ихъ государственнаго служенія. На пользованіе новымъ закономъ всѣ набросились съ жадностью, и потому въ 922 г. послѣдовало со стороны Романа Лекапена присоединеніе къ ранѣе существовавшему праву крестьянскаго выкупа положительнаго запрещенія вліятельнымъ особамъ (τοῖς δυνατοῖς) расширять свои владѣнія на счетъ бѣдняковъ. Въ 934 г., по причинѣ злоупотребленій помѣщиковъ въ голодные годы, Романомъ издана была другая новелла подобнаго же содержанія, послѣ чего запретительные указы императоровъ слѣдуютъ одинъ за другимъ: въ 947 г. вышла въ свѣтъ новелла Константина Порфиророднаго, въ 959—963 Романа Младшаго; отъ 964 и 967 обнародовано три эдикта Никифора Фоки, въ 988 и 996 два эдикта Василія Порфиророднаго *). На основаніи этихъ законовъ отнынѣ всякій δύνατος, пріобрѣвшій какимъ-бы то ни было способомъ—куплей, дареніемъ, завѣщаніемъ—участокъ крестьянской земли, присуждался, помимо установленнаго взысканія, къ немедленному и безмездному востановленію прежняго владѣнія съ прибавленіемъ къ прежнему его объему всѣхъ вновь произведенныхъ улучшеній и возведенныхъ построекъ.

По смыслу общаго духа законодательства, въ отношеніи пріобрѣтательной давности на крестьянскія земли, новеллы Романа Лекапена толковались, какъ дающія право на спокойное владѣніе всякими участками, въ томъ числѣ и крестьянскими, послѣ истеченія сорока лѣтъ; но Василій Порфирородный положительнымъ образомъ отвергъ таковой взглядъ относительно крестьянскихъ земель. Никифоръ Фока допустилъ лишь одно исключеніе: помѣщикъ уже владѣвшій въ общинѣ

*) Zachariae, 266.

опредѣленнымъ участкомъ и прикупившій незначительный крестьянскій клочекъ, въ случаѣ замѣщенія его дорого стоившими постройками, обязывался вознаградить продавца не возвращеніемъ незначительнаго участка, но уплатой двойной стоимости купленнаго или уступкой куска собственной земли въ двойномъ противъ пріобрѣтеннаго размѣрѣ.

Мелкій землевладѣлецъ, поступавшій въ монахи, согласно новеллѣ Романа Лекапена, не имѣлъ права передавать своего имѣнія монастырю; Никифоръ Фока еще болѣе расширилъ это запрещеніе и распространилъ его на всѣхъ лицъ, желавшихъ что либо перевести въ собственность монастыря или церкви; но Василій Порфирородный опять смягчилъ строгость указанныхъ запрещеній *).

На крестьянскомъ законодательствѣ императоровъ можно съ достаточной ясностью прослѣдить колебанія византійской внутренней политики, уступавшей давленію то той, то другой общественной партіи, по своему понимавшей государственные интересы. Не смотря на сопротивленіе охранителей, законы противъ расширенія владѣній τῶν δυνατῶν съ большей или меньшей силой дѣйствовали впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Юристы XI столѣтія Пселлъ, Атталіатъ, законодательные памятники двѣнадцатаго, тринадцатаго вѣковъ свидѣтельствуютъ о существованіи запретительныхъ институтовъ.

Господство и преобладаніе въ политикѣ себялюбивыхъ стремленій западниковъ всегда знаменовалось борьбой съ началами свободнаго крестьянства; въ постепенномъ и неуклонномъ паденіи византійскаго государства усилія отдѣльныхъ просвѣщенныхъ государей не могли безусловно задержать стихійныхъ силъ общественнаго неравенства, простершагося, наконецъ, до обращенія въ рабство впавшихъ въ нищету бѣдняковъ.

Въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ, въ качествѣ самостоятель-

*) Ibid. 268.

ной попытки врачеванія разроставшагося зла, указъ Мануила Комнина о запрещеніи закабаливанія свободныхъ людей *); тотъ же императоръ принималъ мѣры противъ неестественнаго обогащенія духовныхъ юридическихъ лицъ **). Не смотря на всѣ благопожеланія законодателя, число свободныхъ крестьянъ послѣ реформаціонной эпохи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сокращалось, а съ нимъ и подрывался одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государственнаго равновѣсія.

Обезземеленное крестьянство, не уживаясь съ господами, бѣжало въ города, а въ особенности въ столицу, увеличивая своимъ наплывомъ толпы праздной и безъ того безмѣрно-размножившейся черни. Свободные въ полномъ смыслѣ слова, ничѣмъ не связанные, не сдерживаемые духомъ коммерческой или промышленной корпоративности, массы общественныхъ отбросовъ составляли плотное ядро постоянно недовольныхъ, вѣчно волнующихся искателей смѣны впечатлѣній. Дѣяніями константинопольской черни заполнены страницы византійской исторіи. Всѣ династическіе перевороты, уличныя возмущенія, безпорядки, общественныя празднества находили въ нихъ ревностнѣйшихъ участниковъ. Питаясь случайнымъ заработкомъ въ гавани столицы, подачками знати и императоровъ, ютясь въ портикахъ храмовъ и въ оградахъ богатыхъ монастырей, презираемые въ дни мирнаго теченія дѣлъ, они являлись грозными и безпощадными вершителями судебъ человѣческихъ въ минуты смутъ и общественныхъ неурядицъ.

§ 4. Остальные сословія и классы византійскаго населенія.

I. Рабы. На послѣдней ступени сословной общественной градаціи въ Византіи стояли рабы, но положеніе ихъ на востокѣ въ смыслѣ относительной льготности не можетъ быть и сравниваемо съ таковымъ-же положеніемъ на западѣ. Уже

*) Кинамъ, 305.

**) Nov. VI.

эпоха первыхъ лѣтъ бытія греко-восточной имперіи отразилась въ высшей степени благотворно на этомъ разрядѣ населенія, почти вполнѣ безправномъ въ древнемъ Римѣ.

Уже Константинъ Великій окончательно отнялъ у господъ право распоряженія жизнью раба по усмотрѣнію, оставивъ власть по отношенію тѣлесныхъ дисциплинарныхъ взысканій [6]). Тотъ же императоръ запретилъ продажу семейства невольниковъ въ раздробь [2]) и къ прежде существовавшимъ прибавилъ два новыхъ способа отпущенія на волю: manumissio in sacrosanctis ecclesiis—чтеніемъ акта освобожденія, составленнаго въ присутствіи епископа съ прихожанами и manumissio всякимъ выраженіемъ воли со стороны господина—духовнаго лица [3]). Помимо того впослѣдствіи были объявлены законными новыя причины, слагавшія съ раба его status. Именно: longi temporis praescriptio [4])—продолжительная, но не умышленно-злостная отлучка, содѣйствіе обличенію и поимкѣ фальшивыхъ монетчиковъ, похитителей дѣвушекъ, дезертировъ [5]), царская постельничья служба [6]), поступленіе съ вѣдома господина въ составъ бѣлаго или чернаго духовенства [7]) и проч. Какъ видно изъ ссылокъ, всѣ эти постановленія сдѣлались правовымъ достояніемъ Византіи и Юстиніановымъ законодательствомъ были переданы послѣдующимъ временамъ, постепенно до безконечности смягчавшимъ сохранившуюся относительную тягостность положенія рабовъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ Mortreuil, если бы правовые памятники позднѣйшаго періода не свидѣтельствовали вполнѣ опредѣленнымъ образомъ о существованіи узаконеннаго рабства, то на основаніи общихъ историческихъ данныхъ можно было

---

[1]) C. J. IX, 14.
[2]) J. III, 38,11.
[3]) C. J. I. 13, 1,2.
[4]) C. J. VII, 22.
[5]) C. J. VII, 13, 2—4.
[6]) C. J. XII, 5, 4.
[7]) Nov. J. 5, 2.

бы подумать, что институтъ этотъ уже окончательно упразднился къ половинѣ двѣнадцатаго вѣка [1]). Въ самомъ дѣлѣ, рабское состояніе, потерявшее главный источникъ, завоевательныя войны съ обращеніемъ въ неволю военно-плѣнныхъ,—могло поддерживаться только рожденіемъ, покупкой въ чужихъ краяхъ или, по исключенію, закабаленіемъ обнищавшихъ свободныхъ людей.

Такимъ образомъ рабство само собою съ годами уменьшалось количественно, но въ то же время подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства и при помощи правительственныхъ мѣропріятій ослаблялось качественно. Реформаціонная Эклога не прошла безъ того, чтобы не затронуть указаннаго вопроса и не попытаться далѣе ограничить въ правахъ позорящее человѣка учрежденіе, но сдѣлала это слишкомъ въ общихъ чертахъ. Она подтвердила, напримѣръ, отмѣну jus necis господина, и дополнила въ этомъ отношеніи законъ Юстиніана, предписывавшій наказывать раба осмотрительно и не забивать его до смерти съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Василики не подвинули дѣла далѣе, но за то императорскія новеллы внесли въ него существенныя преобразованія.

Левъ Мудрый предупредилъ Мануила Комнина въ запрещеніи свободнорожденнымъ продавать себя [2]). Онъ же предоставилъ императорскимъ рабамъ право свободнаго владѣнія имуществомъ на правахъ собственниковъ [3]), разрѣшилъ имъ браки со свободными людьми съ возможностью выкупа подневольнаго супруга или съ отпущеніемъ его на свободу послѣ смерти хозяина [4]). Въ борьбѣ съ возраставшей силой духовенства Левъ отмѣнилъ, однако, новеллу Юстиніана, дозволявшую безъ вѣдома господина поступившему въ клиръ рабу оставаться въ немъ навсегда по истеченіи полнаго трехлѣтія.

[1]) Mortreuil, III, 56.
[2]) Nov. 59.
[3]) Nov. 38.
[4]) Nov. 100 и 101.
[5]) Nov. 9, 10 и 11.

Алексѣй Комнинъ высказывался о рабствѣ съ положительной горечью. «Судьба, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ новеллъ *), пожелала, чтобы существовали господа и рабы. Въ виду этого, приходится принять въ качествѣ неизбѣжной необходимости то обстоятельство, что эти два рода людей пребываютъ введенными въ общество и законодательству необходимо признать различіе между ἐλεύθεροι и δούλοι, но христіанское ученіе не раздѣляетъ этихъ понятій; всѣ равны передъ Тѣмъ, Кто проливалъ свою кровь на общее спасеніе».

Указомъ названнаго императора было запрещено оспаривать свидѣтельства человѣка, доказывающаго свое свободное состояніе; бракосочетаніе рабовъ было обставлено всѣми условіями брака людей безотносительно независимыхъ **).

Въ случаѣ какихъ-бы то ни было препятствій на этотъ счетъ со стороны хозяевъ, рабы немедленно получали свободу.

II. Военные. Въ принципѣ, за исключеніемъ рабовъ, вся остальная масса населенія представлялась равноправной, т. е. пользовалась всею совокупностью правъ, civitas, составлявшихъ нѣкогда достояніе однихъ только римскихъ гражданъ. Нѣкоторыми изъятіями въ положительную сторону, именно, особыми гражданскими преимуществами, вначалѣ, какъ мы указали выше, были отличены члены сенаторскаго сословія и, на протяженіи всего существованія византійской имперіи,— солдаты и духовенство; строгіе въ Юстиніановомъ правѣ, но впослѣдствіи постепенно смягчавшіеся privilegia odiosa принадлежали вольноотпущенникамъ, иновѣрцамъ и еретикамъ.

Положеніе военнаго люда отличалось корпоративностью и выгодами, главнымъ образомъ гражданскаго имущественнаго характера ***). Впрочемъ, изъ политическихъ правъ имъ принадлежала спеціальная подсудность своимъ командирамъ во время

*) XVII. Mortreuil, III, 56.

**) Mortreuil. III. 159.

***) Подробности о положеніи военнаго сословія въ періодъ IV—VI вѣка, см. Serrigny. Droit public et administratif romain. I, 300 и слѣд.

служенія; въ отставкѣ они освобождались съ семействами отъ личныхъ налоговъ, нѣкоторыхъ повинностей, награждались правомъ свободы передвиженія и избранія занятія съ многими послабленіями въ смыслѣ государственныхъ сборовъ *). Право ношенія оружія точно также нѣкогда принадлежало только римскимъ гражданамъ. Августъ распространилъ это почетное преимущество на латиновъ и италиковъ, образовавъ новые легіоны, содержавшіеся на счетъ императорскихъ суммъ. Позднѣе, начиная съ Юстиніана, армія сплошь начала наполняться иностранцами и варварскимъ населеніемъ имперіи. Въ Византіи въ послѣднія времена, помимо немногочисленныхъ сыновей ветерановъ, полки составлялись цѣликомъ изъ наемниковъ: варяговъ, русскихъ, нѣмцевъ, галловъ, итальянцевъ и даже арабовъ. Прежнее громадное политическое значеніе арміи было уничтожено Константиномъ Великимъ, который, по опыту зная силу всемогущихъ легіоновъ, раздробилъ ихъ, размѣстилъ въ областяхъ на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и, наконецъ, раздѣлилъ въ корнѣ военное и гражданское управленіе.

Обезсиленіе арміи выдвинуло въ Византіи на политическое поприще народъ, въ Римѣ пребывавшій въ роли статиста при всѣхъ общественныхъ переворотахъ. Царствованіе Юстиніана въ отношеніи устройства арміи унаслѣдовало постановленія предшествовавшихъ императоровъ: Константина, Гонорія, Ѳеодосія и др.

Василики, не смотря на существованіе въ нихъ почти цѣлой книги, посвященной военнымъ закономъ, не прибавили ничего новаго къ отрывкамъ Юстиніанова кодекса и новеллъ **). Тоже самое нужно сказать о Νόμοι στρατιωτικοί, изданныхъ въ концѣ восьмого столѣтія и точно также не представляющихъ

*) C. J. XII. 46, 1. Sed etiam nullo munere civili, id est corporali seu personali vel de personali onere eos affici concedimus.

**) Lib. LVII.

собою оригинальнаго явленія *). Важнѣйшей привилегіей воинскаго состоянія было надѣленіе отставныхъ солдатъ земельными участками, свободными отъ какихъ-бы то ни было обложеній. Учрежденіе таковыхъ надѣловъ относится точно также къ первымъ временамъ римской имперіи; въ юстиніановомъ законодательствѣ мы уже находимъ ихъ вполнѣ оформенными и закрѣпленными въ качествѣ положительнаго установленія **). Воинскіе участки, отводившіеся обыкновенно въ пограничныхъ областяхъ имперіи, переходили къ потомству ветерановъ, обязанному за это дѣйствительной службой въ рядахъ арміи. Къ концу VII вѣка подобные στρατιωτοτόπια пришли почти въ полный упадокъ, и только въ десятомъ столѣтіи императоры опять стараются поднять ихъ на надлежащую высоту. Съ этой цѣлью изданы были новеллы Романомъ Лекапеномъ, Константиномъ Порфиророднымъ, Романомъ Младшимъ, Никифоромъ Фокой. Общее содержаніе законовъ, обнародованныхъ названными государями, заключается въ томъ, что ими создавалась неотчуждаемость воинскихъ участковъ, внесенныхъ въ особый кадастръ, и установилось право выкупа ихъ продавцомъ, его родственниками и даже товарищами по оружію ***).

Солдатъ, владѣвшій земельнымъ надѣломъ, пользовался жалованьемъ только въ военное время, въ мирное—онъ содержалъ себя самъ и обязанъ былъ являться къ мѣсту служенія со своимъ вооруженіемъ. Византійскіе воинскіе участки продолжали существовать до дней паденія Византійской имперіи.

III. Духовенство. Духовенство, дѣлившееся на черное и бѣлое, не составляло въ Византіи замкнутаго сословія; по достаточномъ испытаніи, всякій свободный человѣкъ, рабъ-же съ разрѣшенія господина, могъ поступить въ число клириковъ и достичь высшихъ степеней священства. Для полученія мона-

*) Mortreuil. III, 118.
**) C. J. XI, 59, 23.
***) Zachariae, 274.

шескаго званія ничего не требовалось, кромѣ трехлѣтняго послушанія; дарованіе положенія чтеца, дьякона, священника соединялось съ производствомъ особаго экзамена, часто, однако, сводившагося къ простой формальности *). Не соединяясь съ наслѣдственностью, духовенство Византіи тѣмъ не менѣе сложилось въ могущественное сословіе, обладавшее извѣстной долей самостоятельности по отношенію свѣтской власти, изъятое отъ общей подсудности, освобожденное отъ личныхъ повинностей и налоговъ. Громадныя земельныя имущества церквей и монастырей зачастую освобождались отъ всякихъ сборовъ въ пользу казны и, кромѣ того, въ принципѣ считались неотчуждаемыми **). Несмотря на обѣты нестяжанія, монахи особенно ревностно отстаивали право владѣнія духовными юридическими лицами свободными отъ обложенія недвижимостями. Со времени воцаренія иконоборческой династіи исавровъ между чернымъ духовенствомъ и правительствомъ велась неустанная борьба по этому поводу. Государи, богоотступники съ точки зрѣнія чернецовъ, доводили репрессію до отнятія монастырскихъ земель въ казну, благочестивые монархи собственноручно умащали нечесанныя головы бродячихъ отшельниковъ и въ пользу ихъ нуждъ раззоряли государство, отдавая имъ во владѣніе плодороднѣйшія земли.

Императоры средняго направленія въ дѣлахъ вѣры держались той-же середины и въ вопросахъ духовнаго землевладѣнія. Алексѣй Комнинъ, напримѣръ, освободилъ церковно-монастырскія земли отъ государственныхъ налоговъ ***), но въ то-же время строго воспретилъ ихъ дальнѣйшее приращеніе. Этимъ наносился ударъ ненасытной стяжательности клириковъ ****).

---

*) Алексѣй Комнинъ. Nov. XX.

**) Проводимый византійскимъ духовенствомъ принципъ неотчуждаемости церковно-монастырскихъ имѣній постоянно, однако, оспаривался императорами. П. Соколовъ. Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, 182.

***) Nov. III.

****) Nov. IV.

До какой-же степени вообще дошла оборотливость византійскаго духовенства въ матеріальныхъ дѣлахъ, явствуетъ между прочимъ изъ IV новеллы Алексѣя Комнина, запретившей ему содержаніе мѣняльныхъ лавокъ и банкирскихъ конторъ.

Скопленіе несмѣтныхъ богатствъ создало духовенству прочное положеніе и вручило ему значительную политическую силу. Помимо собственнаго состава, всегда готоваго даже съ оружіемъ въ рукахъ или со средствами тайнаго убійства отстаивать свои права, въ его представленіи тѣсно связанныя съ господствомъ христіанскаго ученія, монашество и невѣжественнѣйшая часть бѣлаго духовенства имѣли въ своемъ распоряженіи губительное орудіе въ видѣ константинопольской черни въ худшемъ смыслѣ слова, питавшейся отъ монастырской благостыни и въ знакъ признательности за таковую всегда готовой на всякія крайности.

IV. Вольноотпущенники. Къ числу лицъ, ограниченныхъ въ гражданскихъ правахъ, какъ мы указали выше, кромѣ колоновъ-париковъ, относились вольноотпущенники, иновѣрцы и еретики. Что касается вольноотпущенниковъ, то имъ опредѣляемыя закономъ стѣсненія въ дѣйствительности съ первыхъ-же минутъ существованія византійскаго государства не имѣли прямого приложенія на практикѣ. Согласно Юстиніанову кодексу, либертины не допускались къ отправленію общественныхъ должностей*). Тѣ-же самые постановленія повторили Василики**). Однако, не смотря на подобныя запрещенія, вольноотпущенники съ царствованія Юстина, Юстиніана Великаго и позднѣе играли при дворѣ и въ правительствѣ выдающіяся роли, будучи возводимы въ рангъ первыхъ чиновниковъ и полномочныхъ министровъ. Таковыми были, напримѣръ, евнухъ Амантій, великій камергеръ Анастасія, пользовавшійся отъ лица императора почти безграничной властью, Іоаннъ Каппадокійскій, Сте-

*) C. J. IX, 21, 1; XII, 1, 9.
**) L. VI, 1, 25. Leuncl.

фанъ при Юстиніанѣ II, Ставракій и Аэцій при Иринѣ, Іоаннъ при Романѣ и Зоѣ и многіе другіе. То, что названные государственные мужи были вольноотпущенниками, слѣдуетъ изъ ихъ скопческаго состоянія, пріобрѣтеннаго, по всей вѣроятности, внѣ предѣловъ имперіи, такъ какъ законами Юстиніана [1]), Василія Македонянина [2]) и Льва Мудраго [3]) было строго запрещено скопить мальчиковъ на территоріи византійскаго государства.

V. Язычники, евреи, еретики. Въ существѣ дѣла съ V вѣка ограниченію въ отношеніи jus honorum подлежали язычники, евреи и еретики, противъ которыхъ направлены обширные отдѣлы Юстиніанова кодекса и Василикъ [4]). Положеніе евреевъ однако, во всѣ эпохи было выгоднѣе нежели христіанъ вольнодумцевъ; они имѣли право свободнаго отправленія обрядовъ и даже обрѣзанія, тогда какъ у еретика отнималась всякая гражданская и исповѣдная личность [5]). Съ теченіемъ времени, съ установленіемъ большей терпимости, жизнь пошла въ обходъ закона, и вѣроисповѣдныя различія потеряли свое первоначально значеніе. Мы знаемъ о массовыхъ переселеніяхъ армянъ-павликіанъ въ Константинополь, о томъ значеніи, которымъ пользовались восточные еретическіе легіоны въ царствованіе иконоборцевъ. Не смотря на свой предосудительный въ исповѣдномъ отношеніи образъ мыслей, нѣкоторыя личности точно также возвышались нетолько до званія сенаторовъ, но достигали даже императорскаго престола, какъ напримѣръ, монофелитъ Филиппикъ. (711—713).

[1]) C. J. IV, 42. См. также Толкованіе Θеофила. Theophili Paraphrasis, LI, 11, 9.

[2]) Basilica XIX, περὶ εὐνούχων: τὰ δὲ βάρβαρα ἀνδράποδα τὰ εὐνουχιόμενα ἔξω τοῦ ῥωμαικοῦ ἐδάφους, ἔξεστω πᾶσι τοῖς ἐμπόροις καὶ ἀγοράζειν καὶ πιπράσκειν передаетъ содержаніе конца 42 т. IV книги Codex'a J.

[3]) Nov. № 60. C. J. I, 5.

[4]) Basilica I, c. IV, περὶ αἱρετικῶν, περὶ ἰουδαίων, c. XI.

[5]) Въ этомъ отношеніи на противорѣчіе византійскаго законодательства справедливо указываетъ г. Соколовъ, сопоставляя отрицаніе Кодексомъ Θеодосія секты монтанистовъ и признанія за ихъ церквами права на владѣніе имуществомъ. Церковно-имущественное право въ Греко-римской имперіи, 79.

ГЛАВА V.

§ 1. Культурное единство византійскаго населенія.

Если мы теперь послѣ общаго обзора политической дифференціаціи населенія имперіи вглядимся въ ея племенной составъ, то увидимъ, что послѣдній представлялъ собой во много разъ болѣе пеструю картину, нежели первый. Византійская держава олицетворяла въ себѣ разительный примѣръ того положенія, что государство слагается не только изъ національныхъ элементовъ въ смыслѣ племенного происхожденія, но кроетъ свои основанія въ общности болѣе сложныхъ и порой возвышенныхъ интересовъ, объединенныхъ общей, высокой, сложной и развитой культурой.

Въ самомъ дѣлѣ, масса византійскаго населенія не обладала единствомъ происхожденія или даже языка. Сѣверныя провинціи имперіи: Ѳракія, Мизія, Иллирія были заняты романизированнымъ населеніемъ: Македонія—славянскимъ, Ахайя—чисто-греческимъ, Малая Азія и Египетъ—различными болѣе или менѣе эллинизированными племенами: тутъ жили копты, евреи, исавры, ликійцы, фригійцы, арменіане, понтійцы, пафлагонцы, каппадокійцы и другія разнообразныя народности; привлекаемые надеждою наживы или почестей, здѣсь точно также тысячами осѣдали всевозможные пришлецы германскаго, гальскаго, славянскаго, персидскаго, турецкаго, арабскаго, романскаго, гуннскаго происхожденія. На императорскомъ престолѣ постоянно появлялись представители этихъ отдѣльныхъ націй: иллиріецъ Юстинъ, славяне Юстиніанъ, Василій Македонянинъ, исаврiецъ Левъ, Левъ Армянинъ, Михаилъ Пафлагонянинъ, пафлагоняне Комнины. Единство происхожденія вполнѣ отсутствовало въ этомъ громадномъ политическомъ тѣлѣ; его поддерживало и одухотворяло другое, болѣе могущественное, отвлеченное начало—эллинизмъ.

У этого смѣшаннаго разношерстнаго населенія въ обладаніи находилась высокая культура, растворявшая и подчинявшая себѣ грубый, но здоровый матерьялъ притока варварскаго элемента. Чужеземцы подъ вліяніемъ господствовавшаго слоя обитателей имперіи, подавляемые его духовнымъ превосходствомъ, понемногу уподоблялись, перенимались нравы, усваивались страсти, склонности, заимствовали привычки и, постепенно теряя свой первоначальный обликъ, превращались, наконецъ, въ истыхъ византійцевъ. Новыя входящія единицы принимали форму и содержаніе старыхъ, ничуть не нарушая своимъ присутствіемъ порядка цѣлаго.

Тысячелѣтняя исторія Византіи доказываетъ неоспоримо, что въ этомъ государствѣ, свободномъ по существу своему, были заложены задатки славной и продолжительной жизни. Раздираемая внутренними раздорами, обуреваемая столькими нашествіями враждебныхъ иноплеменниковъ, она до послѣдней минуты боролась за свое существованіе и не разъ выходила изъ борьбы увѣнчанной лаврами побѣдителя.

Разлагающимъ началомъ, медленно, но вѣрно дѣйствующимъ ядомъ, для этой имперіи, какъ мы старались доказать въ первой части нашего труда, оказалась идея изжитой, западной централизаціи вмѣстѣ съ соединенными съ ней нетерпимостью и рабскимъ подчиненіемъ авторитету. Изъ общественнаго союза, по природѣ своей склоннаго къ гармоніи и свободной цѣлостности интересовъ, римскія традиціи пытались принудительно организовать тотъ типъ государства, который Спенсеромъ именуется военнымъ и который по существу своему былъ чуждъ природѣ грековъ. Естественное соотношеніе государственныхъ частей романизованные правители думали замѣнить насильственнымъ. Вмѣсто положительнаго уваженія къ власти, они требовали отрицательнаго повиновенія ей. Тѣхъ послѣдствій, съ которыми связана политика подобнаго рода, достигли благочестивые императоры, во что бы то ни стало, стремившіеся къ поддержанію принудительнаго общенія

и единства съ церковнымъ западомъ. Они заглушили любовь къ отчизнѣ, раздражили религіозныя страсти, дали точку опоры себялюбію и невѣжеству, посѣяли лицемѣріе, притворство, ханжество, взростили и охраняли отъ посягательствъ безчеловѣчіе, кровожадную предусмотрительность тирановъ; вырывая кажущіеся плевелы и будучи сами худшей сорной травой, они измѣняли и перерабатывали ниву народной жизни по своему убогому образцу.

Непосильно тяжело было пробиваться волнѣ народнаго самосознанія сквозь насильственно наложенную на нее кору иноземныхъ наслоеній. Много утратила она изъ своей первобытной чистоты, но всетаки, несмотря на многочисленныя, вѣками накоплявшіяся препятствія, вылилась наружу и проявила свой внутренній самостоятельный обликъ, не смотря на сохраненное римское имя *).

Писатели, считающіе Византійскую имперію за продолженіе бытія Римской, за многовѣковую агонію наслѣдія Нероновъ и Калигулъ, сопоставляютъ въ значеніи равнозначущихъ понятій слова Византія и деспотизмъ. Предвзятая мысль отождествленія востока съ западомъ и многія мрачныя страницы правительственной исторіи перваго укрѣпили подобнаго рода представленіе въ умахъ непосвященнаго большинства. Произошло это потому, что долгое время Византія, по выраженію академика Куника **), пребывала загадкой въ глазахъ образованнаго міра, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ея прошлымъ. Но съ того времени какъ уважаемый ученый чуть ли не первымъ въ отечественной литературѣ возсталъ на защиту находившейся въ загонѣ византійской исторіи, въ свѣтъ вышелъ цѣлый рядъ трудовъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, достаточно освѣтившихъ предметъ для того, чтобы

---

*) Всѣ византійцы, даже убѣжденные націоналисты, искренно считали себя римлянами и называли себя не греками, но οἱ ῥωμαῖοι.

**) Почему Византія донынѣ остается загадкой во всемірной исторіи.

онъ не казался болѣе гіеной или тигромъ съ осмысленнымъ лицомъ человѣка *).

Византія, не смотря на всѣ ужасы, продѣлываемые ея правителями въ частной и общественной жизни, никогда не была деспотіей въ томъ видѣ, въ каковомъ являлись многія государства Европы въ ихъ историческомъ прошломъ. Византійскіе императоры въ принципѣ никогда не стояли выше закона; подобно тиранамъ римскимъ, они никогда не увлекались самовластіемъ до такой степени, чтобы отождествлять собственную особу съ государствомъ; они никогда не узурпировали безконтрольнаго авторитета въ дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ, какъ то дѣлалъ въ своихъ личныхъ выгодахъ и преходящихъ интересахъ Генрихъ VIII, англійскій. Уже во времена Ѳеодосія II византійскій абсолютизмъ былъ поставленъ въ опредѣленныя границы, являвшіяся естественнымъ предѣломъ личнаго произвола. За императоромъ стоялъ сенатъ, народъ, духовенство и армія, неусыпно слѣдившіе за политикой государя и постоянно оказывавшіе на него свое ощутительное давленіе. Уваженіе къ старинѣ и поклоненіе формѣ дѣлали императора рабомъ установленныхъ порядковъ; христіанство неукоснительно напоминало ему о существованіи Высшаго Судьи, Царя царствующихъ, законамъ котораго подчинены всѣ самовластцы міра.

§ 2. Тяготѣніе къ самоопредѣленію.

Принято говорить о византійской централизаціи и господствѣ повсюду административно-полицейскихъ началъ, задавившихъ жизнь областей **). Однако имѣлось ли дѣйствительно подобное сосредоточенье власти втеченіи всего промежутка

*) Критическій очеркъ работъ касающихся византійскихъ древностей, начиная отъ эпохи Возрожденія до конца XVIII ст., см. Васильевскій. Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. Вып. I.

**) Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. 132.

бытія имперіи, это вопросъ почти неизслѣдованый и спорный. Нельзя, напримѣръ, вообще согласиться съ проф. Скабалановичемъ въ томъ, что «основой византійской государственности была «идея авторитета, подчиненія человѣческой личности государству» и что примѣненіе этой идеи отразилось въ Византіи крайностями централизаціи, при которой интересы государства съузились, изъ провинціи перешли въ столицу, изъ столицы во дворецъ и здѣсь воплотились въ лицѣ императора *). Мы знаемъ какимъ громаднымъ мѣстнымъ вліяніемъ пользовались при императорѣ Маврикіи цирковыя партіи, разсѣянныя въ отношеніи своихъ представителей по всѣмъ сколько-нибудь значительнымъ городамъ востока; намъ извѣстно также, что на внутреннемъ устройствѣ ихъ отразилось древнегреческое дѣленіе горожанъ по димамъ, и въ этихъ димахъ и городскихъ сенатахъ крылось зерно безспорной значительной самостоятельности крупныхъ центровъ.

Римское владычество, принесшее съ собою важнѣйшіе цвѣта партій, привило отростокъ къ родственному дереву. Страсть восточнаго грека къ зрѣлищамъ и склонность къ партійности сразу вылились на законной почвѣ. Народоправческій характеръ греческой политической жизни, какъ мы указали выше, наложилъ свой отпечатокъ на управленіе христіанской церкви; по примѣру городскихъ общинъ малоазійскихъ греческихъ колоній, приходы и епархіи составили свой народъ, δῆμος—прихожанъ, свой сенатъ—γερουσία—синодъ, своихъ архонтовъ—епископовъ, οἰάρχοντες. Римское муниципальное устройство, какъ нельзя болѣе кстати, пришлось по мѣркѣ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

Форма подчиненія римскаго политическаго склада наполнилась свободнымъ эллинскимъ содержаніемъ.

Существованіе муниципальнаго права въ Римской имперіи ничуть на противорѣчило ея централизаціи и крайнему абсо-

*) Ibid.

лютизму. Наоборотъ, оно даже содѣйствовало ему въ извѣстной степени, служа способомъ раззоренія опасныхъ для власти богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Куріалы считались въ римскихъ муниципіяхъ аристократіей, зачастую величались отцами города, окружались внѣшнимъ почетомъ, пользовались значительными преимуществами по сравненію съ остальной массой населенія, но въ то же самое время принуждались къ принятію таковыхъ отличій подъ страхомъ наказанія *). Для того, чтобы избѣгнуть непосильныхъ тягостей сенаторскаго представительства, отцы провинціальныхъ городовъ уходили въ пустыни, поступали въ монахи, отдавались подъ покровительство вліятельныхъ лицъ, т. е. продавались имъ въ кабалу, женились на невольницахъ и крѣпостныхъ, чтобы потерять часть своего благородства. Римское муниципальное право было передано въ качествѣ почетной привилегіи и востоку, и на первыхъ порахъ здѣсь точно также повторилась картина римскаго раззоренія.

И въ Византіи при первыхъ императорахъ мѣстныя власти обязывались слѣдить за легкомыслiемъ уклонявшихся отъ обязанностей высшихъ городскихъ сановниковъ и мѣрами физическаго понужденія напоминать имъ о святости служенія долгу **).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ положеніи провинціальной муниципальной знати самоуправленіе не могло быть опаснымъ ни для кровныхъ римскихъ императоровъ, изобрѣтателей указаннаго порядка вещей, ни для ихъ византійскихъ наслѣдниковъ. Юстиніанъ поэтому только смягчилъ, но не отмѣнилъ тягостей декуріоната, жалуясь въ 38 новеллѣ на обезлюденіе и обнищаніе курій.

Несмотря на столь плачевное состояніе высшаго класса провинціальныхъ гражданъ, Левъ Мудрый все-таки почему то счелъ опаснымъ для самодержавія бытіе старыхъ муниципаль-

*) Codex Theod. 179. De decurionibus.

**) Ibid.

ныхъ учрежденій; онъ прямо объявилъ, что теперь, когда государственныя дѣла приняли другую форму и все управленіе зависитъ только отъ императора, прежніе законы о городскомъ устройствѣ какъ бы блуждаютъ въ пространствѣ, не имѣя подъ ногами твердой почвы *). Очевидно, въ началѣ десятаго вѣка, прежнее городское управленіе черезъ посредство фактически упраздненныхъ декуріановъ теперь замѣнилось нѣкоторымъ новымъ, безъ сомнѣнія демократическимъ, находящимся по многимъ признакамъ въ непосредственной связи съ возникновеніемъ торгово-ремесленныхъ корпорацій. Византійскіе лѣтописцы и историки, занятые преимущественно воинскими подвигами властителей и гражданско-религіозными раздорами, не передали намъ многихъ свѣдѣній, необходимыхъ для обрисовки и оцѣнки всѣхъ общественныхъ установленій Византіи. Недостаточность источниковъ особенно чувствуется въ отношеніи городового и общиннаго устройства.

Законодательные памятники также крайне скудно свидѣтельствуютъ на этотъ счетъ. Безтолково убогія Василики въ сокращенномъ видѣ повторяютъ юстиніановы правила, не справляясь съ запросами времени и обстоятельствъ. Слабый свѣтъ проливаютъ однѣ императорскія новеллы X—XI вѣка. Указъ Льва Мудраго несомнѣнно удостовѣряетъ нарожденіе новой общественной кристаллизаціи. Первая новелла Романа Лекапена, первая и вторая Константина Порфиророднаго и третья Никифора Фоки даютъ знать, что въ городахъ и въ деревняхъ (ἐν πάσῃ πόλει καὶ χώρᾳ) существовали общины, связанныя сходностью нуждъ и интересовъ; въ нихъ мы должны видѣть основы новаго городского и сельскаго самоуправленія. Декуріонаты были отмѣнены, но ихъ замѣнила развившаяся корпоративность, сказавшаяся въ умѣньи обращаться съ административной машиной. Между прочимъ, на практикѣ, послѣ низверженія Михаила Парапинака, до прибытія Вотаніата въ

*) Nov. 46 (изданіе Фуггера).

Константинополь, столичные жители быстро избрали для завѣдыванія городскими дѣлами своихъ уполномоченныхъ и прекрасно управились во всемъ томъ, что было имъ нужно *)

Извѣстно, что въ эпоху кратковременнаго господства французовъ въ Византіи ими уважались проявленія городскихъ вольностей и что города тѣмъ крѣпче замыкались въ своихъ правахъ, чѣмъ слабѣе становился иноземный режимъ, расшатывавшійся вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ **). При всемъ этомъ нужно еще помнить, что областное дѣленіе Византіи по ѳемамъ, вызванное чисто-военными потребностями и сохранившее поэтому военную окраску, стояло особнякомъ отъ внутренней жизни провинціальныхъ городовъ и даже цѣлыхъ областей, которыя, вмѣстѣ съ ослабленіемъ государственныхъ связей, постепенно обособлялись и пріобрѣтали значеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ политическихъ единицъ.

Пресловутая византійская централизація такимъ образомъ скользила поверхъ помимо ея складывавшихся общественныхъ отношеній, не задѣвая ихъ по существу. Условное повиновеніе царствовавшему императору, принятіе отъ него начальника провинціей, подчиненіе ему въ смыслѣ взноса денежныхъ поборовъ, вѣрность въ случаѣ смутъ или военныхъ дѣйствій—вотъ и все, что требовалось отъ подданныхъ военно-гражданскихъ ѳемъ. Точка опоры центральной власти основывалась на мѣстныхъ гарнизонахъ, но случалось очень часто, что присланныя воинскія команды сживались съ горожанами и въ рѣшительныя минуты прямо становились на ихъ сторону ***). Самоуправленіе и децентрализація въ византійской имперіи были вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывно соединены со стремленіемъ отдѣльныхъ городовъ, областей и ихъ правителей къ относительной независимости и свободному отношенію къ высшей власти. Духъ греческаго свободолюбія не мирился съ римскимъ абсолютизмомъ.

*) Attal. 270.

**) Mortreul III, 80.

***) Ѳеофилактъ Симмокатъ, т. VII, гл. III.

Каждая часть имперіи, будучи чѣмъ-нибудь недовольна или не соглашаясь съ принципами внутренней политики, проводимой Константинополемъ, добивалась возможности сложиться въ автономное государство, признававшее только военную гегемонію столицы.

Въ Малой Азіи для такого порядка вещей имѣлись особо глубокіе корни. Здѣсь существовали когда-то по образцу ахейскаго и этолійскаго союзовъ соединенія многихъ самостоятельныхъ городовъ, для цѣлей совмѣстнаго отраженія врага и исполненія другихъ задачъ общаго благосостоянія. Такія конфедераціи носили названіе τὸ κοινόν, общинъ въ широкомъ смыслѣ слова. Всѣ греческія колоніи острововъ малоазійскаго побережья и внутреннихъ частей Анатоліи представляли собою небольшія народоправства, несмотря на признанное владычество птоломеевъ и селевкидовъ. Какъ мы указывали выше, многія восточныя провинціи и при римлянахъ нѣкоторое время сохраняли реальную самостоятельность, столь дорогую греческому сердцу.

Какими крупными центрами являлись малоазійскіе эллинизированные города за-долго до возникновенія Византійской имперіи, можно видѣть изъ описаній Страбона. Объ Антіохіи Дафнійской онъ говоритъ, что эта восточная столица не уступала по величинѣ и силѣ Селевкіи на Тигрѣ или Александріи Египетской. Послѣдняя-же заключала въ своихъ стѣнахъ до 800,000 населенія, изъ числа которыхъ насчитывалось 300,000 свободныхъ. Выдающееся значеніе Берита, Александріи, было признано Юстиніановымъ кодексомъ. Римское владычество, вначалѣ покровительствовавшее восточно-греческимъ вольностямъ, а потомъ само быстрыми шагами пошедшее къ упадку, не могло стереть или вырвать мѣстныхъ политическихъ наклонностей и стремленій, мало по малу высвободившихся и наложившихъ свой отпечатокъ на строй новой имперіи.

Мечта кореннаго населенія византійской имперіи заключалась въ томъ, чтобы подъ знаменемъ духовной и тѣлесной сво-

боды всѣ города востока, въ качествѣ полунезависимыхъ самоуправляющихся единицъ, объединялись въ высшемъ союзѣ добровольнаго подчиненія ихъ представляющему цѣлому. Преданія запада не дали возможности этой идеѣ осуществиться. Свое корыстные представители завѣтовъ Рима старались все свести къ одному знаменателю; они ревностно вытравливали изъ умовъ пытливость мысли, задавливали высшіе интересы меньшинства въ пользу низменныхъ и грубыхъ инстинктовъ массы, потоками крови заглушали протестъ. Благотворное закономѣрное соотношеніе правильно и здорово обособляющихся частей, интегрированная дифферренціація, вслѣдствіе усилій Ѳеодосіевъ, Юстиніановъ и ихъ подражателей, выродились въ Византіи въ центробѣжное движеніе и послужили на погибель могущественнаго государства.

Неудовлетворенное въ своихъ существеннѣйшихъ желаніяхъ населеніе заражалось мѣстнымъ отчизнолюбіемъ на счетъ общеимперскаго; въ видахъ свободнаго устроенія своихъ дѣлъ всѣми силами оно старалось выдѣлиться изъ общихъ рамокъ государственной жизни и тѣмъ дробило единство общественныхъ силъ; провинціалы, то признавали, то не признавали константинопольскихъ императоровъ, насильственными мѣрами рекомендовали столицѣ своихъ избранниковъ, сопротивлялись законнымъ распоряженіямъ центральнаго правительства, не принимали имъ назначаемыхъ губернаторовъ, входили въ дипломатическія сношенія съ иноземными государями, поносили своихъ. Дѣло въ концѣ концовъ дошло до того, что быть вѣнчаннымъ на царство въ Константинополѣ еще не значило дѣйствительно царствовать надъ какой-нибудь Мизіей или Пафлагоніей, не давшихъ на то своего согласія.

Указанной особенностью вполнѣ объясняется, между прочимъ, почему западно-европейскій феодализмъ такъ удобно установился въ государствѣ, не имѣвшемъ о немъ ранѣе никакого понятія. Значительные города и области своимъ внутреннимъ устройствомъ и отношеніемъ къ цѣлому представляли

къ тому благодатный матерьялъ; отсюда же становится понятной та легкость, съ которой изъ византійскихъ провинцій впослѣдствіи сложился цѣлый рядъ самостоятельныхъ княжествъ вродѣ Кипра, Трапезунда, Эпира, Никеи и др.

Попробуемъ на примѣрахъ прослѣдить печальную исторію внутренняго распаденія византійской имперіи, неудачно разрѣшившей сложный вопросъ согласованія римской централизаціи съ греческимъ самоуправленіемъ. Изъ греко-римскихъ императоровъ впервые пришлось столкнуться съ духомъ восточно-греческой независимости во мнѣніяхъ и поступкахъ Юліану Отступнику. Этотъ государь, воспитанный на преданіяхъ эллинизма, прилежный чтецъ Гомера, Платона, Аристотеля, ученикъ Ливанія и Максима, въ вопросахъ политики оказался, однако, послѣдователемъ римскихъ ученій. Онъ твердо вѣрилъ, что могущественному императору, имѣющему въ своемъ распоряженіи легіоны испытанныхъ и преданныхъ воиновъ, стоитъ только захотѣть, чтобы то или другое общественное явленіе сложилось и приняло опредѣленную форму согласно его желанію. Возстановляя язычество и понимая его какъ философскую систему, императоръ потребовалъ отъ вѣрующихъ воздержности мудреца и очень изумился, когда въ одномъ изъ центровъ поклоненія стародавнимъ богамъ, въ Антіохіи, обладавшей громаднымъ языческимъ населеніемъ, онъ встрѣтилъ не только пассивную холодность, но и прямое открытое сопротивленіе своимъ начинаніямъ.

Въ 362—363 году императоръ рѣшилъ торжественно отпраздновать культъ Аполлона Дафнійскаго, но, увы, не смотря на приглашеніе никто не явился на праздникъ изъ многолюднаго города, за исключеніемъ стараго жреца, принесшаго съ собой въ жертву богу гуся. Юліанъ обличилъ антіохійцевъ ѣдкой сатирой *) и кромѣ того сдѣлалъ приличное внушеніе сенату: «постыдно, говорилъ онъ, что столь богатый и обиль-

*) Мизопогонъ (Μισώπωγον ἢ Ἀντιοχικός), стр. 361—362.

ный населеніемъ городъ гораздо менѣе выражаетъ заботливости о богахъ, нежели какая-нибудь деревушка на берегахъ далекаго Понта. Владѣя богатыми общественными имуществами, вы не приносите въ жертву отечественному богу ни одной птицы на праздникѣ, совершаемомъ ежегодно... Каждый изъ васъ не щадитъ никакихъ издержекъ на свои празднества и проводитъ ихъ въ необыкновенной веселости и радостяхъ, между тѣмъ не приноситъ ни одной жертвы за благоденствіе свое и города» *). Несмотря на первую неудачу, Юліанъ не потерялъ надежды возстановить обрядность язычества въ столицѣ Сиріи. Онъ продолжалъ приказывать. Въ принципѣ большинство жителей послѣдней ничего не имѣло противъ замысловъ императора. Но строгость его нравовъ и неумолимая требовательность только окончательно повредили ему во мнѣніи легкомысленныхъ антіохійцевъ. При видѣ множества жертвенныхъ животныхъ, ежедневно закалываемыхъ въ честь безсмертныхъ боговъ, дерзкіе сирійцы безъ стѣсненій осмѣлились восклицать, что въ случаѣ удачнаго исхода предстоящей войны съ персами, всѣ быки въ имперіи подвергнутся истребленію. Неудачныя и неумѣлыя попытки императора тѣми же римскими принудительными средствами нормировать цѣны съѣстныхъ припасовъ, не смотря на убѣдительныя представленія сената и гражданъ, указывавшихъ несостоятельность подобныхъ мѣръ, вызвали уже не легкую иронію, но глубокое, глухое раздраженіе въ народѣ.

Императорская власть столкнулась въ Антіохіи со скептицизмомъ здравомыслящихъ, жизнерадостныхъ, не привыкшихъ къ стѣсненіямъ и рабскому повиновенію людей. Свое недовольство самонадѣяннымъ императоромъ сирійцы вылили въ цѣломъ потокѣ въ лицо ему бросаемыхъ насмѣшекъ, брани и пасквилей. Они не задумались дойти до такой смѣлости, что открыто заявляли царственному поборнику язычества, что имъ лучше жи-

*) Ibid. 364.

лось при его христіанскихъ предшественникахъ, нежели при немъ самомъ. Какая противуположность съ безстыдной угодливостью римскаго народа и сената, противъ убѣжденія восторженно привѣтствовавшихъ Геліогабала *) постановившаго ввести новый культъ эмезскаго чернаго камня, по преданію упавшаго на землю съ неба.

Вѣрная традиціямъ прошлаго, Антіохія и впослѣдствіи всегда отстаивала свои права передъ притязаніями Византіи и при первомъ удобномъ случаѣ старалась добиться полнѣйшей автономіи. Въ періодъ увлеченія населенія имперіи религіозными спорами столица Сиріи приняла въ нихъ живѣйшее и горячее участіе. Укрывая въ своихъ стѣнахъ множество еретиковъ самыхъ различныхъ толковъ, она пошла вразрѣзъ съ требованіями православныхъ императоровъ и оказывала имъ постоянное противодѣйствіе.

Въ царствованіе евтихіанина Анастасія (491—518), какъ имперію, такъ и всѣ значительнѣйшіе города раздирала религіозная распря, касавшаяся вопроса о естествѣ Сына Божія **). Императоръ покровительствовалъ еретикамъ. Воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, предпріимчивый сирійскій монахъ Северъ раздулъ пламя гражданской междуусобицы, натравилъ антіохійскихъ еретиковъ на сторонниковъ правовѣрія и по волѣ императора замѣстилъ собою изгнаннаго патріарха Флавіана ***).

По смерти Анастасія Юстинъ I, будучи противникомъ образа мыслей предшествовавшаго государя, тѣмъ не менѣе не осмѣлился сразу низвести Севера, боясь сопротивленія со стороны большинства вліятельнѣйшихъ гражданъ Антіохіи, и потому не предпринялъ для цѣли низложенія еретическаго патріарха окольный путь хитростей. Северъ бѣжалъ въ Алексан-

*) Геліогабалъ—имя греческое изъ ἥλιος солнце и γαβάθα (Дюканжъ) брошенное—отсюда Геліогабалъ—даръ солнца? Гиббонъ предлагаетъ другое объясненіе.

**) Theoph. Chron. 207, 208, 209 и слѣд.

***) Ibid. 240,—245. Cedrenus, I, 631.

дрію, гдѣ нашелъ себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованія правительства. Вновь назначенный въ Антіохію патріархъ Павелъ не былъ принятъ частью населенія и отказался отъ престола. Преемникъ Павла Евфрасій, колебавшійся между требованіями двухъ партій, вначалѣ подъ давленіемъ еретиковъ, открылъ гоненіе на православныхъ, но потомъ открыто присоединился къ православію. На мѣсто убитаго землетрясеніемъ Евфрасія антіохійскій народъ самовольно выбралъ свѣтскаго правителя востока Ефремія, и императоръ, не усмотрѣвъ здѣсь нарушенія своихъ правъ, утвердилъ избраніе новаго первосвященника.

Нужно было обладать достаточнымъ запасомъ самостоятельности и самоувѣренности со стороны областнаго города, чтобы такимъ образомъ постоянно выражать столицѣ свое лишь относительное подчиненіе въ дѣлахъ исповѣднаго единомыслія. Тактичность умнаго и крайне терпимаго Ефремія на время утѣшила религіозную рознь, но уже въ 560 г. въ правленіе Юстиніана антіохійскіе еретики опять открыто возстали противъ патріарха Анастасія и подверглись за то жестокому наказанію со стороны благочестиваго императора *).

Еще ранѣе того, эдикты Юстиніана противъ еретиковъ возбудили въ 531 г. вооруженный мятежъ, точно также подавленный военною силой. Персидское завоеваніе на время вычеркнуло Антіохію изъ числа византійскихъ провинцій; арабское владычество продолжило срокъ пребыванія ея подъ игомъ иноземцевъ, но не уничтожило своеобразныхъ чертъ, обычаевъ и нравовъ келесирійской столицы. Освобожденные Никифоромъ Фокой изъ подъ власти мусульманъ въ 966 г., въ 1034 г., антіохійцы опять проявили свое свободное отношеніе къ присылаемымъ градоправителямъ при помощи убіенія не въ мѣру изобрѣтательнаго въ налогахъ практора Саливы. Передъ замѣстителемъ послѣдняго дукой Никитой городъ, боясь мщенія со сто-

*) Theoph. Chron. 364. Cedrenus, I, 679.

роны императора, заперъ, было, ворота и открылъ ихъ только послѣ торжественнаго обѣщанія общаго помилованія. Никита не сдержалъ своего слова и предалъ множество гражданъ жестокимъ казнямъ, что породило новое неудовольствіе и гегемона пришлось отозвать.

Вслѣдъ за этими событіями послѣ сорока лѣтъ относительнаго спокойствія въ Антіохіи опять начались политическія волненія и безпорядки. Михаилъ Парапинакъ послалъ туда дукою Исаака Комнина и поручилъ ему, между прочимъ, возможно скорѣе доставить въ Константинополь антіохійскаго патріарха Эмиліана, предполагаемаго сѣятеля смуты. Пріѣхавъ въ сирійскую столицу, Комнинъ, какъ свидѣтельствуетъ Вріенній *), не сразу принялся выполнять порученіе, но вначалѣ выказалъ притворную пріязнь Эмиліану, боясь приверженности къ нему народа. Затѣмъ, разсѣявъ и усыпивъ подозрѣнія, намѣстникъ притворился больнымъ, выѣхалъ за городъ, пригласилъ къ себѣ патріарха, и, обманомъ покинувъ дружескую бесѣду, поспѣшно удалился въ Антіохію, оставивъ первосвященника внѣ ея стѣнъ. Эмиліанъ принужденъ былъ отправиться въ Константинополь, но антіохійцы подняли мятежъ, кончившійся кровавымъ столкновеніемъ населенія и власти.

При Парапинакѣ же въ должность антіохійскаго дуки безъ вѣдома центральнаго правительства былъ возведенъ нѣкій Васагъ, братъ армянскаго католикоса Григорія, убитый въ скоромъ времени партіей враждебныхъ армянамъ грековъ. Армянская партія обратилась тогда къ Филарету Вахраму и пригласила его къ себѣ въ Антіохію въ качествѣ правителя. Филаретъ курапалатъ Парапинака безъ вѣдома императора согласился на предложеніе антіохійцевъ, впослѣдствіи добился утвержденія въ должности Вотаніатомъ и закрѣпилъ за собой народное избраніе.

Въ 1084 г. Антіохія была захвачена никейскимъ султа-

*) Bryenn., 96, 99.

номъ Солиманомъ. Четырнадцать лѣтъ спустя столица Келесиріи перешла въ руки крестоносцевъ и преобразовалась въ княжество подъ властью Богемунда Тарентскаго. По смерти этого крестоносца въ 1130 г. антіохійцы хотѣли было выдать дочь покойнаго князя за византійскаго царевича Мануила, но вскорѣ раздумали *). Осажденные Іоанномъ Комнинымъ, граждане долгое время сопротивлялись, но подъ конецъ сдались на особыхъ условіяхъ. Императоръ былъ признанъ верховнымъ властителемъ съ правомъ ставить своего намѣстника. Какъ понимались указанныя условія, можно усмотрѣть изъ того, что при первыхъ шагахъ царствованія новаго византійскаго государя Мануила антіохійцы присылали къ нему пословъ съ просьбою возвратить земли, которыми якобы неправильно владѣла имперія.

Мануилъ справедливо увидѣлъ въ таковомъ поступкѣ нарушеніе своего верховенства. «Чью собственность составляетъ то, что вы теперь просите, обратился онъ къ посламъ въ отвѣтной рѣчи.—Собственность ли города Антіохіи? Но вѣдь и самая Антіохія находилась подъ нашею властью. Если не стыдно было вамъ нарушить данную клятву, то зачѣмъ же въ правонарушеніи вы обвиняете насъ, а не себя? Не кто иной, но мы имѣли бы право подвергнуть васъ наказанію. Но для того еще будетъ время, а пока рѣшительно приказываю вамъ отречься отъ своихъ притязаній **)». Раймундъ, еще Іоанномъ Комнинымъ признанный намѣстникомъ Антіохіи, несъ свои обязанности и при Мануилѣ. Послѣ его смерти императоръ послалъ на его мѣсто кесаря Рожера съ тѣмъ, чтобы послѣдній женился на вдовѣ покойнаго правителя Констанціи и такимъ образомъ замѣнилъ бы его во всѣхъ отношеніяхъ. Но Констанція по совѣту антіохійцевъ вышла замужъ за какого-то, какъ выражается Іоаннъ Киннамъ, Ренальда ***); поступая наперекоръ желаніямъ Константинопольскаго правительства ан-

*) Византійскіе историки. Киннамъ, 15.

**) Киннамъ, 31.

***) Renaud de Châtillon.

тіохійцы дѣлали это потому, что опасались, какъ-бы императоръ не наложилъ на нихъ вслѣдъ за присылкою намѣстника и денежную дань. Отсюда слѣдуетъ, что въ эту эпоху Антіохія была освобождена отъ какихъ бы то ни было платежей въ пользу имперіи и находилась только какъ бы подъ протекторатомъ. Послѣ разныхъ знаковъ иного рода преданности и покорности Мануилъ призналъ Ренальда намѣстникомъ на условіяхъ принятія въ Антіохію патріарха изъ Константинополя и доставленія антіохійцами опредѣленнаго количества вспомогательныхъ войскъ. Граждане однако не остались довольны договоромъ и отправили ходатаевъ къ императору за отмѣною обусловленныхъ статей. Мануилъ разрѣшилъ выставлять дружину въ меньшемъ противъ установленнаго размѣрѣ, но относительно самостоятельнаго избранія патріарха отказалъ наотрѣзъ. Не удовлетворясь милостями императора, антіохійцы попробовали отложиться отъ имперіи и обратились за содѣйствіемъ къ палестинскому королю, но тотъ не рѣшился принять Антіохію подъ свою руку безъ соизволенія Мануила, назвавшаго поступокъ келесирійцевъ государственной измѣной. Дѣло осложнилось, и только бракъ императора съ Маріей Антіохійской предотвратилъ грозившую антіохійцамъ бѣду *).

Было бы утомительно излагать въ подробностяхъ всѣ судьбы Антіохіи, но изъ приведенныхъ фактовъ ея многовѣковаго существованія, намъ кажется, явствуетъ ея постоянное стремленіе къ самостоятельности и видны тѣ слабыя связи, которыя удерживали эту соперницу Константинополя въ повиновеніи митрополіи. На протяженіи цѣлыхъ пяти столѣтій отъ Юліана Отступника до послѣдняго царя изъ рода Комниновъ населеніе Антіохіи пребывало вѣрнымъ себѣ и не уставало въ дѣлѣ проведенія постоянной открытой оппозиціи срединному правительству. Мы нарочно въ общихъ чертахъ попытались намѣтить исторію гражданскаго состоянія сирійской столицы,

*) Киннамъ, 263.

для того, что-бы на связной цѣпи событій показать, насколько далеко было провинціальное устройство Византіи отъ желѣзной областной организаціи Рима.

Жизнь населенія областей восточной имперіи была подобна жизни обитателей ея великолѣпной столицы. Она являлась постоянной явной борьбой власти съ подданными, непрерывнымъ центробѣжнымъ движеніемъ управляемыхъ и насильственнымъ центростремленіемъ управляющихъ.

Свидѣтельство, представляемое общественнымъ бытомъ Антіохіи, легко можетъ быть подкрѣплено примѣрами изъ лѣтописей прочихъ значительныхъ и ничтожныхъ городовъ византійскаго государства. И они, точно такъ-же какъ и ихъ могущественная товарка, принимали участіе въ дѣлахъ общаго государственнаго управленія и высказывались за или противъ правительственныхъ мѣръ, смотря по обстоятельствамъ. Такъ, въ 519 г., когда Юстинъ задумалъ ближайшее соединеніе западной и восточной церкви, и «папское исповѣданіе» было уже принято константинопольскимъ синодомъ, сенатомъ и народомъ, ѳессалоникійцы отвергли предложенные имъ пункты и епископъ Дороѳей въ присутствіи громаднаго сборища гражданъ разорвалъ «исповѣданіе». Раздраженная латинскими происками чернь предалась безчинству надъ римскимъ посольствомъ и многіе изъ числа его членовъ оказались убитыми. Папа жаловался императору, но не добился наказанія виновныхъ *).

Въ Александріи, куда бѣжалъ низвергнутый патіархъ Антіохійскій Северъ, основаны были этимъ послѣднимъ и его спутникомъ Юліаномъ Галикарнасскимъ двѣ новыя ереси «тлѣнниковъ и нетлѣнниковъ» — φθάρτοι καί ἄφθαρτοι' расходившіяся между собою въ вопросѣ о тлѣнности или нетлѣнности тѣла Христова. Подъ покровительствомъ монофизита, патріарха Тимоѳея III, возгорѣлись публичные жаркіе споры и препирательства. Юстиніанъ приказалъ смѣстить Тимоѳея.

*) Baron. 519. n. CXXIV—CXLIII.

Духовенство и сенатъ выбрали на его мѣсто «тлѣнника» Ѳеодосія; «нетлѣнники» возмутились и рукоположили архидіакона Гайана *). Присланный изъ Константинополя для разбора дѣла Нарзесъ рѣшилъ сомнѣніе въ пользу Ѳеодосія, но приверженцы Гайана оказали жестокое сопротивленіе и только послѣ кровопролитія на улицахъ и сожженія ихъ домовъ уступили силѣ. Въ этомъ печальномъ столкновеніи знаменательно то обстоятельство, что правовѣрно настроенный царь, очевидно, уступая мѣстнымъ укоренившимся привилегіямъ допустилъ пребываніе на патріаршемъ престолѣ народнаго ставленника да еще при томъ явнаго еретика.

Участіе заселенной еретиками Арменіи въ иконоборческомъ движеніи исаврійскихъ императоровъ и ихъ постоянная послѣдующая вражда съ православнымъ правительствомъ извѣстны. Такъ свободно вели себя города и области въ отношеніи вѣроисповѣдныхъ вопросовъ; не меньшую самостоятельность выказывали они и въ дѣлахъ внутренней политики. Когда въ 695 г. Юстиніанъ II Ринотметъ, изъ чувства мести, рѣшилъ до основанія разрушить Херсонесъ Таврическій, городъ не только возсталъ на свою защиту, но даже провозгласилъ новаго императора Филиппика. При этомъ нужно замѣтить, что, кромѣ того, Херсонесъ вообще пользовался значительной самостоятельностью **), существованіемъ, которой и объясняется, почему онъ осмѣлился безъ вѣдома центральнаго правительства попытаться отослать сосланнаго къ нимъ Юстиніана обратно въ Константинополь. Во время сарацинской войны, въ царствованіе Ѳеодосія III, въ 716 г., городъ Аморій первый указалъ на Льва III, какъ на императора. Возмутясь иконоборствомъ этого государя, Эллада и Цикладскіе острова, въ 727 г.. возстали, и только уничтоженіе ихъ флота успокоило разыгравшіяся страсти мятежниковъ. Анна Комнина ***), повѣствуя

*) Theoph. Chron. 344. Cedrenus. 655.

**) Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ.

***) Сокращенное сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, 13.

о подвигахъ своего отца, между прочимъ, разсказываетъ о томъ, какъ юный Алексѣй, захвативъ, при помощи варвара Тутаха, бунтовщика Урселія, нуждался въ деньгахъ для уплаты Тутаху за содѣйствіе и какимъ способомъ онъ добылъ ихъ. Послѣ долгаго размышленія, стратопедархъ созвалъ жителей города Амасіи, въ которомъ остановился, и въ присутствіи старшинъ (указаніе на самоуправленіе), равно какъ и остального народа, въ ласковыхъ выраженіяхъ просилъ доставить ему заимообразно, ради личныхъ и общегосударственныхъ интересовъ, требуемую сумму. Съ первыхъ-же словъ Алексѣя, среди амасійцевъ поднялся шумъ и вмѣсто помощи увѣщеваемые рѣшили было выпустить Урселія изъ тюрьмы и возвратить ему полную свободу. Вторая рѣчь стратопедарха подѣйствовала болѣе убѣдительно, но только послѣ того, какъ Алексѣй сдѣлалъ видъ, будто-бы онъ ослѣпилъ Урселія и такимъ способомъ лишилъ гражданъ возможности превратить его въ своего вождя. Осторожный образъ дѣйствія Алексѣя доказываетъ, что съ Амасіей нельзя было обращаться по усмотрѣнію, но приходилось считаться съ настроеніемъ горожанъ.

Про никейцевъ та же Анна Комнина говоритъ, что они любили народное правленіе *). Эти самые никейцы въ 1184 г. отказались признать узурпатора Андроника императоромъ и долгое время мужественно выдерживали осаду византійскихъ войскъ. Точно такъ-же поступила сильно укрѣпленная Прузія. Приведенныя событія подтверждаютъ соображенія относительно слабости византійской централизаціи и присутствія началъ автономности въ подчиненныхъ областяхъ и городахъ.

Кстати должно еще замѣтить, что, несмотря на то, что при отсутствіи представленія о пользѣ раздѣленія властей или правительственнаго труда, по главному правилу въ Византіи высшій начальникъ провинціи или города сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и судъ; иногда право послѣдняго непосредственно

*) 306.

отправлялось выборными того или другого города, независимо отъ соучастія въ судопроизводствѣ стратига. Между прочимъ, подобная независимость мѣстныхъ судебныхъ учрежденій отъ императора входила въ число привилегій Антіохіи. Касаясь пребыванія Мануила Комнина въ этомъ городѣ, Іоаннъ Киннамъ *) замѣчаетъ, что антіохійцы выражали такую радость по поводу нахожденія у нихъ императора, что, пока онъ жилъ во дворцѣ Ренальда, всѣ тяжущіеся въ видѣ любезности судились не у своихъ единоплеменниковъ, а у византійцевъ.

Общегосударственныя связи отдѣльныхъ областей съ цѣлымъ заключались въ платѣ налоговъ въ исполненіи повинностей и подчиненіи присылаемому изъ Константинополя правителю, долженствовавшему сообразоваться въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ съ мѣстными обычаями и порядками. На всякія притѣсненія города, сознававшіе свою силу, отвѣчали открытымъ сопротивленіемъ и мятежомъ. Противъ обобщенія таковыхъ явленій въ данномъ случаѣ, повидимому, можно возразить, что мятежъ не будучи состояніемъ естественнаго теченія дѣлъ, представляется фактомъ болѣзненнаго свойства, нарушающимъ здоровую жизнь государства. Въ настоящее время подобное возраженіе вполнѣ примѣнимо къ явленіямъ общественной организаціи, но въ эпохи истекшихъ вѣковъ возмущеніе очень часто служило обычнымъ средствомъ заявленія о существованіи неудовлетворенныхъ нуждъ, попранія правъ и способомъ привлеченія къ себѣ вниманія правительства.

Нынѣшнихъ формъ подачи петицій, запросовъ въ парламентѣ, печати, какъ голоса общественнаго мнѣнія, не имѣлось, между тѣмъ, въ случаѣ пониженія вниманія правительства къ управляемымъ, необходимость огражденія себя отъ злоупотребленій чувствовалась болѣе чѣмъ, гдѣ и когда-бы то ни было. Какъ и въ древнихъ республикахъ, въ Византіи гражданинъ

*) 207.

взятый самъ по себѣ, отдѣльно отъ массы себѣ подобныхъ, по отношенію къ исполнителямъ закона не располагалъ никакимъ надежнымъ прибѣжищемъ, въ особенности если императоръ не былъ расположенъ вникать въ дрязги своихъ подданныхъ. Высшее сословіе находило защиту въ родственныхъ связяхъ, съ причастными къ власти, въ личной имущественной вліятельности, въ близости къ двору и самому монарху; духовенство опиралось на тѣ же основанія и въ придачу подкрѣплялось авторитетомъ церкви; армія во всякое время сама могла превратиться въ учрежденіе противное видамъ правительства и потому ублаготворялась этимъ послѣднимъ; оставались только крестьяне и горожане всякаго рода, которымъ приходилось изыскивать собственные пути въ дѣлѣ огражденія личныхъ интересовъ.

Лишенные средствъ защиты крѣпостныхъ твердынь крестьяне болѣе всѣхъ были выставлены на произволъ и усмотрѣніе чиновниковъ и богачей. Немудрено, что вслѣдствіе таковыхъ причинъ къ концу двѣнадцатаго вѣка число свободныхъ землепашцевъ свелось къ ничтожнѣйшему количеству и кабальное рабство развилось въ широкихъ размѣрахъ. Въ иномъ положеніи находились горожане: скученные на небольшихъ пространствахъ, сплоченные въ корпораціи, всѣ болѣе или менѣе знакомые другъ съ другомъ, подъ прикрытіемъ стѣнъ въ областяхъ и въ лабиринтѣ столичныхъ переулковъ въ Константинополѣ они представляли собою силу, всякую минуту способную дать отпоръ притѣснителю. Въ тѣ времена, когда государственная организація еще не выработала особаго чувствилища, доводящаго мирнымъ путемъ до сознанія высшей власти колебанія и нарушенія общественнаго равновѣсія, возстаніе является правомъ, признаваемымъ даже самой властью. Исторія представляетъ тому убѣдительные примѣры. Такъ англійскіе бароны выговорили себѣ у Іоанна Безземельнаго на ряду съ ограниченіемъ короля въ свободѣ сбора налоговъ, и распоряженія личностью гражданина, право вооруженнаго сопротивленія нарушенію законовъ.

Въ этомъ смыслѣ можно провести нѣкоторую параллель между народомъ англійскимъ и населеніемъ Византіи. Впрочемъ горожане имперіи сознавали право протеста даже въ большей степени нежели англо-саксонцы; они сохраняли за собой государственное верховенство-суверенитетъ. По преданіямъ прошлаго, въ Римѣ превратившійся въ игрушку преторіанцевъ, но возродившійся въ восточной имперіи, монархъ получалъ корону отъ сената съ народомъ и являлся на престолѣ въ качествѣ, въ идеѣ безгранично-полномочнаго, перваго сановника государства. Представительство не было извѣстно греко-восточному міру; вся масса гражданъ была полноправной въ дѣлѣ обсужденія политическихъ вопросовъ. Подобно тому какъ въ дни Перикла или Солона аѳиняне сбѣгались на городскую площадь, чтобы всенародно выбрать архонтовъ съ царемъ или разрѣшить распрю богатыхъ съ бѣдными, такъ въ Византіи народъ стекался на гипподромъ или въ св. Софію и тамъ общимъ голосомъ упорядочивалъ государственныя дѣла.

§ 4. Народъ и власть въ столицѣ (а).

Политическую исторію и значеніе византійскаго городского населенія лучше всего можно прослѣдить на общественныхъ движеніяхъ константинопольскихъ гражданъ, потому что въ столицѣ всѣ явленія государственной жизни выступали въ большихъ размѣрахъ и въ виду этого могутъ быть наблюдены съ большимъ удобствомъ.

Прежде всего духъ независимости и сознанія собственнаго достоинства сказался въ обращеніи съ императоромъ, которому обыкновенно со своей стороны въ голову не приходило преслѣдовать гражданина за свободный тонъ рѣчи въ отношеніи государя и требовать себѣ восточнаго раболѣпія. Многіе смѣшиваютъ это послѣднее съ обрядностью, царствовавшей въ придворномъ быту Византіи и заключавшей въ себѣ требованія оказанія высшаго почета особѣ монарха. Между тѣмъ, таковая

обрядность, послужившая Константину Порфирородному предметомъ написанія обширной книги, выражала собой совершенно иныя идеи, нежели простое униженіе передъ властью.

Прежде всего весь придворный церемоніалъ находился въ соотношеніи съ ритуаломъ церковнымъ. Императоръ, какъ наслѣдникъ древне-римскаго понтифекса всегда выступалъ въ качествѣ участника торжественныхъ архіерейскихъ службъ. Вотъ какъ передаетъ нашъ извѣстный византологъ проф. Бѣляевъ посѣщеніе императоромъ св. Софіи въ одинъ изъ его выходовъ *) «изъ орологіи св. Софіи, гдѣ происходилъ послѣдній пріемъ венетовъ, царь шелъ черезъ дворъ св. Софіи, къ краснымъ вратамъ и, войдя въ нихъ, заходилъ въ нишу... Царь, войдя въ нарѳикъ, прикладывался къ евангелію и кресту, затѣмъ царь и патріархъ кланялись, привѣтствовали другъ друга, причемъ патріархъ кадилъ царя, который послѣ обычныхъ привѣтствій цѣловался съ патріархомъ и, взявши его за правую руку, шелъ съ нимъ черезъ нарѳикъ къ царскимъ вратамъ. Здѣсь они останавливались. Патріархъ читалъ входную молитву и царь со свѣчами въ рукахъ совершалъ троекратное поклоненіе передъ царскими вратами». Послѣ входной молитвы, царь прикладывался ко кресту и Евангелію и, и взявъ патріарха за правую руку, проходилъ посреди храма мимо амвона на солею. Во время малаго хода весь духовный синклитъ шелъ съ царемъ и патріархомъ посреди собравшагося въ храмѣ народа, послѣ чего царь отправлялся въ алтарь и тамъ прикладывался къ покрову св. престола».

Множество такового рода мелочей церковнаго обихода, указывавшихъ съ одной стороны на значеніе императора въ религіозномъ смыслѣ, въ тоже самое время тонкимъ, но положительнымъ образомъ проводило мысль подчиненія государя высшимъ началамъ божественнаго промысла и христіански братскаго отношенія къ нодданнымъ. И царь и патріархъ, совершивъ

*) Τὰ Βυσαντίνα. Кн. II, 150 и слѣд.

взаимное цѣлованіе и поклонившись другъ другу, цѣловались съ присутствовавшимъ духовенствомъ и высшими свѣтскими чинами *).

Придворныя церемоніи имѣли свое осмысленное содержаніе. Византіецъ, считавшій себя истымъ римлянином, съ презрѣніемъ относился къ прочимъ государствамъ, называя ихъ варварскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ величіе отечества въ глазахъ восточнаго грека не могло соединяться съ простотой и заурядностью внѣшности. Могущественная имперія должна была поражать варвара соотвѣтствовавшимъ ей блескомъ наружнаго великолѣпія. Царь высшій ея сановникъ въ свою очередь не могъ являться передъ народомъ съ обращеніемъ и въ затрапезномъ одѣяніи скромнаго обывателя. Его величіе было тѣсно связано съ величіемъ представляемаго государства. Зараженный восточной пышностью византіецъ, точно также какъ дикій болгаринъ или команъ, потерялъ-бы часть уваженія къ своему монарху, если-бы не видѣлъ его въ роскошныхъ облаченіяхъ на парадныхъ выходахъ, олицетворявшихъ славу дорогого отечества.

Не даромъ великолѣпіе обстановки византійскаго церемоніала, подавляющимъ образомъ дѣйствовавшее на младенческіе умы ея славянскихъ враговъ, понемногу обратилось въ политическое орудіе **). Между прочимъ, предпочтеніе восточнаго исповѣданія со стороны нашихъ предковъ состоялось подъ сильнымъ давленіемъ пышной внѣшности византійскаго богослуженія и двора. Іоаннъ Киннамъ и Никита Хоніатъ передаютъ точно также о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ пріемомъ императора Мануила Комнина на иконійскаго султана Кличъ-Асѳлана. Мануилъ придумалъ по этому случаю даже особое церковное торжественное шествіе изъ Акрополя до св. Софіи, но исполненію плана воспротивился патріархъ Лука, утвер-

*) Byzantina, II, 171.

**) Зернинъ. Литературные труды и жизнь императора Константина Багрянороднаго, 43

ждавшій, что нечестивому турку не подобаетъ идти подъ сѣнью хоругвей среди священныхъ украшеній престола; но и безъ этого шествія успѣхъ пріема былъ полный *). И Кличъ-Асѳланъ и его свита поклялись въ вѣчной дружбѣ и преданности Византіи.

Точно также нельзя приписывать обычай земныхъ поклоновъ царю раболѣпнымъ наклонностямъ византійцевъ. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Бѣляевъ **), въ отношеніи указанныхъ земныхъ поклоновъ, Византія унаслѣдовала чисто римское учрежденіе культа апоѳеоза и обожанія особы императора. Паданіе ницъ, цѣлованіе рукъ, ногъ, одежды (purpuram adorare) требовалось не только римскими императорами отъ подданныхъ, но и многими патронами отъ кліентовъ. Поэтому введеніе земныхъ поклоновъ (προσκύνησις) неправильно приписываютъ греко-римскимъ императорамъ VII—X вѣка. Наоборотъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ они даже ограничили подобные знаки раболѣпной преданности. Напримѣръ, возводимый въ чинъ логоѳета кланялся царю до земли только одинъ разъ въ благодарность ***). Во время братскаго цѣлованія, подводимые къ царю высшіе чины отвѣшивали земные поклоны, но въ праздникъ Пасхи они были свободны отъ этой обязанности ****). Мало того, при коронованіи самъ императоръ цѣловалъ руки патріарху и епископамъ *****).

И при всемъ уваженіи, которое питало византійское населеніе къ своему монарху, при всей сложной и пышной обрядности выходовъ и выѣздовъ, во время цирковыхъ игръ, военныхъ дѣйствій, въ эпохи общественныхъ передрягъ или неурядицъ императоръ неизмѣнно бесѣдовалъ съ подданными, какъ равный съ равными, выслушивалъ ихъ шутки, совѣты,

---

*) Киннамъ, 227.

**) Byzantina, 19, прим. 1.

***) Ibid. 18.

****) Ibid. 171.

*****) Codini curopalatae. De officialibus Palatii, c. XVII.

замѣчанія, порой выраженныя черезъ-чуръ въ живой формѣ и больно задѣвавшія личность государя.

Жизнерадостный эллинъ востока не упускалъ случая подсыпать аттической соли въ личномъ обращеніи съ монархомъ. Шутки антіохійцевъ на счетъ Юліана извѣстны. Достойно замѣчанія, что чистый эллинъ по воспитанію, императоръ-философъ въ отвѣтъ на щедро изобрѣтаемыя ему прозвища обезьяны, козла, мясника, не вынулъ изъ арсенала римскаго уголовнаго законодательства мечъ, сѣкущій голову за оскорбленіе величества; онъ предпочиталъ бороться съ дерзкими путемъ ѣдкой сатиры. Примѣровъ подобнаго иногда болѣе чѣмъ свободнаго отношенія подданныхъ къ монарху можно извлечь изъ византійскихъ лѣтописей въ большомъ количествѣ. Такъ Кедринъ, между прочимъ, разсказываетъ *), что, когда во время хлѣбнаго кризиса на смотру, къ Никифору Фокѣ подошелъ старикъ, отставной солдатъ, съ просьбою принять его опять на службу и императоръ указалъ ему на его преклонный возрастъ, ветеранъ смѣло отвѣтилъ: «государь, теперь я гораздо крѣпче, чѣмъ былъ въ дни своей молодости». «Почему, спросилъ Фока».—Потому, отвѣчалъ старикъ, что въ прежнее время за одну номизму купленный хлѣбъ я увозилъ на двухъ ослахъ, а въ твое царствованіе покупаю хлѣба на двѣ номизмы и несу его на собственныхъ плечахъ, не чувствуя тяжести». Шутка была тѣмъ злѣе, что спекуляціи императорскаго брата сильно содѣйствовали неимовѣрному повышенію цѣнъ. «Царь, поясняетъ историкъ, понялъ иронію, но не смутился ею». «Государь, кричали въ циркѣ зрители Константину Копрониму, по поводу его новой связи съ одной увядшей красавицей, ты превратился въ чудотворца, ты вернулъ молодость прекрасной Агаѳіи».

Фока и Константинъ IX хорошо знали, что подданные ихъ любятъ пошутить и, подобно Юліану, не желали взыскивать за

*) Cedr. II, 324.

это. Иногда, однако, эти черезъ-чуръ веселые византійцы не заботились даже позолотить остроумiемъ пилюлю, подносимую ихъ повелителямъ. Такъ, напримѣръ, Василій Македонянинъ, зайдя однажды случайно въ церковь св. апостоловъ, замѣтилъ на лицахъ молившихся общее крайне печальное выраженіе. Удивленный императоръ обратился къ ближайшему за разъясненіемъ причины недовольства и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «тебѣ, государь, и твоимъ приближеннымъ почему не быть веселыми, а тѣмъ, кто наканунѣ смерти, это неприлично; развѣ тебѣ неизвѣстно, что, вслѣдствіе случившихся бурь, на номизму продаютъ только два медимна хлѣба»? Василій тотчасъ-же распорядился выпустить на рынокъ запасное продовольствіе и цѣны упали настолько, что за номизму стали покупать двѣнадцать медимновъ *). Замѣчательно, что на протяженіи всего долгаго царствованія Василія Македонянина (867—886), безпокойные константинопольскіе горожане не произвели ни одного возмущенія и на долгое время привязались сердечно къ потомству заботливаго императора. Ненавидимаго же Фоку все населеніе осыпало постоянно всевозможными оскорбленіями. «Не ждите его, кричали въ циркѣ зеленые, прежніе друзья императора, когда Фока однажды запоздалъ къ начатію бѣговъ,—не ждите его, онъ пьянъ». Свирѣпый императоръ распорядился предать зачинщиковъ жестокимъ казнямъ. Зеленые подняли открытый мятежъ, къ нимъ пристали голубые. Обѣ партіи избрали новаго государя, и Фока погибъ въ томъ-же 610 году, подвергшись передъ смертью крайнимъ наругательствамъ.

На войнѣ еще болѣе упрощались отношенія между царемъ и подданными. Доблестный Мануилъ Комнинъ въ 1176 г., затѣявъ борьбу съ турками, потерпѣлъ страшное пораженіе.

*) Πρὸς δν ἀπεκρίνατό τις τῶν πολιτῶν, σοί ὦ δέσποτα, καὶ τοῖς ἑστῶσιν ἔγγιστα σοῦ πρέπαι τὸ λαμπροφορεῖν καὶ χαίρειν. οἷς δὲ τοῦ θανάτου πρόσεστι προσδοκία τὰ τοιαῦτα ἀπεοίκασιν. ἢ ἀγνοεῖς ὅτι δύο μεδιμνοι σίτου τῷ νομίσματι πιπράσκονται διὰ τὴν τῶν ἀνέμων τραχύτητα». Ibid, II, 373.

Въ этотъ день во время отдыха послѣ битвы императоръ зачерпнулъ воды изъ рѣки, чтобы освѣжить горло, но жидкость оказалась противной на вкусъ. Вглядѣвшись въ нее и замѣтивъ красную окраску, Мануилъ заплакалъ и съ горестью произнесъ: «по несчастію, я отвѣдалъ христіанской крови». На это одинъ изъ близко стоявшихъ воиновъ замѣтилъ: «нѣтъ, государь, неправда, не теперь только и не въ первый разъ, но давно и часто ты пьешь до опьяненія безъ примѣси чашу христіанской крови, общипывая своихъ подданныхъ, какъ виноградную лозу» *). Упрекъ былъ справедливъ. Народъ страдалъ отъ налоговъ и гордый повелитель Византіи сдѣлалъ видъ, что не слышалъ сказаннаго.

Указанные факты, независимо отъ грозныхъ моментовъ народныхъ волненій, сами по себѣ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи раболѣпія и азіатской приниженности населенія. Въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ монархъ могъ оскорбиться и подвергнуть наказанію обидчика, но благоразумные правители понимали не только безполезность, но и опасность таковой щепетильности. Слишкомъ щекотливые въ дѣлахъ личной чести Юстиніанъ Ринотметъ или Андроникъ Комнинъ поплатились позорной смертью въ оградѣ цирка за свою излишнюю злопамятность. Наоборотъ, уступавшіе народу и оправдывавшіеся передъ народомъ представители династій Комниновъ и Македонянъ упрочивали престолонаслѣдіе нисходящимъ своихъ фамилій.

Кстати сказать, большинство византійскихъ историковъ, какъ напр. Левъ Дьяконъ, Анна Комнина, Никита Хоніатъ и др., съ большимъ презрѣніемъ говорятъ о безсмысленной, почти безумной черни, всегда склонной къ мятежу и безчинству въ видахъ развлеченія и легкой наживы. Разбираясь въ показаніяхъ названныхъ авторовъ, мы, однако, непосредственно можемъ усмотрѣть, что они смѣшиваютъ, сливаютъ вмѣстѣ чернь

*) Хоніатъ, I, 258.

въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. общественные отбросы, безработный, бездомный, отбившійся отъ дѣла людъ и нисшіе классы городского сословія, всевозможныхъ мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, принимавшихъ участіе въ народныхъ волненіяхъ. Между тѣмъ въ исторіи Византіи возмущеніе, какъ протестъ противъ извѣстныхъ злоупотребленій или неестественности въ общественномъ строѣ, должно отличать отъ простыхъ безчинствъ, которыми разныя темныя личности пользовались ради осуществленія своихъ личныхъ выгодъ и противузаконной наживы.

Чернь—подонки населенія—не отражала въ себѣ запросовъ общественной совѣсти. Для своихъ, неимѣющихъ никакого общественнаго характера цѣлей, она, конечно, всегда примыкала ко всякой уличной схваткѣ въ чаяніи легкаго стяжанія. Внѣ всякаго сомнѣнія также, что этотъ элементъ, существующій во всякомъ государствѣ, во всякомъ многолюдномъ городѣ, былъ на лицо въ Византіи и представлялъ собою тотъ опасный для всякаго гражданскаго строя матеріалъ, который полезенъ въ день государственнаго переворота, но который въ видахъ той-же государственной пользы долженъ быть уничтоженъ на утро послѣ наступленія новаго порядка.

Левъ Дьяконъ намъ даетъ положительное свидѣтельство, что подобный элементъ не только обрѣтался въ Византіи, но обладалъ всѣми качествами родственныхъ ему общественныхъ слоевъ позднѣйшаго времени. «Въ эпохи перемѣнъ, говоритъ названный писатель *)—бездѣльники и бѣдные люди всегда обращаются на расхищеніе и разгромленіе домовъ, а иногда и убіеніе своихъ согражданъ, что случилось при провозглашеніи Никифора римскимъ императоромъ. Повелѣніе Іоанна предупредило безумное стремленіе низкой и презрѣнной черни».

*) Εἰώθεσαν γὰρ ἐν ταῖς τοιαύταις μεταβολαῖς οἱ ἀργοὶ τοῦ δήμου, καὶ ἄποροι, ἐς διαρπαγὰς χρημάτων καὶ κατασκαφὰς οἴκων, ἔσθ'ὅτε καὶ τῶν ὁμοφύλων σφαγὰς τρέπεσθαι, καθά που καὶ ἐν τῇ ἀναῤῥήσει τοῦ αὐτοκράτορος Νικηφόρου συμβέβηκεν. Leon. Diac. 94.

Однако, хотя въ Византіи имѣлся несомнѣнно очень высокій процентъ пролетаріата, тѣмъ не менѣе нѣтъ возможности считать его иниціаторомъ возмущеній. При мирномъ настроеніи прочихъ гражданъ, всякая попытка черни къ возбужденію безпорядковъ должна была кончаться простымъ уличнымъ скандаломъ, такъ какъ вывести общество изъ состоянія извѣстнаго равновѣсія способно только недовольство и разладъ въ средѣ наиболѣе устойчивыхъ осѣдло-семейственныхъ элементовъ, по природѣ очень консервативныхъ, пока не трогаютъ того, что касается непосредственно ихъ личнаго благополучія.

Представители византійской интеллигенціи, подобно лицамъ одного съ ними класса Комниной и Хоніата, часто именовали чернью всѣхъ тѣхъ, кто не былъ причастенъ къ высшему образованію того времени, не читалъ Платона, Аристотеля, не проходилъ тривіума и квадривіума школьныхъ наукъ. Между тѣмъ, народъ, т. е. горожане, и безъ высшихъ школьныхъ познаній обладалъ достаточнымъ количествомъ здраваго смысла для того, чтобы не жертвовать понапрасну жизнью и кускомъ хлѣба въ надеждѣ на призрачное и минутное обогащеніе. Нужны были важныя побудительныя причины, чтобы честный работникъ бросилъ семью и кровъ на произволъ судьбы ради гадательныхъ улучшеній своей участи въ будущемъ. Что константинопольскія возмущенія производились не чернью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, между прочимъ доказываютъ слѣдующія слова Никиты Хоніата, въ его повѣствованіи о поруганіи и убіеніи Андроника I: «глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкой сапогъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иголкой... били его (Андроника) по головѣ палками... **).

Отдѣляя чернь отъ народа, мы вовсе не думаемъ защищать святое безкорыстіе второго во время уличныхъ безпорядковъ.

*) Византійскіе историки, 440.

Война всегда кормитъ войну; мы желаемъ только отмѣтить то обстоятельство, что народъ, т. е. сословіе горожанъ, не выступалъ на политическое поприще, не пользовался своимъ правомъ возстанія, безъ достаточныхъ къ тому поводовъ. Доказательствомъ тому служатъ долгіе и спокойные годы царствованія династій македонской и комнинской, не омрачаемыхъ почти народными волненіями.

Происки придворныхъ партій, заговоры среди знати, чиновниковъ и офицеровъ породили большее число смутъ, нежели возмущенія сапожниковъ и жестянниковъ, протестовавшихъ противъ чрезмѣрныхъ поборовъ или продажности правосудія.

Можно съ увѣренностью сказать, что не кто иной, но только рядъ невнимательныхъ и распущенныхъ правителей Византіи пробудилъ въ народѣ восточной имперіи гибельный духъ насильственнаго воздѣйствія на государственную власть. Римомъ завѣщанныя правительственныя традиціи выставили начало принужденія какъ основной принципъ общественной организаціи. Свободолюбивый, привыкшій къ самостоятельности восточный грекъ, прожившій вѣка сообразно собственнымъ воззрѣніямъ на гражданственность, не могъ помириться съ наложеннымъ на него гнетомъ бездушнаго римскаго деспотизма. Повиновеніе авторитету не чуждо было его впечатлительнаго естества, но въ то же время страстность и пылкость примѣшанной къ европейской природѣ азіатской крови сообщали ему опасную восторженность характера. Онъ привыкъ и поклоненіе уважаемому человѣку и ненависть къ злому доводить до крайности. Онъ пріучился легко переходить отъ одного настроенія къ другому и сообразно тому мѣнять свое отношеніе къ предмету. Постоянства, упорства германской расы не было въ существѣ восточнаго грека, но въ немъ не было также низкой испорченности и чудовищной злости итальянцевъ.

Средній византіецъ никогда не забывалъ, что онъ представитель величайшей націи, свѣточа цивилизаціи и культуры.

По мѣрѣ силъ онъ старался не унизиться ни въ ту ни въ другую сторону. Говоря о новеллѣ Мануила Комнина, воспрещавшей переходъ въ кабалу свободнорожденныхъ, Киннамъ съ гордостью замѣчаетъ, что императоръ издалъ такой указъ, желая царствовать надъ свободными людьми, а не надъ какими нибудь невольниками *). Алексѣй Комнинъ почти оплакивалъ узаконенность рабства. Дѣйствуя всегда въ согласіи съ настроеніемъ толпы, этотъ замѣчательный государь чутьемъ государственнаго человѣка понималъ характерную особенность закона общественнаго равновѣсія въ своемъ отечествѣ. Восточный грекъ охотно повиновался правителю, довѣряя его уму и добрымъ намѣреніямъ; но въ то же самое время, отказываясь отъ непосредственнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла за недосугомъ, онъ твердо помнилъ о своемъ правѣ быть хорошо управляемымъ.

Первые романизованные византійскіе императоры наоборотъ внесли во внутреннюю политику взгляды совершенно иного свойства: передъ ихъ глазами стояло величіе римской имперіи, двигавшейся всѣмъ своимъ неизмѣримо громаднымъ тѣломъ по одному знаку своего повелителя. Додѣлывая начинанія Цезаря и Августа, Константинъ, Юстиніанъ и даже Левъ Мудрый боролись съ призраками римской республики, консулатомъ, трибунствомъ, сенатусконсультами и въ то же время не видѣли возраставшую рядомъ съ собою силу древняго греческаго народоправства. Хотя уже Юстинъ II въ своей рѣчи къ племяннику Тиверію, видимо смутно чувствовалъ власть высшаго сословія; онъ не отличалъ отъ сената высшихъ чиновъ говоря: τούτους οὓς βλέπεις, ὅλους τῆς πολιτείας βλέπεις; относительно прочихъ онъ выражался слѣдующимъ образомъ: ὅλοι οὗτοι τέχνα σοὶ εἰσι καὶ δοῦλοι.

Какъ совершенно справедливо говоритъ Драпейронъ **), Константинъ, перенеся столицу на берега Босфора и признавъ

*) Византійскіе историки, 306.

**) Drapeyron. L'empereur Heraclius et l'empire byzantin au VII siècle.

господствующей религіей христіанство, искалъ въ немъ новыхъ точекъ опоры императорской безграничной власти. Но великій императоръ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Новое исповѣданіе содержало въ своихъ священныхъ книгахъ—прямыя ограниченія воли суверена и рѣдкіе тексты въ пользу послѣдняго;слабые отголоски римскихъ ученій въ немъ смягчались общимъ содержаніемъ христіанской философіи. Идеалъ царя въ восточной имперіи рѣзко отличался отъ таковаго же въ западной. Новая религія и новая народность видѣли въ императорѣ не земного Бога, какъ это дѣлали римляне, воздавая поклоненіе особамъ Калигулы, Нерона, Витгелія, Геліогабала, но вѣчнаго работника на тронѣ, защитника гонимыхъ, покровителя бѣдствующихъ, радѣтеля народныхъ нуждъ и интересовъ.

Уже византійскіе императоры четвертаго, пятаго столѣтія сознали возраставшее значеніе сенаторскаго сословія, но къ горожанамъ, къ черни и въ шестомъ вѣкѣ Юстиніанъ продолжалъ относиться съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Между тѣмъ находившійся въ пренебреженіи народъ понемногу входилъ въ силу и, наконецъ, уразумѣлъ ее. Принужденію онъ противупоставилъ насиліе съ своей стороны, за оскорбленіе началъ платить оскорбленіемъ большаго размѣра, за произволъ власти отвѣчать вооруженнымъ возмущеніемъ. Въ VI вѣкѣ публичная жалоба императору и вызванный его насмѣшками мятежъ наказываются безпощадно жестокими мѣрами императора-пастуха; странное дѣло, начиная съ седьмого, утвержденіе того же народа непремѣнно требуется для возведенія монарха на престолъ и государи начинаютъ внимательно прислушиваться къ голосу сборища торговцевъ и ремесленниковъ. Въ XI вѣкѣ Михаилъ Пселлъ пишетъ находящемуся въ походѣ Исааку Комнину по поводу пораженія печенѣжскаго хана Селте: «отправившись на площадь, я объявилъ народу о побѣдѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснилъ ему твой характеръ и этимъ объяснилъ, почему ты не писалъ народу. Они раньше были этимъ недовольны, но когда узнали, что

ты не любишь хвастаться, недовольство превратилось въ восторгъ» *).

§ 5. Народъ и властъ въ столицѣ. (b).

Попробуемъ въ общихъ чертахъ на фактахъ прослѣдить накопленіе этой политической энергіи въ средѣ константинопольскаго населенія.

Въ 398 г. изъ Антіохіи въ столицу прибылъ новый патріархъ Іоаннъ, уже давно создавшій себѣ въ качествѣ простого священника громкое имя на востокѣ святостью жизни и изумительнымъ краснорѣчіемъ. Народъ прозвалъ его Златоустомъ и привязался къ нему въ Константинополѣ также, какъ былъ привязанъ въ Антіохіи. Въ новомъ первосвященникѣ константинопольскіе граждане усмотрѣли не только высшаго церковнаго администратора, но человѣка, святость жизни котораго стяжала на голову его благословеніе Божіе. Вѣрующіе считали Іоанна святымъ. Десятки тысячъ народа постоянно тѣснились въ стѣнахъ василики св. Софіи, чтобы увидѣть и услышать своего обожаемаго патріарха.

Вызванный въ столицу по настояніямъ всесильнаго временщика Евтропія, Златоустъ пріобрѣлъ расположеніе императрицы и вниманіе императора. Но почести и слава не обольщали ревнителя чистоты христіанскаго житія. Безбоязненно выступилъ онъ на обличеніе закоренѣлыхъ пороковъ современнаго ему общества и въ своихъ нападкахъ не пощадилъ даже императрицу Евдокію, публично съ каѳедры называя ее Езавелью. Прямолинейная непреклонность первосвященника, не хотѣвшаго приснаравливаться къ придворному ханженству и низкопоклонству, вызвали противъ него гнѣвъ безличнаго слабохарактернаго Аркадія. Златоусту предстояло подвергнуться гоненіямъ разнаго рода. Безчисленныя толпы константинопольскаго населенія днемъ и ночью стояли на стражѣ у жи-

*) Безобразовъ. Визант. писатель и государственный человѣкъ Михаилъ Пселлъ. I, 79.

лища патріарха, но онъ напрасно надѣялся на ихъ защиту. Многотысячное сборище безпомощно дало себя разогнать императорской полиціи; посланные императоромъ солдаты-язычники предали христіанъ безпощадному избіенію въ дни страстей Христовыхъ; лучшіе люди города подверглись пыткамъ, казнямъ, изгнанію; самъ Златоустъ, больной, ослабѣвшій, подъ военнымъ конвоемъ былъ удаленъ въ суровѣйшую область имперіи, и Аркадій торжествовалъ *).

Всматриваясь въ поведеніе константинопольскаго населенія во все время бурныхъ перипетій изгнанія Іоанна, можно придти къ мысли, что народъ какъ бы не вѣрилъ, чтобы правитель могъ дойти до такихъ ступеней тиранніи, какую выказалъ Аркадій. Неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ до послѣдней минуты надѣялся на благополучный исходъ ссоры Златоуста съ Евдокіей, или надъ нимъ еще виталъ страшный призракъ несокрушимости императорскихъ распоряженій древняго Рима. Какъ бы то ни было, но, несмотря на всѣ жестокости и нескрываемое презрѣніе власти къ гражданину, толпа оказала только пассивное сопротивленіе; но за то въ эти памятные дни она научилась подыматься скопомъ на защиту всѣмъ дорогой идеи и приходить въ живое общеніе по поводу жгучихъ животрепещущихъ вопросовъ. Исторія со Златоустомъ послужила константинопольскому населенію политическимъ урокомъ, которымъ оно не замедлило воспользоваться при первомъ удобномъ случаѣ.

Уже въ 409 г., въ царствованіе Ѳеодосія II, по случаю запозданія транспорта съ хлѣбомъ изъ Александріи, константинопольцы сожгли домъ городского префекта и намѣревались растерзать этого сановника, чудомъ спасшагося отъ опасности. Послѣдствіемъ послужило наказаніе правительствомъ плетьми булочниковъ, поднявшихъ цѣны и принятіе предупредитель-

*) Художественное изложеніе всей трогательно-печальной исторіи Іоанна Златоуста заключается въ книгѣ Амедея Тьерри. St. Jean Chrysostôme et l'impératrice Eudoxie.

ныхъ мѣръ противъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ на будущее время. Въ 433 г. послѣдовало второе возмущеніе по случаю наступившаго голода, и императоръ Ѳеодосій II чуть не поплатился жизнью во время осмотра запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Подъ 493 г. мы встрѣчаемся съ указаніемъ въ лѣтописяхъ на возмущеніе цирковыхъ партій. Онѣ низвергли статуи императора Анастасія съ его супругой и съ безчестіемъ влачили ихъ по улицамъ. Очевидно за это время цвѣта цирка, въ Римѣ имѣвшіе значеніе забавы, въ Константинополѣ и провинціяхъ уже пріобрѣли политическій оттѣнокъ. Старыя заимствованныя формы наполнились новымъ содержаніемъ.

Съ этого года безпорядочныя народныя движенія организуются и пріурочиваются къ цирковой корпоративности. Ближайшее общеніе императоровъ съ подданными въ стѣнахъ гипподромовъ подаетъ поводъ къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ. Поддерживая одну партію, цари раздражали и возстановляли противъ себя другія. Анастасій сталъ на сторону красныхъ; зеленые произвели безпорядки. Полиція арестовала зачинщиковъ. Нѣсколько дней спустя, во время бѣговъ, зеленые потребовали освобожденія заключенныхъ. Императоръ отдалъ приказъ разогнать петиціонеровъ. Тогда большая часть присутствовавшихъ вступилась за зеленыхъ. Императора забросали камнями. Дворцовая гвардія пустила въ ходъ оружіе, но не успокоила мятежа *). Возмутившіеся зажгли циркъ. Волненія продолжались на слѣдующій день, пока, наконецъ, Анастасій не пошелъ на уступки и не назначилъ вмѣсто неугоднаго зеленымъ градоначальника таковымъ члена ихъ партіи Платона **).

Въ 501 г. зеленые подверглись страшному, предательскому избіенію отъ руки голубыхъ. Въ ужасный день возмущенія погибло болѣе 3000 человѣкъ. Намъ неизвѣстны прямые поводы столкновенія зеленыхъ съ голубыми, но нужно думать, что голубые тянули сторону императора и возстаніе имѣло политиче-

*) Исторія возмущеній при Анастасіи у Ѳеофана, I, 230, 233, 237, 245.

**) Malala, II.

ский характеръ. По крайней мѣрѣ Анастасій послѣ безпорядковъ отмѣнилъ одинъ изъ налоговъ «хризаргиръ», уничтожилъ продажность должностей, впослѣдствіи, впрочемъ, опять возстановленную, и запретилъ бой людей со звѣрьми на аренѣ. Въ 514 г. Анастасій вздумалъ передѣлать Евангеліе *), утверждая, что оно было написано малограмотными людьми. Министръ Маринъ и Платонъ префектъ объявили это всенародно съ амвона главнаго храма. Религіозное чувство большинства было возмущено. Народъ попытался воспротивиться чтенію нечестиваго указа, но былъ остановленъ солдатами. На слѣдующій день безпорядки возобновились въ церкви св. Ѳомы, оттуда перешли въ циркъ и наконецъ распространились по городу. Дома Марина и Платóна были разграблены; самихъ ихъ народъ требовалъ для расправы въ отвѣтъ на жестокости Анастасія. Сторонники убѣжденій императора, послѣдователи ученія монаха Севера, подверглись избіенію. Уже называли новаго императора, когда царствовавшій уступилъ народу и явился передъ толпой на ступеняхъ цирка безъ діадимы, со словами раскаянья на устахъ. Императоръ торжественно обѣщалъ впредь не касаться своими указами ни обрядности, ни догмы господствовавшаго ученія, и волненіе затихло само собой.

Въ правленіе Юстина I вражда партій цирка достигла крайняго напряженія. Племянникъ императора, Юстиніанъ, сталъ на сторону голубыхъ. Прокопій въ своей «Тайной исторіи» сообщаетъ отвратительныя подробности дерзости покровительствуемыхъ властью голубыхъ. Администрація и суды были на ихъ сторонѣ. Всѣ безчинства и преступленія сходили съ рукъ безнаказанно. Они убивали людей на улицахъ, безчестили женщинъ, разграбляли жилища. Голубые представляли правую, они объявляли себя защитниками православія, консерваторами; зеленые изстари придерживались монофизитской ереси и такимъ образомъ примкнули къ либераламъ. Юстинъ,

*) Свѣдѣнія о дѣяніяхъ Анастасія, кромѣ Малалы, у Кедрина, Ѳеофана Зонары и Баронія.

наконецъ, обратилъ вниманіе на злоупотребленія первыхъ и константинопольскимъ префектомъ назначилъ, для обузданія голубыхъ, стойкаго неподкупнаго строгаго чиновника по имени Федота. Новый градоначальникъ принялъ мѣры самаго коренного свойства. Не взирая на званіе или богатство, онъ подвергъ наказанію множество голубыхъ, рубя имъ головы, вѣшая и даже сожигая виновныхъ. Юстинъ испугался радикализма своего префекта и удалилъ его въ ссылку, запретивъ до конца года цирковыя зрѣлища, въ видахъ устраненія большихъ народныхъ сборищъ.

При Юстиніанѣ I безобразія, совершаемыяя голубыми, удвоились. Римлянинъ по воспитанію и взглядамъ, императоръ славянинъ началъ жестокія преслѣдованія еретиковъ и далъ голубымъ полную волю. Когда-то благодѣтельствованная ими безсердечная Ѳеодора своимъ расположеніемъ усилила тягость положенія зеленыхъ въ частности и всего населенія имперіи вообще. Еретики и иновѣрцы начали массами уходить въ чужія земли. Безпорядки въ Антіохіи были предвѣстникомъ ужасающихъ смутъ въ Константинополѣ. Въ 532 г. разыгрался въ столицѣ знаменитый мятежъ, извѣстный подъ именемъ «Ника». Голубые, и зеленые соединились вмѣстѣ для насилія надъ императорскимъ правительствомъ. Народомъ былъ избранъ новый императоръ. Законному государю грозила опасность потери сана. Онъ уже готовъ былъ тайно бѣжать изъ столицы, и только твердость бывалой въ передрягахъ различнаго свойства супруги императора и доблесть вѣрныхъ ветерановъ, приведенныхъ Велизаріемъ, сохранили Юстиніану престолъ. Тридцать тысячъ человѣкъ погибло въ дни этой междуусобной рѣзни, но такія громадныя жертвы не заставили константинопольское населеніе отказаться отъ давленія на государственныя дѣла въ дальнѣйшемъ. Призваніе Фоки было дѣломъ зеленыхъ; сверженіе его произошло по взаимному соглашенію зеленыхъ и голубыхъ; голубымъ обязанъ своимъ возвышеніемъ родъ Геракліевъ, и обѣими пар-

тіями былъ удаленъ послѣдній царствовавшій представитель этой династіи, Юстиніанъ II.

Было-бы утомительно перечислять всѣ многочисленные случаи, когда византійское населеніе возставало на защиту своихъ правъ, попираемыхъ имъ-же самимъ избранными узурпаторами и тиранами. Необходимо, однако, отмѣтить, что наиболѣе часто повторялись они при существованіи партійной цирковой организаціи, которая по заранѣе опредѣленному плану управляла народными массами.

Если мы оставимъ близорукій взглядъ Гиббона и Рамбо на сущность голубыхъ, синихъ, бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ цирка, то въ періодическихъ повторныхъ столкновеніяхъ ихъ другъ съ другомъ усмотримъ постоянный напоръ новыхъ требованій, новыхъ жизненныхъ запросовъ, идей восточно-греческаго происхожденія, стремившихся вырваться изъ сковывавшихъ ихъ формъ западно-римскаго деспотизма. Конечно, политическимъ партіямъ въ ихъ современномъ значеніи не было мѣста въ Византіи. Важнѣйшій интересъ, ради котораго люди готовились отказаться отъ всѣхъ благъ отечества и даже признать надъ собой господство иновѣрныхъ владыкъ, заключался въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, въ правѣ вѣрованья, прочіе интересы не получили еще въ это время достаточной оформленности и сливались съ главнѣйшими. Въ самомъ дѣлѣ, массы населенія закономъ и обычаемъ отчуждались отъ участія въ политической жизни: рабы и колоны не могли подавать свой голосъ въ пользу той или другой партіи, а тѣмъ болѣе образовывать свою. Правда, намъ извѣстенъ частный случай возмущенія рабовъ при Анастасіи, но въ этой вспышкѣ императоръ съигралъ роль заступника и благодѣтеля подневольныхъ. Внутреннее содержаніе кружковъ представителей разнаго цвѣта главнѣйшимъ образомъ крылось въ разности взглядовъ исповѣдныхъ; недостатки правительственной системы не имѣли въ партіяхъ опредѣленно враждебныхъ имъ противниковъ. Народъ натыкался на изъяны управленія волей случая, лучше сказать,

стараніями самихъ носителей власти. Въ дни первыхъ народныхъ волненій инсургенты всегда требовали отрѣшенія и отставленія только должностныхъ лицъ, въ простотѣ души полагая, что въ вопросѣ злоупотребленія властью все зависитъ отъ свойствъ той или другой личности.

Народъ Византіи какъ-бы не сознавалъ, что правительство есть не что иное, какъ служебная машина, могущая и въ цѣломъ быть несоотвѣтствующей тому общественному тѣлу, нуждамъ котораго она служитъ. Унаслѣдованный отъ римлянъ административный механизмъ и императоры и подданные одинаково считали пригоднымъ для удовлетворенія качественно и количественно отличныхъ государственныхъ потребностей. При Анастасіи народъ видѣлъ исходъ своимъ временнымъ несчастіямъ въ удаленіи Марина и Филона; мятежъ «Ника» начался требованіемъ смѣщенія Іоанна Каппадокійскаго, Трибоніана и Калоподія. Но таковой пріемъ преслѣдованія недобросовѣстныхъ министровъ не заключалъ въ себѣ однако началъ всегдашней и полной отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ управленія съ сохраненіемъ того незыблемаго правила, что монархъ не можетъ быть не правъ. Наоборотъ, византійцы считали монарха одинаково отвѣтственнымъ за все причиненное подданнымъ зло, наравнѣ съ начальникомъ полиціи и главнымъ сборщикомъ податей. Когда зеленые обвинили Калоподія въ причиненіи множества золъ, Юстиніанъ отвѣтилъ: «Калоподію нѣтъ дѣла до управленія». «Кто-бы онъ ни былъ, воскликнули зеленые, его постигнетъ участь Іуды». «О если-бы никогда не родился на свѣтъ Савватій (отецъ императора), продолжали затѣмъ вопить зеленые,—о если-бы онъ не производилъ на свѣтъ убійцу». Въ свою очередь Юстиніанъ призналъ свою виновность передъ возмутившейся толпой *) и просилъ ее успокоиться.

Народъ, однако, не довѣрился смиренному раскаянію госу-

*) Paschale Chronicon, 623.

даря и выбралъ новаго императора, изрыгая проклятія на Юстиніана. Отсюда видно, что существо римской правительственной системы съ легко смѣняемымъ коронованнымъ главой государства и съ прежними префектами, комесами въ шестомъ вѣкѣ оставались безъ перемѣны. Нововведеніе выразилось только въ томъ, что новый монархъ въ данномъ случаѣ выбирался не солдатами, а совокупностью гражданъ. Это явленіе рѣдкое, въ имперіи римской, сдѣлалось впослѣдствіи обычнымъ въ Византіи.

Какъ извѣстно, Юстиніанъ, спасенный отъ потери престола варварскимъ войскомъ геруловъ, ничего не перемѣнилъ въ правительственныхъ порядкахъ государства. Онъ былъ далекъ отъ той мысли, что постоянно измѣняющаяся жизнь, помимо различія среды, въ которой ей приходится проявляться, требуетъ столь-же неуклонныхъ соотвѣтствующихъ преобразованій. Для него было недоступно пониманіе того простого положенія, что отсутствіе поступательнаго движенія, приспособленія въ правительственной системѣ или производитъ рядъ общественныхъ потрясеній, исправляющихъ недостатки, или ведетъ къ порабощенію подданныхъ и истребляетъ въ нихъ чувство гражданскаго долга. Личный опытъ не подѣйствовалъ на образъ мыслей императора; ничего не забывъ и ничему не научившись въ прошедшемъ, онъ рѣшилъ на будущее время еще крѣпче затянуть вожжи римскаго деспотизма и воздвигъ ему великолѣпный памятникъ въ видѣ плодовъ своей законодательной дѣятельности. Отдѣльныя отдушины, пробитыя мѣстнымъ эллинизмомъ, въ этомъ громадномъ зданіи не смогли освѣтить внутренности мрачнаго сооруженія, кстати сказать, мало соотвѣтствующаго по архитектурѣ другому современному памятнику чисто греческаго зодчества, св. Софіи. Мѣщански сутяжническая мудрость классическихъ юристовъ послужила строительнымъ матерьяломъ Кодекса, а презрѣніе къ личности гражданина, къ священнѣйшимъ его правамъ, легло въ основаніе плана этому храму Ваала.

Гекатомбы человѣческихъ жертвъ, принесенныя Юстиніаномъ своимъ любимцамъ и Ѳеодорѣ, какъ мы видѣли, въ свою очередь не заглушили оппозиціи. Въ царствованіе Маврикія (582—602), зеленые вмѣстѣ съ голубыми подняли рядъ мятежей, во время которыхъ императоръ потерялъ престолъ и на его мѣсто былъ возведенъ Фока, прямой ставленникъ зеленыхъ. Вотъ какого крупнаго завоеванія достигла оппозиція въ области внутренней политики въ теченіи двухъ столѣтій. Какъ мы имѣли случай замѣтить выше, цирковыя партіи прежде всего пріурочились къ двумъ главнымъ теченіямъ религіозно-философской мысли въ Византіи, а затѣмъ уже пріобрѣли посредствомъ того политическій оттѣнокъ. Въ государственномъ отношеніи обѣ стороны расходились въ пониманіи идеала монархіи, какъ правительства: націоналисты желали видѣть въ императорѣ высшаго посредника, представителя всѣхъ законныхъ индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ, западники требовали отъ государя партійности и и служенія одному какому-либо важному интересу, съ ихъ точки зрѣнія, конечно, западническому.

Византійскіе императоры римской школы, слѣдуя западническимъ теченіямъ всецѣло переходили на сторону одной какой-либо народной партіи и попирали всѣ другія. Въ этомъ отношеніи не различаются между собой Юліанъ, Анастасій, Зенонъ, Юстиніанъ, Маврикій, Гераклій и мн. др. Подъ давленіемъ обстоятельствъ, Юстиніанъ I вознамѣрился было встать на высоту положенія, но не выдержалъ характера. Юстиніанъ же опустился до того, что вступилъ съ зелеными въ личныя пререканія по поводу узаконенной правительствомъ распущенности голубыхъ; со всѣмъ пристрастіемъ ограниченнаго человѣка онъ преслѣдовалъ своихъ подданныхъ иновѣрцевъ, очевидно предпочитая, подобно Филиппу II Испанскому, царствовать надъ пустыней, нежели надъ страной, заселенной еретиками. Такимъ образомъ при инертности романизованныхъ государей перваго періода созидательная роль въ византійскомъ

обществѣ въ значительной степени перешла непосредственно на сторону цирковыхъ партій. Въ силу благопріятно сложившихся обстоятельствъ цвѣта голубой и зеленый, подчинивъ себѣ красный и бѣлый, достигли выдающагося положенія въ государствѣ.

Численность дѣйствительныхъ членовъ цирковыхъ корпорацій была, однако, не велика для политическихъ фракцій. Въ моментъ апогея своего развитія при императорѣ Маврикіи зеленые насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 1500 человѣкъ, голубые всего только около 900; но тайна ихъ господства заключалась въ томъ, что за этими организованными сотнями стояли десятки тысячъ къ нимъ примыкавшихъ обитателей столицы и провинціальныхъ городовъ*). Отсюда явствуетъ, почему въ рукахъ партій сосредоточивались громадные имущественные капиталы, по поводу которыхъ Кодинъ передаетъ, что, когда въ царствованіе Ѳеодосія II, землетрясеніе разрушило значительную часть стѣнъ Константинополя и правительство затруднялось возстановить ихъ на казенный счетъ, то исполненіе этого не шуточнаго предпріятія взяли на себя партіи **). Во главѣ цвѣтовъ стояли особые начальники, игравшіе видную роль въ явленіяхъ общественной городской жизни; они назывались димархами и димократами; управленіе имуществами сосредоточивалось въ рукахъ особыхъ выборныхъ чиновниковъ, тогда какъ димархи назначались императоромъ, конечно, изъ числа носителей соотвѣтствующаго цвѣта. Каждая партія имѣла въ своемъ распоряженіи глашатаевъ, черезъ которыхъ велись переговоры съ императоромъ и приносились ему торжественныя привѣтствія.

---

*) Paillard. Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople, 338.

**) Не смотря на то, что этотъ фактъ сообщается писателемъ XIV столѣтія, Надлеръ считаетъ его достовѣрнымъ, въ качествѣ заимствованнаго изъ мѣстныхъ преданій, а не вымышленнаго Кодиномъ. Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи, 19.

Въ тѣсной связи съ цирковыми партіями, какъ положительнымъ образомъ доказываетъ проф. Успенскій *), находилось дѣленіе константинопольскаго населенія по димамъ, которые смѣшивались многими изслѣдователями съ самими цвѣтами гипподрома. Справедливо замѣчаетъ цитированный писатель, что можно съ увѣренностью предположить, что дѣленіе на димы въ восточной имперіи представляло собою древне-греческую политическую организацію городовъ и являлось отголоскомъ тѣхъ временъ, когда Византія, какъ греческая колонія, пользовалась правомъ относительной самостоятельности. Продолжая основательную догадку проницательнаго ученаго, должно придти къ тому конечному выводу, что не принесенные изъ Рима цирковые цвѣта послужили зародышемъ византійской партійности, но эта послѣдняя только воспользовалась римской удобной формой, чтобы заполнить ее содержаніемъ мѣстнаго производства. Циркъ, безъ сомнѣнія, представлялъ удобный сборный пунктъ, куда на законномъ основаніи имѣли право стекаться десятки тысячъ народа. Здѣсь, прикрываясь увлеченіемъ забавы, можно было сливаться разрозненнымъ общественнымъ элементамъ въ крѣпко сплоченныя группы, сообразно различнымъ вкусамъ и стремленіямъ индивидовъ. Здѣсь съ теченіемъ времени выяснилось направленіе взглядовъ главнѣйшихъ. Оказалось, что голубые западники тянули руку правительства, представляли собой начало римской нетерпимости къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ; къ зеленымъ примкнули всѣ обиженные, униженные, оскорбленные и труждающіеся. Голубые оперлись на поддержку власти; зеленые были сильны духомъ національнзма, народной массой, т. е. плотностью и количествомъ. Любопытно, между прочимъ, то странное по виду обстоятельство, что партіи предмѣстій, синіе и зеленые, подавили собой городскія бѣлыхъ и крас-

*) Партіи цирка и димы въ Константинополѣ. Византійскій Временникъ, т. I, вып. I. 5 и сл.

ныхъ; это указываетъ на ту силу, которую часто даетъ политическимъ борцамъ земля.

Наряду съ внутренней организаціей партій, исподоволь, незамѣтно населеніе Константинополя добилось точно также одного важнаго преимущества, которое на современномъ языкѣ можно назвать правомъ коллективной петиціи. Проф. Успенскій, осмысливая содержаніе скучнаго сочиненія Константина Порфиророднаго о церемоніяхъ византійскаго двора, пришелъ къ тому въ высшей степени знаменательному заключенію, что въ одномъ изъ обрядовъ царскаго выхода, именно въ славословіи димовъ императору и въ подачѣ ему, такъ называемыхъ, ливеллярієвъ должно видѣть остатокъ прежняго права четырехъ важнѣйшихъ группъ константинопольскихъ горожанъ подавать монарху прошенія политическаго характера. Во времена Константина Порфиророднаго, ливелляріи изготовлялись каждымъ димомъ въ двухъ экземплярахъ, при чемъ самая подача книжечки сопровождалась извѣстнымъ отвѣтнымъ актомъ со стороны царя, который объявлялъ свой взглядъ на то, что заключалось въ прошеніяхъ. Приводя въ связь то обстоятельство, что безъ участія димовъ и подачи ливеллярієвъ не обходился ни одинъ болѣе или менѣе выдающійся царскій выходъ, проф. Успенскій опредѣленно выясняетъ *), что подъ именемъ ливеллярія нельзя понимать что-либо иное, помимо просьбы. Въ сочиненіи Константина Порфиророднаго участіе димовъ въ выходахъ и подача ливеллярієвъ сохранился какъ безсодержательный остатокъ старины, но въ немъ нужно, конечно, видѣть нѣкогда дѣйствовавшее, но впослѣдствіи отжившее упраздненное право.

§ 6. Народъ и власть въ столицѣ. (с.)

Цирковая партійность вывелась къ концу седьмого вѣка per desuetudinem и, намъ кажется, съ извѣстной степенью

*) Партіи цирка и димы 6.

вѣроятности можно предположить, что одной изъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ подорванію значенія димовъ на гипподромѣ, была замѣна переговоровъ народа съ императоромъ чрезъ глашатаевъ открытой законной подачей прошеній прямо въ руки царя каждой партіей во время его выхода. Конечно, неподкрѣпленное народной массой представительство димарха было гораздо безопаснѣе для власти, нежели переговоры черезъ герольда, часто кончавшіеся прямымъ насиліемъ со стороны просителей.

Подаваемые ливеллярiи поневолѣ для успѣшности ходатайства должны были облекаться въ особо-мягкую форму и содержать болѣе умѣренныя требованья, которыя удовлетворялись съ меньшимъ урономъ престижа правительства и отвергались, не вызывая проявленій рѣзкаго недовольства. Крайне разумный въ теоріи, но мертворожденный въ практикѣ романо-византійскихъ императоровъ таковой пріемъ общенія съ народомъ уже къ X вѣку превратилъ подачу ливеллярiевъ въ пустую, никому ненужную и никому непонятную формальность. Несомнѣнно, что при этомъ отъ указаннаго вырожденія петицій пострадало, конечно, больше всего правительство, потерявшее возможность постояннаго наблюденія за ходомъ общественнаго настроенія и за ростомъ его измѣнчивыхъ нуждъ. Народъ-же проигралъ только въ томъ отношеніи, что имъ было потеряно опытное организованное руководительство. Но скрытая его сила получила все-таки признаніе тѣхъ, кто прежде относился къ ней съ презрѣніемъ.

Исторіей своихъ цирковыхъ возмущеній народъ утвердилъ въ общественномъ сознаніи ту идею, что ему принадлежитъ право верховенства. Отнынѣ ни одинъ императоръ не вступалъ на престолъ, не будучи возведенъ народомъ, или, по крайней мѣрѣ, не будучи признанъ имъ. По старой памяти, въ 695 г., народъ собрался въ циркѣ, потребовалъ тамъ смерти Юстиніана II и провозгласилъ императоромъ Леонтія. Тиверій II, убившій Леонтія и осадившій Константинополь, встрѣ-

тилъ со стороны населенія отчаянное сопротивленіе и лишь путемъ измѣны проникъ въ столицу, гдѣ такъ-же только силой оружія заставилъ признать себя царемъ. Бѣжавшій изъ ссылки Юстиніанъ Ринотметъ точно такъ-же только съ помощью иноземцевъ сломилъ упорство Константинополя и занялъ царскій дворецъ, чтобы затѣмъ въ скоромъ времени погибнуть вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ отъ руки собственныхъ ему враждебныхъ подданныхъ. Въ 713 г. послѣ смерти Ринотмета, на другой день, народъ въ св. Софіи провозгласилъ Филиппика своимъ царемъ, но убѣдившись въ отсутствіи у своего избранника правительственныхъ способностей, разстался съ нимъ безъ сожалѣнія и выбралъ ему замѣстителемъ Анастасія II. Между прочимъ, постепенно вмѣстѣ съ упадкомъ цвѣтовъ партій и циркъ терялъ свое косвенное назначеніе служить мѣстомъ сходокъ волновавшихся народныхъ массъ. Съ восьмого вѣка уже св. Софія дѣлается сборнымъ пунктомъ и крикъ «въ св. Софію, православные», началъ обозначать приглашеніе на вѣче. Но и въ св. Софіи, какъ и на гипподромѣ, населеніе продолжало упражнять разъ завоеванное право верховенства. Въ 716 г. отчаянно защищаемый народомъ Анастасій не пожелалъ, однако, вступать въ рѣшительную борьбу съ возмутившимся Θеодосіемъ и добровольно уступилъ ему корону. Въ отмщеніе за насиліе надъ народной волей населеніе столицы помогло Льву III смѣстить узурпатора и занять престолъ. Потомство перваго исаврійскаго императора, несмотря на упорную оппозицію западниковъ, царствовало благодаря постоянной поддержкѣ народа и войска. Не даромъ рядъ сложныхъ мѣръ пришлось предпринять Иринѣ, чтобы ослабить партію многочисленныхъ приверженцевъ династіи исавровъ.

Многое требовалось отъ византійскаго правительства для того, чтобы довести народъ до отчаянія но чрезвычайно мало было нужно для того, чтобы правитель снискалъ всеобщую любовь ему подвластныхъ, желавшихъ видѣть въ дѣятельности своихъ монарховъ черты хотя-бы слабыхъ проявленій эллинизма.

Если населеніе Константинополя выражало знаки глубокаго уваженія суровому иконоборцу Ѳеофилу за его высокія личныя качества заботливаго правителя въ дѣлахъ внутреннихъ и храбраго полководца и осторожнаго политика въ дѣлахъ внѣшнихъ, то съ другой стороны, тотъ-же народъ не отказывалъ въ своихъ симпатіяхъ и безпутному Михаилу III, только за то, что при всемъ своемъ легкомысліи императоръ находилъ удовольствіе отобѣдать при случаѣ въ бѣдной хижинѣ перваго встрѣчнаго ремесленника и былъ націоналистомъ въ томъ смыслѣ, что не выказывалъ особаго пристрастія къ западникамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, предпочитая хорошему лучшее, народъ не поставилъ на счетъ Василію Македонянину, посвятившему жизнь на служеніе своему бѣдствовавшему отечеству, убіеніе Михаила III потому, что Василій ближе подходилъ къ идеалу византійскаго правителя.

Уже съ седьмого вѣка римскія воззрѣнія на власть постепенно начали вытѣсняться мѣстными византійскими, и сами правители понемногу поддались вполнѣ націоналистическому движенію, ближе связавшему императоровъ съ массой населенія. Уже Левъ III отрекся отъ принциповъ узко понимаемаго самовластія и религіозно-политической нетерпимости, отразивъ въ себѣ различныя теченія современной ему общественной мысли. Онъ-же первый отказался отъ принципа насильнаго проведенія предпринимаемыхъ мѣръ и сталъ примѣнять вооруженную силу и принужденіе во внутреннихъ дѣлахъ не для нападенія, а лишь для самообороны.

Римская оболочка при этомъ замѣчательномъ монархѣ начала впервые явственно раздаваться врозь подъ напоромъ византійскаго содержанія. Реакція не могла удержать этого напора. Тѣ же македоняне, въ теоріи возстановляя расшатанныя основы римской неустроенности, на самомъ дѣлѣ неудержимо шли все въ томъ же направленіи, какое было указано исаврійцами, новеллами подтверждая то, что отрицали Василиками. Исповѣдная терпимость, внутреннія общественныя преобразо-

ванія, развитіе просвѣщенія, народныя вольности неуклонно и неудержимо расширялись и припимали все бо́льшій и бо́льшій объемъ. Государи сами прислушивались къ голосу народа, не дожидаясь взрывовъ открытаго недовольства. Василій Македонянинъ, замѣтивъ тираническія наклонности своего законнаго наслѣдника, самолично старался устранить его отъ престола и писалъ въ назиданіе сыну поученіе о правахъ и обязанностяхъ монарха.

Въ свою очередь, видя себя болѣе или менѣе хорошо управляемымъ, народъ до времени пересталъ упражнять право личнаго вмѣшательства въ политику и извѣстія о волненіяхъ въ его средѣ затихли на продолжительный срокъ. Политика главнымъ образомъ опять замкнулась въ стѣнахъ дворца и въ средѣ высшаго сословія государства. Народъ предоставилъ полную свободу дѣйствія правительству подъ условіемъ уваженія къ его государственнымъ идеаламъ.

Старинный принципъ греческаго народнаго управленія при помощи общаго собранія всѣхъ гражданъ, обсуждавшихъ государственные вопросы на городскихъ площадяхъ, на востокѣ давно потерялъ прежнее значеніе и возможность осуществимости. Очевидно, что для того, чтобы быть политикомъ, нужно владѣть нарочитымъ досугомъ, особыми дарованіями и исключительными познаніями поэтому даже въ отечествѣ греческой государственной системы, въ такихъ маленькихъ и несложныхъ народоправствахъ, какъ Аѳины или Ѳивы, въ дѣйствительности управляли толпой ораторы; народъ-же только въ общемъ слѣдилъ за исполненіемъ ихъ политической программы. Итакъ, уже греки древности смутно сознавали что, правительственная дѣятельность по существу своему крайне аристократична и болѣе подобаетъ Солонамъ и Перикламъ, нежели невѣжественнымъ Клеонамъ. Византійское-же населеніе болѣе чѣмъ кто-либо было способно усвоить эту очевидную истину. Послѣ долгаго перерыва, вслѣдъ за побѣдою во внутренней политикѣ началъ національзмъ народныя волненія опять разыгрались не раннѣе

какъ при Михаилѣ Калафатѣ, попытавшемся было вернуться къ стариннымъ уже забытымъ традиціямъ романскаго правительства. Императора ввело въ заблужденіе то повиновеніе и та преданность, которую онъ привыкъ видѣть постоянно выражаемыми по отношенію монарховъ. Ему показалось, что условія этой преданности и покорности лежатъ не въ дѣятельности самоотверженныхъ государей, а гдѣ то внѣ, въ свойствахъ народнаго духа, призваннаго къ подчиненію всякимъ прихотямъ только о самомъ себѣ заботящихся романизованныхъ правителей. Правда, быть можетъ, не существовало въ тогдашнемъ мірѣ болѣе послушнаго, признательнаго и признательнаго подданнаго нежели византіецъ въ тѣ минуты, когда онъ ввѣрялъ свою судьбу автократору—философу, ставившему себѣ цѣлью жизни благо подвластнаго народа. Не даромъ царствованія исаврійской и македонской династій было временемъ спокойствія и благоденствія имперіи, въ теченіи котораго уличныя возмущенія почти совсѣмъ исчезли съ политическаго горизонта.

Монарху-мудрецу, народолюбцу и его совѣтникамъ византійскій гражданинъ готовъ былъ во всемъ повиноваться безконтрольно и безпрекословно; но когда къ трону приближались евнухи, вмѣсто честныхъ въ дѣлахъ испытанныхъ гражданъ, онъ снова заявилъ о своемъ правѣ быть хорошо управляемымъ. Народъ Византіи всегда слишкомъ глубоко чувствовалъ себя свободнымъ для того, чтобы обезличиться въ раболѣпіи. Поэтому историкъ судебъ греко-римской имперіи не долженъ слишкомъ много придавать значенія внѣшнимъ формамъ обращенія византійскаго населенія съ носителями власти. Условность жизненнаго обихода требуетъ выраженія взаимнаго сочувствія даже въ простѣйшихъ обыденныхъ сношеніяхъ, но рѣдкій разсудительный человѣкъ способенъ цѣликомъ поддаться впечатлѣнію внѣшней обходительности и привѣтливости чужихъ ему лицъ. Византійскій монархъ, въ указанномъ отношеніи, былъ силою вещей поставленъ еще въ болѣе сложныя условія. Его любили, передъ нимъ преклонялись заранѣе изъ-за того громаднаго количества

добра, которое онъ могъ дать народу, приведя въ движеніе могучій рычагъ доставшейся ему власти. Но при такомъ великомъ залогѣ народнаго обожанія, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе было чувство разочарованія и выше осадокъ горечи разрушенныхъ надеждъ.

Михаилъ Калафатъ, не принялъ въ разсчетъ этихъ простыхъ соображеній. Слишкомъ понадѣявшись на оказанный ему при вступленіи на престолъ восторженный пріемъ со стороны подданныхъ, ничего не сдѣлавъ для народа, онъ сразу попробовалъ совершить насиліе надъ женой своей—Зоей, предкамъ которой такъ много было обязано населеніе Константинополя. Собравшійся для слушанья чтенія императорскаго указа о высылкѣ Зои благодарный македонянамъ народъ возмутился съ первыхъ-же словъ и открыто возсталъ противъ императора. Напрасно Калафатъ пробовалъ вступить въ переговоры съ возставшими, показывая имъ изъ окна дворца Зою въ императорскомъ одѣяніи и обѣщая всевозможныя уступки; благоразуміе потеряло удобный моментъ осуществленія. Императоръ былъ безжалостно ослѣпленъ и заточенъ въ монастырь послѣ тысячи перенесенныхъ оскорбленій.

Печальный примѣръ самообольщенія Калафата не подѣйствовалъ однако надлежащимъ образомъ на его преемника

Константинъ Мономахъ, въ 1042 г., какъ только былъ выбранъ Зоей въ мужья, тотчасъ-же предался своимъ порочнымъ наклонностямъ и ничѣмъ кромѣ этого не заявилъ себя передъ государствомъ. Вновь возведенный императоръ съ первыхъ-же дней своего царствованія началъ оказывать необычайный почетъ подругѣ своего сердца Склиренѣ, вывезенной имъ изъ Митилены, куда она послѣдовала за Мономахомъ, когда послѣдній еще въ качествѣ простого гражданина былъ изгнанъ Михаиломъ Пафлагонянином въ эту старинную столицу Лесбоса. Съ согласія Зои Склирена была помѣщена въ императорскомъ дворцѣ и начала удостоиваться всѣхъ почестей коронованной особы. Разорительная роскошь этой женщины ложилась тяжелымъ бре-

менемъ на народное благосостояніе, какже увеличивавшееся при посредствѣ прочихъ сердечныхъ слабостей императора-мужа. Ропотъ недовольства началъ подниматься открыто. Даже угодливый низкопоклонствовавшій Пселлъ, слагавшій панегирики своему повелителю, писалъ про него въ своихъ мемуарахъ: «я плакалъ, видя, что такъ растрачиваются деньги, и, такъ какъ я большой патріотъ, я стыжусь за своего царя» *). Безграничная расточительность въ связи съ попираніемъ самыхъ простѣйшихъ приличій вызвали, наконецъ, взрывъ народнаго негодованія.

На одномъ изъ царскихъ выходовъ въ 1044 г., т. е. два года спустя послѣ возведенія на престолъ Мономаха и народной толпы вдругъ раздался крикъ: «Долой Склирену; да здравствуютъ государыни Зоя и Ѳеодора. Да сохранитъ ихъ Богъ отъ грозящей бѣды» **). Буйный возгласъ подѣйствовалъ на массу, какъ искра на порохъ. Безумная ярость овладѣла толпой; тысячи людей бросились на императора, чтобы разорвать его въ куски, и только своевременное заступничество Зои спасло Мономаха отъ неминуемой смерти, а министерство Лихуда отъ дальнѣйшихъ взрывовъ народнаго неудовольствія, которое обратилось впослѣдствіи противъ избранника императрицы Ѳеодоры, Михаила Стратіотика, и низвергло его съ высоты занимаемаго положенія. Такимъ образомъ ослѣпленіе самихъ правителей выводило населеніе изъ состоянія закономѣрнаго повиновенія власти, безразсудно выдвигало его на арену политическихъ смутъ и пріучало къ прямому вмѣшательству въ государственныя дѣла даже тогда, когда легко могло обойтись безъ его содѣйствія; недальновидные государи собственноручно сокращали свои законныя прерогативы и постепенно реально подчиняли себя совокупности подданныхъ.

Для характеристики народнаго вліянія напримѣръ, на судьбы престола чрезвычайно любопытны переговоры, которые велись

*) Безобразовъ. Византійскій писатель и государственный человѣкъ Михаилъ Пселлъ, I, 17.

**) Cedrenus, II, 556.

Стратіотикомъ съ возставшимъ претендентомъ Исаакомъ Комниномъ. Обѣщая сдѣлать въ наискорѣйшемъ времени Комнина соправителемъ, Михаилъ просилъ маленькой отсрочки въ виду неосвѣдомленности императора относительно взглядовъ народа и сановниковъ на этотъ предметъ *). Возстаніе константинопольскаго населенія положило конецъ колебаніямъ и переговорамъ; голосъ его въ данномъ случаѣ получилъ дѣйствительно рѣшающее значеніе. Поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ г. Безобразовъ, Комнинъ, уже провозглашенный императоромъ (со стороны арміи), не безъ основаній соглашался промѣнять царскій титулъ на кесарскій, хорошо зная, что если столица будетъ защищать Михаила, то едва-ли удастся взять сильно укрѣпленный Константинополь **).

Въ 1078 г. народъ смѣстилъ Михаила VII и на мѣсто его посадилъ Никифора III. Разочарованный въ послѣднемъ избранникѣ, тотъ же народъ не оказалъ сопротивленія войску Алексѣя Комнина, на котораго смотрѣлъ, какъ на освободителя и, какъ передаетъ его дочь Анна, даже сложилъ шутливую пѣсенку въ честь его политической оборотливости и умѣнья устраивать свои дѣла: «въ сырную субботу, ты понялъ это, любезный Алексѣй, а на другой день рано поутру я сказалъ, прекрасно, мой соколъ»***). Въ этой незатѣйливой пѣсенкѣ сказались все сознаніе своей силы и все народное расположеніе къ монарху, наиболѣе подходившему къ идеалу царя, выработанному правосознаніемъ греко-восточнаго общества.

Заботясь о мнѣніи того, кто называлъ его своимъ соколомъ, нѣкогда дававшій предательскій совѣтъ Михаилу VII разогнать возмутившуюся толпу ремесленниковъ и бѣдняковъ, Алексѣй—въ минуты политическихъ затрудненій своего царствованія—ни разу не вздумалъ прибѣгать къ вооруженной силѣ противъ народныхъ массъ, но, какъ Периклъ, отдавалъ себя

*) Безобразовъ. Михаилъ Пселлъ. I, 68.

**) Ibid. 71.

***) Византійскіе историки, сказаніе Анны Комниной, 92.

на судъ гражданъ и подчинялся ихъ молчаливо выраженному приговору.

Тактичность Комниновъ, уяснившихъ себѣ не только общественные идеалы, но и дѣйствительное положеніе вещей, предохранила Византію отъ ужасовъ народныхъ мятежей, давшихъ себя знать позднѣе въ малолѣтство его правнука Алексѣя II, Андроника Комнина, и Исаака и Алексѣя Ангеловъ. Послѣ смерти Мануила Комнина, мы знаемъ, имперія пошла быстрыми шагами къ упадку. Внутреннее нестроеніе выразилось въ постоянныхъ волненіяхъ константинопольскаго населенія, волненіяхъ, представляющихъ собою язву истинной гражданственности. Государство, какъ система сложнаго общественнаго равновѣсія, подвергается колебаніямъ вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, конечно, во много разъ сильнѣе, чѣмъ внѣшней борьбой. Война, нашествіе иноплеменниковъ сплачиваетъ народныя массы, поднимаетъ духъ отчизнолюбія, геройства, выдвигаетъ впередъ людей политическихъ дарованій; междуусобица или простой уличный переворотъ подрываетъ чувство законности, порядка, уваженія къ государственнымъ традиціямъ, разъединяетъ общественныя силы и отнимаетъ необходимую устойчивость гражданскихъ правоотношеній. Право возстанія, если оно и допускалось въ неустроенныхъ обществахъ, то только какъ переходный моментъ въ жизни государства, долженствующаго возможно скорѣе пережить его и замѣнить право огульнаго безпорядочнаго вмѣшательства народныхъ массъ въ политику болѣе совершеннымъ установленіемъ.

Учащаемость возмущеній, легкость, съ которой народъ поднимается на защиту попранныхъ правъ, свидѣтельствуютъ не столько о повышенномъ чувствѣ правомѣрности, сколько о томъ, что въ массѣ населенія увеличились элементы, ничего не теряющіе отъ общественныхъ передрягъ, т.-е. усиленный ростъ пролетаріата. Мелкіе, но многочисленные собственники всегда и вездѣ представляютъ надежную опору даннаго даже дурного порядка, въ виду того, что имъ есть что терять; на-

оборотъ, обезземеленный людъ поставляетъ своимъ обезцѣненнымъ тѣломъ лучшій матеріалъ всякаго рода уличнымъ безпорядкамъ.

За долгіе вѣка византійская имперія не выработала явственныхъ опредѣленныхъ очертаній гибкаго и жизненнаго государственнаго устройства. Не такъ легко вникнуть въ его сущность и осмыслить послѣднее. Монархія, подчасъ издѣвающаяся надъ своимъ державнымъ вождемъ, республика безъ представительства, безъ народнаго собранія, безъ выборныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, какая-то невообразимая смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ, тиранніи съ народоправствомъ—вотъ тотъ сфинксъ государственнаго строя Византіи, который смотритъ на насъ своимъ загадочнымъ взоромъ сквозь туманъ истекшихъ столѣтій.

Разбираясь въ этой поразительной смѣси туго приходившихъ въ соотношеніе общественныхъ началъ,—невольно опять восходишь къ той мысли, что острый ядъ заживо разложившагося государственнаго тѣла Рима дѣйствительно передался насильно съ нимъ соединенной Византіи и въ извѣстной степени заразилъ ея юный и полный жизни организмъ. Идеалы, разумное пониманіе общественно-государственныхъ запросовъ имѣлись на востокѣ, но они надрывались въ борьбѣ съ удушавшимъ романизмомъ.

Двѣ культуры, умственный складъ двухъ различныхъ міровъ, въ существѣ дѣла, до конца остались не примиренными. Взявшій, наконецъ, верхъ восточный эллинизмъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ не могъ развить достаточной силы, вслѣдствіе истощенія общественнаго восточно-греческаго естества; внѣшнія неурядицы, долгія войны, океанъ варварскихъ народностей, постоянно бившихся своими волнами о стѣны византійскихъ городовъ, полчища крестоносныхъ грабителей, все пришло на помощь внутреннему врагу и ускорило гибель уже надтреснутаго сосуда. Исторія Византіи, съ кончиной послѣдняго изъ Комниновъ, есть не что иное, какъ рядъ возмуще-

ній всякаго рода, дворцовыхъ переворотовъ, правительственныхъ и частныхъ безчинствъ, въ которыхъ имѣвшіе власть какъ бы старались превзойти другъ друга.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ Никита Хоніатъ состояніе константинопольскаго общества по смерти Мануила Комнина, послѣ котораго остался малолѣтній сынъ и вдова-правительница: «самъ государь по незрѣлости возраста и по недостатку благоразумія не обращалъ никакого вниманія на свои обязанности; занятый пустыми удовольствіями и не совсѣмъ еще умѣвшій отличать горе отъ радости, онъ забавлялся только травлями и конскими скачками, среди товарищей своихъ игръ пріобрѣтая самыя дурныя наклонности. А тѣ, которые по отцѣ ему были друзьями, занятые другими дѣлами, нисколько не заботились о томъ, чтобы дать ему возможно лучшее воспитаніе и образованіе и не обращали никакого вниманія на общее государственное разстройство. Одни изъ нихъ влюблялись въ императрицу и явно ухаживали за ней (послѣдствіе обычая императрицамъ-вдовамъ выбирать себѣ мужей вмѣстѣ съ тѣмъ возводимыхъ на царство) съ искусствомъ Венеры завивали себѣ волосы, ребячески намащались благовоніями, подобно женщинамъ украшались ожерельями изъ дорогихъ камней. Другіе, жадные до денегъ и народные грабители, обкрадывали казну; они безъ всякой бережливости тратили назначенныя въ расходъ суммы и придумывали новые налоги, чтобы мѣшокъ вчера пустой и тощій сегодня набить биткомъ. Какъ бы въ отсутствіе бдительнаго строгаго наставника, все пришло въ безпорядокъ, потому что каждый преслѣдовалъ свою цѣль и всѣ другъ другу противодѣйствовали, или какъ бы по отнятіи прочнаго и твердаго столпа—все пошатнулось въ противуположную сторону. Люди, имѣвшіе тогда особенно большую силу и находившіеся въ родственныхъ связяхъ съ царемъ, не признавали равенства правъ на должности и почести и потому заботы объ общественныхъ дѣлахъ были покинуты, собранія и совѣты прекратились»!

Императрица-мать не пожелала, однако, выходить вторично замужъ, но за то она вручила вмѣстѣ съ чувствами своими бразды государственнаго правленія племяннику покойнаго мужа, протосевасту Алексѣю Комнину, человѣку самовластному по характеру, но лишенному, какихъ-бы то ни было правительственныхъ дарованій.

Злоупотребленія протосеваста вызвали въ скоромъ времени народное возмущеніе. Сперва начались сходки, на которыхъ жалѣли преслѣдуемую сестру покойнаго императора, кесариссу Марію, потомъ перешли къ обсужденію дѣйствій протосеваста и императрицы матери, затѣмъ начали, не стѣсняясь, поносить ихъ бранными словами и, наконецъ, перешли къ открытому возмущенію. Правительственныя войска потерпѣли пораженіе въ схваткѣ съ мятежниками. Призванный на царство Андроникъ Комнинъ былъ принятъ народомъ съ распростертыми объятіями. Однако, черезъ два года новый самодержецъ, истреблявшій людей по прихоти, какъ Калигула, самъ подвергся жестокой безчеловѣченой казни, несмотря на нѣкоторыя несомнѣнныя заботы о народномъ благосостояніи.

Читая описаніе мученій, принятыхъ Андроникомъ отъ раздраженной уличной толпы, не вѣришь, чтобы такое обращеніе претерпѣлъ императоръ, недавній вершитель судебъ многихъ сотенъ тысячъ людей, помазанникъ Божій, котораго еще нѣсколько дней тому назадъ растерзавшій его народъ встрѣчалъ съ криками радости и благословеніями. «Богъ явилъ свой гнѣвъ, говоритъ по этому поводу Никита Хоніатъ, и не нашлось у Андроника средства къ спасенію. Его заключили въ тюрьму, наложили на его гордую шею двѣ тяжелыя цѣпи, на которыхъ держатъ въ желѣзныхъ ошейникахъ содержимыхъ въ тюрьмѣ львовъ, и заковали ноги его въ кандалы» *). Въ такомъ видѣ осыпаемый ругательствами бывшій монархъ былъ приведенъ и представленъ его преемнику Исааку; его били по

*) Ibid. 440.

щекамъ, толкали пинками, щипали бороду, вырывали зубы. Наконецъ низверженному императору обрубили правую руку, день держали безъ пищи, потомъ выкололи лѣвый глазъ, посадили на паршиваго верблюда и въ такомъ видѣ повели по городу на посмѣяніе черни. Во время этого шествія одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ноздри пометомъ, третьи выжимали собранныя въ губки человѣческія нечистоты. Одна распутная женщина вылила ему на голову горшокъ съ кипяткомъ. Доведя до гипподрома, мучители повѣсили Андроника за ноги между двухъ столбовъ и довершили казнь ударами меча *).

Этотъ царь былъ жестокъ, видя вокругъ себя повсюду крамолу и проискъ; онъ былъ развращенъ, но онъ не сдѣлалъ народу такого зла, какое причинили ему многіе, спокойно сошедшіе съ политической арены. Онъ допустилъ ошибку, какъ справедливо замѣчаетъ Хоніатъ, по римскимъ преданіямъ слишкомъ довѣряя желѣзу и огню. Но скитаясь всю свою жизнь по чужимъ землямъ, онъ мало зналъ свою родину, хотя, видимо ясно представилъ себѣ ея непостоянство и жестокость по отношенію своихъ властителей. Преданіе повѣствуетъ, что, находясь однажды въ Константинополѣ на скачкахъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, онъ сказалъ послѣднему, показывая на столбы, на которыхъ былъ впослѣдствіи повѣшенъ: «здѣсь когда-нибудь будетъ висѣть римскій императоръ, послѣ тяжкихъ мученій, которымъ онъ подвергнется со стороны городскихъ жителей». Передаютъ также, что Мануилъ съ увѣренностью отвѣтилъ, что съ нимъ ничего подобнаго не случится, и онъ имѣлъ право сказать это; онъ не дразнилъ и не разъярялъ звѣря, въ котораго постепенно превратилось, наконецъ, константинопольское населеніе.

Про смерть Андроника народъ точно также сложилъ пѣсню: «внезапно поднимется съ мѣста, богатаго напитками, мужъ, ба-

*) Ibid. 441.

гровый, гордый нравомъ, ужасный, сѣдой, измѣняющійся подобно хамелеону, и, вторгшись, будетъ жать людей, какъ солому. Но наконецъ и самъ пожатъ будетъ временемъ и, бѣднякъ, жестоко заплатитъ за все причиненное имъ въ жизни зло. Носящій мечъ не избѣжитъ меча». Возведенный на престолъ народной жалостью къ предстоявшей бѣдственной участи со стороны преслѣдовавшаго его Андроника, Исаакъ Ангелъ, надававъ населенію множество заманчивыхъ обѣщаній, между прочимъ, посуливъ отмѣну смертной казни и тѣлесныхъ увѣчій, на дѣлѣ не исполнилъ ничего и оказался въ жестокости почти равнымъ Андронику. Глупый, бездарный, трусливый, расточительный, онъ былъ ослѣпленъ народомъ для того, чтобы уступить свое мѣсто брату и быть однимъ изъ послѣднихъ тирановъ передъ латинскимъ завоеваніемъ Константинополя.

ГЛАВА VI.

§ 1. Идея народнаго верховенства въ Византіи.

Изъ длинной цѣпи изложенныхъ событій явствуетъ, по нашему мнѣнію, та крупная роль, которую играло населеніе Константинополя въ политическихъ дѣлахъ Византіи.

Презираемое правительствомъ въ дни царствованія безличнаго Аркадія оно заставило себя бояться уже въ шестомъ вѣкѣ и добилось окончательнаго признанія своей силы въ десятомъ. Вліяніе его на судьбы престола удостовѣряется положительными историческими фактами. Поэтому какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Альфонсъ Пайяръ **), однимъ изъ основныхъ началъ государственной жизни восточно-греческой имперіи должно признать то положеніе, что суверенитетъ въ ней принадлежалъ прежде всего народу и только отъ него при помощи общаго соглашенія всѣхъ гражданъ переда-

*) Византійскіе историки. Никита Хоніатъ, I, 445.

**) His toire de la transmission du pouvoir imperial, 333.

вался государямъ на правѣ пользованія. Въ данномъ случаѣ Византія представляетъ собой какъ бы типъ вѣчевой монархіи. При обсужденіи крупныхъ государственныхъ вопросовъ какого бы то ни было голосованія или жеребьевки, какъ въ народоправческихъ государствахъ древней Греціи, въ Византіи не существовало. Въ случаѣ раздѣленія народа на партіи обѣ стороны вступали въ бой и силою оружія слабѣйшая приводилась къ единомыслію съ сильнѣйшей.

Въ виду подобныхъ данныхъ, очевидно, что населеніе византійскихъ городовъ рѣзко отличалось по своимъ политическимъ правамъ отъ такового въ имперіи Римской. Исторіи ихъ сложенія были различны. Восточный горожанинъ не жилъ, подобно паразитамъ Рима, на счетъ трудовъ населенія подвластныхъ областей. Онъ не былъ обитателемъ разбойничьяго гнѣзда, питавшагося кровью раззоряемыхъ народовъ; рано перейдя съ господскаго пайка въ видѣ различныхъ аннонъ на существованіе отъ трудовъ рукъ своихъ и потому менѣе обязанное правительству, будучи само его податной силой, византійское населеніе скоро пришло къ сознанію того, что государство не внѣ его, а въ немъ самомъ. Оно делегировало верховное распоряженіе властью избраннымъ лицамъ, но всегда сознавало за собой право провѣрять дѣйствія уполномоченныхъ.

Какъ мы указывали выше, наиболѣе проницательные, наиболѣе мудрые политики изъ среды византійскихъ, государей въ свою очередь понимая суть восточно-эллинскихъ правовоззрѣній, старались не входить въ разладъ съ народомъ и въ сомнительныхъ случаяхъ, насколько было возможно, избѣгали мѣръ принужденія, предпочитая имъ путь мирнаго соглашенія. Приведемъ нѣсколько фактовъ. Левъ III, замысливъ церковную реформу въ греко-восточномъ духѣ, всетаки не издавалъ никакихъ эдиктовъ, принуждавшихъ подданныхъ, во что бы то ни стало, подъ страхомъ наказаній, раздѣлять взглядъ правительства на иконы. При первыхъ толкахъ, возникшихъ въ

средѣ народа, императоръ разъяснилъ то обстоятельство, что онъ не намѣренъ былъ рѣшительно уничтожать образовъ, но во избѣжаніе ихъ обоготворенія, распорядился только устранить возможность вещественнаго выраженія почитанія. Противъ смуты, возбуждаемой въ народѣ врагами реформы, какъ мы видѣли Левъ III прежде всего пустилъ въ ходъ средство мирной проповѣди и даже лично выступилъ на ряду со своими миссіонерами передъ народомъ въ качествѣ истолкователя заповѣдей Божіихъ.

Первыми насиліе проявили защитники иконъ. Какъ представитель извѣстнаго государственнаго порядка, императоръ въ этомъ случаѣ обязанъ былъ подавить мятежъ, поднятый противунаціональной партіей. Византійцы не любили въ вопросахъ философско-религіознаго разномыслія примѣненія крутыхъ мѣръ со стороны власти, но имъ также было вполнѣ ясно, что государство не можетъ терпѣть явнаго безчинства, производимаго слабѣйшимъ меньшинствомъ, даже въ томъ случаѣ, если это безчинство идейнаго свойства.

Измѣнившій памяти Льва его ставленникъ патріархъ Анастасій, чтобы сохранить за собой престолъ при овладѣвшемъ короной въ отсутствіе Константина Копронима западникѣ Артабазѣ, публично обвинилъ сына Льва въ грубѣйшемъ кощунствѣ, въ отрицаніи всякой божественности природы Іисуса Христа. Пущено было такимъ образомъ крайнее средство для того, чтобы склонить народъ на сторону узурпатора. Константинопольцы отказали Копрониму въ пріемѣ. Вѣрность восточныхъ легіоновъ помогла Константину справиться съ похитителемъ отцовскаго наслѣдія, и не смотря на несомнѣнную измѣну населенія, раздраженіе императора обратилось не противъ средняго класса, но противъ чернаго духовенства и той части знати, которая тянула сторону анти-націоналистовъ. Копронимъ подвергъ жесточайшимъ мученіямъ сенаторовъ, ставшихъ на сторону Артабаза, отдалъ на разграбленіе войскамъ ихъ имущества, но милостиво обошелся съ народомъ и для него устроилъ

конскія ристанія, облегчилъ бремя налоговъ, постарался поддержать на низкомъ уровнѣ цѣны на съѣстные припасы и не переставалъ впослѣдствіи прислушиваться къ народнымъ толкамъ по поводу его дѣйствій.

Неумолимо-жестокое въ порывахъ гнѣва византійское населеніе легко трогалось чьей-либо несчастной участью въ минуты добродушнаго настроенія. Узнавъ однажды о подобной жалости и ропотѣ, вызванныхъ въ народѣ пыткой двухъ патриціевъ братьевъ Константина и Стратегія, тотъ же Константинъ Копронимъ распорядился тотчасъ же наказать и смѣстить начальника полиціи, допустившаго явные знаки сожалѣнія, но ничѣмъ не тронулъ ихъ прямыхъ виновниковъ. Это ему народъ въ циркѣ посылалъ насмѣшки относительно беззаконной связи съ Агаѳіей, и гордый самовластецъ спокойно перенесъ грубыя шутки торговцевъ и ремесленниковъ. По примѣру отца, онъ точно также нерѣдко появлялся передъ народомъ въ качествѣ проповѣдника и оставилъ послѣ себя тридцать рѣчей богословскаго содержанія.

Видя постоянное къ себѣ вниманіе народъ сохранилъ добрую память о Копронимѣ, несмотря на неудовольствіе противъ него первыхъ лѣтъ, и впослѣдствіи неоднократно возставалъ на защиту его памяти при Иринѣ.

Императрицѣ-сыноубійцѣ многихъ трудовъ стоило, мѣрами предательской хитрости, предотвратить народное возмущеніе въ пользу сыновей Копронима. Въ 797 г. во время народнаго мятежа въ столицѣ, одинъ изъ нихъ, слѣпой Никифоръ, былъ уже провозглашенъ императоромъ, но ближайшій сподвижникъ Ирины, евнухъ Аэцій, съумѣлъ ловкимъ пріемомъ удалить его съ глазъ толпы и тайнымъ образомъ выслать въ Аѳины. Напрасно впослѣдствіи Ирина дѣлами благочестія, старалась внушить народу уваженіе и любовь къ себѣ. Полный воспоминаніями о счастливыхъ временахъ исаврійскаго царствованія народъ постоянно волновался подъ владычествомъ узурпаторовъ престола; формальныя возмущенія происходили одно

за другимъ, причемъ при Михаилѣ Ранкабе́ народъ самъ потребовалъ возстановленія иконоборческихъ законовъ.

Точно также, павликіане вмѣстѣ съ партіей иконоборцевъ, позаимствовавшись отъ иконопочитателей идеей устроенія чудесъ, попытались-было заставить Константина Копронима возстать изъ гроба, но были обличены въ обманѣ полиціей, не допускавшей явленія чудесъ въ пользу притязаній оппозиціи.

Имѣя въ рукахъ сильное оружіе,—признанное право низведенія императора съ престола и замѣну его угоднымъ себѣ лицомъ, византійцы съ теченіемъ времени еще болѣе усилили свои притязанія на постоянную провѣрку надлежащаго осуществленія монархами идеи добраго управленія. Нѣкоторые изъ императоровъ поэтому начали даже сами себя отдавать въ сомнительныхъ случаяхъ на судъ народный, какъ, напримѣръ, дѣлали это Алексѣй и Мануилъ Комнины: другіе, уступая давленію обстоятельствъ, просто измѣняли свой образъ дѣйствій, согласно предъявляемымъ требованьямъ. Право контроля подданныхъ надъ дѣйствіями власти, конечно, истекло въ Византіи изъ признанія суверенности народа. Во весь періодъ существованія греко-римской имперіи контроль этотъ постоянно проявлялся въ различныхъ формахъ, но, начиная съ одиннадцатаго вѣка, онъ сталъ выражаться особо наглядным образомъ. Мы не будемъ ссылаться на издавна практиковавшуюся смѣну должностныхъ лицъ, по требованью гражданъ; примѣры такого воздѣйствія мы приводили при случаѣ, излагая исторію развитія народныхъ вольностей. Теперь мы упомянемъ только нѣсколько характерныхъ яркихъ фактовъ изъ области общаго управленія въ послѣдніе годы передъ латинскимъ завоеваніемъ. Суровый Андроникъ Комнинъ никогда не издавалъ смертныхъ приговоровъ за собственной подписью и, когда въ день своего паденія подвергся допросу со стороны разсвирѣпѣвшаго народа, смиренно отвѣчалъ, что былъ только исполнителемъ рѣшеній сената и суда *).

*) Хоніатъ, I, 425.

Алексѣй Ангелъ неоднократно былъ принуждаемъ народомъ отказываться отъ того или другого своего мѣропріятія, подавлять то или другое злоупотребленіе администраціи. Покупая миръ у Алеманновъ, названный императоръ не разсчиталъ своихъ средствъ и для пополненія недоставшихъ суммъ рѣшился установить новый общій подоходный налогъ для всего населенія безъ исключеній. Въ народѣ поднялся ропотъ; принялись высчитывать доходы и расходы самаго царя и пришли къ тому выводу, что царь раззорилъ государство расточительностью и раздачею высшихъ должностей своимъ родственникамъ, недобросовѣстнымъ и неспособнымъ людямъ. Чуть не рѣшено было смѣстить императора. Алексѣй отказался отъ своей мысли подоходнаго обложенія и попробовалъ было, подобно своему великому тезкѣ Алексѣю Комнину, наложить руку на церковное имущество въ золотѣ и серебрѣ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу *).

Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, въ слѣдующій разъ Алексѣй распорядился лишить имущества одного константинопольскаго богача-банкира, по имени Каломодія, скопившаго своей оборотливостью несмѣтное состояніе. Императорскіе чиновники подъ какимъ-то предлогомъ арестовали Каломодія и хотѣли было уже конфисковать его имущество, но константинопольскіе лавочники, услышавъ объ арестѣ, бросились къ патріарху и подъ угрозой выбросить первосвященника изъ окошка внизъ головой, потребовали, чтобы тотъ немедленно отправилъ къ Алексѣю посланіе съ настойчивой просьбой тотчасъ-же освободить схваченнаго банкира. Представительство при такихъ условіяхъ патріарха подѣйствовало, и царь распорядился отпустить Каломодія на волю **). Спустя короткій промежутокъ времени, народу опять пришлось выступить въ роли защитника угнетенныхъ и исправить злоупотребленіе императорскаго чиновника. Нѣкто Іоаннъ Лагосъ, начальникъ преторіанской тюрьмы, за-

*) Ibid. II, 173—177.

**) Хоніатъ II, 245—251.

думалъ извлекать незаконные доходы изъ лицъ, содержавшихся въ заключеніи, и съ этой цѣлью началъ выпускать отъявленныхъ воровъ изъ подъ надзора, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они дѣлились съ нимъ частью своей добычи. Много разъ объ этомъ докладывали императору, который обѣщалъ наказать тюремщика, но обѣщанія своего почему-то не приводилъ въ исполненіе. Лагосъ не унимался. Въ довершеніе своихъ злодѣяній, ему вздумалось однажды захватить какого-то ремесленника и безъ всякихъ поводовъ дать ему изрядное количество палокъ въ спину и обрить голову.

Сотоварищи по ремеслу возмутились, прочіе горожане ихъ поддержали. Вскорѣ смятеніе обняло весь городъ. Лагосъ увернулся и спасся бѣгствомъ отъ справедливаго возмездія. Народъ, осыпая проклятіями Алексѣя, выломалъ двери преторіанской тюрьмы, выпустилъ всѣхъ заключенныхъ, разгромилъ отрядъ высланныхъ противъ него войскъ и успокоился только на слѣдующій день. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество, но мы выбрали изъ нихъ наиболѣе характерные. Всѣ они лишены свойствъ безцѣльнаго безпричиннаго буйства, а между тѣмъ ихъ настоящій смыслъ не сознавался многими интеллигентнѣйшими современниками, не дававшими себѣ труда вдуматься въ истинныя причины наблюдаемыхъ печальныхъ явленій.

Обсуждая поведеніе народа во время возстанія противъ вдовы Мануила Комнина и ея друга протосеваста Алексѣя, Никита Хоніатъ, напримѣръ, приходитъ къ тому заключенію, что хотя во всѣхъ другихъ городахъ народная толпа бываетъ неразумна и чрезвычайно необузданна въ своихъ стремленіяхъ, но въ Константинополѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, эта толпа выказывала склонность къ возмущеніямъ и отличалась чудовищной дерзостью. «Неуваженіе къ властямъ, продолжаетъ упомянутый историкъ,—они удержали за собой какъ врожденное зло; кого они сегодня превозносятъ, какъ законнаго властелина, на другой день безчестятъ, какъ злодѣя, и въ томъ и

другомъ случаѣ, очевидно, дѣйствуя не по разумному убѣжденію, а по глупости и легкомыслію» *). По мнѣнію Хоніата «сбродъ людей, населявшихъ Константинополь», вслѣдствіе крайней пестроты своего состава и разнообразія въ занятіяхъ, ни самъ для себя никогда ничего хорошаго не придумалъ, ни другихъ не слушалъ, когда предлагалась какая-либо общеполезная благодѣтельная мѣра.

Съ такой характеристикой византійскаго населенія, конечно, нельзя согласиться, всматриваясь въ существо дѣла и вдумываясь въ исторію восточно-греческой имперіи. Народъ вовсе не былъ такъ безразсуденъ, какъ это думалъ современный ему историкъ: по своему понимая существо государства и власти, онъ сдѣлалъ для блага отечества, что могъ; онъ выработалъ высокое представленіе о христіанскомъ царѣ-защитникѣ слабыхъ и печальникѣ родной земли; онъ довелъ до сознанія правящаго класса необходимость допущенія свободы изслѣдованія въ области отвлеченно-философской мысли и необходимость соотвѣтствія правительственныхъ дѣйствій съ запросами дѣйствительной жизни; онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть гнета первыхъ лѣтъ правленія пропикнутыхъ римскими идеями императоровъ, для того, чтобы указать ихъ истинныя задачи послѣдующимъ; противупоставляя силу безпочвеннымъ притязаніямъ монарховъ западниковъ, въ тоже время онъ съумѣлъ выказать себя глубоко благодарнымъ тѣмъ изъ своихъ государей, кто хотя немного приближался къ его идеаламъ національнализма. Непосредственное вмѣшательство народа въ политику было явленіемъ многопричиннымъ: его вызывали неудовлетворенность религіозно-интеллектуальная въ широкомъ смыслѣ слова и неурядицы экономическія.

Одинъ изъ изслѣдователей византійскаго государственнаго права, выше нами цитированный Пайяръ, между прочимъ, доказываетъ, что соціальный антагонизмъ былъ чуждъ населенію

*) Ibid I, 301.

городовъ греко-римской имперіи *). Намъ кажется, напротивъ; непрерывное стремленіе τῶν δυνατῶν увеличить свое благосостояніе на счетъ τῶν πενετῶν, какъ извѣстно, красной нитью проскальзываетъ черезъ всю исторію Византіи. Духовенство и высшее сословіе, питаясь милостями двора въ томъ случаѣ, когда послѣдній держался западническихъ взглядовъ, оказывало свою поддержку народу только въ крайнихъ случаяхъ, когда счастіе очевиднымъ образомъ клонилось въ его пользу, но съ другой стороны посредствомъ агитаторства пользовалось имъ, какъ орудіемъ для своихъ своекорыстныхъ цѣлей. То или другое отношеніе монарха къ имущимъ и неимущимъ опредѣляло его популярность или непопулярность наравнѣ съ другими многообразными причинами.

Точно также, повидимому вполнѣ ошибочно, большинство изслѣдователей полагаетъ, что причиной частыхъ народныхъ волненій прежде всего были причины религіознаго свойства. «Стоило ему (духовенству) заподозрить православіе императора— и революція была готова, говоритъ между прочимъ Надлеръ **). На самомъ дѣлѣ, при переворотахъ очень часто поводы исповѣдные только привходили къ другимъ болѣе существеннымъ и общежитейскимъ. Валентъ былъ открытый аріанинъ; Анастасій I, царствовавшій двадцать семь лѣтъ (491—518), придерживался ереси Евтихія и гналъ православныхъ; Филиппикъ принадлежалъ къ сектѣ моноѳелитовъ; о религіозныхъ убѣжденіяхъ Льва III, (717—741), Константина Копронима (741—775), Льва IV (775—780), Льва V (813—820), Ѳеофила (829—842), нечего и распространяться; самъ Мануилъ Комнинъ, отцомъ наученный политикѣ осторожности, оказался стоящимъ во главѣ новаго исповѣднаго ученія и никого, кромѣ небольшой кучки духовенства, противъ себя не возбудилъ.

Очевидно народъ охотно былъ готовъ терпѣть императора еретика въ томъ случаѣ, если тотъ былъ храбръ на войнѣ,

*) Alphonse Paillard, 339.

**) Юстиніанъ и партіи цирка, 14.

кротокъ въ обращеніи съ подданными, не мучилъ ихъ несправедливыми поборами, возвышалъ правосудіе, не воздвигалъ религіозныхъ гоненій, обуздывалъ чиновничество и знать.

Замѣчательно, что наиболѣе острые взрывы народнаго недовольства выпадали на долю вполнѣ правовѣрно благочестивыхъ императоровъ: Юстиніана I, Ирины, Михаила Стратіотика, Маріи вдовы Мануила, Андроника Комнина и другихъ. Народъ самъ не складывался въ организованныя политическія партіи; интересы его обыкновенно представляли интеллигенты народники, широко понимавшіе свои задачи. Лично народъ выступалъ лишь тогда, когда его задѣвали матерьяльно: причина народныхъ волненій при Юстиніанѣ на лицо; насилія голубыхъ и грабительство Трибоніана съ Іоанномъ Каппадокійскимъ; ненависть къ Иринѣ сложилась подъ вліяніемъ невыносимыхъ поборовъ ея преданныхъ слугъ; враждебныя чувства къ Стратіотику возбудились въ виду его безтолковой щедрости къ своимъ любимцамъ и т. д.

Отсюда видно, что злонамѣренная безпечность самихъ правителей вовлекала населеніе въ политическую игру и такимъ образомъ подрывала уваженіе и увѣренность во власти помимо поводовъ къ тому чисто религіознаго свойства. Значеніе и вліяніе константинопольскихъ горожанъ возрасли на почвѣ защиты нуждъ народнаго благосостоянія, безопасности и правильнаго завѣдыванія общественной казной, нуждъ, подлежащихъ цѣликомъ вѣдѣнію организма управленія, но заброшенныхъ послѣднимъ во весь долгій періодъ первыхъ вѣковъ существованія Византіи. Собственно говоря, константинопольскій народъ, равно какъ и населеніе прочихъ городовъ византійской имперіи, по природѣ своей не обладалъ склонностью къ политикѣ; съ одной стороны, этому мѣшалъ отвлеченный складъ его мышленія, съ другой—недостатокъ того, что аѳиняне называли досугомъ σχολή. Византіецъ былъ рабочимъ человѣкомъ, прежде всего. Хоніатъ, ставя обитателю Константинополя въ укоръ частыя возмущенія, предполагаетъ,

что отъ усиленнаго занятія всевозможными ремеслами онъ съ теченіемъ времени потерялъ всякій здравый смыслъ въ отношеніи разумѣнія государственныхъ дѣлъ. Да это и не было призваніемъ византійскаго горожанина упражнять свой смыслъ въ дѣлахъ общественнаго устроенія. Восточный грекъ разумно думалъ, что для вопросовъ политики существуютъ спеціалисты, которые должны также честно относиться къ своему ремеслу, управленію, и отдавать ему всѣ свои силы, какъ дѣлалъ это самъ управляемый гражданинъ за своимъ станкомъ. Выступать на арену политической дѣятельности его вынуждали, независимо отъ имѣвшагося умѣнья и охоты къ тому. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчательно ли то обстоятельство, что народъ наконецъ вполнѣ присвоивъ себѣ право созданія императоровъ и непосредственнаго контроля надъ дѣйствіями правительства, никогда не выбиралъ на престолъ представителя своего сословія; наоборотъ, онъ всегда отдавалъ предпочтеніе или испытанному воину или гражданскому сановнику, внутренне чувствуя весь аристократизмъ правительственной дѣятельности, нуждающейся въ высшихъ порывахъ души и нарочитой подготовкѣ.

Вначалѣ, когда еще не была выяснена вся степень отвѣтственности верховнаго представителя государства передъ лицомъ подданныхъ, народу не представлялось недостатка въ кандидатахъ: всякій честолюбивый проходимецъ мечталъ о коронѣ и любезно предлагалъ свои услуги нуждающимся въ немъ гражданамъ; но впослѣдствіи далеко не безопасное, лишенное прежняго блеска императорство, начало терять претендентовъ; чаще стали повторяться отказы отъ предлагаемой короны въ особенности со стороны людей, дѣйствительно заслуживавшихъ уваженія. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ *) выборы новаго императора, въ царствованіе насильно возведеннаго латинянами Исаака Ангела, когда населеніе сознало, что кромѣ угне-

*) Хоніатъ, II, 206.

тенія и поруганія отъ существующаго правительства ничего не добьешься: «въ великой церкви составилось необычайно громадное собраніе. Силою заставили явиться сюда сенатъ, соборъ архіереевъ и почетное духовенство для обсужденія вопроса о выборѣ новаго царя... Заправители горячо занялись пріисканіемъ желаннаго государя и безъ всякихъ предварительныхъ соображеній предлагали въ императоры то одного, то другого изъ высшей знати. Забраковавъ всю знать, они начали выбирать въ цари коноводовъ черни, народныхъ льстецовъ и даже нѣкоторыхъ изъ нашего сословія (высшихъ чиновниковъ): схватятъ за руку, вытащатъ на средину и съ обнаженными мечами въ рукахъ начнутъ убѣждать идти въ вѣнценосцы».

Поучительно при этомъ, что въ самыя тяжелыя минуты политической жизни, послѣ ряда горькихъ разочарованій, константинопольскій народъ ни разу не измѣнилъ принципу монархіи и не задумалъ учредить республику. Такъ высокъ былъ въ глазахъ византійца созданный имъ отвлеченный идеалъ царя.

§ 2. Доли участія различныхъ сословій въ дѣлѣ избранія правителя.

Дѣйствующими лицами во всѣхъ крупныхъ явленіяхъ государственной жизни Византіи мы видѣли главнымъ образомъ три сословія: народъ въ смыслѣ горожанъ, сенатъ и войско; духовенство обыкновенно привходило въ качествѣ второстепеннаго, съ внѣшней стороны элемента. Внутреннее его вліяніе, подчасъ очень глубокое, всетаки всегда оставалось закулиснымъ, скрытымъ отъ глазъ и не поддающимся точной формулировкѣ.

I. Сенатъ. Сенату принадлежало право назначенія кандидата въ императоры, хотя правило это невсегда строго охранялось. Во всякомъ случаѣ, въ особенности въ началѣ имперіи сенаторамъ предоставлялось подъ страхомъ народнаго неудовольствія озаботиться и пріисканіемъ достойнаго

преемника покинувшему престолъ императору: «поспѣшимъ, говорили сенаторы отказывавшемуся отъ короны племяннику Юліана,—если завтра народъ, проснувшись, узнаетъ, что государя болѣе не существуетъ, мы погибли».

Рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что въ большинствѣ случаевъ народъ охотно довѣрялъ сенату и въ крикахъ выраженномъ согласіи одобрялъ его выборъ. Насколько, въ свою очередь, сенатъ добросовѣстно пользовался врученной ему властью, это вопросъ другого рода. Не обинуясь можно сказать, что высшее въ имперіи правительственное мѣсто мало помышляло о государственныхъ пользахъ, когда рекомендовало народному вниманію по большей части безличныхъ и бездушныхъ куколъ придворно-дворянской интриги.

Для характеристики условій избранія византійскихъ императоровъ, нужно замѣтить, что вліятельный сенатъ Византіи никогда не являлся выразителемъ интересовъ общегосударственныхъ, какъ это, казалось, можно было бы ожидать отъ болѣе или менѣе самостоятельнаго учрежденія. Вся дѣятельность сената въ греко-римской имперіи отмѣчена необычайной угодливостью по отношенію вліятельныхъ лицъ и постояннымъ представительствомъ интересовъ сильнѣйшихъ классовъ. Объясняется также поведеніе сената тѣмъ, что, пополняясь главнымъ образомъ членами высшаго сословія и соблюдая выгоды послѣдняго, онъ въ тоже самое время соблюдалъ свои. Вліяніе сената на государственныя дѣла было вліяніемъ двора и знати, права перваго правами вторыхъ. Поэтому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о той или другой политикѣ сената, необходимо видѣть въ ней отраженіе стремленій только одной опредѣленной части общества.

Пользуясь духовной слабостью преемниковъ Константина Великаго, византійская знать впитала въ себя олигархическія тенденціи. Для нея императоръ былъ нуженъ только въ качествѣ ширмы, за которой безнаказанно она могла наслаждаться выгодами своего положенія и обдѣлывать темныя дѣ-

лишки. Ей не требовалось сущности монархіи, ей была нужна только внѣшность послѣдней. Сенатъ же пребывалъ всегда солидарнымъ со своимъ руководителемъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ выставленное положеніе. Императоръ Левъ I (457—474) былъ избранъ сенатомъ въ кандидаты на престолъ подъ непосредственнымъ давленіемъ патриція Аспара, предполагавшаго стать монархомъ de facto, оставивъ внѣшнюю обстановку императорства дѣйствительному государю. Аспаръ и сенатъ ошиблись въ разсчетахъ; Левъ I выказалъ большую наклонность къ самоопредѣленію, но фактъ избранія императора, долженствовавшаго царствовать для благополучія небольшого кружка гражданъ, на лицо. Съ той же цѣлью фактическаго управленія имперіей Верина, вдова Льва склонила сенатъ избрать легкомысленнаго, ничтожнаго Зенона. Разсердившись на Зенона за неисполненіе какого-то каприза, императрица убѣдила сенатъ передать корону столь же ничтожному Василиску, несмотря на то, что законный государь пребывалъ на престолѣ. Преданія римскаго двоевластія представляли прецеденты для установленія діархіи въ Византіи.

Послѣ смерти Анастасія Перваго проискъ временщика Амантія поспособствовалъ тому, что въ императоры при помощи сената чуть было не попалъ нѣкій Ѳеокритъ, личный секретарь или управляющій Амантія. Только хитрость Юстина, воспользовавшагося данными ему для подкупа сенаторовъ и солдатъ деньгами для агитаціи въ своихъ интересахъ, разстроила смѣлый замыселъ византійскаго вельможи.

Сенаторы, выбирая въ монархи лицъ, угодныхъ имъ самимъ и правящимъ классамъ, преслѣдовали двойную цѣль. Они обезпечивали себѣ сложныя выгоды въ настоящемъ и въ будущемъ. Такъ прежде всего имъ оказывали вещественные знаки вниманія сторонники кандидатовъ на престолъ съ одной стороны, а съ другой ихъ ожидала благодарность самого вновь избраннаго государя. Нѣкоторые изъ византійскихъ импера-

торовъ не считали нужнымъ даже соблюдать приличія въ отношеніи проявленія благодарности благодѣтелямъ. Михаилъ Ранкабе́, обязанный своимъ возвышеніемъ сенаторамъ, патріарху и высшимъ чинамъ имперіи, ознаменовалъ свое царствованіе прежде всего щедрыми денежными подарками въ пользу вышеозначенныхъ лицъ, а затѣмъ уже въ угоду имъ же приступилъ къ подавленію всякихъ національностическихъ движеній.

Вглядываясь въ дѣйствія сената относительно выбора императоровъ можно съ увѣренностью высказать то положеніе, что, за рѣдкими исключеніями, выставляемые имъ кандидаты являлись народнымъ бѣдствіемъ и яркими представителями романскихъ правительственныхъ преданій. Помимо названныхъ выше государей сенатскими ставленниками указаннаго образца были: Юстиніанъ I, Никифоръ Фока, Михаилъ Пафлагонянинъ, Михаилъ Стратіотикъ и др. Правленіе этихъ людей отмѣчало собой самыя тяжелыя эпохи въ жизни грекоовосточной имперіи, знаменуемыя грабительствомъ чиновниковъ, непосильной тяготой налоговъ, господствомъ евнуховъ, женщинъ и монаховъ.

Народъ постоянно волновался въ годы царствованія поименованныхъ императоровъ, но сенатъ находилъ ихъ политику вполнѣ нормальной и, когда его избранникъ противъ ожиданія выказывалъ какіе бы то ни было признаки самостоятельности и духовнаго благородства, отцы имперіи возможно скорѣе стремились отдѣлаться отъ безпокойнаго повелителя. Такъ, напримѣръ, когда по смерти чистокровнаго западника Константина Дуки, оставившаго престолъ своей женѣ Евдокіи, утомленный народъ потребовалъ избранія мужа императрицѣ, и избранный сенатомъ Романъ Аргиръ оказался не жалкой пѣшкой, а дѣятельнымъ, способнымъ и благожелательнымъ радѣтелемъ о государственныхъ интересахъ, Евдокія вмѣстѣ съ сенаторами воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, плѣномъ Аргира, для того, чтобы объявить его смѣщеннымъ съ

престола и всякія попытки бывшаго государя вернуть себѣ утраченный санъ заклеймить именемъ государственной измѣны *).

Высшіе классы имперіи, конечно, далеко не поголовно погрязали въ своекорыстныхъ интересахъ господства; обогащенія и всяческой распущенности. Бѣднякъ силою обстоятельствъ въ борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба принижается духовно и отстаетъ въ умственномъ отношеніи отъ зажиточнаго человѣка, которому за досугомъ и достаткомъ открыты сокровищницы мысли и святилища искусства. Достаточному гражданину, при извѣстной степени одаренности натуры, легче отрѣшиться отъ житейской суеты и объять умственнымъ взоромъ широкіе міровые горизонты; тѣмъ болѣе ему легко разобраться въ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ и выяснить себѣ простѣйшіе законы ихъ взаимодѣйствія. Поэтому, помимо отдѣльныхъ единицъ, въ Византіи мы можемъ насчитать цѣлый рядъ знатныхъ фамилій, выдававшихся своими дарованіями и вызвышенностью образа мыслей: таковы, напримѣръ, были роды Комниновъ, Вранъ, Врієнніевъ, Кантакузиновъ, Палеологовъ. Но это лучшее меньшинство затиралось худшей массой, смотрѣвшей на благороднѣйшихъ членовъ своего сословія какъ на отщепенцевъ, которые должны быть по возможности устраняемы отъ вліянія на общественныя дѣла.

Сенатъ, имѣя подчасъ и въ средѣ собственнаго состава выдающихся людей, однако при выборѣ императора всегда склонялся на сторону всякаго ничтожества, не гонясь за тѣмъ, къ какому классу общества оно принадлежало. Мы уже имѣли случай указать, что Левъ I Ѳракіецъ служилъ управляющимъ у патриція Аспара; Зенонъ Траскилиссей, исаврянинъ по происхожденію, началъ карьеру простымъ солдатомъ и всѣ его государственныя заслуги исчерпывались женитьбой на дочери

*) Attal. 168—169.

Льва. Юстинъ былъ простой солдатъ, Юстиніанъ—пастухъ, Михаилъ Пафлагонянинъ—мѣняла, Михаилъ Калафатъ—судовщикъ. Очевидно, при выборѣ кандидатовъ на престолъ сенатъ не выдвигалъ на первый планъ сословныхъ предразсудковъ и искалъ только того, кто наиболѣе соотвѣтствовалъ его вѣками выработанной политикѣ.

Нельзя не замѣтить что подобный, образъ дѣйствій сената извращалъ природу монархіи вообще и шелъ въ разрѣзъ съ византійскими воззрѣніями на власть въ особенности. Сенаторы, какъ представители той группы, на сторону которой въ системѣ государственнаго равновѣсія выпало наиболѣе правъ, заботились только объ одномъ: о томъ, чтобы сохранить за собой матерьяльное, преобладающее положеніе. До остальнаго имъ не было дѣла. Византійскіе высшіе классы въ массѣ боялись всякихъ общественныхъ перемѣнъ, грозившихъ ихъ узко понимаемому благополучію. Они не вѣрили въ силу неудержимаго прогресса, полагая, что тотъ или другой порядокъ при принудительной охранѣ способенъ не подпасть вліянію времени, разрушающему даже гранитъ. Имѣя за собой опытъ долголѣтнихъ безнаказанно совершаемыхъ злоупотребленій, полагаясь въ отношеніи отвѣтственности на царя, какъ на громоотводъ въ моменты взрывовъ народнаго негодованія, οἱ δυνατοὶ вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрили въ прочность переданной Римомъ правительственной организаціи и преданность хорошо оплачиваемыхъ наемныхъ иноземныхъ солдатъ.

Въ психологіи массъ есть одна черта, которую вѣрно подмѣтили сторонники византійской олигархической тиранніи; эта черта—боязнь нарушенія существующаго порядка, признаніе силы, обаяніе ея могущества. Гражданинъ естественнымъ образомъ чувствуетъ и сознаетъ незыблемость основъ государственности и всегда готовъ подчиниться законной власти, но послѣдняя, будучи и незаконной, т.-е. не соотвѣтствующей въ дѣйствительности реально сложившемуся государственному равновѣсію, можетъ тѣмъ не менѣе искусственно упрочить свое

вліяніе. До времени жестокость, тщательное преслѣдованіе свободной мысли и непоколебимая выказываемая самоувѣренность могутъ подавить привычнаго къ повиновенію индивида и затмить его разсудокъ непреодолимымъ страхомъ. Гражданинъ въ этихъ случаяхъ теряетъ представленіе о дѣйствительномъ соотношеніи предъявляемыхъ требованій и ихъ реальной осуществимости. Онъ платитъ сполна по дутому векселю, полагаясь на воображаемую кредитоспособность индоссаторовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странное зрѣлище представляетъ стотысячная толпа, раболѣпствующая передъ какимъ нибудь полупомѣшаннымъ или даже вовсе сумашедшимъ Калигулой, нравственнымъ выродкомъ Нероном или простымъ глупцомъ Геліогабаломъ? Развѣ нельзя подобное, въ свою очередь, безумное самоотреченіе уподобить состоянію хронической паники, когда люди испытываютъ непреодолимый ужасъ передъ созданіемъ собственнаго воображенія или реагируютъ на гипнотическое внушеніе? Направляя дѣятельность императора только въ свою пользу, раззоряя государство, поставлявшій монарховъ византійскій сенатъ основался на той же психологіи и не ошибался въ разсчетѣ. Онъ имѣлъ случай убѣдиться, что всякихъ Зеноновъ, Василисковъ, Стратіотиковъ и Пафлагонянъ, народъ при встрѣчѣ осыпалъ благословеніями, несмотря на всю горечь годами накоплявшагося неудовольствія. До наступленія критической минуты, когда внезапно, иногда изъ-за пустяка, лопалась до нельзя натянутая струна народнаго повиновенія, постороннему наблюдателю, по внѣшности, трудно было бы отличить царствованіе любимаго государя отъ правленія ненавидимаго.

II. Духовенство. По взглядамъ своимъ на значеніе царя съ высшимъ сословіемъ вполнѣ совпадало духовенство, среди котораго лучшая часть стремилась къ духовной самостоятельности, худшая и къ физической. Обѣ стороны, равнымъ образомъ сходились въ стремленіи превратить монарха въ орудіе интересовъ своей группы и подавить всякую попытку со сто-

роны царя властно самостоятельно отнестись къ дѣламъ церковнаго управленія.

Благодаря привилегіямъ, пожалованнымъ рядомъ благочестивыхъ императоровъ, духовенство понемногу сложилось въ особое государство въ государствѣ, ревниво оберегавшее свои права отъ всякаго покушенія на нихъ со стороны свѣтской власти. Папистическія притязанія константинопольскихъ патріарховъ извѣстны; предъ ихъ глазами стоялъ соблазнительный примѣръ величія и самостоятельности римскаго первосвященника, къ которому они долгое время чувствовали родственное тяготѣніе. Вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ, большинство византійскаго духовенства, въ особенности монашествующаго, сочувствовало политикѣ сената и, по мѣрѣ силъ, при выборѣ императора оказывало со своей стороны соотвѣтствовавшее давленіе; поэтому не мудрено, что ставленники константинопольскаго сената и двора всегда выказывали особое пристрастіе къ западнически настроенной части духовенства и постоянно приближали къ себѣ ея представителей. Отсюда понятно, почему при Львѣ I появилась мода лицамъ высшаго сословія поступать въ монахи, не отказываясь отъ свѣтскихъ должностей. Основываясь на личныхъ симпатіяхъ государя, въ 462 г. Гратиссимъ, великій камергеръ, основалъ монастырь св. Киріака въ Константинополѣ, записался въ число иноковъ и по прежнему продолжалъ нести свои обязанности при дворѣ. Два года спустя Іоаннъ Винкомалъ, консулъ, надѣлъ монашеское платье, но не переставъ посѣщать засѣданій сената.

Монахи представляли собой любимое общество невѣжественнаго Михаила Пафлагонянина, при помощи ихъ надѣявшагося замолить тяжкія прегрѣшенія своей жизни. Громадныя суммы были израсходованы этимъ государемъ на построеніе храмовъ и монастырей. Въ царствованіе Михаила Стратіотика протосинкелъ Левъ Параспондилъ занималъ должность перваго министра. Нечего говорить, что при правительствѣ Зои, Ѳеодоры и Евдокіи духовенство было вообще въ большой че-

сти уже въ силу того, что всѣ византійскія матроны, не исключая императрицъ, всегда питали особую нѣжность къ евнухамъ, монахамъ и священникамъ.

Союзъ монашества былъ убѣжденнымъ врагомъ какихъ-бы то ни было общественныхъ новшествъ, если только они не заключались въ пріумноженіи его имуществъ или расширеніи его правъ. Опираясь на поддержку западнической партіи распущенные, своевольные византійскіе монахи, нагло пользуясь своимъ званіемъ, позволяли себѣ въ лицо оскорблять благороднѣйшихъ императоровъ-націоналистовъ, не отступая ни передъ какими средствами, чтобы удалить съ престола имъ неугоднаго государя. Исаакъ Комнинъ, рѣшительно объявившій себя врагомъ монашества, процарствовалъ только два года, несмотря на народное расположеніе, любовь войска и крѣпкое здоровье.

Итакъ, сенатъ и духовенство дѣйствовали заодно и руководились общими соображеніями при избраніи новаго монарха. Съ одной стороны въ лицѣ таковаго они стремились найти человѣка, не имѣвшаго возможности поднять руку на ихъ непомѣрно разроставшіяся преимущества, съ другой стороны ожидали отъ него дальнѣйшія богатыя и великія милости за оказанное содѣйствіе. Сильнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства въ отношеніи избранія новаго императора являлся обычай коронованія монарха патріархомъ, который очень часто бралъ на себя смѣлость отказывать въ этомъ обрядѣ тому или другому претенденту.

III. Городское сословіе. Горожане рѣдко собственными силами отыскивали себѣ императоровъ; главнымъ образомъ народу принадлежало право утвержденія ихъ на престолѣ и смѣщенія въ случаѣ общаго недовольства правителемъ. Личный выборъ народа, кстати сказать, почти никогда не былъ удаченъ. Избиратели не знали близко людей той среды, которая поставляла имъ государей.

Правленіе народныхъ избранниковъ по большей части

было кратковременно и неустойчиво. При первомъ смѣщеніи Юстиніана Ринотмета народъ возвелъ на тронъ Леонтія, правительствовавшаго три года. Анастасій II, избранный возставшимъ населеніемъ послѣ убіенія Юстиніана II и смѣщенія Филиппика, царствовалъ всего около трехъ лѣтъ. Нельзя утверждать, чтобы самый выборъ въ данномъ случаѣ былъ вполнѣ неудаченъ: Анастасій II, прежній Артемій, протоасикритъ, владѣлъ многими качествами хорошаго государя, но съ момента его восшествія на престолъ онъ открыто высказался въ пользу консервативной партіи и даже назначилъ начальникомъ одной морской экспедиціи противъ арабовъ дьякона св. Софіи, что породило неудовольствіе свободомыслящихъ и подготовило возвышеніе Льва Исаврійца.

Михаилъ Косноязычный, лишь до извѣстной степени избранникъ народа, при помощи еретиковъ и иконоборцевъ прочно утвердившись въ своемъ санѣ, выказалъ, однако, глубокое пониманіе задачъ правительства во время возмущенія Ѳомы (823 г.) Этотъ государь оправдалъ народное къ нему довѣріе и явился однимъ изъ рѣдкихъ счастливыхъ исключеній изъ числа остальныхъ императоровъ, возведенныхъ на престолъ непосредственно горожанами. Желанный народомъ Андроникъ Комнинъ, несмотря на свои заботы о благосостояніи государства, проявилъ ничѣмъ не оправдываемую подозрительность и почти нечеловѣческую жестокость. Царствованіе его, продолжавшееся почти два года, вызвало бурю негодованія даже со стороны тѣхъ, кои въ правленіе Алексѣя II считали его отцомъ отечества и сожигали ему въ угоду живыхъ людей. Исаакъ II, натворившій множество бѣдъ въ девятилѣтній промежутокъ императорства, по своимъ недостаткамъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ даже ставленниковъ сената и двора. Николай Канавосъ пребывалъ императоромъ всего нѣсколько дней, подобно несчастному Ипатію, нѣкогда избранному мятежниками на мѣсто Юстиніана I.

Нельзя не замѣтить въ данномъ случаѣ, что смуты, во время

которыхъ горожане выступали въ качествѣ избирателя, конечно, не представлялись удобнымъ моментомъ для выполненія столь сложнаго и важнаго дѣла, какъ избраніе верховнаго правителя государства; между тѣмъ, народъ активно осуществлялъ свои суверенныя права всегда лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ и поэтому къ естественной трудности прибавлялъ лихорадочное настроеніе критической минуты.

За отсутствіемъ правильной политической жизни, при смѣшеніи самыхъ разнообразныхъ началъ въ управленіи, населеніе не имѣло возможности оріентироваться, какъ слѣдуетъ, въ вопросѣ императорскаго преемства, и если при сенаторско-патріаршемъ избраніи дѣломъ руководилъ злонамѣренный разсчетъ, то при народномъ—главную роль играла слѣпая случайность. Въ моментъ выборовъ народъ не думалъ, а только чувствовалъ. По этому повидимому, лучшей рекомендаціей для кандидата въ императоры въ глазахъ горожанъ избирателей была не воинская опытность, не доблесть гражданская, а красивая наружность и перенесенныя несчастія *). Видъ отягощеннаго цѣпями Михаила Косноязычнаго произвелъ на народъ глубокое впечатлѣніе, и заставилъ его единогласно провозгласить царемъ страдальца. Во время мятежа противъ регентши, вдовы Мануила Комнина, народъ въ поискахъ правителя постоянно обращалъ взоры на Андроника, привлекаемый славой его изгнаннической жизни и внушительной наружностью. Никита Хоніатъ *) передаетъ, что константинопольцы толпами переправлялись въ Халкидонъ, являлись къ Андронику, удивлялись его росту, величественной красотѣ и упивались медоточивостью его рѣчей.

Въ день возмущенія противъ Андроника, въ минуту общаго замѣшательства, одинъ изъ Дукъ, старикъ, снялъ шляпу и просилъ его увѣнчать діадимой. Народъ съ насмѣшками отвергъ просьбу, издѣваясь надъ голымъ черепомъ Дуки и

*) Византійскіе историки. Хоніатъ, I, 435.

длинной острой бородой; румяный, свѣтловолосый, стройный, молодой Исаакъ Ангелъ, окруженный ореоломъ преслѣдованій со стороны низверженнаго императора, представился мятежникамъ болѣе достойнымъ короны, нежели старый, сгорбленный, плѣшивый Дука.

Красота и несчастіе неудержимо привлекали къ себѣ эстетика византійца. Въ разговорахъ съ Алексѣемъ Ангеломъ обитатели города Меланги, не скрывавшіе своего сочувствія самозванцу Лже-Алексѣю III, слѣдующимъ образомъ отзывались о немъ въ присутствіи царя: «государь, ты самъ полюбилъ-бы этого человѣка, если-бы поглядѣлъ на него. Его длинные огненные волосы какъ будто усыпаны блестками золота; онъ отличнаго роста и такой превосходный наѣздникъ, что какъ будто прикованъ къ сѣдлу *). Кедринъ, выражая порицаніе тому, что Никифоръ короновалъ своего сына Ставракія, замѣчаетъ: «Σταυράκιον, ἀποίητον ὄντα τῇ τε ἰδέᾳ καὶ γνώμῃ καὶ ῥώμῃ (II, 33). Лже-Алексѣй II, выдававшій себя за сына Мануила Комнина, точно также всѣхъ плѣнялъ прекрасной наружностью и разсказами о перенесенныхъ несчастіяхъ. При Исаакѣ Ангелѣ существовалъ еще другой самозванецъ того-же имени, лже-Алексѣй I, точно также выдающійся красавецъ. Севастократоръ Алексѣй, когда ему принесли отрубленную голову предательски убитаго самозванца, похлесталъ бичемъ ея золотистые длинные волосы и произнесъ: «не безъ основанія этому человѣку сдавались города» **). Такимъ образомъ въ дѣлѣ выбора главы государства византійцы были склонны придавать болѣе значенія внѣшнимъ, нежели внутреннимъ качествамъ будущаго императора. Восточный эллинъ, подобно своимъ предкамъ древней Эллады, привыкъ соединять въ своемъ представленіи разумъ, добро и красоту. Онъ былъ мечтатель и идеалистъ по природѣ и потому суро-

*) Ibid. II, 152.
**) Ibid. II, 89.

вая римская дѣйствительность вліяла на него гибельнѣе, чѣмъ на представителей другихъ народностей.

IV. Войско. Кромѣ сената съ дворомъ и духовенствомъ и городского населенія, кандидатовъ въ императоры выставляло въ Византіи войско. Вліяніе арміи на внутреннюю политику чувствовалось въ восточно - греческой имперіи, точно также и въ Римѣ, но характеръ этого вліянія на востокѣ рѣзко отличался отъ такового-же на западѣ. Римскіе легіоны присвоили себѣ исключительную власть избранія и провозглашенія императоровъ, сведя согласіе сената и народа къ пустой, ничего не значившей формальности.

Проницательный и остроумный изслѣдователь положенія римской имперіи временъ упадка, Гиббонъ, *) съ поразительной ясностью разобрался въ причинахъ необычайнаго могущества, котораго достигли императорскіе преторіанцы, въ идеѣ предназначавшіеся охранять императора въ его столкновеніяхъ съ народомъ, а на дѣлѣ превратившіе монарха въ игрушку собственнаго своеволія. Въ значительныхъ государствахъ стройная, дисциплинированная армія является неотразимой силой. Сотня вооруженныхъ приверженцевъ, плохая охрана противъ нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, но сто тысячъ хорошо дисциплинированныхъ солдатъ свободно могутъ повелѣвать десятью милліонами подданныхъ, а отрядъ изъ полутора десятка отборныхъ гвардейцевъ можетъ держать въ страхѣ многочисленное населеніе какой угодно столицы въ томъ случаѣ, если за нимъ стоитъ армія.

Въ обычномъ состояніи спокойствія, масса склонна къ безусловному повиновенію; для противоборства въ средѣ ея нѣтъ постоянной ее объединяющей дисциплины, которая живетъ въ душѣ каждаго солдата. Подъемъ духа толпы—это настроеніе минуты, разбивающееся о хладнокровіе испытаннаго бойца. Августъ на основаніи личнаго опыта и примѣра Цезаря,

*) I, 141.

первый проникъ въ тайну значенія войска, въ состояніи мирнаго времени. Онъ умышленно терроризировалъ городъ, введя гвардейцевъ внутрь стѣнъ, во дворецъ, въ сенатъ. Цѣль устрашенія гражданъ была достигнута императоромъ, но въ свою очередь пагубныя для верховной власти послѣдствія нововведенія не замедлили сказаться при установленіи новаго порядка вещей. Не долго пришлось ожидать, чтобы само одушевленное орудіе императорской воли сознало свою непреоборимую мощь, а отсюда оставался только одинъ шагъ до того, чтобы презрѣніе преторіанцевъ съ народа и высшихъ чиновъ государства распространилось и на особу монарха.

Что могъ онъ одинъ тамъ, гдѣ безпрекословно склонялись сотни тысячъ? Гвардія превратила императора въ игрушку своего произвола и въ средство личной наживы. Послѣ звѣрскаго убійства Пертинакса преторіанцы устроили продажу съ торговъ императорскаго достоинства. За дворцовой гвардіей протянули руку къ коронѣ компактные провинціальные легіоны, и тираннія солдатъ наполнила ужасомъ всю имперію.

Константинъ Великій отлично понималъ всю неестественность подобнаго положенія. И потому первой его заботой послѣ перенесенія столицы изъ Рима въ Византію было ослабленіе гибельнаго вліянія своевольной и распущенной арміи на дѣла внутренняго управленія и преемство престола. Одинъ пристрастный писатель прошлаго столѣтія, Pilati *) относитъ всѣ послѣдующія несчастія греко-восточной имперіи на счетъ преобразованій, предпринятыхъ Константиномъ. Если въ чемъ нибудь и можно было винить названнаго императора, по нашему мнѣнію, такъ только въ томъ, что, начиная реформу, онъ коснулся исключительно внѣшности римской системы и не затронулъ ея содержанія.

Народъ насильникъ-властитель, римляне, постоянно только

*) Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement, les lois et l'ésprit humain après la conversion de Constantin jusqu'á la chute de l'empire d'Occident. La Haye. 1783.

тѣмъ въ политической сферѣ и занимался, что постепенно концентрировалъ власть, собравъ, наконецъ, ее всю въ одномъ лицѣ цезаря. Въ корнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, происхожденіе римской монархіи не отличается отъ таковаго во всѣхъ государствахъ. Народъ, нисшіе классы, измученные многовѣковой борьбой съ высшими, съ радостью отдались подъ покровительство державнаго посредника. Но воспитанные на желѣзѣ и крови императоры Рима не осуществили идеала и возлагавшихся на нихъ надеждъ. Правда, какъ бы въ интересахъ народа они шагъ за шагомъ сокрушили крѣпко сплотившуюся республиканскую знать, но этотъ пріемъ былъ только ступенью къ порабощенію всѣхъ гражданъ безъ различія. Опираясь на народъ, римскіе императоры взяли верхъ надъ высшимъ сословіемъ, съ помощью солдатъ они подавили и то и другое. Повелители Рима выработали идею властвованія для властвованія. Пресытясь земнымъ величіемъ, они, не стѣсняясь, дерзнули потребовать и небеснаго.

Долгое время армія для римскихъ императоровъ была единственнымъ препятствіемъ на пути къ абсолютно безграничному владычеству. Константинъ постарался сломить и эту преграду, опершись на новыхъ преданныхъ и малотребовательныхъ союзниковъ, христіанъ. Политика предшественниковъ Константина заключалась, по вѣрному замѣчанію Тьерри *), въ кумуляціи различныхъ раздробленныхъ функцій власти на особѣ монарха: отсюда возникло консульство безъ консуловъ, трибунатъ безъ трибуновъ, цензура безъ цензоровъ, и проч. Что же касается силы и значенія арміи, то императорамъ ни отвлеченно, ни вещественно не предоставлялось возможнымъ перенести ихъ на себя. Могущество солдатъ приходилось ослаблять другимъ способомъ, именно дробленіемъ ихъ массъ.

Слѣдуя еще Діоклетіаномъ намѣченному плану, Константинъ раскассировалъ преторіанскую гвардію, отнялъ воинскую

*) Mémoire sur l'organisation centrale dans l'empire Romain. Revue de législation. 1843, 257.

власть и у ихъ начальниковъ-префектовъ преторіума, оставивъ названнымъ сановникамъ въ рукахъ только отрасли судебно-гражданскаго и финансоваго управленія; онъ увеличилъ самое число преторовъ съ двухъ на четыре, сообразно дѣленію имперіи на префектуры. Начальствованіе надъ военными силами императоръ также раздѣлилъ между двумя лицами: во главѣ кавалеріи поэтому сталъ magister equitum, высшее завѣдываніе пѣхотою принялъ magister peditum; при всемъ этомъ оба сановника по табели о рангахъ оказались ниже многихъ гражданскихъ чиновъ. Ѳеодосій Великій еще болѣе увеличилъ число военныхъ начальниковъ, создавъ двухъ magistri militum praesentales, всегда присутствовавшихъ при императорѣ, и многихъ мѣстныхъ главнокомандующихъ, какъ напримѣръ magister per Orientem, magister per Thracias, per Illyricum, и проч. *).

Предпринятое дробленіе и ослабленіе арміи достигло предположенныхъ послѣдствій. Вліяніе солдатъ было подавлено совершенно. Они превратились на время въ прежнее послушное орудіе императорской воли, и въ исторіи настало нѣсколько мгновеній, когда императоры могли считать себя свободными отъ какихъ бы то ни было стѣсненій. Эпоха эта настала вскорѣ послѣ реализаціи преобразовательныхъ замысловъ Константина. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ обратился къ солдатамъ, требовавшимъ назначенія соправителя, уже Валентиніанъ, государь, только что избранный министрами и генералами: «нѣсколько минутъ тому назадъ отъ васъ, мои ратные товарищи, зависѣло меня оставить въ моей скромной неизвѣстности. Заключивъ по моей прошлой жизни, что я достоинъ верховной власти, вы возвели меня на престолъ. Теперь уже ни на комъ другомъ, но только на мнѣ лежитъ обязанность заботиться о безопасности и интересахъ республики... Идите же по вашимъ квартирамъ, освѣжите вашъ умъ

*) Mortreuil. III, 117.

и физическія силы и ожидайте обычныхъ подарковъ по поводу восшествія *) на престолъ новаго императора». Гнѣвные ранѣе возгласы войска послѣ этой рѣчи сразу перешли въ покорность и повиновеніе. Очевидно, времена господства солдатъ тогда уже рушились. Теперь нельзя было воздѣйствовать на императора по усмотрѣнію; приходилось покоряться и молчать или кликами выражать радость.

Обаяніе императорской власти осталось незыблемымъ, несмотря на ослабленіе его главной подпоры арміи. Тронъ началъ передаваться преемственно императорами потомству или пріемнымъ сыновьямъ. На время въ обѣихъ частяхъ имперіи воцарилось относительное спокойствіе. Правда, какъ бы въ видѣ отзвуковъ прошлаго и на западѣ и на востокѣ то тамъ, то сямъ вспыхивали возстанія. Подъ вліяніемъ преданій старины разные честолюбивые полководцы пытались время отъ времени добиться верховной власти, но напрасно. Ихъ начинанія рушились какъ бы сами собою. Прокопій, возставшій въ царствованіе Валентиніана и Валента, былъ выданъ собственными приверженцами и казненъ, несмотря на то, что законные государи уже трепетали за свою власть. Максимъ, добившійся даже вѣроломнаго убійства императора Граціана послѣ пораженія поплатился жизнью за свою смѣлость; тѣмъ же кончили узурпаторы Евгеній и Іоаннъ. Со смертью послѣдняго вспышки мятежей отдѣльныхъ претендентовъ, опиравшихся на солдатъ, совершенно прекратились на продолжительный срокъ. Что имперію охраняло не что иное, какъ прочно установившійся авторитетъ императорской власти, поддерживаемый нововведеніями Константина, доказываетъ то обстоятельство, что большинство императоровъ этого періода въ качествѣ политическихъ дѣятелей оказывалось ниже посредственности и не отличалось даже необходимой для государей твердостью духа. Такъ, напримѣръ, Валентъ, какъ только услышалъ о возстаніи Прокопія, тотчасъ же пришелъ въ отчаяніе,

*) Гиббонъ. III, 70.

вознамѣрился вступить въ переговоры съ мятежникомъ и отречься отъ престола; отъ этого позорнаго поступка удержала его единственно твердость министровъ; обладавшій только способностью добропорядочнаго метанья дротика Граціанъ постыдно бѣжалъ при приближеніи Максима. Ничтожество Аркадія слишкомъ извѣстно для того, чтобы на немъ нужно было бы останавливаться.

И между тѣмъ у всѣхъ этихъ людей всегда находились исполнители, головой стоявшіе выше своихъ повелителей и вмѣстѣ съ тѣмъ за честь считавшіе подчиненіе безличнымъ монархамъ, передъ которыми въ то же время трепетали милліоны народа и почти попрежнему были готовы воздавать имъ божескія почести. Знаменательно, что, начиная съ царствованія Валентиніана вплоть до Маврикія, армія ни разу не выставила своего кандидата на престолъ; значитъ, на триста тридцать восемь лѣтъ ее удалила съ политическаго поприща предусмотрительная дальновидность Константина, на помощь которой пришли также измѣнившіяся условія общественной жизни. Благодаря преобразованіямъ отчасти Діоклетіана, но главнымъ образомъ Константина, государственное устройство римской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и византійской имперіи потерпѣло коренныя измѣненія. Тираннія солдатъ рушилась безповоротно. Въ отличіе отъ прежняго преторіанскаго лагеря дворецъ и особа императора теперь охранялись небольшими, но отборными отрядами испытанныхъ въ вѣрности тѣлохранителей. Войска не располагались болѣе массами на границахъ а обыкновенно разбитыя на отдѣльныя дивизіи сливались въ корпуса только на время военныхъ дѣйствій. Старинные массивные легіоны замѣнились легкими подвижными когортами. Исконное римское дѣленіе военныхъ должностныхъ лицъ на легатовъ, трибуновъ, центуріоновъ уступило мѣсто новой чиновной градаціи, предоставлявшей широкое поприще человѣческому честолюбію. Соревнованіе и повиновеніе вытѣснили прежнюю товарищескую сплоченность и единодушіе.

Въ большой степени оказалъ свое вліяніе и крайне пестрый составъ арміи, рѣзко отличавшійся отъ того времени, когда большинство солдатъ по происхожденію были коренными римлянами или, по крайней мѣрѣ, латинами. Отъ Рима Византіи передалось только военное искусство, которое, однако, точно также постоянно обогащалось новыми пріемами, заимствуемыми у тѣхъ или другихъ воинственныхъ народностей. Нечего говорить, что на востокѣ когорты всегда лишь въ слабой степени наполнялись чисто греческими элементами: почти съ первыхъ лѣтъ самостоятельнаго существованія восточной имперіи рекрутовъ ей начали поставлять преимущественно Ѳракія, Иллирія, Македонія, Исаврія, Каппадокія. Старо-римскій пріемъ привлекать на военную службу пограничныхъ враждебныхъ варваровъ принятъ былъ и Византіей. Такъ, напримѣръ, Валентъ поселилъ на границу своей имперіи громадныя полчища готовъ. Впослѣдствіи на окраинахъ начали селиться многочисленныя славянскія племена. Точно также очень рано Византія начала практиковать прямой наемъ всевозможныхъ варварскихъ народностей, какъ напримѣръ скиѳовъ, гунновъ, болгаръ, геруловъ, гепидовъ. Всѣ люди эти, привыкшіе къ безусловному повиновенію, привязывавшіеся къ своимъ вождямъ, отчасти ослѣпленные величіемъ имперіи, лишенные всякихъ родственныхъ и иныхъ связей съ мѣстнымъ кореннымъ населеніемъ служили прекрасной опорой господствовавшаго порядка.

Находясь вдалекѣ отъ центра, византійскія войска четвертаго, пятаго и даже шестого вѣка не имѣли ясныхъ и точныхъ представленій о дѣйствительномъ положеніи имперіи. Имъ было неизвѣстно тайное и явное воздѣйствіе на государей презрѣнныхъ евнуховъ, вліяніе женщинъ, продажность сената. Да, впрочемъ, таковой же продажной доблести этихъ наемниковъ и дѣла никакого не было до сферъ высшаго управленія, пока имъ заботливо и хорошо платили. Войска столицы отчасти имѣли отношеніе къ перемѣнамъ, происходившимъ на

престолѣ, получая вмѣстѣ съ сенаторами и народомъ опредѣленные подарки по случаю восшествія каждаго новаго императора, но выражать то или другое мнѣніе по поводу выбора власть имѣющихъ они долго не рѣшались.

Переворотъ въ обстоятельствахъ въ Византіи въ противность Риму произведенъ самимъ народомъ. Партіи цирка, чуть было не свергнувшія Юстиніана, добились исключительныхъ вольностей и продолжали тревожить государство.

Понемногу вольномысліе гражданъ передалось и солдатамъ, уразумѣвшимъ выгоды, слѣдовавшія за смѣщеніемъ того или другого монарха. Когда зеленые открыто выразили свое неудовольствіе противъ Маркіана, ихъ поддержало войско. Рядъ военныхъ неудачъ этого императора въ Болгаріи уже ранѣе возбудилъ противъ него солдатъ. При первомъ удобномъ случаѣ дунайская армія отказалась ему повиноваться; воины составили сходку, по старинному обычаю подняли на щитѣ простого центуріона Фоку и по общему рѣшенію двинулись къ Константинополю. Зеленые поддержали избранника солдатъ. Бѣгство Маврикія обезпечило счастливому центуріону полный успѣхъ побѣды, и онъ оказался первымъ императоромъ Византіи, восшедшимъ на престолъ при содѣйствіи мятежныхъ когортъ. Сообразно обстоятельствамъ мятежа противъ Фоки, только отчасти подобнымъ же военнымъ кандидатомъ солдатъ можно назвать Гераклія. Безпорядочно жестокое управленіе его предшественника возбудило противъ себя справедливое негодованіе большинства населенія. Зеленые отвернулись отъ своего бывшаго любимца; партія голубыхъ, этихъ всегдашнихъ своекорыстныхъ легитимистовъ, была слишкомъ слаба, чтобы дать прочную опору правителю, заливавшему государство потоками крови казнимыхъ по усмотрѣнію. Сынъ экзарха Африки и военачальникъ Никита рѣшили воспользоваться всеобщимъ озлобленіемъ противъ Фоки, чтобы завладѣть престоломъ. Сенатъ тайнымъ образомъ обѣщалъ узурпаторамъ содѣйствіе и переворотъ совершился. Гераклій придалъ предпринятой

экспедиціи религіозную окраску, очевидно въ надеждѣ привлечь на свою сторону сочувствіе населенія. Главной опорой его были моряки, такъ какъ сухопутное войско находилось еще въ дорогѣ, когда новый императоръ уже смѣстилъ Фоку. Такимъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ областныя войска во второй разъ явились въ столицу для того, чтобы короновать своихъ побѣдоносныхъ генераловъ. Но въ отличіе отъ тѣхъ чисто военныхъ переворотовъ, при помощи которыхъ возвысились Гальба, Вителлій, Северъ и др., солдаты Фоки точно также какъ моряки Гераклія въ минуту высшаго напряженія мятежа, когда военной организованной массѣ стоило бы только возвысить голосъ, чтобы круто обратить общественное мнѣніе въ свою сторону, вдругъ останавливались для того, чтобы дать возможность высказаться высшему судьѣ, народу.

На сколько въ седьмомъ вѣкѣ было сильно вліяніе горожанъ въ вопросахъ избранія монарховъ, видно изъ того, что сами императоры, мало полагаясь на имѣющуюся въ ихъ распоряженіи вооруженную силу, считали себя утвердившимися на престолѣ только послѣ явнаго выраженія знаковъ народнаго согласія. По дорогѣ къ Константинополю дунайская армія, не взирая на избраніе Фоки военачальникомъ, предложила мимоходомъ корону старшему сыну Маврикія Ѳеодосію. Несмотря на отказъ послѣдняго, самъ Фока на пути воздерживался отъ украшенія себя знаками царскаго достоинства, не зная, какъ его приметъ народъ. Точно также Гераклій отказывался принять вѣнецъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не былъ поднесенъ зелеными, за которыми стояло почти все населеніе столицы и провинціальныхъ городовъ.

Очевидно, обстоятельства за это время измѣнились коренным образомъ. Преобразованія Константина сокрушили одну опасную своевольную силу для того, чтобы его неспособные преемники собственными стараніями дали возможность развиться другой, имѣвшей на востокѣ подъ ногами прочную почву историческихъ преданій. Преемники Константина не съумѣли восполь-

зоваться унаслѣдованнымъ величіемъ и выгодами своего положенія. Они искренно полагали, что властвовать это значитъ только держать вожжи затянутыми въ своихъ рукахъ, наслаждаться благами жизни и въ остальномъ полагаться на Промыселъ Всемогущаго. Всякіе Валенты, Аркадіи, Василиски дружными совмѣстными усиліями за четыре столѣтія подорвали и страхъ и довѣріе населенія ко власти. Правительство, руководимое шутами, монахами, женщинами и евнухами, не могло способствовать возвышенію ея обаянія. Подавляемый, но неуправляемый народъ, въ свою очередь, за отсутствіемъ соотвѣтствовавшихъ его возросшему значенію государственныхъ формъ выработалъ себѣ тотъ гибельный способъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, который зовется правомъ вооруженнаго возстанія противъ злоупотребленій властей.

Внезапное появленіе войскъ въ роли политическаго дѣятеля въ византійской имперіи Пайяръ сопоставляетъ съ завершеніемъ переустройства прежняго областного дѣленія на префектуры, діоцезы, провинціи въ ѳемы, единицы чисто военнаго характера *). За догадкою такого рода нельзя не признать извѣстной доли вѣроятности. Помимо совпаденія датъ — въ пользу гипотезы французскаго автора говорятъ: возвращеніе Юстиніана къ соединенію власти гражданской и военной снова въ однѣхъ рукахъ **), сплоченность, развившаяся въ корпусахъ войскъ по причинѣ установленія наслѣдственности военнаго ремесла, родственныхъ связей, товарищества; все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно способствовало возвращенію арміи къ тѣмъ порядкамъ, которые столь старательно уничтожались Константиномъ Великимъ. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Скабалановичъ ***) установленіе ѳемъ вовсе не представляло собой административнаго прогресса; наоборотъ, новое устрой-

*) Histoire de la transmission et ct., 444.

**) Таковой порядокъ установленъ былъ для Писидіи, Ликаоніи, Ѳракіи, Пафлагоніи, Каппадокіи, Исавріи—см. новеллы 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 102.

***) Визант. госуд. и церк., 185.

ство было въ извѣстной мѣрѣ шагомъ назадъ, возвращеніемъ къ системѣ римскаго дѣленія первыхъ трехъ вѣковъ имперіи.

Подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, именно непрерывныхъ варварскихъ нашествій, византійскіе государи принуждены были отказаться отъ введеннаго Константиномъ дробленія арміи на мелкіе отряды и вернуться къ римскому образцу дѣленія ея на областные легіоны. Возродившаяся отсюда большая сплоченность соединенныхъ въ массы солдатъ повлекла за собой сознаніе собственной силы и перенесеніе приложенія послѣдней въ политику. Тому же самому содѣйствовало сокращеніе предѣловъ имперіи и находящееся съ этимъ въ связи размѣщеніе войскъ въ большей близости и къ столицѣ.

Солдаты Византіи, подобно арміи и гвардіи Рима, вначалѣ далеки были отъ того, чтобы ограничить свою политическую дѣятельность только представленіемъ кандидатовъ на императорскій престолъ. Въ первое время между горожанами и войскомъ возникло легко объяснимое соперничество и въ отношеніи утвержденія императоровъ въ ихъ санѣ. Перевѣсъ склонился, однако, на сторону первыхъ. Нужно помнить, что населеніе византійскихъ городовъ вообще, а столицы въ особенности, воспиталось въ кровавыхъ стычкахъ съ императорской гвардіей, и потому многіе изъ ремесленниковъ также хорошо владѣли мечомъ, какъ иглой или рубанкомъ. Горожане въ случаѣ необходимости умѣли постоять за себя; случалось, что разъяренные всевозможными притѣсненіями, они съ голыми руками бросались на высланные противъ нихъ военные отряды и своей безразсудной смѣлостью обращали въ бѣгство испытанныхъ въ бояхъ ветерановъ *).

Неоднократно выражаемое желаніе солдатъ присвоить себѣ право насильственнаго возведенія монарховъ на престолъ постоянно встрѣчало самый живой и горячій отпоръ со стороны горожанъ. Такъ напримѣръ: въ 698 г., послѣ вторичнаго за-

*) Хоніатъ, II, 251.

воеванія арабами Карѳагена, возвращавшіяся съ неудачнаго похода имперскія войска вдругъ соединились съ гарнизонами области Киберіи, возмутились и избрали генерала Абзимара въ императоры. Новый государь немедленно подступилъ къ стѣнамъ Константинополя и, опираясь на военную силу, потребовалъ, чтобы населеніе признало его права на корону. Константинопольцы отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, приготовились къ защитѣ, но измѣна наемной дружины помогла легіонамъ Абзимара проникнуть въ городъ, и горожане волей неволей принуждены были покориться. Въ 813 г. разбитая болгарами дунайская армія сочла нужнымъ отказать въ повиновеніи своимъ вождямъ и объявила царемъ Льва Армянина. Населеніе столицы распалось на двѣ части; одна изъ нихъ желала принятія Льва, другая готовилась защищать Михаила Ранкабе. Законный императоръ разрѣшилъ возникшее недоразумѣніе, отрекшись отъ престола въ пользу претендента *).

Ставленникъ арміи, Исаакъ Комнинъ, избѣгъ столкновенія съ народомъ, потому, что въ Константинополѣ имѣлась сильная расположенная къ нему партія, поддерживаемая патріархомъ **).

Настолько тѣ или другія чувства столичнаго населенія имѣли значеніе въ вопросѣ утвержденія на престолѣ рекомендованнаго солдатами кандидата, можно, затѣмъ, усмотрѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1077 г. противъ равнодушнаго къ дѣламъ государственнаго управленія Михаила VII Парапинака, сразу поднялись двѣ арміи: восточная и западная. И та и другая избрала по императору, причемъ первая провозгласила царемъ Никифора Вотаніата, вторая Никифора Вріенія. Оба нареченные государя двинулись къ Константинополю съ цѣлью заставить народъ санкціонировать совершившійся фактъ. Вріенній подступилъ къ столицѣ ранѣе

*) Cedrenus, II, 47.
**) Cedrenus, II, 633—635.

Вотаніата. Населеніе Константинополя въ принципѣ было не прочь перемѣнить главу правительства, но претендентъ позволилъ своимъ солдатамъ разграбить одно изъ предмѣстій Константинополя *), и этого было довольно, чтобы народъ оказалъ ему рѣшительное сопротивленіе, вслѣдствіе чего дѣло Вріеннія оказалось потерянным. Иначе поступилъ Вотаніатъ. Объявивъ войну Парапинаку, онъ при посредствѣ тайныхъ сношеній съ недовольными, добился того, что безъ всякаго пролитія крови не только былъ принятъ, но и нарочно приглашенъ константинопольскимъ населеніемъ **).

Недостатки правленія Вотаніата поспособствовали тому, что въ народѣ снова возникло неудовольствіе, и различные военачальники опять выступили соискателями престола. Изъ нихъ всѣхъ столица наиболѣе оказала довѣрія Алексѣю Комнину, и въ 1081 году онъ былъ торжественно вѣнчанъ на царство.

Императоромъ исключительно обязаннымъ войску въ своемъ возвышеніи, былъ Алексѣй Ангелъ, вѣроломно ослѣпившій своего царственнаго брата. Утомленный безчинствами Исаака, народъ отнесся безучастно къ перевороту, но Никита Хоніатъ, вѣрный хранитель традицій Византіи, осудилъ его равнодушіе по отношенію столь выдающагося событія. «Всѣ были спокойны и приняли вѣсть съ сочувствіемъ, безъ ропота и безъ справедливаго негодованія на то, что въ настоящемъ случаѣ войско присвоило себѣ, всегда принадлежавшее народу, право избранія на царство» ***). На самомъ дѣлѣ войско уже ранѣе присвоило себѣ право провозглашенія, т. е. предоставленія кандидатовъ въ императоры. Противъ такого преимущества никто не спорилъ. За народомъ сохранялась только высшая санкція факта и разъ, при наречении арміей Алексѣя Ангела царемъ, населеніе не высказалось противъ, то этимъ оно доказало свою солидарность во взгля-

*) Attal. 186—187. Вріенній (Византійскіе историки) 109.
**) Attal. 226—273. В. 117.
***) Византійскіе историки, Н. Хоніатъ, II, 141.

дахъ съ войскомъ, и съ формальной стороны права его не были нарушены.

Обращаясь къ оцѣнкѣ качествъ императоровъ, достигшихъ высшей власти при непосредственномъ содѣйствіи военной силы, нельзя не признать, что средній уровень ихъ правительственныхъ дарованій внѣ всякаго сомнѣнія былъ выше средняго уровня избранниковъ народа и сената. Въ самомъ дѣлѣ, при поддержкѣ солдатъ на византійскомъ престолѣ на ряду съ Фокой, Геракліемъ, Тиверіемъ-Зенономъ появлялись Левъ III, Левъ V, Исаакъ и Алексѣй Комнины. Двое изъ этихъ доблестныхъ государей сдѣлались основателями долговѣчныхъ и славныхъ династій, и каждый изъ нихъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы оставить преемнику имперію благоустроенной. Лучшіе изъ государей, обязанныхъ возвышеніемъ войску, выказали не только недюжинную правительственную осмысленную энергію, но кромѣ того проявили гуманность и пониманіе запросовъ гражданской жизни, въ степени не совсѣмъ обычной для людей, проведшихъ жизнь среди грубыхъ воинскихъ упражненій.

При всемъ этомъ, сколь-бы ни былъ удаченъ въ общемъ выборъ византійскихъ легіоновъ, очень трудно отнести его положительныя свойства на счетъ политической проницательности избирателей. Правда, тотъ или другой выставляемый солдатами кандидатъ былъ всегда въ извѣстной степени лицомъ, уже ранѣе чѣмъ-нибудь выдававшимся; въ большинствѣ случаевъ таковымъ обыкновенно являлся прославившійся боевой генералъ, но съ другой стороны одного славнаго имени не было достаточно для того, чтобы имѣть возможность, опираясь на армію, съ увѣренностью выступить предъ народомъ въ качествѣ соискателя короны. Претендентъ выказалъ-бы крайнее непониманіе жизненныхъ условій, еслибы, выставляя свою кандидатуру, не озаботился прежде подготовить для нея почву тайнымъ подкупомъ, явной щедростью, заманчивыми обѣщаніями и прочими средствами сомнительной чистоты.

Въ общемъ порядкѣ солдатамъ мало было дѣла до истин-

ныхъ нуждъ государства. Вмѣстѣ съ наемниками туземные воины составляли особую группу, непосредственно примыкавшую къ правительственной. Пока солдатскія не отымались земли или не облагались какими-нибудь налогами, пока царствовавшій императоръ рачительно выплачивалъ жалованье или, по крайней мѣрѣ, не стѣснялъ легіоны въ отношеніи реквизицій и контрибуцій съ отечественныхъ подданныхъ, войска чувствовали свои интересы удовлетворенными и были готовы служить, какому угодно, правительству. Представлять собой идею они могли очень рѣдко и то только при сохраненіи въ своей средѣ опредѣленнаго областнаго или исповѣднаго состава, какъ, напримѣръ, мы это видимъ въ возстаніи исаврійскихъ полковъ въ пользу наслѣдниковъ Льва III. Въ большинствѣ-же случаевъ солдаты при избраніи новаго императора руководились соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ государственными пользами. Нужно вспомнить, напримѣръ, возвышеніе Фоки, Тиверія II и Льва V, чтобы убѣдиться въ этомъ. Всѣ поименованные государи были провозглашены императорами тѣми изъ легіоновъ, которые, будучи разбиты въ сраженіи съ непріятелемъ, считали необходимымъ сверженіе законнаго царя изъ боязни позора и отвѣтственности *).

Такимъ образомъ качества избранника солдатъ, какъ главы государства, обезпечивались опять таки прежде всего слѣпымъ случаемъ. Слабымъ, относительнымъ ручательствомъ можно признать, пожалуй, сравнительно болѣе открытый способъ дѣйствія военнаго узурпатора, предпочитавшаго въ конечномъ итогѣ широкій путь прямого насилія тропинкамъ тайнаго низменнаго заискиванія передъ дворомъ и сенатомъ.

По сравненію съ римскими порядками, неестественное политическое значеніе арміи въ Византіи имѣло тотъ коррективъ, что надъ войскомъ возвышалась власть народа и, кромѣ того, возмущенія византійскихъ легіоновъ, всегда управляемыхъ раз-

*) Основательная догадка Lebeau. Histoire du Bas-Empire, t. XII, 47.

личными энергичными честолюбцами, никогда не пріобрѣтали того характера стихійности, каковой носили мятежи солдатъ въ Римѣ. Войску предоставлялось только право выставленія кандидата, народъ облекалъ послѣдняго императорскими полномочіями. Насильственное утвержденіе на престолѣ Тиверія II не подрываетъ общаго правила, какъ рѣдкое исключеніе, но и въ этомъ положеніи допущеніе вмѣшательства арміи въ вопросъ преемства верховной власти является всетаки одной изъ темныхъ сторонъ византійскаго государственнаго устройства.

ВЛАСТЬ.

ГЛАВА VII.

§ 1. Древнегреческія ученія о правительствѣ.

Ранѣе мы опредѣлили государство какъ состояніе сложнаго подвижного равновѣсія многообразныхъ личныхъ и групповыхъ интересовъ объединенныхъ общностью исторически выработанной культуры и быта. Мы указали также, что виды государственнаго равновѣсія способны разнообразиться до безконечности, причемъ въ послѣдовательной смѣнѣ явленій государство очень часто проходитъ черезъ такіе фазисы, которые не способны удовлетворить требованіямъ самой простѣйшей справедливости. На первыхъ ступеняхъ государственнаго сожитія сильнѣйшія группы отхватываютъ себѣ почти одни только права, оставляя на долю слабѣйшихъ прежде всего однѣ обязанности. Правящіе классы, захватывая въ свои руки правительственныя функціи, вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся закрѣпить свое привилегированное положеніе и начинаютъ пользоваться идеей незыблемости основъ опредѣленнаго порядка почти исключительно въ личныхъ интересахъ.

Съ теченіемъ, времени при благопріятныхъ условіяхъ, управляемыя въ чужихъ пользахъ подчиненныя группы приходятъ къ сознанію неестественности такого положенія вещей и за-

являютъ о своихъ правахъ на относительную степень благополучія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова. Между правящими и управляемыми завязывается борьба. Высшіе классы всѣми силами добиваются имъ благопріятствующаго status quo, нисшіе, въ свою очередь, домогаются облегченій лежащей на нихъ тяготы, и государственное равновѣсіе испытываетъ рядъ потрясеній и колебаній. Очень часто вооруженные государственною властью высшіе классы насильно закрѣпляютъ распадающееся единство и искуственными средствами поддерживаютъ шатающіяся основы. Выдѣляя изъ своей среды правительственную группу, проникнутую насквозь опредѣленными узко-партійными стремленіями, правящіе классы создаютъ олигархическій типъ государства, который по внѣшности можетъ быть монархіей или республикой, но въ сущности всегда останется аристократіей, т. е. управленіемъ многими въ пользу немногихъ. Въ указанномъ отношеніи въ одинъ разрядъ должны быть поставлены и монархія Спарты, и народоправство Аѳинъ до временъ Солона, и республика римская, и республика венеціанская, генуэзская и мн. др. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ перечисленныхъ государствахъ только извѣстный классъ обладалъ правами дѣйствительныхъ активныхъ гражданъ, прочіе находились въ безусловномъ подчиненіи у правящихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра досолоновское государственное устройство Аѳинъ *). Въ этомъ политическомъ союзѣ, какъ передаетъ Аристотель, бѣдные находились чуть ли не въ рабствѣ у богатыхъ: неоплатные долги влекли за собой кабалу; всѣ значительныя должности замѣщались знатнѣйшими и состоятельнѣйшими гражданами, вслѣдствіе чего бѣднякъ никакимъ образомъ не могъ попасть въ архонты, ѳемосѳеты, полемархи или ареопагиты. Даже общія гражданскія права были предоставлены только тѣмъ, кто могъ представить вооруженіе и нести военную службу на собственный счетъ. По-

*) Аристотель. Исторія и обзоръ аѳинскаго государственнаго устройства. Ἀθηναίων πολιτεία.

добнаго рода государственныя учрежденія вполнѣ доказываютъ, что въ разбираемую эпоху Аѳины, несмотря на существованіе царя, предпредставляли собой полнѣйшій типъ аристократической олигархіи. Въ такомъ же положеніи находился Римъ временъ царей. Его монархическая внѣшность въ настоящее время уже болѣе никого не можетъ вводить въ заблужденіе. Кругъ лицъ, пользовавшихся преимуществами полноправныхъ гражданъ въ Римѣ былъ еще тѣснѣе, нежели въ Аѳинахъ. Пусть до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи плебеевъ, во всякомъ случаѣ намъ хорошо извѣстно, что этотъ многочисленный разрядъ людей совершенно подавлялся горстью патриціевъ, желавшихъ властвовать, во что бы то ни стало, только въ интересахъ своего класса и никого болѣе. Какъ и въ Аѳинахъ, царь въ Римѣ былъ не чѣмъ инымъ, какъ первымъ сановникомъ, обязаннымъ распоряжаться властью къ выгодамъ тѣхъ, кто выбиралъ и утверждалъ его въ санѣ. Достойно замѣчанія, что, когда благоразумный и энергичный Таркviній Прискъ возъимѣлъ благое намѣреніе ввести всѣхъ плебеевъ въ число полноправныхъ гражданъ, патриціи выказали столь рѣшительное сопротивленіе, что царь долженъ былъ отказаться отъ своего плана безусловно и больше уже никогда не рѣшался заводить рѣчь о коренной реформѣ.

Однако, по неизмѣнному закону общественнаго развитія, представители подавляемыхъ интересовъ способны къ безропотному подчиненію только до извѣстнаго предѣла. Съ проникновеніемъ въ массы сознанія собственной силы низшіе классы начинаютъ предъявлять требованье на удовлетвореніе ихъ нуждъ и выгодъ и если высшія группы добровольно не уступаютъ части имъ присвоенныхъ правъ, возникаетъ борьба, и установившееся государственное равновѣсіе подвергается серьозному колебанію. Такъ оно колебалось въ Аѳинахъ, гдѣ на борьбу съ богатыми выступали бѣдняки *), въ Римѣ, гдѣ

*) μετὰ δὲ ταῦτα συνέβη στασιάσαι τοὺς τε γνωρίμους καὶ τὸ πλῆθος πολὺν χρόνον. Ἀθηναίων πολιτεία, 1.

плебеи боролись съ патриціями; такъ оно колебалось вездѣ, гдѣ общественные элементы вооружались другъ противъ друга и замиреніе пріобрѣталось только войной.

Всѣмъ конечно извѣстно, что групповая классовая рознь не есть исключительное достояніе исторіи. Явленія ея мы постоянно наблюдаемъ и въ государствахъ настоящаго времени, но въ наши дни ею такъ не подрываются устои государственнаго равновѣсія потому, что среди группъ, представляющихъ самостоятельные интересы, имѣется группа, преслѣдующая цѣль соразмѣрнаго служенія всѣмъ законнымъ интересамъ. Эта, нынче совершенно обособленная группа есть правительство. Въ исторіи же понятіе правительства обыкновенно сливалось съ понятіемъ правящаго или правящихъ классовъ.

Современное правительство не заинтересовано въ спеціальныхъ выгодахъ той или другой части населенія. Получая свое обезпеченное содержаніе отъ государства, т. е. отъ всѣхъ общественныхъ группъ въ ихъ интегрированной совокупности нынѣшніе правительственные агенты въ идеѣ стоятъ на стражѣ общественныхъ пользъ, и всякое лицепріятіе противно смыслу ихъ существованія. Не такъ было въ исторіи, когда должности являлись безмездно-почетнымъ званіемъ, соединеннымъ съ представленіемъ объ извѣстномъ общественномъ положеніи должностного лица и его имущественной состоятельности. Въ Аѳинахъ, какъ говоритъ Аристотель *), на должности выбирали знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ; члены сената въ царскомъ Римѣ избирались исключительно изъ патриціанскихъ семей **); въ феодальномъ государствѣ баронъ пребывалъ высшимъ чиновникомъ, вѣдавшимъ и судъ и администрацію; въ кастовыхъ общественныхъ союзахъ Египта, Индіи только жрецы и воины отправляли правительственныя функціи. Отсюда видно, что въ исторіи правительство и правящіе классы, какъ группы, входили одно въ другое, и управляемымъ нечего было ждать отъ

*) Ibid.

**) Madvig. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates I, 142.

правительствовавшихъ особаго вниманія къ ихъ подавляемымъ интересамъ.

Вслѣдствіе такого положенія вещей волей неволей нѣкоторое среднее примиряющее безпристрастное начало нисшимъ классамъ приходилось искать гдѣ-нибудь внѣ групповой борьбы и розни. Сообразно двумъ направленіямъ общественной мысли, романизмъ и элленизмъ рѣшили различно представлявшуюся имъ задачу. Плебеи, пролетаріи Рима, отдались подъ покровительство самостоятельно возросшей реальной силы могущества необычайно возвысившагося сановника-императора, долженствовавшаго въ своей дѣятельности осуществить идею истиннаго правительства; демосъ Аѳинъ въ тяжелую минуту народныхъ смутъ самъ создалъ потребный факторъ; онъ избралъ третейскимъ судьей и умиротворителемъ мудреца Солона и такимъ образомъ поручилъ свою судьбу рѣшенію не вещественнаго но отвлеченнаго начала — разума. Намъ извѣстны послѣдствія этихъ столь различныхъ выборовъ. Носители физическаго, принужденія римскіе императоры, сокрушивъ при помощи нисшихъ классовъ высшіе, въ итогѣ подчинили своему произволу и тѣхъ и другихъ. Солонъ, наоборотъ, привелъ общественные элементы въ надлежащее соотношеніе, каждому въ области правъ отмежевавъ ему приличествовавшую сферу. «Я стоялъ крѣпкимъ щитомъ, покрывая и тѣхъ и другихъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореніи, и никому не позволилъ побѣдить въ неправой борьбѣ» *).

Упорядочивъ общественно-групповыя отношенія, Солонъ, въ противность примѣру римскихъ императоровъ, какъ истинный мудрецъ, не пожелалъ воспользоваться заслуженной славой и пріобрѣтеннымъ вліяніемъ. Онъ покинулъ родину, отправившись въ качествѣ скромнаго путешественника торговца въ Египетъ. Но, исполнивъ великое дѣло, доблестный аѳинскій гражданинъ упустилъ изъ вида одно важное обстоятельство: имен-

*) ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι, νικᾶν δ' οὐκ εἴασ' οὐδετέρους ἀδίκως.

но то, что существованіе извѣстнаго безпристрастнаго уравнителя и оберегателя групповыхъ интересовъ необходимо не только въ минуты государственныхъ потрясеній, но и при обычномъ теченіи дѣлъ. Постоянное уравненіе колебаній придаетъ устойчивость государственному равновѣсію и предохраняетъ его отъ переворотовъ. Солонъ, устроивъ общественныя дѣла родного города, съигралъ роль правительства въ современномъ значеніи этого слова, но только временно, тогда какъ наличность такового требуется въ государствѣ постоянно.

Эта идея необходимости существованія въ политическихъ союзахъ нѣкотораго главнаго общественнаго чувствилища, не какъ защитника, но какъ безпристрастнаго уравнителя, была впервые уяснена и философски разработана греками въ лицѣ двухъ величайшихъ мыслителей древности Платона и Аристотеля. Исходя изъ различныхъ основныхъ положеній, двигаясь различными путями, оба они однако въ итогѣ свели свои ученія къ одному общему тезису, къ представленію о лучшемъ правительствѣ, какъ о такомъ, которое не имѣетъ иныхъ интересовъ и заботъ, кромѣ принадлежащихъ государству, взятому въ цѣломъ.

Государственныя ученія Платона и Аристотеля оказали столь глубокое вліяніе на весь эллинскій и эллино восточный міръ, что при разсмотрѣніи реальнаго положенія власти въ восточно-греческой имперіи и сущности византійскихъ политическихъ ученій, нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на обѣихъ системахъ. Что же касается государственныхъ взглядовъ Платона, то они въ свою очередь до такой степени тѣсно связаны съ его общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга не представляется возможнымъ.

По своимъ убѣжденіямъ, въ отличіе отъ позднѣе возникшей школы номиналистовъ, Платонъ былъ реалистомъ чистѣйшей воды. Онъ признавалъ заложенными въ круговоротъ міровой жизни два начала: духъ-разумъ и вещество-матерію. По природѣ

своей, училъ онъ, матерія груба и безсмысленна; жизненную разумность придаетъ ей творческій вѣчный разумъ, который, соединяясь въ различной степени съ веществомъ, творитъ изъ него явленія видимаго міра. Но въ теченіи всего своего непрерывнаго творчества высшій разумъ не остается на произволъ слѣпой случайности или собственнаго усмотрѣнія. Его работа есть не что иное, какъ неустанное овеществленіе, разъ навсегда установившихся отвлеченныхъ, совершенныхъ образцовъ, которые, будучи взяты въ совокупности, составляютъ собой міръ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ идей *). Высшій разумъ есть высшее благо. Создавая міръ, онъ влагаетъ въ одухотворяемую имъ матерію часть своей сущности и такимъ образомъ примѣшиваетъ добро къ злу и безразличію. Человѣкъ, какъ одно изъ явленій видимаго міра, не разнится по свойствамъ своимъ отъ прочихъ вещей: и въ немъ въ различной мѣрѣ смѣшаны духъ и матерія, зло и добро, два борющіяся другъ съ другомъ начала; и у него имѣется свой отвлеченный совершенный образецъ, безконечно постигаемый искрой божественнаго разума, заложеннаго въ его естество предвѣчной первопричиной.

Итакъ, абсолютный разумъ, по мысли Платона, овеществляетъ мыслимы яидеи; онъ превращаетъ ихъ—τά ὄντα, т. е. нѣчто лишь постигаемое хотя и вѣчно сущее, въ τὰ γιγνόμενα, нѣчто осязаемое, но преходящее. Вслѣдствіе того что всякій предметъ есть только вещественный сколокъ съ безтѣлеснаго оригинала, послѣдній не можетъ быть понимаемъ при помощи тѣлесныхъ чувственныхъ воспріятій. Для познанія его требуется орудіе столь-же чистое и тонкое, какъ самъ изслѣдуемый предметъ. Зиждитель міра снабдилъ насъ этимъ орудіемъ, именуемымъ

*) Platonis. De republica, lib. VII, 517. τά δ'οὖν ἐμοί φαινόμενα οὕτω φαίνεται, ἐν τῷ γνωστῷ τελευταία ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα καὶ μόγις ὁρᾶσθαι, ὀφθεῖσα δέ συλλογυσέα εἶναι ὡς ἄρα πᾶσι πάντων αὕτη ὀρθῶν τὲ καὶ καλῶν αἰτία, ἔν τε ὁρατῷ φῶς καὶ τούτου κύριον τεκοῦσα ἔν τε νοητῷ αὐτὴ κυρία ἀλήθειαν καὶ νοῦν παρασχομένη καὶ ὅτι δεῖ ταύτην ἰδεῖν τὸν μέλλοντα ἐμφρόνως πράξειν ἢ ἰδίᾳ ἢ δημοσίᾳ. Начало книги посвящено образному ученію объ отношеніи предметовъ и ихъ идей.

человѣческимъ разумомъ, началомъ божественнымъ, качественно однороднымъ со своимъ производящимъ и потому причастнымъ къ истинѣ.

Познать истину значитъ, отбросивъ тѣлесную бренную оболочку вещи, представить себѣ ея идею. Достигнуть такого пониманія вѣчносущаго возможно только для того, кто, отрѣшившись отъ обманчивыхъ умозаключеній разсудка, отдастся созерцанію разума, который въ обладаніи философа одинъ способенъ разогнать толпы окружающихъ насъ призраковъ и указать подлинную природу вещей. При помощи вдохновеннаго созерцанія, мудрецъ доходитъ до пониманія творческой дѣятельности первопричины, уясняетъ себѣ отношеніе идей и формы въ каждомъ явленіи и такимъ образомъ отвлеченно строитъ систему Вселенной. Вслѣдствіе этого ему не представляется затруднительнымъ усмотрѣть, что не только въ простыхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ феноменахъ, но даже въ явленіяхъ болѣе сложнаго порядка, каковыми, служатъ, напримѣръ, общественные союзы, неизмѣнно дѣйствуетъ все тотъ-же предвѣчный Разумъ, стремящійся инертную матерію поднять до высоты самосущей активной идеи. Всѣ три основные элемента мірозданія имѣются налицо въ человѣческихъ союзахъ, изъ которыхъ государство является важнѣйшимъ: ихъ матерія-масса гражданъ, ихъ конечная идея—отвлеченный типъ политическаго соединенія, ихъ творческое духовное начало—справедливость. Цѣль существованія государства—реализація идеи добродѣтели, имѣющей своимъ слѣдствіемъ счастье участниковъ государственнаго общенія.

Произвольно, согласно извѣстнымъ цѣлямъ соединяясь въ политическіе союзы, большинство людей, однако, не подымаясь до высоты созерцанія идеи государства, живетъ ощупью, какъ бы въ потемкахъ или во снѣ, и безпощадно борется *) изъ-за

*) De republica, lib. VII, 520: ἐν πόλει ᾗ ἥκιστα πρόθυμοι ἄρχειν οἱ μέλλοντες ἄρξειν, ταύτην ἄριστα καὶ ἀσφαλεστάτα ἀνάγκη οἰκεῖσθαι, τὴν δ' ἐναντίους ἄρχοντας σχοῦσαν ἐναντίως.

преобладанія. Изъ таковаго состоянія слѣпоты его можетъ вывести только тотъ, чей чистый разумъ въ найбольшей степени причастенъ созерцанію, чья душа способна къ проникновенію въ тайны божественнаго предопредѣленія. Человѣкъ, обладающій подобнымъ чуднымъ даромъ созерцанія истины именуется мудрецомъ. Члены политическаго союза, въ томъ случаѣ если желаютъ хотя-бы относительной полностью осуществить идеѣ счастливаго государства наперекоръ естественному ходу событій, очень часто удаляющему человѣчество отъ идеала, не кому иному, но только мудрецу, должны поручить заботу о себѣ. Всѣ граждане въ государствѣ заботятся только о своихъ выгодахъ, отрѣшающійся отъ міра мудрецъ видитъ свое счастье въ благополучіи согражданъ. Унего нѣтъ личныхъ или партійныхъ обыденныхъ интересовъ. Онъ старается устроить счастье цѣлаго государства, а не свое или не одного какого-нибудь общественнаго класса и для этой цѣли приводить гражданъ къ согласію убѣжденіемъ и принужденіемъ *).

Онъ знаетъ, что́ надо для общаго блага; онъ видитъ препятствія, мѣшающія осуществленію мыслимаго добра. Счастливо то государство, въ которомъ среди гражданъ въ противность общему порядку найдется много мудрецовъ, могущихъ водворить счастье и добродѣтель, а если нѣтъ многихъ, то и одинъ принесетъ свою долю великой пользы **).

Указывая на мудреца, какъ на совершеннѣйшаго правителя, Платонъ долго и подробно останавливается на изображеніи его правъ, обязанностей и духовно-общественныхъ качествъ. По мнѣнію великаго философа древности, истинные мудрецы не создаются, не вырабатываются школой или усиліями воли, но рождаются таковыми и самой природой предназначаются къ начальствованію, иначе говоря, къ распоряженію государ-

*) Ibid. 519: νομοθέτῃ οὐ τούτου μέλει ὅπως ἐν τὶ γένος ἐν πόλει διαφερόντως εὖ πράξει, ἀλλ' ἐν ὅλῃ τῇ πόλει τοῦτο μηχανᾶται ἐγγενέσθαι ξυναρμόττων τοὺς πολίτας πειθοῖ τε καὶ ἀνάγκῃ...

**) Ibid. 540.

ственной властью. При самомъ рожденіи Богъ примѣшиваетъ къ ихъ естеству частицу золота, вслѣдствіе чего они становятся цѣннѣе (τιμιώτατοι) прочихъ людей и по призванію являются руководителями прочихъ, создаваемыхъ съ примѣсью серебра, мѣди и желѣза *). Мудрецъ, стражъ государства,—существо высшее на землѣ. Общія человѣческія влеченія, заблужденія и страсти ему чужды. Его личныя потребности сводятся до крайняго предѣла. Кромѣ сознанія честно выполненнаго долга и постояннаго созерцанія вѣчной истины, ему не нужно никакихъ иныхъ наградъ за неуклонно выполняемый подвигъ. Безстрастіе и безпристрастіе—его первѣйшая добродѣтель. Онъ не только не долженъ пользоваться какими-нибудь внѣшними почестями или отличіями **), но не можетъ даже имѣть простѣйшей собственности, получая содержаніе отъ остальныхъ гражданъ въ размѣрѣ, не превышающемъ обыкновенныхъ среднихъ потребностей человѣка ***). Мудрецомъ можетъ быть не только мужчина, но и женщина, если природа одарила ее всѣми необходимыми качествами ****).

Что касается руководящихъ началъ дѣятельности правителей—мудрецовъ то, по мысли Платона, основнымъ изъ нихъ является разумъ, сообразующійся съ реальными обстоятельствами даннаго мѣста и времени. Таковой выводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ основной точкѣ зрѣнія автора «Республики» и «Законовъ». Мудрецу доступно непосредственное созерцаніе идеи всякаго предмета, въ томъ числѣ и идеи видовъ человѣческаго общенія. Поэтому Платонъ послѣдовательно не настаиваетъ на приверженности правителя-философа къ писаннымъ законамъ,. которые, по причинѣ своей неподвижности, стѣсни-

*) De republica, l. III, 414.

**) Ibid. l. VII, 540.

***) Ibid. l. III, 416. Но за то такимъ мудрецамъ, какъ геніямъ или даже богамъ, признательные граждане должны воздвигать памятники и приносить жертвы. Кн. VII, 540.

****) Ibid. l. VII, 540; «μηδὲν γάρ τι οἷον μὲ περὶ ἀνδρῶν εἰρηκέναι μᾶλλον ἃ εἴρηκα ἢ περὶ γυναίκων, ὅσαι ἂν αὐτῶν ἱκαναὶ τὰς φύσεις ἐγγύγνωνται».

тельны для мудреца, постоянно стоящаго на стражѣ измѣнчивыхъ государственныхъ интересовъ. На указанныхъ основаніяхъ въ идеалѣ въ совершенномъ государствѣ глава его не издаетъ и не отмѣняетъ законовъ, руководя обществомъ посредствомъ воспитанія. При несовершенствѣ государственнаго строя, правитель устанавливаетъ законы въ силу необходимости, но и въ этихъ условіяхъ стремится къ тому, чтобы велѣнія законодателя не оказывались категорическими предписаніями, навязываемыми гражданамъ принужденіемъ и силою. Цѣль бытія государства—добродѣтель и счастіе гражданъ. А добродѣтель не можетъ основываться на силѣ. Руководитель мудреца-правителя есть разумъ, которому власть и связанная съ нею сила служитъ только вспомогательнымъ орудіемъ. Источникъ добродѣтели—высшее знаніе, приложенное къ изученію существующихъ человѣческихъ отношеній. Отсюда явствуетъ, что велѣніе правителя законъ есть соглашеніе разума и опыта. Законодатель не можетъ установить никакого общаго правила безъ того, чтобы не показать народу, что оно разумно и цѣлесообразно по своему существу *).

Еще Гегель указалъ, что ученіе Платона о государствѣ и правительствѣ не было плодомъ чистаго воображенія, утопіей, подобной результатамъ мечтаній Томаса Мора или Кампанеллы. Ученіе Платона—идеалъ, но идеалъ не отвлеченнаго, а эллинскаго, до извѣстной степени реально осуществляемаго, государственнаго устройства **).

Личнымъ политическимъ способностямъ и дарованіямъ въ Греціи на аренѣ общественной дѣятельности отводилось обширное мѣсто. Мы знаемъ, что Аѳины временъ Солона вышли изъ политическихъ затрудненій путемъ избранія въ рѣшители судебъ государства мудреца, который, устроивъ общественныя дѣла, не пожелалъ ничѣмъ воспользоваться въ награду за понесенные труды, кромѣ признательности гражданъ.

*) Legg. l. IV, 722, 724.

**) Эта идея развита Целлеромъ. Die Philosophie der Griechen, 591.

Мы знаемъ, что эти же самыя Аѳины съ теченіемъ времени привыкли къ добровольному подчиненію голосу выдающихся общественныхъ дѣятелей, вліявшихъ на массы исключительно силою своего духовнаго превосходства. Изъ нихъ исторія сохранила имена Ѳемистокла, Аристида, Перикла, Демосѳена. Насколько греки умѣли отдавать должное личнымъ качествамъ даровитыхъ соотечественниковъ, между прочимъ, прекрасно очерчивается примѣромъ знаменитаго отступленія десяти тысячъ, повиновавшихся Ксенофонту, хотя онъ не былъ ни стратегомъ, ни лохагомъ и такимъ образомъ оффиціально не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни малѣйшей доли власти. Ученіе Платона о значеніи чистаго разума, конечно, преисполнено крайняго довѣрія къ возможности проникновенія при помощи созерцанія въ тайны отвлеченной истины, но эта сознательно допущенная отвлеченность не помѣшала мыслителю безсознательно обобщить нѣкоторыя черты положительныхъ народныхъ воззрѣній на существо и смыслъ правительственной дѣятельности.

Въ вопросахъ построенія политическихъ системъ номиналистъ Аристотель оказался столь же истымъ эллиномъ, какъ и реалистъ Платонъ. Мало того, несмотря на различіе принятыхъ методовъ разсужденій, оба мыслителя и позитивистъ-ученикъ и метафизикъ-учитель въ корнѣ въ отношеніи выясненія задачъ правительства не разошлись другъ съ другомъ И тотъ и другой въ основаніе дѣятельности правителя положили разумъ, способный привести владѣющаго имъ къ пониманію того, что есть благо, добродѣтель и счастіе. Государство, по мнѣнію Аристотеля, есть такая форма общежитія, которая существуетъ для цѣлей вполнѣ счастливой жизни, какъ семействъ, такъ и цѣлыхъ поколѣній — жизни совершенной и вполнѣ себѣ довлѣющей, не зависящей отъ бытія особый отвлеченной абсолютной идеи *). Будучи индивидуалистомъ,

*) Политика. Переводъ Скворцова, 117.

въ противность Платону, Аристотель подымался отъ понятія индивида и постепенно переходилъ къ виду и роду. Синтетикъ, а не аналитикъ Стагиритъ въ представленіи реализаціи идеи счастья видѣлъ его въ благоденствіи личности, долженствующей получить въ государствѣ высшее удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. «По скольку каждый человѣкъ въ отдѣльности стремится въ своей жизни къ счастію, постольку и желаніе общей пользы составляетъ существенный мотивъ общежитія» *).

Имѣя всегда одну и ту же цѣль своего существованія, съ внѣшней стороны государства организуются различнымъ образомъ и различаются между собою по формѣ правленія. По мысли Аристотеля, для подданныхъ не важно, будетъ ли власть упражняема однимъ человѣкомъ или меньшинствомъ или народомъ во всей его совокупности, лишь бы только стоящіе у кормила государства повелѣвали не въ собственныхъ или частныхъ интересахъ, а на пользу и благо всѣхъ участниковъ государственнаго союза. Правительство, пекущееся о счастьи всѣхъ гражданъ, достойно уваженія; преслѣдующее виды частнаго благополучія подлежитъ порицанію. Въ первомъ случаѣ устройство его называется правильнымъ, во второмъ—неправильнымъ **). Всякій, кто упражняетъ власть въ качествѣ истиннаго правителя, долженъ быть человѣкомъ нравственнымъ и умнымъ, поэтому основательно требуется особое воспитаніе для тѣхъ, кто готовится въ правители. Мудрость является спеціальной добродѣтелью послѣдняго ***). «Другія добродѣтели должны быть общими и для правителей и для подчиненныхъ, говоритъ Аристотель, но мудрость не есть добродѣтель подчиненнаго: его добродѣтель состоитъ въ умѣньи правильно понимать вещи. Подчиненный подобенъ тому, кто дѣ-

*) Ibid., 109.
**) Ibid., 111.
***) Ibid., 105.

лаетъ флейты, и правитель есть какъ бы самъ флейтистъ, играющій на нихъ».

Какъ мы указали выше, разсуждая о формахъ правительства, Аристотель при извѣстныхъ условіяхъ былъ склоненъ считать правильными всякіе его виды. Тѣмъ не менѣе, онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность особенно долго остановиться на монархіи и разсмотрѣть ея существо, выгоды и невыгоды съ разныхъ сторонъ. Сдѣлалъ это онъ потому, что, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя мѣста Политики, въ Аѳинахъ имѣлись многочисленные преданные приверженцы исключительныхъ достоинствъ царской власти *). Сторонники таковой (къ нимъ же можно отнести и Платона) доказывали, что правленіе наилучшаго человѣка не только является наиболѣе желательнымъ, но кромѣ того стѣсняется законамъ, и что воля его должна быть въ силу этой причины надзаконной. Въ идеалѣ Стагиритъ соглашался съ выставленнымъ положеніемъ, но въ виду присутствія страстей, хотя-бы даже въ малой долѣ, въ душѣ каждаго человѣка требовалъ сохраненія безстрастнаго закона, какъ общихъ рамокъ дѣятельности главы государства **).

Аристотель училъ тому, что разные люди расположены къ признанію надъ собой различныхъ формъ главенства, одни желаютъ подчиненія царской власти, другіе—аристократіи, третьи—республикѣ. Что касается царскаго управленія, то подъ нимъ, по его мнѣнію, стремятся быть тѣ граждане, которые по природѣ своей склонны къ повиновенію лицамъ, превосходящимъ ихъ способностями къ политической дѣятельности. Если въ обществѣ находится много лицъ, обладающихъ въ высокой степени политическими дарованіями, государство начинаетъ тяготѣть къ аристократическому образу правленія; въ республики складываются тѣ союзы, гдѣ каждый классъ способенъ выставить достаточное количество благоразумныхъ правителей. «Но, заключаетъ свои выводы Аристотель, если-

*) Политика, 135.
**) Ibid., 136.

бы гдѣ-бы то ни было или цѣлый родъ, или одинъ человѣкъ такъ отличался отъ прочихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, что въ этомъ отношеніи превосходилъ-бы всѣхъ остальныхъ, тогда этотъ родъ, по справедливости, долженъ былъ-бы быть царскимъ родомъ и господствующимъ надъ всѣми, а этотъ одинъ царемъ».

Какъ справедливо замѣчаетъ по поводу послѣдне приведеннаго текста Фулье *), не смотря на большую терпимость и широкій взглядъ на вещи, Аристотель, терзавшійся отечественными неурядицами и видѣвшій передъ собой образъ Александра Македонскаго, въ цитированныхъ словахъ открылъ свои сокровенныя убѣжденія. Съ внѣшней же стороны только повторяя и развивая мысль Платона, онъ высказалъ, куда клонились его личные симпатіи и взгляды.

§ 3. Различіе теорій византійскаго и римскаго имперіализма.

Ученія Платона и Аристотеля о преимуществахъ правительства одного мудрѣйшаго, направляясь противъ недостатковъ государственной организаціи коренной Эллады, послужили основаніямъ теоріи византійскаго императорства и общественности.

Древне-греческій политическій мірокъ не зналъ сложенія крупныхъ государственныхъ тѣлъ. Каждый городъ съ прилежавшими къ нему землями въ метрополіи и въ колоніяхъ представлялъ собою небольшую республику или монархію, только на время военныхъ дѣйствій противъ общаго врага, примыкавшую къ себѣ подобнымъ для защиты родственныхъ интересовъ. Древне-греческіе союзы городовъ никогда не заключались на условіяхъ подавленія самостоятельности входящихъ въ него членовъ. Они были лишены того характера внѣшняго и внутренняго единства, которымъ отличаются но-

*) Histoire de la philosophie, 139.

вѣйшія формы соединенія государствъ, именуемыя федераціями. Городъ и государство были синонимами въ представленіи древняго грека. Сынъ своего народа Платонъ даже требовалъ поэтому для наиболѣе удобнаго устройства государства ограниченіе числа гражданъ среднимъ числомъ пятью тысячами человѣкъ. Первый опытъ интегрированія разрозненныхъ эллинскихъ силъ произошелъ при Филиппѣ и Александрѣ Македонскихъ. Подъ владычествомъ птоломеевъ, селевкидовъ, вполнѣ освоившись съ идеей центральнаго единовластія, малоазійскія греческія колоніи, однако, продолжали, какъ мы указали выше, сохранять свое внутреннее общинное устройство; въ политическомъ отношеніи онѣ пользовались большими преимуществами, льготами и по прежнему если и соединялись въ общенія, выходившія за предѣлы городскихъ стѣнъ, то лишь съ военными цѣлями. Римляне, смѣнивъ прежнее срединное правительство, точно также не совсѣмъ подавили право самоуправленія мелкихъ и безопасныхъ въ политическомъ отношеніи греческихъ единицъ. Римъ, водрузивъ свое знамя среди покореннаго имъ греко-восточнаго міра, не принесъ съ собой новой, свѣжей, сильной культуры, какихъ-либо неизвѣстнихъ идеаловъ, стремленій.

Въ теченіи всей своей долгой жизни римляне, народъ огня, крови и желѣза, проводили мысль подчиненія побѣжденныхъ и господства побѣдителей. Римъ, точно также какъ и Греція, своимъ чередомъ дошелъ до идеи преимуществъ монархіи; но онъ достигъ ея признанія инымъ путемъ, и выразилъ ее въ иныхъ формахъ, нежели, то было сдѣлано греческимъ умомъ: не мудрость, не добродѣтель, а силу положилъ онъ въ основаніе своего зданія единовластія. Проникнувъ въ смыслъ римской монархіи, грекъ опредѣлилъ-бы ее однимъ словомъ тираннія и сослался-бы на авторитетъ Платона и Аристотеля, точно указавшихъ отличительные признаки извращенности идеи власти. Въ самомъ дѣлѣ по Платону монархъ-мудрецъ если и не стѣсняется законами, то не иначе какъ въ виду пользы

общества; онъ трудится на пользу другихъ, на благо государственное, самъ довольствуясь только нравственнымъ удовлетвореніемъ. Обходя законъ, онъ дѣлаетъ не то что хочетъ, а то что нужно, чему учитъ божественная мудрость и чего требуетъ благо всѣхъ. Иначе ставили вопросъ римская императорская философія и толковавшій ея таинства римскій юристъ-практикъ. Они точно также выставляли то положеніе, что princeps legibus solutus est, но тутъ-же добавляли, что quod principi placuit, legis vigorem habet. Подобнымъ тезисомъ они облекали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть.

Мы не будемъ говорить о томъ, что относительная внѣзаконность императора вначалѣ имѣла характеръ только почетнаго отличія и сравнительно тѣсный кругъ примѣненія. Свою безграничность она получила позднѣе. Еще при Веспасіанѣ законъ гласилъ: utique quibus legibus plebeivescitis scriptum fuit ne divus Augustus... teneretur iis legibus plebisquescitis imperator Caesar Vespasianus solutus sit, quaeque ex quaque lege rogatione divum Augustum... facere oportuit ea omnia imperatori Caesari Vespasiano Augusto facere liceat *). Смыслъ сенатскаго постановленія вполнѣ ясенъ: императоръ освобождался отъ соблюденія только нѣкоторыхъ законовъ, отъ которыхъ сенатъ освободилъ Августа. Такой порядокъ вещей былъ даже естественъ въ то время, когда о гражданскомъ равенствѣ передъ закономъ не было рѣчи не только по отношенію чѣмъ-нибудь выдавшихся, но даже самыхъ заурядныхъ, но привилегированныхъ гражданъ. Однако, частичное изъятіе изъ подчиненія закону или возведеніе всего угоднаго одной личности въ форму юридической нормы—большая разница. Цицеронъ неоднократно употреблялъ выраженіе senatui placet въ смыслѣ сенатъ рѣшилъ: глаголъ placere въ данномъ случаѣ служилъ только формой внѣшней вѣжливости по отношенію поста-

---

* Lex de imperio Vespasiani, см. Виллемсъ II, 495, Гиббонъ I, 91.

новленій сената, безъ сообщенія ему характера ни чѣмъ не обоснованнаго усмотрѣнія. Иначе взглянули на дѣло римскіе императоры позднѣйшаго времени; точно также иначе поняли латинскій текстъ западно-европейскіе легисты, съ убѣжденіемъ утверждавшіе что: que veut le roy si veut la loi. Такимъ образомъ частное изъятіе и формула вѣжливости были обобщены и въ итогѣ получился базисъ новаго политическаго ученія, подкрѣпленнаго римской-же фикціей перенесенія на императора всѣхъ правъ стариннаго народнаго верховенства. Отсюда видно, насколько были различны теоретическія обоснованія монархизма на западѣ и востокѣ.

Практически римскій абсолютизмъ возникъ также при условіяхъ нѣсколько отличныхъ отъ таковыхъ-же, дѣйствовавшихъ въ городахъ восточно-греческаго міра. Обширная территорія римскаго государства, многочисленное населеніе и при царяхъ препятствовали свободному избранію третейскихъ посредниковъ между угнетаемыми и угнетавшими; установленіе республики не измѣнило борьбы общественныхъ классовъ, продолжавшейся въ самой грубой имущественной формѣ. Патриціевъ и плебеевъ смѣнили въ сущности тѣже оптиматы и популяры. Противуположность въ общественномъ положеніи богатыхъ и бѣдныхъ передъ началомъ имперіи дошла до высшей степени неестественности; свободные, но мелкіе землевладѣльцы постепенно превратились въ чернь, въ пролетаріатъ; арендаторы, не успѣвшіе во время бѣжать съ господской земли, попали въ кабалу къ помѣщикамъ и дали начало колонату. Государственное равновѣсіе опять цѣликомъ установилось на тираническомъ безжалостномъ господствѣ высшаго класса. Въ усиливавшихся императорахъ угнетенный народъ сразу усмотрѣлъ давно желанныхъ защитниковъ и въ своихъ симпатіяхъ цѣликомъ передался на ихъ сторону. Свою кандидатуру въ покровители народа безъ всякихъ выборовъ или голосованій цезари поставили сами; независимые отъ правившаго класса, располагавшіе внушительной поддержкой со-

рока четырехъ испытанныхъ легіоновъ, они выступили на борьбу съ республикой, въ существѣ которой не было ничего кромѣ слабыхъ внѣшнихъ намековъ на народоправство и сильныхъ указаній на безграничный олигархическій произволъ. Провинціи, изнемогавшія подъ гнетомъ присылаемыхъ къ нимъ республиканскихъ губернаторовъ, указываетъ Гиббонъ, вздыхали о единоличномъ правителѣ, который былъ-бы повелителемъ, а не сообщикомъ множества мелкихъ тирановъ. Населеніе столицы, смотрѣвшее съ тайнымъ удовольствіемъ на униженіе аристократіи, просило для своего удовлетворенія только хлѣба и зрѣлищъ; развратившаяся въ бездѣйствіи и тиранніи знать не способна была проявить малѣйшей энергіи сопротивленія. Слабость республиканскаго правительства, недовольство управляемыхъ классовъ и неутолимое честолюбіе даровитыхъ военачальниковъ столкнулись и зазвучали однимъ согласнымъ аккордомъ. Римская республика превратилась въ римскую имперію, воспользовавшись въ своихъ видахъ вышеприведенной практической римской же философіей.

Христіанство въ политическомъ отношеніи скрывало въ себѣ начала благопріятныя и для римской и для греческой системы монархизма. Римлянинъ по духу и воспитанію, апостолъ Павелъ очистилъ дорогу проведенію начала quod principi placuit, legis habet vigorem, наоборотъ непосредственное ученіе Божественнаго Основателя христіанскаго ученія завѣщало идею подчиненія плоти духу, земнаго авторитета высшей небесной власти. Отвлеченному уму восточнаго грека, византійцу, конечно, роднѣе былъ идеалъ не царя защитника, праведнаго судьи, земного Бога, которому слѣдуетъ ставить статуи, храмы и воздавать божескія почести, но царя представителя божественной мудрости, служителя добра по призванію, высшаго сановника государства, обязаннаго наравнѣ съ прочими дать отвѣтъ передъ Господомъ на страшномъ судѣ Его.

Въ жизни силой можетъ быть навязана только внѣшность,

содержаніе же всегда самобытно, въ особенности въ томъ случаѣ, когда оно духовно. Римъ насильно далъ греко-восточному міру свою форму государственнаго устройства, но не былъ въ состояніи дать идеала. Образованію послѣдняго здѣсь способствовали двѣ силы: унаслѣдованная культура античной древности и излитая на человѣчество мудрость божественнаго Основателя христіанства. Къ такому выводу приводятъ соображенія, касающіяся коренного различія въ стремленіяхъ и воззрѣніяхъ запада и востока. Въ одномъ господствовалъ человѣкъ вознесенный до Бога, въ другомъ Богъ, облекшійся въ человѣческое естество.

При первой возможности византійское государство подверглось переработкѣ въ духѣ восточно-эллинскаго строительства. Мы уже говорили, что, какъ въ древности, такъ и въ сравнительно позднѣйшее время грекъ не выказывалъ ни способности, ни наклонности къ образованію большихъ государственныхъ тѣлъ. И подъ римскимъ владычествомъ и въ періодъ самостоятельности, подъ гегемоніей Византіи, населеніе африканскихъ и малоазійскихъ эллинизованныхъ городовъ оставалось вѣрнымъ политическому сожитію въ видѣ небольшихъ городскихъ общинъ съ оттѣнкомъ тяготѣнія къ народоправству въ смыслѣ областной организаціи. Несмотря на существованіе византійской имперіи, входившіе въ ея составъ города попрежнему смотрѣли на возникшее единство, какъ на союзъ государствъ, сплотившихся съ цѣлью военной самообороны. Этимъ взглядомъ объясняется страсть различныхъ муниципій къ самостоятельности и обособленности, страсть никогда не проявлявшаяся въ городахъ материка Италіи. Хотя, какъ мы пробовали доказать выше, верховная власть Византіи въ значительной степени была ограничена самоуправленіемъ отдѣльныхъ городовъ, всетаки монархія, унаслѣдованная отъ Рима, не была противна восточно-греческому міровоззрѣнію. Справляясь сами со своими общественными дѣлами гражданскаго свойства, греки, не обладавшіе особой склонностью къ поли-

тикѣ, охотно готовы были подчиниться верховному вождю и третейскому безпристрастному судьѣ въ тѣ моменты, когда въ средѣ подданныхъ обнаруживался внутренній разладъ и для приведенія разрозненныхъ силъ въ порядокъ требовалась посторонняя надежная безпристрастная рука. Но вмѣстѣ съ тѣмъ грекъ слишкомъ хорошо зналъ различіе между тиранніей и истинной монархіей для того, чтобы долго обманываться на счетъ дѣйствительнаго характера Римомъ переданной ему власти. До перенесенія столицы римской имперіи съ береговъ Тибра на берега Босфора, восточный міръ не имѣлъ яснаго представленія о существѣ западнаго имперіализма. Съ одной стороны пользуясь относительной автономіей и громадными богатствами, съ другой—будучи удалены отъ непосредственнаго общенія съ императорами, восточные города, какъ это часто бываетъ, приписывали наблюдаемыя злоупотребленія не господствовавшей системѣ, но лицамъ, представителямъ подчиненнаго управленія. Расколъ между двумя частями тогдашняго образованнаго міра измѣнилъ прежній порядокъ вещей.

Имперіализмъ приникъ къ самому тѣлу востока. Далекій отъ какой-бы то ни было чувствительности, онъ показалъ свою истинную природу почти съ первыхъ шаговъ перехода на новую почву. Дальновидный разсчетливый политикъ Константинъ Великій, дѣйствительно, не сразу обнаружилъ конечную цѣль своихъ замысловъ; благородный эллинъ Юліанъ по убѣжденіямъ не могъ отступить вполнѣ отъ роли коронованнаго мудреца, но ихъ преемники не сочли нужнымъ скрываться и измѣнять завѣтамъ римскихъ владыкъ.

Обаяніе императорской власти въ началѣ установилось въ небывалыхъ размѣрахъ, но носители ея, кромѣ приложенія грубой силы, ничего не сдѣлали для поддержанія своего ореола на надлежащей высотѣ. Наслѣдіе политическаго могущества Рима казалось имъ неисчерпаемымъ богатствомъ, не требующимъ пріумноженія, но только охраны отъ притязаній чужихъ

рукъ. Съ перенесеніемъ же столицы въ Константинополь восточный міръ могъ ближе присмотрѣться къ носителямъ римской императорской діадимы и усмотрѣть, какъ мало они походили на Солоновъ, Перикловъ, Александровъ Македонскихъ или Птоломеевъ. Онъ увидѣлъ передъ собой поведеніе Валента, Ѳеодосія, Аркадія и больно прочувствовалъ тяжесть ихъ если не желѣзной, то каменной десницы и черствость столь-же каменнаго сердца. Знаменитое избіеніе Ѳеодосіемъ I возмутившихся ѳессалоникійцевъ сразу показало, какъ опасно шутить съ представителями римскаго самовластія. Императоры до извѣстной степени въ принципѣ еще уважали старинныя вольности греческихъ городовъ, но первый опытъ серьезной ихъ защиты заставилъ забыть всякую терпимость. За упокой души убитаго въ Ѳессаликѣ ѳеодосіева уполномоченнаго Боферика богу мести было принесено въ жертву болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ *). Защита Іоанна Златоуста также обошлась народу дорогой цѣной, если не въ смыслѣ количества убитыхъ, то въ отношеніи поруганія его въ самыхъ священныхъ чувствахъ религіозности и преданности духовному пастырю. Аркадій не постѣснился предать избіенію толпу въ самомъ зданіи св. Софіи. Такому образу дѣйствія государей вольнолюбивый грекъ, восточный міръ естественно долженъ былъ, наконецъ, противупоставить въ своемъ умѣ народный идеалъ монарха печальника о нуждахъ подданныхъ, а не угнетателя ихъ.

Подъ вліяніемъ представленія объ истинномъ царѣ, мудрецѣ и человѣколюбцѣ, населеніе византійскихъ городовъ оказалось мало способнымъ къ безропотному подчиненію выпавшей ему тяжкой доли несенія грѣховъ запада. Побуждаемое притѣсненіями оно безпрерывно волновалось и возвело въ правило переходъ въ чужія земли или призваніе къ себѣ на помощь враговъ отечества. Лѣтописи царствованія императоровъ рим-

*) Гиббонъ, III, 260.

скаго образца отмѣчены массовыми передвиженіями византійцевъ во владѣнія магометанскихъ султановъ, обезпечивавшихъ переселенцамъ болѣе обезпеченное и спокойное существованіе, нежели они имѣли на родинѣ.

Восточный грекъ не могъ примириться ни съ римской политической философіей, ни съ ея практическимъ приложеніемъ къ государственной жизни. На этотъ счетъ у него оказались свои теоріи и взгляды, которыми онъ постарался замѣстить произведеніе чужеземныхъ мудрецовъ. Собственныя представленія о царѣ въ умѣ византійца сложились подъ вліяніемъ соглашенія началъ христіанства съ древней философіей. Авторитетъ Платона, признанный церковью, необходимымъ образомъ долженъ былъ оказать особое вліяніе на политическіе взгляды византійскаго населенія, и, дѣйствительно, обобщая содержаніе разнообразныхъ литературныхъ памятниковъ, мы можемъ изъ нихъ извлечь въ качествѣ наиболѣе характерныхъ, черты чисто платоновскаго идеала монарха. Таковыми чертами въ произведеніяхъ различныхъ византійскихъ авторовъ являются: безстрастіе, самоотверженіе, высшая справедливость, добродѣтельность, мудрость. Восточно-эллинскій книжникъ точно также всегда неукоснительно проводилъ ту мысль, что императоръ не попираетъ законовъ, но не пользуется ими тогда, когда видитъ, что эти преходящія временныя людскія установленія не соотвѣтствуютъ вѣчному закону Премудрости и затрудняютъ осуществленіе истиннаго блага подданныхъ. «Тотъ есть истинный царь, говоритъ, между прочимъ, Іоаннъ Златоустъ *), кто удерживается отъ гнѣва, отъ зависти и все дѣлаетъ по закону Божію, и блюдетъ свой умъ свободнымъ и не позволяетъ душѣ подчиняться сластолюбію; того съ радостью—восклицаетъ названный отецъ церкви, я-бы увидѣлъ царемъ земли, моря, городовъ, народовъ и лагерей. Умѣющій поставить свой умъ господиномъ надъ душевными страстями

*) Цитируемъ по параллельному греко-славянскому тексту Древне-русской Пчелы.

легко съумѣетъ и управлять людьми согласно божественнымъ законамъ. Тотъ-же, кто разсчитываетъ повелѣвать, самъ будучи рабомъ страстей, подвергается осмѣянію со стороны управляемыхъ, вслѣдствіе того, что носитъ золотой убранный драгоцѣнными каменьями вѣнецъ, мудростью-же не увѣнчанъ, тѣло покрываетъ роскошной одеждой, душу-же оставляетъ безъ украшенія». На приведенныхъ словахъ Златоуста ясно сказывается вліяніе философіи Платона, противуположной той, которую развивали тогда же передъ Аркадіемъ враги патріарха: «государь, ты помазанъ Богомъ для того, чтобы не быть подчиненнымъ никому; но чтобы тебѣ подчинялись другіе; тебѣ-же разрѣшено дѣлать все, что угодно» *). Итакъ, уже въ концѣ пятаго вѣка восточный грекъ выступаетъ со своими личными воззрѣніями на монарха и противупоставляетъ ихъ римскимъ.

Примѣры амальгамаціи началъ древней философіи съ христіанскимъ ученіемъ далеко не исчерпываются словами Іоанна Златоуста. Знакомясь со взглядами византійскихъ писателей, ораторовъ, государственныхъ людей и прочихъ дѣятелей на духовномъ и свѣтскомъ поприщахъ, мы во всѣхъ ихъ произведеніяхъ можемъ наблюсти съ большей или меньшей ясностью черты вполнѣ родственнаго характера, сложившагося въ качествѣ слѣдствія взаимодѣйствія силъ эллинско-христіанской культуры. Подробное знакомство со всей богатой литературой Византіи, содержащей въ себѣ указанія на вліяніе ученія церкви и языческой мудрости, въ состояніи представить собою предметъ нарочитой научной работы; мы же коснемся намѣченнаго вопроса лишь настолько, насколько надлежащее его освѣщеніе входитъ въ планъ нашего труда.

Помимо всякихъ косвенныхъ свидѣтельствъ на счетъ того, какъ смотрѣли византійцы на задачи верховнаго правительства **), до насъ дошли непосредственные своды правилъ,

*) Am. Thierry. St. Jean Crysostome, 293.

**) Къ подобнымъ свидѣтельствамъ можно отнести проповѣди и поученія духовныхъ лицъ, рѣчи всевозможныхъ общественныхъ дѣятелей, взгляды исто-

нарочито составленныхъ для руководства государей. Одни изъ таковыхъ сводовъ были написаны частными главнымъ образомъ духовными лицами, другіе явились плодомъ литературной дѣятельности самихъ коронованныхъ особъ Византіи. Что касается первыхъ, то изъ нихъ особенно выдаются: «Царскій свитокъ», «σχεδὴ βασιλικὴ ἔκθεσις καφαλαίων παραινετικῶν σχεδιασθεῖσα παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας,» поднесенный діакономъ софійскаго храма Агапитомъ Юстиніану; Θеофилакта архіепископа Болгарскаго «Сочиненіе о царскомъ воспитаніи», посвященное Константину порфирородному «τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφυλάκτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας παιδεία βασιλικὴ πρὸς πορφυρογέννητον Κωνσταντῖνον. Изъ числа поученій, составленныхъ царственными авторами, особаго вниманія заслуживаетъ «Завѣщаніе» Василія Македонянина сыну Льву. «Βασιλείου τοῦ Ρωμαίων βασιλέως κεφάλαια παραινετικὰ πρὸς ἑαυτοῦ υἱὸν Λέοντα». Всѣ эти три сборника основаній византійской конституціи крайне родственны по содержанію и зиждутся въ руководящихъ мысляхъ на христіанскихъ истинахъ и греческой языческой мудрости древнихъ вѣковъ *).

Въ доказательство выставленнаго положенія приведемъ прежде всего въ вольномъ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ Агапита. Въ «Царскомъ свиткѣ» софійскаго дьякона заключается 72 главы, изъ нихъ мы воспользуемся только нѣкоторыми, наиболѣе содержательными и характерными. «Будучи почтенъ, гласитъ первая глава «Свитка»,—высочайшимъ достоинствомъ, выше всего, о государь, почитай Того, Кто облекъ тебя этимъ высокимъ саномъ. Господь вручилъ тебѣ скипетръ земного властвованія по образу своего небеснаго царства для того, чтобы ты научилъ людей соблюдать справедливость и

риковъ и проч. Между прочимъ, восточно-греческій идеалъ правителя рисуетъ Юліанъ отступникъ въ своей сатирѣ Καίσαρες.

*) Указанныя памятники находятся въ трудѣ Бандури: Banduri. Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim ineditis adornatae et cetera, т. I, 158 и слѣд.

удерживалъ произносящихъ на Него хулу, повинуясь Его законамъ и по закону-же управляя народомъ». Далѣе: «Подобно кормчему, бодрствуетъ прозорливѣйшій духъ государя, крѣпко держа кормило справедливости, и подавляя неправду для того, чтобы корабль государства не погрузился въ пучину бѣдствія» (гл. II). «Божественно и замѣчательно то мудрое правило, требующее, чтобы каждый прежде всего старался познать самого себя. Кто познаетъ самого себя, познаетъ Бога и уподобится ему; уподобится Богу и тотъ, кто сдѣлается его достойнымъ; достойнымъ-же является не творящій ничего противнаго Богу, но и мыслящій божественное и продуманное говорящій и сказанное исполняющій» (гл. III). «Тѣлесной природой государь равенъ всякому человѣку, но властью и саномъ уподобляется высшему повелителю Господу, ибо нѣтъ на землѣ никого, кто былъ-бы его могущественнѣе. Поэтому и самому монарху, какъ Богу, не приличествуетъ быть гнѣвнымъ, подобно простому смертному, ни заносчивымъ» (21 гл.). «Хотя государь есть господинъ надъ всѣми, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наравнѣ съ прочими рабъ Божій. Только въ томъ случаѣ онъ имѣетъ полное право называться господиномъ, если самъ властвуетъ надъ собою и, не поддаваясь влеченію предосудительныхъ страстей, властвуетъ надъ ними при помощи всепобѣждающаго разума» (68 гл.). «Только тогда считай себя царствующимъ благополучно, когда ты повелѣваешь добровольно повинующимися тебѣ людьми. Ибо кто подчиняется противъ желанія, при удобномъ случаѣ производитъ мятежъ; удерживаемый-же цѣпями благодѣяній сохраняетъ прочную преданность господину».

Главнымъ образомъ мы цитировали «Свитокъ» въ тѣхъ статьяхъ, которыя наиболѣе отразили въ себѣ христіанскую и платоно-аристотелевскую философію, послѣдній-же совѣтъ практическаго свойства, несомнѣнно, заимствованъ Агапитомъ изъ византійскаго политическаго обихода и представляетъ собою явленіе чисто мѣстнаго происхожденія, хотя и ему можно поды-

скать философскій первообразъ въ изреченіи Аристотеля: ὁ πολλοῖς φοβερὸς ὢν πολλοὺς φοβεῖται—многимъ страшный самъ многихъ боится.

Поучавшій императора дьяконъ, располагая свой трудъ въ порядкѣ акростиха, не придерживался какой-либо опредѣленной системы при написаніи свитка. Положенія, выставляемыя имъ, часто повторяются, разнообразясь по внѣшности и ничего не говоря новаго по существу; тѣмъ не менѣе одной мыслью служенія монарха во славу Божію на пользу народа проникнуто отъ начала до конца все поученіе.

Въ исторіи нѣтъ положительныхъ указаній на то, кто былъ въ дѣйствительности дьяконъ Агапитъ и по какому случаю онъ поднесъ Юстиніану свой свитокъ; но во всякомъ случаѣ въ его трудѣ можно и должно видѣть отголосокъ политическихъ убѣжденій лучшей части византійскаго общества. Это соображеніе, помимо явныхъ слѣдовъ близкаго знакомства автора свитка съ древней философіей, подтверждается крайней альтруистичностью поученія. Главы его не выговариваютъ какихъ-либо особыхъ правъ или привилегій духовному сословію, несмотря на принадлежность ихъ перу служителя церкви. «Свитокъ», опредѣляя обязанности царя, говоритъ о гражданахъ вообще, не разбивая ихъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, въ равной степени въ отношеніи всѣхъ рекомендуя проведеніе одного и того-же принципа справедливости. Въ этомъ смыслѣ Агапитъ оказался достойнымъ ученикомъ съ христіанской точки зрѣнія понятыхъ античныхъ мудрецовъ, мыслями которыхъ онъ пользовался на каждомъ шагу. Въ самомъ дѣлѣ, третья глава, проповѣдующая мысль о томъ, что, познавая себя, мы познаемъ самого Бога, безспорно находится въ непосредственной связи съ изреченіемъ, начертаннымъ нѣкогда надъ входомъ Дельфійскаго храма γνῶθι σεαυτόν, изреченіемъ, послужившимъ исходной точкой философскихъ сужденій Сократа и его послѣдователей. Платонъ, допустившій отраженіе божественнаго разума въ умѣ человѣческомъ, конечно, только продолжилъ и развилъ эту

мысль. Далѣе, ученія «Свитка» о безстрастіи монарха, абсолютной добродѣтели, справедливости, подчиненія божескому закону и проведенія его въ государственную жизнь въ свою очередь не заставляютъ сомнѣваться въ своемъ происхожденіи отъ греческаго корня, удачно принявшагося на родственной ему почвѣ христіанскихъ идеаловъ.

Еще до Агапита Іоаннъ Златоустъ, говоря картинно объ отношеніи царя къ подданнымъ, по платоновски уподоблялъ ихъ пастуху и стаду, съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что это философское сравненіе совпадало съ евангельскимъ. Агапитъ же непосредственно провелъ параллель подобно Сократу между государемъ и кормчимъ, государствомъ и кораблемъ. Въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе и откровеннѣе сближаетъ христіанскія воззрѣнія съ философскими въ семнадцатой главѣ «Свитка», гласящей, что въ вѣкъ Юстиніана уже наступило, наконецъ, то счастливое, предсказанное древними время, когда начали царствовать философы и царствующіе начали философствовать. «Если съ одной стороны, добавляетъ Агапитъ, философія есть не что иное, какъ любовь къ мудрости, то начало послѣдней есть страхъ Божій». И то и другое, по мнѣнію Агапита, проявили Юстиніанъ съ Ѳеодорой, храня въ душѣ своей стремленіе къ мудрости и благу подданныхъ — невинная, на благія послѣдствія разсчитанная лесть, посредствомъ которой скромный дьяконъ старался обратить большее вниманіе императора на подносимыя ему въ поученіе главы, а, можетъ быть и плохо разсчитанная предосторожность. Несомнѣнно, что въ эпоху расцвѣта византійскаго романизма даже самое уподобленіе монарха философу до извѣстной степени являлось актомъ гражданской доблести. Нужно помнить, что коронованный пастухъ со своей супругой—публичной женщиной, вмѣняли себѣ въ особую заслугу усиленное гоненіе всякаго античнаго мудрствованія.

Представитель византійской интеллигенціи Агапитъ льстиво надѣлялъ Юстиніана тѣми духовными качествами, которыя

ему казались наивысшими, для того только, чтобы имѣть право говорить. Заручившись таковой возможностью, софійскій дьяконъ смѣло совѣтовалъ своему повелителю: обсуждать внимательно малѣйшее дѣло и выбирать въ помощники такихъ же достойныхъ людей, какъ онъ самъ (гл. XXV, XXX, XXXII), быть кроткимъ, справедливымъ, милостивымъ, ровнымъ въ отношеніи всѣхъ, не слушать льстецовъ, довѣрять людямъ, смѣло говорящимъ правду (XIX, XL, XLI, L), не нарушать законовъ, имъ самимъ изданныхъ. «Конечно, говоритъ XVII глава «Свитка», нѣтъ никого на землѣ, кто бы могъ принудить тебя къ исполненію законовъ, но обязанность соблюденія ихъ ты наложи на себя самъ, ибо тѣмъ большую силу ты придашь законамъ, первый оберегая ихъ отъ нарушенія и народу внушишь, что за неповиновеніе онъ не останется безнаказаннымъ».

Написанное триста лѣтъ спустя послѣ Агапитова свитка завѣщаніе Василія Македонина показываетъ, что взгляды византійскаго общества на существо царской власти за этотъ промежутокъ времени не только не измѣнились, но даже еще болѣе утвердились и развились въ томъ же направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, завѣщаніе Василія въ нѣкоторыхъ частяхъ до поразительности напоминаетъ главы Агапита; въ произведеніи, перваго македонянина помѣщенъ тотъ же матерьялъ, но обработанный въ духѣ отеческаго наставленія, обращеннаго къ наслѣднику престола, какъ къ сыну и какъ къ будущему царю. Македонянинъ, подобно Златоусту и софійскому дьякону, прежде всего требуетъ отъ монарха добродѣтельности: «не столько мірское могущество, сколько добродѣтель украшаетъ царя» (VIII); «получивъ въ удѣлъ царствованіе надъ прочими людьми, передъ всѣми ты долженъ первымъ выдаваться по добродѣтели, ибо добродѣтель выше высокаго сана; если ты по сану своему, будучи господиномъ всѣхъ, становишься ниже другихъ по добродѣтели, то по меньшему ты царь, но по лучшему не царь» (X). «Только тогда Господь тебѣ даруетъ побѣду надъ врагомъ, когда ты самъ побѣдишь свои страсти (XI).

Не возносясь высоко, Василій не считалъ себя и сына своего прирожденными мудрецами, подобно орламъ прямо взирающимъ на солнце истины, поэтому положительное знаніе онъ полагалъ однимъ изъ краеугольныхъ камней добраго царствованія: «или нужно быть самому мудрымъ, или слѣдовать указаніямъ мудрецовъ», говоритъ онъ въ пятнадцатой главѣ. «Не лѣнись читать писанія древнихъ, въ нихъ мы обрѣтемъ безъ труда то, чего они съ трудомъ достигли» (LIV).—«Не лѣнись читать совѣты древнихъ мужей, много полезнаго ты найдешь въ нихъ, изъ всѣхъ же преимущественно читай ученія Соломона и Сократа, а если хочешь то и Іисуса Сирахова; когда же будешь совершенъ мудростью, меня царя, твоего руководителя, порадуешь» (LXIV); «царь долженъ помнить, что онъ рабъ Божій наравнѣ со всѣми своими подданными: если хочешь, чтобы Господь былъ милостивъ къ тебѣ, будь и самъ милостивъ къ повинующимся твоей волѣ, ибо хотя ты поставленъ господиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты и рабъ Единаго общаго Владыки» (XIV). Во избѣжаніе смутъ и мятежа, по мысли Василія, монархъ обязанъ соблюдать законы прежде царствовавшихъ императоровъ для того, чтобы преемственно послѣдующіе государи уважили бы законодательство своихъ предшественниковъ: «если мы сами не живемъ по законамъ ранѣе бывшихъ царей, другіе точно также не послѣдуютъ твоимъ, вслѣдствіе чего при взаимномъ отрицаніи разныхъ законовъ все государство преисполнится мятежомъ и смущеніемъ» (XXXII). Помимо законовъ гражданскихъ, царь долженъ повиноваться голосу совѣсти: «совѣсть собственную имѣешь въ качествѣ закона; то, что дѣлается въ душѣ, скрытое отъ людей, зритъ одно это Тотъ, отъ котораго не утаимо ничто» (XL); государь затѣмъ, согласно содержанію «Завѣщанія», выбираетъ себѣ добрыхъ совѣтниковъ и исполнителей, сторонится льстецовъ, выслушиваетъ откровенное слово честныхъ людей, не измѣняетъ своей благосклонности къ достойнымъ ея, всегда пребываетъ кроткимъ, милостивымъ, благожелательнымъ и проч. (XVIII, XXIII, XXVIII, XXXI, XXXVI).

Какъ извѣстно, Василій Македонянинъ былъ среди многихъ часто смѣнявшихся на престолѣ византійскихъ императоровъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которымъ удалось утвердить свою династію на долгое время. Народъ почтилъ особой любовью этого заботливаго монарха, обязаннаго своей исключительной популярностью тѣмъ, что царствованіемъ своимъ онъ приблизительно осуществилъ начертанный сыну образецъ государя и, несмотря на поднятое въ первые дни царствованія знамя реакціи, въ значительной степени содѣйствовалъ проявленію въ государственной жизни чистыхъ византійскихъ началъ. Василій Македонянинъ избралъ тотъ средній философскій путь безотносительной справедливости, котораго придерживался практикъ Солонъ и который вполнѣ соотвѣтствовалъ греко-восточнымъ воззрѣніямъ на обязанности правителя. Въ своемъ поученіи Василій посвятилъ цѣлую главу чести священнической: «почитая церковь, говоритъ онъ и самъ будешь почтенъ отъ нея; стыдись священниковъ, какъ отцовъ духовныхъ и ходатаевъ передъ Богомъ» (Ш). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая должное церкви и ея служителямъ, какъ мы видѣли выше, онъ узаконялъ и авторитетъ древнихъ философовъ, столь любезныхъ сердцу просвѣщеннаго меньшинства, среди котораго, конечно, точно также находилось много духовенства. Какъ видно изъ содержанія труда Василія, онъ далеко не оригиналенъ по замыслу, но тѣмъ большая литературная заслуга должна быть признана за византійскимъ императоромъ, явившимся выразителемъ истинныхъ народныхъ идеаловъ.

Болѣе широкой постановкой вопросовъ, ученостью, опредѣленностью мнѣній отличается еще болѣе позднее сочиненіе Ѳеофилакта Болгарскаго, изобразившаго въ своемъ «Царскомъ воспитаніи» цѣлый политическій трактатъ. Въ поученіи Ѳеофилакта сохранены всѣ философскія начала, заложенныя въ основаніе мнѣній Агапита и Василія Македонянина, но въ ихъ развитіе авторъ прибавляетъ обширныя точныя разсужденія относительно того, что должно назвать правильной и что

неправильной формой правленія. Въ этомъ дѣленіи въ корнѣ авторъ цѣликомъ слѣдуетъ взглядамъ Аристотеля, но прибавляетъ къ положеніямъ Стагирита и собственныя мысли, вдается въ подробности, рисуетъ художественныя картины. Въ своемъ трудѣ Ѳеофилактъ какъ-бы собралъ и переработалъ въ общихъ чертахъ всю политическую мудрость греко-восточнаго міра и противупоставилъ ее мудрости запада. Языкъ его поученій энергиченъ и выразителенъ. «Монархъ, не пользующійся полученными отъ Бога дарами на благо, говоритъ патріархъ въ первомъ титулѣ своей книги, достоинъ сожалѣнія». «Царское достоинство не обладающій царскими добродѣтелями безчеститъ» (II). «Царь прославляется добродѣтелью, а не нарядами» (III). Послѣ такого краткаго, но содержательнаго вступленія патріархъ прямо переходитъ къ изъясненію существа трехъ правильныхъ и трехъ неправильныхъ формъ государственнаго правленія. Останавливаясь на противуположеніи монархіи и тиранніи, авторъ поученія, повидимому, постоянно имѣлъ передъ глазами различныя смѣны теченій византійской исторической и современной ему дѣйствительности. Платоно-аристотелевскія теоріи облекаются въ его произведеніи въ форму общихъ разсужденій, подкрѣпляемыхъ примѣрами реальнаго характера. «Первый признакъ тираннической власти говоритъ Ѳеофилактъ въ VII главѣ своего труда, есть насильственное завладѣніе ею: прежде всего тиранъ добивается господства открытой силой и захватываетъ вожжи правленія безъ какой-бы то ни было подачи голосовъ или согласія гражданъ; онъ похищаетъ и исторгаетъ власть, широко пользуясь убійствомъ и жестокостью». «Войдя въ царскій дворецъ, какія таинства совершаетъ въ потаенныхъ мѣстахъ его?. Онъ весь погружается въ самыя грязныя удовольствія; никому недовѣряя, не имѣя никого дорогимъ себѣ, равнымъ образомъ во всѣхъ видя своихъ враговъ, онъ по прихоти переставляетъ и измѣняетъ законы, забавляясь ими какъ бы бабками или игральными камешками и служа своей жадности, распутству и страстямъ» (VIII).

«Подъ скипетромъ такового владыки, продолжаетъ патріархъ—художникъ слова,—земледѣлецъ въ видѣ плода трудовъ своихъ пожинаетъ только слезы; покончивъ долгіе дни непрерывной работы, возростя посѣвъ до близкой надежды на пользованіе имъ, несчастный видитъ всю жатву унесенной этимъ, такъ сказать, ураганомъ тиранніи; вмѣсто виноградныхъ гроздьевъ, созрѣвшихъ на постоянныхъ заботахъ и пролитомъ потѣ, ему остаются только сорныя травы, подобно иглам терновника терзающія его сердце сознаніемъ неслыханнаго надъ нимъ произведеннаго грабежа. А мореплаватель? Если онъ не проклинаетъ болѣе жестокіе вѣтры и волненія, не успѣвшіе его потопить, то взамѣнъ того онъ испытываетъ еще болѣе ужасныя бури на берегу, въ гавани. Наконецъ, горожане, угнетаемые таковымъ чудовищемъ, подвергаются тѣмъ большимъ и невыносимымъ мученіямъ, чѣмъ ближе они находятся къ этому Минотавру, сосѣдствомъ доставляя удобный путь для обидъ со стороны голоднаго и кровожаднаго звѣря. И такъ у одного внезапно исторгается изъ рукъ имущество, у другого, у несчастнаго отца, похищается для поруганія дочь, дотолѣ свято охраняемая въ своей дѣвической спальнѣ. Что-же сказать о томъ, у кого буйными тѣлохранителями жена уводится на ложе тирана, и такимъ образомъ сердце мужа пронзается остріемъ безпомощной ярости? Пусть онъ попробуетъ прошептать что-нибудь, пусть съ языка его сорвется свободное слово, онъ тотчасъ-же поплатится за несвоевременное вольнодумство и въ своихъ внутренностяхъ почувствуетъ желѣзо подосланныхъ убійцъ, хотя въ данномъ случаѣ несчастному только и остается одно утѣшеніе быть избавленнымъ отъ такового зрѣлища благодѣяніемъ меча» (IX).

Нарисовавъ картину тиранническаго правленія, авторъ переходитъ къ начертанію истинной монархіи: «ты видѣлъ изображеніе тирана, обращается архіепископъ къ поучаемому, посмотри теперь на образъ справедливаго истиннаго государя... Хотя я могъ убѣдиться, что ты уже составилъ себѣ

понятіе о настоящемъ истинномъ правленіи изъ моего описанія тирана, противуположность отвратительныхъ чертъ котораго представляетъ идеалъ добраго правителя, тѣмъ не менѣе для того, чтобы закончить картину, я прибавлю еще нѣсколько красокъ. Итакъ, замѣть прежде всего, что истинный царь самое вступленіе на царство украшаетъ совершенно иной внѣшностью, нежели тиранъ: онъ не достигаетъ трона насиліемъ и царскую тогу не окрашиваетъ въ пурпуръ кровью согражданъ, но принимаетъ верховную власть какъ награду за добродѣтель, вслѣдствіе расположенія и стараній большинства, при содѣйствіи свободно собравшагося и мирно настроеннаго народа... Подобно тому, какъ пчелы не столько выбираютъ царя, сколько признаютъ его по отличительнымъ свойствамъ, точно также народъ того (кто всѣхъ превосходитъ въ добродѣтели), отмѣченнаго исключительностью семейнаго поведенія или извѣстнаго чистотою нравовъ украшаетъ свободнымъ избраніемъ и съ радостью и поздравленіями возводитъ въ высшее достоинство. Таково бываетъ вступленіе на царство и въ нѣкоторомъ родѣ преддверіе правленія народнаго избранника, являющагося радостнымъ, ласковымъ, привлекательнымъ, не приносящимъ съ собой ничего неожиданнаго или грустнаго» (XI), Указывая на мирное занятіе трона истиннымъ государемъ и на столь же мирное признаніе его населеніемъ, Ѳеофилактъ не ограничивается внѣшнимъ опредѣленіемъ законности монархіи, но касается ея существа и съ внутренней стороны. Подобно Василію Македонянину, архіепископъ называетъ помощниковъ царя по управленію государствомъ его друзьями и совѣтуетъ какъ быть очень осмотрительнымъ въ выборѣ послѣднихъ, такъ и дорожить вѣрнѣйшими изъ нихъ. Въ проповѣди преданности друзьямъ Ѳеофилактъ доходитъ до того, что совѣтуетъ монарху безъ боязни ввѣрять себя и государство ихъ попеченіямъ, какъ опытнымъ врачамъ умѣлымъ въ дѣлѣ тѣлосѣченія и прижиганія» (XVII)

Тому, для кого писалось ѳеофилактово поученіе, не прим-

лось, къ сожалѣнію, царствовать и воспользоваться мудрыми совѣтами прямодушнаго наставника, но трудъ архіепископа остался не только памятникомъ пылкаго политическаго краснорѣчія, но и выразителемъ идеала монархіи одиннадцатаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о суверенности народа уже вполнѣ выяснился въ общественномъ сознаніи византійцевъ временъ Михаила Парапинака и его преемниковъ. Хотя и въ безпорядочныхъ проявленіяхъ, восточно-греческія начала все-таки взяли верхъ надъ западно-латинскими. Римскій имперьялизмъ съ его обожествленіемъ самодовлѣющаго носителя верховной власти отошелъ въ область преданій. Нужды нѣтъ въ томъ, что византійское правительство рѣдко приближалось въ дѣйствительности къ тому идеалу, который хранился въ представленіи народа; въ свѣтлыя минуты государственной жизни Византіи этотъ идеалъ проводился въ жизнь и имъ подбрасывался запасъ энергіи силамъ, боровшагося за свою самобытность общества. Если мы окинемъ взглядомъ поведеніе выдающихся монарховъ имперіи, начиная съ Льва III и кончая Мануиломъ Комниномъ, то въ ихъ безпристрастіи, въ уваженіи къ личности, къ знанію, въ безотносительной терпимости въ вопросахъ вѣры, въ домашней порядочности мы увидимъ ясное отраженіе византійской антично-христіанской государственной философіи и стремленіе приблизиться хотя-бы до извѣстной степени къ имъ выставляемому высокому образцу монарха.

На тронѣ начали появляться государи ученые и монархи-философы въ полномъ смыслѣ этого слова. Мечты Платона и Аристотеля какъ-бы осуществлялись на яву. Чтобы приблизиться къ идеалу, императоры народолюбцы призывали всю силу воли и подавляли въ себѣ порывы гнѣва, раздраженія и иныхъ страстей. Они какъ бы переставали жить личной жизнью, цѣликомъ отдаваясь на служеніе государству. Тотъ бы ошибся, кто представилъ бы себѣ, напримѣръ, что извѣстный своимъ необычайно мягкимъ обращеніемъ съ личными врагами, покушавшимися его лишить престола, народный

любимецъ и герой Алексѣй Комнинъ былъ по природѣ добродушнымъ человѣкомъ. Кто помнитъ подробности его борьбы съ архіепископомъ Львомъ, поведеніе по отношенію прощенныхъ заговорщиковъ Діогена и Катакалона и слова, сказанныя умиравшему императору его женою, тотъ навѣрно придетъ къ тому заключенію, что въ государственной дѣятельности своей онъ былъ болѣе все принимающимъ въ соображеніе политикомъ, нежели простодушнымъ добрякомъ. Онъ зналъ свой народъ, зналъ его представленія о монархѣ и удачно извлекалъ пользу изъ этого знанія. Кстати сказать, для того, чтобы проникнуть въ тайну національнаго политическаго самознанія, византійскимъ правителямъ не приходилось дѣлать особыхъ изысканій и усилій. Имъ даже не нужно было обращаться къ первоисточникамъ, т. е. къ древней философіи и Евангелію. Государственные взгляды восточныхъ грековъ на каждомъ шагу сказывались въ ихъ нравахъ, обычаяхъ, пріемахъ. Мало того, трудолюбивые мыслители—книжники перерабатывали общія начала въ видѣ связныхъ поученій, размышленій, совѣтовъ. Мы уже приводили изъ таковыхъ произведеній образчики трудовъ двухъ духовныхъ лицъ и одного императора. Для полноты характеристики подобнаго политическо-литературнаго авторства, однако, намъ кажется не лишнимъ привести нѣсколько выдержекъ еще изъ одного писателя, трудъ котораго изданъ проф. Васильевскимъ подъ названіемъ «Совѣты византійскаго боярина XI вѣка». Сочинитель совѣтовъ не теоретикъ, подобно Агапиту или Ѳеофилакту, но государственный дѣятель практикъ. Онъ не вычитывалъ своихъ поученій, но взялъ ихъ прямо изъ окружавшей жизни, и между тѣмъ всетаки философско-христіанскія теоріи проступили въ его произведеніи едва ли не съ большей силой, нежели въ твореніяхъ начетчиковъ. Таково было вліяніе отечественной культуры. Вотъ, напримѣръ, какія мысли содержитъ въ себѣ одинъ изъ параграфовъ «Совѣтовъ», озаглавленный обращеніемъ: «къ

нынѣшнему царю» *) «если нѣкоторые говорятъ, что царь не подлежитъ закону, но самъ есть законъ, то и я говорю тоже самое, но пусть все, что онъ ни дѣлаетъ и что онъ ни постановляетъ, дѣлаетъ хорошо, и тогда мы повинуемся этому. Если же онъ скажетъ: «выпей яду» то, конечно, ты не исполнишь этого. Или если онъ скажетъ: «войди въ море и переправься вплавь на ту сторону», и то и этого ты не можешь исполнить. Отсюда познай, что царь человѣкъ и подлежитъ благочестивымъ законамъ. Ради того мы и пишемъ это посланіе къ послѣдующимъ благочестивымъ и христолюбивымъ царямъ.: святой господинъ! Богъ возвысилъ тебя на царскій престолъ и по своей благодати сдѣлалъ тебя, какъ это говорится, земнымъ Богомъ—дѣлать и творить, что хочешь: и такъ пусть будутъ поступки твои и дѣянія полны разума и истины, и правда въ сердцѣ твоемъ. Смотри на всѣхъ одинаковыми глазами и поступай сообразно съ тѣмъ со всѣми одинаково, съ находящимися во власти и съ прочими, а не такъ, чтобы однихъ даромъ обижать, а другимъ благодѣтельствовать сверхъ всякаго справедливаго основанія. Будь ко всѣмъ справедливъ: кто погрѣшилъ, пусть приметъ умѣренное наказаніе по винѣ своей; если же помилуешь его и отпустишь его погрѣшности, то это божественное и царское дѣло. Того, кто ничѣмъ не погрѣшилъ противъ тебя, никакъ не огорчай, но, если хочешь, лучше облагодѣтельствуй. Ибо непогрѣшившій лучше въ сравненіи съ погрѣшившимъ, и, если ты сдѣлалъ добро погрѣшившему, а другому нѣтъ, то какъ будто ты сотворилъ злому добро и доброму зло». Нечего распространяться по поводу того, что содержаніе приведенной выдержки является какъ бы краткимъ извлеченіемъ изъ всей государственной философіи византійцевъ-націоналистовъ. Развивая свои мысли далѣе, авторъ «Совѣтовъ», какъ полагаетъ проф. Васильевскій, бояринъ Никулица, посвящавшій свой трудъ Михаилу

*) Совѣты, 128.

VII, сына котораго имѣлъ въ виду Ѳеофилактъ, почти въ тождественныхъ выраженіяхъ повторяетъ положенія высказанныя Іоанномъ Златоустомъ, Агапитомъ, Василіемъ Македонянином. Помимо общихъ мѣстъ о мудрости и великодушной справедливости, требуемыхъ Никулицею отъ царя, въ его произведеніи можно указать цѣлый рядъ параграфовъ, почти буквально возпроизводящихъ теоріи его литературныхъ предшественниковъ. «Не внимай ложнымъ доносчикамъ», совѣтуетъ, напримѣръ, бояринъ одиннадцатаго вѣка *); то же самое говоритъ Василій въ пятьдесятъ третьей главѣ своего «Завѣщанія». «Благодѣянія твои пусть будутъ обдуманы, и пусть ихъ получаютъ люди достойные»—тѣ-же слова находимъ у Агапита въ главѣ XLI. «Будь отцомъ для всѣхъ и всѣ будутъ служить тебѣ съ добрымъ расположеніемъ. Одинъ старый неразумный человѣкъ посовѣтовалъ порфирородному Киръ-Василію, желая ему гибели: «держи народъ въ бѣдности». Держи народъ въ бѣдности и онъ возненавидитъ тебя или даже возстанетъ противъ тебя, ибо ты имѣешь дѣло не съ безсловесными, но съ людьми, одаренными разумомъ, способными разсуждать и понимающими дѣлаютъ имъ добро или зло. Итакъ, державности твоей подобаетъ дѣлать и поступать согласно со страхомъ Божіимъ» **). У Агапита читаемъ въ главѣ XXXV: «только тогда считай себя счастливо царствующимъ, когда владычествуешь надъ добровольно подчиняющимися тебѣ людьми» и пр.» «Царь есть уставъ и образецъ для всѣхъ, гласятъ далѣе совѣты Никулицы—и всѣ смотрятъ и подражаютъ его образу жизни. Итакъ, старайся и пріобрѣти четыре добродѣтели: духовное мужество, справедливость, цѣломудріе и разсудительность ***), и нужно тебѣ имѣть человѣка, боящагося Бога и подающаго добрые совѣты; найди себѣ и ты такого человѣка и дай ему свободу

*) Ibid. 129.
**) Ibid. 136.
***) Ibid. 153.

обличать тебя каждый день въ томъ, что ты сказалъ или сдѣлалъ неразумнаго и не говори: «я обладаю умомъ и все знаю». «Я тебѣ на это: многое ты знаешь, но еще большаго не знаешь». Что всѣ эти совѣты имѣются въ твореніяхъ Агапита, Василія Македонянина и Ѳеофилакта Болгарскаго, видно изъ простого сопоставленія настоящаго текста съ уже цитированными выше выдержками изъ «Свитка», «Завѣщанія» и «Поученія».

Итакъ, всѣ разобранные памятники, принадлежа перу авторовъ различныхъ по своему общественному положенію, раздѣленыхъ другъ отъ друга цѣлыми столѣтіями, пребываютъ до поразительности сходными между собою и на протяженіи многихъ вѣковъ постоянно и неуклонно проводятъ одинаковыя политическія воззрѣнія, рѣзко отличныя отъ тѣхъ, которыя выработала римская жизнь. Изъ этихъ памятниковъ можно прекрасно уяснить всю разницу между идеаломъ монарха, завѣщаннымъ Римомъ и тѣмъ, который сложился на византійской почвѣ. Надо ли повторять, что эти идеалы были настолько-же противуположны другъ другу, насколько кореннымъ образомъ расходились культуры запада и востока. Византіецъ кланялся своему царю въ землю, цѣловалъ ему колѣно въ противность римлянину, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ въ немъ всетаки человѣка, который только добродѣтелью, мудростью и любовью духовно приближается къ божеству. Восточный грекъ былъ хорошимъ подданнымъ: онъ владѣлъ способностью любить своего государя и быть преданнымъ ему до самозабвенія, но только въ томъ случаѣ, если государь возвышался надъ нимъ своей духовной природой. Идеалъ добраго правителя, начертанный перомъ Агапита, Василія Македонянина, Ѳеофилакта Болгарскаго и Никулицы снимаетъ, между прочимъ, и съ народныхъ движеній Византіи тотъ характеръ буйства безсмысленной черни, который близоруко ему приписали нѣкоторые мѣстные писатели. Византійскій народъ не былъ тѣмъ празднымъ, приниженнымъ plebs'омъ, который жилъ подачками императора на улицахъ

и площадяхъ Рима; наоборотъ, онъ представлялъ собою честнаго, спокойнаго труженика и только въ минуты крайностей разлада политической мечты съ дѣйствительностью превращался въ уличнаго бунтовщика.

Византійца укоряютъ въ раболѣпной приниженности въ обращеніи съ высшими себя. Подобное мнѣніе стало общимъ мѣстомъ. Исходя изъ него одинъ молодой даровитый, но нѣсколько субъективный въ своихъ выводахъ, русскій ученый г. Безобразовъ выставляетъ раболѣпнаго угодливаго Михаила Пселла типомъ византійца, развратнымъ дѣтищемъ развратнаго общества *). Исключительное низкопоклонство, грубую лесть названнаго государственнаго человѣка упомянутый изслѣдователь такимъ образомъ возводитъ въ качество господствующей черты нравовъ византійскаго населенія. Нисколько не думая защищать предосудительности поведенія Пселла, мы вмѣстѣ съ тѣмъ положительно отказываемся видѣть въ личности наставника Михаила Седьмого типъ истиннаго византійца. Трудно опредѣлить съ точностью, къ какой партіи принадлежалъ этотъ къ всему приспособлявшійся человѣкъ, но во всякомъ случаѣ извѣстно, что онъ вращался главнымъ образомъ въ придворной средѣ, т. е. какъ разъ въ той, гдѣ національностическія истинно византійскія теченія были всего слабѣе. Женщины, евнухи, монахи, заправлявшіе государствомъ при императорахъ, въ царствованіе которыхъ главнымъ образомъ подвизался Пселлъ, далеко не изображали собой не только всего государства, но даже малой его части. А между тѣмъ среди нихъ именно сложилась нравственная личность философа-царедворца. Что качества его характера не были господствовавшими, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что, не смотря на всю извѣстность Пселла, какъ ученаго, многіе изъ лучшихъ людей его времени относились къ нему чуть-ли не съ презрѣніемъ. Такъ, напримѣръ, рѣшительно не переваривалъ

*) Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ, заключительныя строки.

Пселла Михаилъ Кирулларій. По собственному признанію философа, когда на возвратномъ пути послѣ неудачнаго посланничества отъ Михаила Стратіотика къ Исааку Комнину, онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ новымъ императоромъ въ столицу и разсыпался передъ нимъ въ льстивыхъ двусмысленностяхъ и заискиваньи, тотъ сурово отвѣтилъ: «мнѣ больше нравилась твоя тогдашняя гордая рѣчь, чѣмъ теперешняя льстивая, меня прославляющая» *). Нерасположеніе къ философу очень многихъ, не смотря на его искательскія дарованія, явствуетъ также изъ его статьи, написанной къ завидующимъ данному ему титулу ипертима **).

Поднявшійся изъ ничтожества философъ, подобно многимъ людямъ не только византійскаго происхожденія, за отсутствіемъ душевнаго благородства съ одной стороны и вслѣдствіе сознанія своего одиночества въ придворномъ кругу, гдѣ у него не было ни родственныхъ ни дружескихъ связей, съ другой, выбралъ себѣ въ качествѣ союзниковъ лесть и низкопоклонство; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ являлся типомъ современнаго ему общества. Этому противорѣчитъ самая исключительность общественнаго положенія Пселла, оказывавшагося повсюду инороднымъ тѣломъ.

Мы неоднократно, имѣли случай убѣдиться что средній византіецъ былъ склоненъ разговаривать съ сильными міра далеко не тѣмъ языкомъ, которымъ пользовался Пселлъ въ перепискѣ съ евнухомъ Параспондиломъ или въ панегирикахъ Ѳеодорѣ. Нельзя упрекнуть въ низкопоклонствѣ Златоуста, начавшаго одну изъ своихъ проповѣдей противъ Евдокіи словами: «Иродіада снова приходитъ въ ярость; Иродіада снова начинаетъ танцовать; она снова требуетъ голову Іоанна». Очень слабой и неумѣлой лестью прикрылъ Агапитъ свои болѣе чѣмъ смѣлыя на взглядъ римскаго императора совѣты государю.

Ѳеофилактовы поученія не только свободны, но даже

*) Ibid. 70.
**) Ibid. 54.

рѣзки; Никулица откровененъ до грубости. «Не желай нажиться на счетъ твоего города или на счетъ находящейся подъ твоей властью страны, писалъ онъ Михаилу.—Я со своей стороны говорю, что всѣ люди суть чада одного человѣка Адама, какъ цари и правители, такъ и снискивающіе трудомъ хлѣбъ свой. Человѣкъ, будучи существомъ разумнымъ, если захочетъ, дѣлается, по Божьей благодати, самъ Богомъ».

Рѣчь Никулицы особенно важна для характеристики общественной нравственности византійскаго высшаго класса. Относительно свободы рѣчи Ѳеофилакта или Іоанна Златоуста можно возразить, что ихъ откровенность защищалась высокимъ духовнымъ саномъ. Что же касается Никулицы, то въ качествѣ отставного генерала, онъ не располагалъ никакими средствами внѣшнихъ гарантій. Поэтому, съ римской точки зрѣнія ему нужно было имѣть много гражданскаго мужества для того, чтобы писать всесильному императору свои нижеслѣдующія воспоминанія и нравоученія: «я видѣлъ низложеннаго царя киръ-Михаила, бывшаго нѣкогда кесаремъ; утромъ, при восходѣ солнца, онъ былъ могущественнымъ государемъ, а въ третьемъ часу дня жалкимъ и покинутымъ слѣпцомъ. Не надмевайся, государь, славою царства твоего и не полагайся самонадѣянно на свое могущество, не говори: «кто низведетъ меня съ высоты славы моей»?—одно небольшое мгновенье времени, говоритъ великій мудростью Григорій Богословъ, и совершается великій переворотъ въ дѣлахъ» *). Если-же Никулица такъ говорилъ, значитъ, его слова не были чѣмъ-то неслыханнымъ въ Византіи. И, дѣйствительно, они являлись только гласомъ народа, гласомъ Божіимъ, къ которому чутко прислушивались позднѣйшіе императоры философы, вмѣнявшіе себѣ въ обязанность преклонять ухо ко всякаго рода правдѣ. Подданные подчасъ даже злоупотребляли этой внимательностью, но тѣмъ болѣе они удалялись въ такихъ случаяхъ отъ образца пселлова царедворства.

*) В. Г. Васильевскій, Совѣты, 158—159.

§ 3. Реализація народныхъ стремленій въ законѣ и обычаѣ.

Въ одномъ изъ памятниковъ византійскаго права имѣется сборникъ, въ общихъ чертахъ отражающій въ себѣ лишь съ нѣкоторыми особенностями идеалъ царя, сложившійся въ представленіи восточно-греческаго общества и нашедшій себѣ, какъ мы указали выше, выраженіе въ свиткахъ, подносимыхъ императорамъ, проповѣдяхъ, поученіяхъ свѣтскаго характера и прочихъ литературныхъ компиляціяхъ. Мы говоримъ объ Эпагогѣ, относительно законодательнаго значенія которой еще не всѣ ученые пришли къ одному опредѣленному соглашенію.

Цахаріэ фонъ Лингенталь, пораженный противорѣчіями положеній Эпанагоги относительно имущественныхъ отношеній супруговъ съ возстановленнымъ Василіемъ Македонянином юстиніановымъ правомъ, сбитый съ толку нахожденіемъ въ текстѣ сборника прямо противоположныхъ другъ другу текстовъ, пришелъ къ тому выводу, что означенный сборникъ никогда не выходилъ въ свѣтъ въ качествѣ закона и навсегда остался на степени необнародованнаго проекта. Русскій ученый проф. Сокольскій *) представилъ, однако, подробныя и вѣскія замѣчанія на мнѣнія Цахаріэ и въ сильной степени подорвалъ доводы нѣмецкаго писателя. Цахаріэ смутило существованіе въ Эпанагогѣ отрывковъ Исаврійской Эклоги наряду съ текстами чисто римскаго происхожденія; но, какъ указываетъ проф. Сокольскій представляется страннымъ, почему статьи, противорѣчащія византійскому праву первой эпохи, несмотря на ясно выраженное намѣреніе Василія Македонянина неукоснительно держаться старинныхъ образцовъ, могли быть допущены въ проектѣ, и непремѣнно долженствовали быть забракованными въ обязательномъ текстѣ? Если законодатель допустилъ противорѣчія въ проектѣ, значитъ онъ колебался въ выборѣ

*) О характерѣ и значеніи Эпанагоги. Византійскій временникъ 1894 г. Т. I, вып. I, стр. 22.

нормъ, а если онъ колебался, то, конечно, очень легко могъ склониться и въ сторону гонимой исаврійской Эклоги, уступая давленію необходимости.

Въ Эпанагогѣ существуетъ несомнѣнная непослѣдовательность и содержаніе ея безспорно противорѣчитъ Юстиніанову кодексу, но явленіе такого рода объясняется очень просто, безъ того, чтобы для рѣшенія вопроса было необходимо прибѣгать къ отрицанію законодательнаго характера разбираемаго сборника. «Во времена изданія Прохирона, говоритъ проф. Сокольскій, право, установленное исаврійскими императорами, должно было уступить мѣсто юстиніанову праву только потому, что оно исходило отъ императоровъ иконоборцевъ; но уже на первыхъ шагахъ выяснилась необходимость сохраненія изъ законодательства исаврійцевъ того, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ догматамъ вѣры. Да оно и немогло быть иначе. Вѣдь Эклога есть только окончательное выраженіе того, что подготовлялось вѣками. Въ этомъ памятникѣ нашелъ свое завершеніе начавшійся за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ на Востокѣ процессъ преобразованія римскаго права въ византійское. Вотъ почему императоры македонской донастіи, съ большой энергіей устранивъ изъ области религіи и церковныхъ дѣлъ всѣ новшества исаврійцевъ, въ области свѣтскаго права принуждены были согласиться на различные компромиссы. По этому они и возвращаются въ Эпанагогѣ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ къ началамъ Эклоги» *).

Что разсужденія проф. Сокольскаго имѣютъ подъ собой прочную почву, объ этомъ нечего распространяться. Они построены на историческомъ пониманіи соотвѣтствующей эпохи и могутъ найти подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ ихъ поясняющихъ фактовъ. Прежде всего, какъ мы упоминали выше, вполнѣ доказано, что Эклога не только непосредственно вліяла на Прохиронъ, но при помощи послѣдняго попала даже въ самыя

*) Ibid.

Василики, въ уголовный отдѣлъ ихъ; кромѣ того извѣстно, что дѣятельность государей македонской династіи по изданію новеллъ во многихъ случаяхъ прямо возстановляла положенія Эклоги и такимъ образомъ прямо отказывалась отъ неуклонной вѣрности реакціи. Еще проще истолковывается существованіе противорѣчія въ самомъ содержаніи Эпанагоги. Критика текста доказываетъ, что главы 12—17 XIV титула сборника, никакъ несогласимыя съ главами 5—9 того же титула, въ легальной редакціи не существовали и были внесены въ разбираемый памятникъ позднѣе. Объ этомъ говоритъ схоліастъ Эпанагоги, и самъ Цахаріэ вначалѣ держался такого же мнѣнія и только позднѣе отступилъ отъ него по догадкѣ, что составитель указанныхъ схолій былъ въ то же время однимъ изъ ревизоровъ законопроекта. Проф. Сокольскій опровергаетъ этотъ второй отрицательный взглядъ германскаго ученаго, свидѣтельствуя, что схоліастъ Эпанагоги писалъ свои замѣчанія уже послѣ смерти Василія Македонянина, при которомъ сочинялась Эпанагога. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что къ первымъ словамъ главы 9 титула XIX Эпанагоги относится, напримѣръ, схолія, упоминающая 106 повеллу Льва Мудраго *). Помимо двухъ приведенныхъ третій доводъ Цахаріэ, съ которымъ также борется русскій изслѣдователь, заключается въ томъ, что нѣмецкій ученый не могъ согласить въ своемъ представленіи законодательство Льва Мудраго, воспроизводившаго положенія Эпанагоги, съ существованіемъ этого сборника въкаче ствѣ закона, не нуждавшагося въ воспроизведеніи. Сомнѣніе это также разрушается въ виду наличности того факта, что новеллы Льва не только воспроизводили Эпанагогу, но также и измѣняли ее, чему свидѣтельствомъ, между прочимъ, можетъ служить, напримѣръ, измѣненіе, внесенное 109 новеллой въ девятую главу девятнадцатаго титула законодательнаго акта Василія **).

*) Ibid. 23.

**) Ibid. 23.

Знаменательно, что Эпанагога, случайно поколебавшая довѣріе къ себѣ въ умѣ Цахаріэ, не возбуждала зато никакихъ сомнѣній на счетъ своей подлинности въ другомъ знатокѣ византійскаго права Мортрейлѣ, который даже считалъ этотъ памятникъ введеніемъ къ ἀναχάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων. «Basile avait déjà promulgué les quarante livres qui composaient le récueil qu'il a appelé Révision des anciennes lois, lorsqu'il publia, pour servir d'introduction à ce récueil, une seconde édition du Prochiron» *). Къ мнѣнію Мортрейля цѣликомъ присоединяется проф. Азаревичъ **). Къ тому-же взгляду, повидимому, склоняется и проф. Васильевскій ***). Такимъ образомъ, согласно мнѣнію большинства высказавшихся за аутентичность Эпанагоги ученыхъ, съ достаточной увѣренностью мы можемъ принять ее какъ актъ законодательной подлинности и отнестись къ нему съ довѣріемъ большимъ нежели, къ простому частному сборнику, говорящему о томъ, что должно было быть, но не о томъ, что есть на самомъ дѣлѣ.

Для насъ положенія Эпанагоги чрезвычайно важны въ томъ смыслѣ, что они оффиціально узаконили народныя византійскія воззрѣнія на царя и такимъ образомъ закрѣпили, оформили данныя народнаго правосознанія, сказавшагося въ различныхъ литературно-политическихъ памятникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ текстѣ Эпанагоги, въ титулахъ, относящихся къ юридическому положенію монарха, мы можемъ найти въ краткомъ извлеченіи всю философіи Солона, Платона, Аристотеля, Іоанна Златоуста, Агапита, Никулицы, Ѳеофилакта и, наконецъ, самого автора руководства къ Анакатарзису, Василія Македонянина. Вотъ каково содержаніе первыхъ пяти главъ Эпанагоги: «царь есть законом ѣрная власть говоритъ первая глава, общее благо всѣхъ подданныхъ, ни наказующая изъ ненависти, ни награждающая по пристрастію; царь, какъ справедливый посред-

*) Mortreuil, II, 40.

**) Исторія византійскаго права, II, 24.

***) Законод. иконоборцевъ. Ж. М. Н. П. 1878, № 199, 272.

никъ въ состязаніи, каждому воздаетъ должное по заслугамъ. Βασιλεύς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία, κοινὸν ἀγαθὸν πᾶσι τοῖς ὑπηκόοις, μήτε κατὰ ἀντιπάθειαν τιμωρῶν, μήτε κατὰ προσπάθειαν ἀγαθοποιῶν, ἀλλὰ ἀναλόγως τοῖς ἀγωνοθέταις παρεχόμενος (I). «Задача царя заключается въ томъ, гласитъ вторая глава, чтобы блюсти и охранять кротостью общественныя силы, разстроенныя возстановлять неустанной заботливостью, не находящіяся въ рукахъ пріобрѣтать при помощи мудрости справедливыхъ завоеваній. Σκοπὸς τῷ βασιλεῖ τῶν τε ὄντων δυνάμεων δι' ἀγαθότητος ἡ φυλακὴ καὶ ἀσφάλεια, καὶ τῶν ἀπολωλότων δι' ἀγρύπνου ἐπιμελείας ἡ ἀνάληψις, καὶ τῶν ἀπόντων διὰ σοφίας καὶ δικαίων τρόπων καὶ ἐπιτηδευμάτων ἡ ἀνάκτησις (II). «Конечная цѣль дѣятельности государя есть благодѣтельствованіе всѣмъ, вслѣдствіе чего онъ и называется благодѣтелемъ. Такъ что, если когда нибудь онъ ослабѣваетъ въ исполненіи добрыхъ дѣлъ, то, какъ учатъ древніе, самая природа царской власти извращается. Τέλος τῷ βασιλεῖ τὸ εὐεργετεῖν, διὸ καὶ εὐεργέτης λέγεται καὶ ἥνικα τῆς εὐεργεσίας ἐξατονήσῃ, δοκεῖ κιβδηλεύειν κατὰ τοὺς παλαιοὺς τὸν βασιλικὸν χαρακτῆρα (III). Царь есть судья и хранитель всего того, что заключается въ священномъ писаніи, того, что было установлено на семи святыхъ вселенскихъ соборахъ и того, что опредѣлено римскими законами. Ὑπόκειται ἐκδικεῖν καὶ διατηρεῖν ὁ βασιλεὺς πρῶτον μὲν πάντα τὰ ἐν τῇ θείᾳ γραφῇ γεγραμμένα ἔπειτα δὲ καὶ τὰ παρὰ τῶν ζ ἁγίων συνόδων δογματισθέντα· ἔτι δὲ καὶ, τοὺς ἐγκεχριμμένους ῥωμαικοὺς νόμους (IV). Наконецъ, въ пятой главѣ самой выдающейся обязанностью царя объявляется защита правовѣрія и благочестія, въ каковыхъ добродѣтеляхъ государь долженъ превосходить всѣхъ.

Эпанагога подробно останавливается на тѣхъ основныхъ богословско-христіанскихъ дефиниціяхъ, которыя такъ долго и глубоко и ранѣе и позже волновали византійское общество. Она говоритъ о св. Троицѣ, воплощеніи Сына Божія, соединеніи въ немъ двухъ естествъ и двухъ воль.

Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ происхожденіе текста

Эпанагоги нужно не упускать изъ виду, что она явилась порожденіемъ реакціонной эпохи, въ которой правая сторона получила значительный перевѣсъ. Казалось-бы, въ этомъ отношеніи нужно было-бы ожидать въ законодательномъ памятникѣ полнаго торжества западническихъ идей, въ той-же Эпанагогѣ предавшихъ чуть-ли не проклятію народническія новшества исаврійцевъ; между тѣмъ, вмѣсто предполагаемаго гоненія мы находимъ непосредственное содѣйствіе осуществленію націоналистическихъ идеаловъ. Очевидно, съ одной стороны, составители Эпанагоги были обмануты авторитетомъ учителей церкви, исповѣдывавшихъ одинаковыя съ народомъ политическія убѣжденія, съ другой стороны, давленіе націоцалистической струи было такъ сильно, что не уступить ему не представлялось возможности. Торжество правой сказалось, однако, ощутительнымъ образомъ во всѣхъ главахъ о патріархѣ, котораго духовенство, при содѣйствіи предполагаемаго редактора Эпанагоги Фотія вознесло на высоту почти папскаго положенія и выставило властью чуть-ли не равною царю. Впрочемъ, это нововведеніе лишенное корней въ народномъ сознаніи, оказалось мертворожденнымъ. Впослѣдствіи въ столкновеніяхъ съ патріархами государи не стѣснялись ихъ узаконенными преимуществами и очищали и замѣщали патріаршія каѳедры по своему усмотрѣнію. Народъ не мѣшалъ монархамъ въ этомъ отношеніи. Только разъ константинопольцы возстали при Аркадіи на защиту патріарха, но и то ихъ рвеніе было основано на личномъ обаяніи архипастыря, на святости и необычайной чистотѣ его отшельнической жизни независимо отъ прерогативъ носимаго имъ сана. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ населеніе относилось къ подчиненію патріаршей власти царямъ равнодушно.

Итакъ, уже въ девятомъ столѣтіи Византійская имперія окончательно сложилась въ особый типъ абсолютной монархіи, основанной на томъ закрѣпленномъ въ законѣ восточно-эллинскомъ представленіи, что царь есть источникъ всякихъ благъ для

народа, заступникъ отъ утѣсненій, верховный судья, блюститель чистоты вѣры, охранитель и толкователь закона. Пока онъ правитъ на благо подданныхъ и страхъ врагамъ—учили и народное правосознаніе и положительный законъ,—всякій долженъ подчиняться ему безпрекословно, но когда онъ перестаетъ хотѣть блага, то, какъ говорили уже древніе, природа его власти извращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется и отношеніе къ нему гражданъ. Преисполненный желаньемъ блага подданнымъ, царь, подобно правителю философу Платона изыскиваетъ пути Господа, вспоминаетъ предвѣчную мудрость, не стѣсняясь съ писаннымъ или неписаннымъ закономъ, но въ томъ случаѣ, когда онъ не стремится осуществить идеалъ, законъ полагаетъ естественную преграду его дѣйствіямъ.

Съ точки зрѣнія массы византійскаго населенія, государю, желавшему блага подданныхъ, земная власть вручалась во всемъ ея объемѣ, вслѣдствіе чего, по образному выраженію востока, монархъ являлся какъ-бы земнымъ Богомъ *). Отсюда слѣдуетъ, что, говоря новѣйшимъ юридическимъ языкомъ, въ рукахъ византійскаго императора нераздѣльно и совокупно сосредоточивались всѣ функціи верховенства свѣтскаго и духовнаго, и всѣ отрасли власти законодательной, исполнительной, судебной. Прежде всего, конечно, царь являлся главой законодательной власти. Какъ мы сказали выше, въ дѣланіи добра онъ не связывался законами и по воззрѣніямъ народа и по личному сознанію. Благожелательная воля его въ принципѣ должна была пользоваться силой закона. Въ этомъ смыслѣ византійская монархія по существу своему была даже абсолютнѣе римской. Положеніе princeps legibus solutus est породилось посредствомъ произвольнаго толкованія личныхъ частныхъ привилегій императора, привилегій вначалѣ довольно ограниченныхъ. Внѣзаконность византійскаго монарха основывалась на признаніи его мудрецомъ, прони-

*) Сравн. наставленія Никулицы въ книгѣ В. Г. Васильевскаго. Совѣты визант. боярина.

кающимъ въ тайны сокровеннаго, помазанникомъ Божіимъ, возвышающимъ земное царство по образцу небеснаго. Восточный грекъ съ полнымъ довѣріемъ безъ всякихъ ограниченій вручалъ свою судьбу монарху, котораго въ идеалѣ онъ признавалъ совершеннѣйшею личностью, олицетвореніемъ всяческихъ добродѣтелей. Узурпація, насиліе крылось въ самой правовой формулѣ римскаго имперьялизма, въ то время, какъ византійскій абсолютизмъ истекалъ изъ природы духа и философскаго міровоззрѣнія населенія. Отсюда возникло то естественное явленіе, что, напримѣръ, при Юстиніанѣ, въ царствованіе котораго еще сохранились въ порядкахъ законодательства нѣкоторыя республиканскія формы и вольности, творчество въ правѣ въ большей степени связывалось съ личной дѣятельностью и усмотрѣніемъ монарха, нежели въ девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ, когда всякіе внѣшніе признаки народоправства исчезли совершенно. Романизованные византійскіе монархи старались жизнь вогнать въ придуманныя формы, императоры націоналисты закономъ закрѣпляли реальныя отношенія дѣйствительности. Государи перваго періода стремились только приказывать; цари послѣдующихъ эпохъ предпочитали разрѣшать. Поэтому во времена Константиновъ, Ѳеодосіевъ, Юстиніановъ и ихъ единомышленниковъ въ законодательствѣ на первый планъ выступалъ односторонній произволъ личности, при исаврійцахъ, македонянахъ и комнинахъ въ законѣ выливалась сама жизнь византійскаго общества.

Эта передача творческой работы въ правѣ изъ рукъ правительства въ руки населенія и имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Только съ теченіемъ времени и въ силу многихъ независѣвшихъ отъ нея обстоятельствъ власть отказалась отъ права созидать содержаніе закона, оставивъ за собой лишь прерогативу его санкціонированія. Во времена Юстиніана и ранѣе подлежавшіе изданію законы цѣликомъ составлялись въ императорскихъ канцеляріяхъ, затѣмъ подписан-

ные монархомъ получали обязательную силу и доводились до всеобщаго свѣдѣнія. Законодательные акты того времени издавались въ формѣ всевозможныхъ конституцій, oratio ad senatum, эдиктовъ къ преторіанскимъ префектамъ и проч. Рядомъ съ императоромъ законодательный характеръ нѣкоторое время сохраняли только formae (τόποι) преторіанскихъ префектовъ и эдикты этихъ-же чиновниковъ въ столицахъ *). Все болѣе и болѣе секвестрируя разбросанныя функціи государственной власти, римскіе императоры, между прочимъ, постепенно уничтожили также jus respondendi выдающихся юристовъ. Съ изданіемъ Дигестъ, Кодекса и Институцій Юстиніанъ запретилъ не только правообразованіе частными усиліями юристовъ, но даже толкованіе и критику текста учеными. Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы съ одной стороны сообщить новымъ законодательнымъ памятникамъ необходимую устойчивость, а съ другой для того, чтобы совершенно устранить отъ участія въ созиданіи юридическихъ нормъ частныхъ лицъ. Распоряженіе Юстиніана подвергло жизненность греко-римскаго права опасности уничтоженія. Къ счастію византійскіе юристы нашли возможнымъ обойти нелѣпый указъ, грозившій таковымъ же застоемъ правовѣдѣнію, каковой былъ уже порожденъ въ наукѣ богословія и философіи истинно драконовскими распоряженіями благочестиваго супруга добродѣтельной Ѳеодоры.

По буквѣ закона, запрещеніе Юстиніана касалось только письменной обработки законодательныхъ текстовъ. Это обстоятельство помогло профессорамъ придти къ тому убѣжденію, что указъ не относился къ предмету устныхъ толкованій **). Разсуждая такимъ образомъ, ученые правовѣды позволили себѣ пояснять отдѣльныя мѣста законовъ соотвѣтствующими примѣрами, сопоставлять сходственные тексты, разрѣшать противорѣчія расходящихся между собою положеній; слушатели принялись записывать толкованія, и этимъ путемъ понемногу

*) Виллемсъ, II, 669.

**) Азаревичъ. Исторія византійскаго права, I. 69 и слѣд.

создались обширные комментаріи къ законнымъ книгамъ сперва въ видѣ ученическихъ тетрадей, а потомъ и въ видѣ обращавшихся въ публикѣ отдѣльныхъ томовъ. Насколько при этомъ вольно въ отечественномъ демократическомъ духѣ толковалось римское право, напримѣръ, юстиніановы институціи, можно убѣдиться изъ дошедшихъ до насъ парафразъ Θеофила. Этотъ юристъ, несмотря на установившіеся новые порядки въ законодательствѣ, по прежнему говорилъ объ участіи въ правообразованіи народа, плебса, сената, монарха, магистратовъ и ученыхъ юристовъ города Рима. Въ умѣ византійскаго грека, очевидно, не уживалось представленіе объ окончательной секвестраціи законоподготовительной власти монархомъ безъ какого бы то ни было участія народа въ широкомъ смыслѣ этого слова. Оно и было понятно. Теорія восточно-греческаго философско-теократическаго абсолютизма еще не узаконилась въ эту эпоху, а поведеніе романизованныхъ государей было далеко отъ того, чтобы къ нимъ вполнѣ былъ приложимъ титулъ благодѣтелей τῶν εὐεργετῶν. Отсюда становится ясно, почему Θеофилъ продолжалъ настаивать, что sex sunt, qui apud Romanos jura constituunt: populus, plebs, senatus, princeps, magistratus et prudentes urbis Romae *). Θеофилъ не могъ отрѣшиться отъ того взгляда, что право законодательства принадлежало императору только въ качествѣ привилегіи, раздѣляемой имъ съ другими государственно-общественными учрежденіями. Исходя изъ текстовъ институціи, Θеофилъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ разъяснялъ различіе между народомъ вообще и чернью. Plebs a populo, говоритъ онъ,—eo differt, quo species a genere. Nam appellatione populi omnes cives significantur, connumeratis etiam patriciis et senatoribus. At plebis nomine sine patriciis et senatoribus ceteri cives veniunt **). При сопоставленіи этой парафразы съ вышеприведенной, становится яснымъ, что

*) Theophili paraphrasis graeca in juris civilis institutiones, изд. Stoer стр. 19.

**) Ibid.

плебсъ, τὸ πλῆθος, по мнѣнію Ѳеофила, какъ собраніе гражданъ, не отличавшихся родовитостью или чиновностью, тѣмъ не менѣе располагалъ самостоятельной правообразующей силой.

Съ легкой руки Ѳеофила и другихъ глоссаторовъ шестого вѣка, несмотря на запретительныя юстиніановскія мѣры, творческая дѣятельность византійскихъ юристовъ не только не отстала, но пошла значительно далѣе римскихъ. Вмѣсто классическихъ отдѣльныхъ отвѣтовъ и юридическихъ монографій съ характеромъ закона, византійцы постепенно начали издавать частными усиліями цѣлые самостоятельные законодательные сборники, въ виду своихъ достоинствъ пріобрѣтавшіе весь необходимый авторитетъ для того, чтобы состязаться въ значеніи съ утвержденными верховной властью уложеніями. Въ особенности подобные сборники сдѣлались извѣстны въ области каноническаго права, гдѣ серія ихъ заняла выдающееся мѣсто. Точно также распространились частные сборники свѣтскаго права. Эти неоффиціальные своды подъ конецъ совершенно вытѣснили собой, начиная съ одиннадцатаго вѣка, мертворожденныя Василики. Кодификаціонная путаница македонскаго періода особенно много содѣйствовала успѣху частныхъ законособирательныхъ и законосоставительныхъ работъ. Возродившіеся послѣ смерти Василія Эклога, Прохиронъ, Эпанагога вслѣдствіе своей неполноты, не могли вполнѣ удовлетворить потребностямъ населенія; текстъ Василикъ въ значительной степени утратилъ свою обязательность вслѣдствіе выхода въ свѣтъ обилія ему противорѣчившихъ новеллъ. Указанныя причины вызвали появленіе обращенія въ народѣ ряда частныхъ кодификаціонныхъ трудовъ, вродѣ синопсисовъ Атталіата, Пселла, всевозможныхъ Эпитомъ, Эклогъ, сообразованныхъ съ Прохирономъ, дополненныхъ Эпанагогъ и проч.

Рядомъ съ дѣятельностью извѣстныхъ ученыхъ юристовъ право попрежнему не переставала творить судебная практика, закрѣплявшая новыя формы права въ видѣ судебныхъ рѣшеній ψῆφοι, процессуальныхъ дѣйствій σημειώσεις, судебныхъ

совѣщаній μελέται; правовымъ значеніемъ начали пользоваться, точно также, министерскіе наказы, подобные сентенціямъ магистра Козьмы. Не смотря на процессуальное наименованіе этихъ наказовъ ψῆφοι, они являлись на самомъ дѣлѣ административными распоряженіями, ничего общаго съ судебнымъ рѣшеніемъ не имѣвшими *).

Не переставало складываться и даже измѣнять государственныя учрежденія Византіи на всемъ протяженіи многовѣковаго существованія имперіи обычное право. Эклога, какъ мы знаемъ, возникла подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; оно же содѣйствовало преобразованію крѣпостной зависимости крестьянъ и сложенію въ корпораціи городского населенія. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что, не взирая на свой абсолютизмъ, позднѣйшіе византійскіе императоры не стѣсняли самостоятельности правообразованія въ средѣ подчиненнаго имъ общества, и что это нисколько не противорѣчило существу ихъ полновластія. Верховенство, высшая санкція права, неизмѣнно оставалась въ рукахъ монарха. Никакой земной законъ не связывалъ волю государя въ дѣланіи того, что онъ считалъ благомъ. Какъ говорилъ Алексѣй Комнинъ въ тринадцатой новеллѣ: «ἔξεστι γὰρ τοῖς ἐκ θεοῦ τὴν οἰκονομίαν, τῶν κοσμικῶν ἐγχειρισμένοις πραγμάτων, ὑπερτέρως ἢ κατὰ νόμους οἰκονομεῖν. «Поставленный Богомъ на разрѣшеніе человѣческихъ дѣлъ имѣетъ право разрѣшать ихъ внѣ велѣній закона». Въ виду этого, монархъ всякую минуту однимъ своимъ словомъ могъ отмѣнить значеніе всѣхъ и оффиціальныхъ и частныхъ сборниковъ, мнѣній и рѣшеній, но онъ также могъ молчаливо освящать ихъ своимъ авторитетомъ, въ томъ случаѣ когда видѣлъ, что они создавались на благо народа.

Верховная правительственная власть точно также въ принципѣ вся сосредоточивалась въ лицѣ императора. Ему принадлежало право главноначальствованія надъ войскомъ, право

*) Mortreuil, II, 469.

податного обложенія, назначенія всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ, пожалованія чинами, принятіе всѣхъ важнѣйшихъ мѣръ по дѣламъ государственнаго управленія. Что касается главнокомандованія, то лучшіе изъ византійскихъ императоровъ всегда сами становились во главѣ отправлявшагося въ походъ войска, худшіе поручали его довѣренному лицу, обыкновенно столь же малоспособному и небрежному, какъ и самъ его повелитель. Когда вымерло поколѣніе Велизаріевъ и Нарзесовъ, ихъ замѣнили у новѣйшихъ Юстиніановъ евнухи и придворные любимцы, видѣвшіе въ понесенныхъ пораженіяхъ гнѣвъ божій и старавшіеся въ томъ увѣрить своихъ солдатъ. Между тѣмъ воинскія дарованія привлекали къ себѣ не менѣе сердца народа, нежели прочія добродѣтели частной и общественной жизни. Прославившійся побѣдами храбрый генералъ всегда могъ разсчитывать въ нѣкоторомъ будущемъ достигнуть императорскаго сана и обратнымъ образомъ императоръ извѣстный неустрашимостью и личными воинскими талантами могъ болѣе разсчитывать на народную преданность и любовь, нежели монархъ таковыми способностями не обладавшій. Левъ III, Левъ V, Василій Македонянинъ, Исаакъ, Алексѣй, Іоаннъ и Мануилъ Комнины выдавались въ качествѣ мужественныхъ полководцевъ, раздѣлявшихъ съ войскомъ всѣ труды и опасности походовъ.

Установленіе налоговъ и податей всецѣло принадлежало монархамъ; всякія повышенія опредѣленныхъ нормъ и произвольные поборы являлись злоупотребленіями должностныхъ лицъ, противъ которыхъ принимались мѣры какъ самими императорами, такъ и народомъ, считавшимъ себя въ правѣ не подчиняться незаконнымъ финансовымъ распоряженіямъ. Въ отношеніи всякихъ вопросовъ податного обложенія византійское населеніе, однако, было очень консервативно и не упускало случая высказать своего мнѣнія на счетъ всякихъ предпринимаемыхъ властью реформъ. Такъ, напримѣръ, порука земельнаго собственника за правильностью уплаты арендато-

рами лежавшихъ на нихъ повинностей, аллиленгій, внезапно установленный Василіемъ Вторымъ, какъ небывалое новшество, не просуществовало и двухъ десятилѣтій. Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Романа III аллиленгій по настояніямъ населенія былъ отмѣненъ первымъ дѣломъ. Точно также, когда Алексѣй Ангелъ вздумалъ установить дотолѣ неслыханную подоходную аллеманскую подать, ропотъ народный перешелъ границы, и царь поспѣшилъ отказаться отъ своей мысли. «Страны, находящіяся подъ твоею властью, да не получаютъ ежедневныхъ (иронія) податныхъ надбавокъ, начетовъ, странныхъ новоявленныхъ измышленій; и тогда онѣ не отступятъ отъ тебя, но отъ всей души будутъ служить, по силѣ своей доставляя казнѣ ежегодныя подати», между прочимъ говоритъ Никулица *).

Въ отношеніи пожалованья высшими званіями особой привилегіей императора приходится отмѣтить странную черту византійской табели о рангахъ, что чины и связанное съ ними содержаніе отъ казны (руга) не только служили наградой лицамъ, чѣмъ-либо послужившимъ Византіи или находящимся на ея службѣ, но даже иностранцамъ, ничего общаго съ восточной имперіей не имѣвшимъ. Михаилъ VII Дука, напримѣръ, въ брачномъ договорѣ своего сына Константина съ дочерью Роберта Гюискарда обязывался возвести одного изъ сыновей послѣдняго, по выбору отца, въ санъ куропалата, а самого герцога норманскаго въ новелиссимы, причемъ въ хризовулѣ своемъ онъ говоритъ, что титулъ новелиссима отдѣляется отъ царскаго величія только однимъ кесаремъ **). Кстати сказать, изъ этихъ словъ можно заключить, что Дука смотрѣлъ на себя, какъ бы на высшаго сановника государства, до положенія котораго можно дойти постепеннымъ прохожденіемъ служебнаго чинопроизводства. Взглядъ характерный для демократическаго

*) Совѣты виз. боярина. Васильевскій, 156.

**) Безобразовъ. Матерьялы для исторіи Византійской имперіи. Ж. М. Н. П. 1889 г. т., 265, 23.

государственнаго строя Византіи, допускавшаго всякаго человѣка, выдававшагося мудростію, добродѣтельностью и другими доблестями гражданскаго свойства, до облеченія императорской порфирой.

Полномочный въ дѣлахъ управленія византійскій монархъ, по духу государственнаго устройства имперіи имѣлъ полнѣйшее право никого не допускать къ себѣ въ совѣтники въ томъ случаѣ, если въ силу необычайной одаренности духа считалъ возможнымъ единолично справиться со всѣми разнообразными и отвѣтственными отраслями администраціи. Но если идеально по Платону мудрецъ, созерцающій божественный разумъ, при небольшомъ объемѣ государствъ Эллады, могъ быть въ состояніи, не погрѣшая противъ общаго блага, единолично осуществить задачу подобнаго рода, то въ Византіи, одна столица которой обширностью превосходила всѣ города древней Греціи, взятые вмѣстѣ, естественно требовалась существенная поправка къ ученію великаго мыслителя. Византійское общество въ корнѣ не отступило отъ древняго образца—сопричастный предвѣчной мудрости помазанникъ Божій оставался единымъ властителемъ, но на случай возможнаго заблужденія съ его стороны ему рекомендовалось имѣть при себѣ совѣтниковъ, не боящихся въ лицо обличать своего государя и направлять его дѣйствія ко благу народа. Объ этомъ, какъ мы видѣли, нарочито говорилъ Агапитъ, Василій Македонянинъ, Никулица, Ѳеофилактъ и другіе. Роль подобныхъ профессіональныхъ обличителей вздумали было взять на себя патріархи, но своекорыстныя попытки ихъ въ этомъ направленіи оканчивались большею частью неудачно.

Не безъ вліянія этого взгляда, повидимому, при византійскихъ императорахъ слабыхъ духомъ среди прочихъ сановниковъ всегда возвышалось одно какое либо лицо и завладѣвало правами перваго министра. При Аркадіи таковыми были попеременно Руфинъ и Евтропій, при Юстиніанѣ—Іоаннъ Каппадокійскій, при Иринѣ—Ставракій, при Ѳеодорѣ—Левъ Параспон-

дилъ, при Михаилѣ VII—Никифорица и т. д. Въ большинствѣ случаевъ эти господа являлись простыми потворщиками страстей монарха и народными угнетателями, но попадались между ними и благородныя личности, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Сидскій, Константинъ Лихудъ. Даровитые энергичные императоры обходились безъ первыхъ министровъ, но за то они всегда широко ставили дѣло совѣщанія и зачастую, предпринимая ту или другую мѣру, касающуюся коренныхъ основъ византійскаго государственнаго быта, обращались даже къ народу съ разъясненіями смысла и законности нововведенія. Сенатъ же и синодъ явился почти неизмѣннымъ и постояннымъ совѣтникомъ дѣятельныхъ царей въ отвѣтственныхъ предпріятіяхъ. Михаилъ Калафатъ, вознамѣрившись отправить Зою въ ссылку, счелъ нужнымъ передъ тѣмъ заручиться согласіемъ сената. Когда Вотаніатъ узналъ о возмущеніи Комнина, онъ созвалъ, сенатъ для совѣщанія, что дѣлать. Разрывъ завязавшихся было дружественныхъ сношеній при Мануилѣ Комнинѣ между востокомъ и западомъ послѣдовалъ на основаніи совмѣстнаго постановленія царя, синода и всего сената.

Замѣчательно, что, не смотря на религіозный характеръ византійской государственной власти сенатъ, имѣлъ болѣе правъ вмѣшиваться въ дѣла засѣданій синода, нежели наоборотъ *). Предоставленіе той или другой доли участія въ управленіи, народу, отдѣльнымъ лицамъ или учрежденіямъ, конечно, вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія монарха, смотря потому, въ какой степени онъ разсчитывалъ на собственныя силы.

Сохраняя за собой права судебнаго верховенства, какъ абсолютный, такъ и конституціонный монархъ всегда отстраняется отъ личнаго отправленія правосудія, уполномочивая къ тому органы подчиненнаго управленія извѣстнаго порядка. Государь оставляетъ за собой только право утвержденія приговора въ указанныхъ закономъ случаяхъ и прерогативу по-

*) Mortreuil, III, 37.

милованья. Стремленіе къ подобному порядку замѣчалось и въ Византіи съ той, однако, разницей, что византійская практика все время колебалась въ проведеніи указаннаго начала окончательно. Прежде всего за все время бытія имперіи до латинскаго завоеванія источники указываютъ намъ на существованіе высшаго суда императора *), противуполагаемаго судамъ общаго характера. Εἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστέριον, говорится, напримѣръ, въ десятой новеллѣ Мануила Комнина, ἐν δικαστηρίῳ, ἐν τῇ βασιλευούσῃ. Согласно данныхъ юстиніанова законодательства, императору принадлежало право кассаціи приговора, постановленнаго въ порядкѣ апелляціоннаго судопроизводства уполномоченными къ тому лицами. Какъ извѣстно, для апелляціи на рѣшенія городскихъ магистратовъ давалось съ III вѣка общее положеніе praefecto urbis; приговоры провинціальныхъ судей провѣрялись преторіанскими префектами **), а оттуда уже дѣло восходило на разсмотрѣніе самого императора.

Точно также какъ и въ римской имперіи, въ Византіи монархъ отправлялъ правосудіе, предсѣдательствуя въ верховномъ судилищѣ, которымъ обыкновенно являлся тотъ-же сенатъ въ сокращенномъ составѣ, или, лучше сказать, государственный совѣтъ, исполнявшій смѣшанныя административныя и судебныя обязанности ***). Юрисдикція верховнаго императорскаго суда выражалась въ троякой формѣ: ὑπόμνησις (реляціи), ἔκκλησις (апелляціи) и ὁριστής (супликаціи). Ὑπόμνησις состоялъ въ томъ, что судья, затруднявшійся рѣшеніемъ какого-либо вопроса права обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія къ государю, какъ источнику закона. Таковой порядокъ основывался, очевидно, на слѣдующихъ текстахъ Кодекса: «inter aequitatem jusque interpositam interpretationem nobis solis et

*) Ibid. III, 83.

**) Виллемсъ, II, 553.

***) Mortreuil, III, 84. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, 248.

oportet et licet inspicere»; и «si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solo dignum imperio esse oportet» *). О томъ-же самомъ толкуетъ шестая глава второго титула Эпанагоги: «τὰ τοῖς παλαιοῖς νομοθετθέντα τὸν βασιλέα δεῖ ἑρμηνεύειν καὶ ἐκ τῶν ὁμοίων τέμνειν τὰ περὶ ὧν οὐκ κεῖται νόμος».

Простой судья, но чаще другарій биглы изготовлялъ докладъ съ изложеніемъ вопроса доводами за и противъ, а императоръ присоединялся къ той или другой редакціи и въ такомъ видѣ рескриптъ его получалъ силу законодательнаго толкованія. Юстиніанъ въ сто двадцать пятой новеллѣ попытался уничтожить институтъ реляцій, обязавъ судей не останавливаться въ рѣшеніяхъ по причинамъ неполноты или неясности закона, но вышеприведенная глава Эпанагоги и усиленныя повторныя запрещенія ὑπόμνησις'а Алексѣемъ Комнинымъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ продолжалъ существовать до конца одиннадцатаго вѣка, несмотря на оффиціальную отмѣну.

Какъ мы указали выше, Юстиніанъ для апелляціи установилъ опредѣленный порядокъ пересмотра дѣла по существу черезъ посредство особо уполномоченныхъ къ тому лицъ; апелляція къ императору разрѣшалась только въ исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, согласно Василикамъ, обжалованіе рѣшеній судовъ въ первой инстанціи императору допускалось въ качествѣ общаго правила; обремененіе особы императора устранялось тѣмъ способомъ, что царь лично не входилъ въ разсмотрѣніе дѣла, уполномочивая къ тому различныхъ должностныхъ лицъ.

Послѣднимъ отдѣломъ компетенціи верховнаго суда по пересмотру дѣлъ въ качествѣ высшей инстанціи являлся пріемъ супликацій, т. е. просьбъ объ изъятіи изъ порядка законной подсудности; императоръ въ случаѣ согласія своего на супликацію поручалъ разборъ дѣла особому судьѣ или переносилъ

*) I, 14, 1, 12,

его на личное разсмотрѣніе въ τὸ αὐτοκρατορικὸν δικαστήριον. Въ 1095 г. право супликацій было уничтожено Алексѣемъ Комниномъ въ виду чрезмѣрныхъ злоупотребленій, клонившихся къ тому, чтобы затянуть процессъ на возможно болѣе долгій срокъ. Было даже приказано, чтобы судьи не обращали вниманія на предписанія самого императора въ томъ случаѣ, если ими нарушался обычный ходъ судопроизводства *). Общему суду императора и его совѣта въ первой инстанціи подлежали дѣла особой исключительной важности, напримѣръ, преступленія высшихъ должностныхъ лицъ. Поэтому въ верховномъ императорскомъ судѣ разсматривались дѣла о заговорахъ при Константинѣ Мономахѣ; Романъ Діогенъ за свой «преступный замыселъ» былъ судимъ первѣйшими членами синклита подъ предсѣдательствомъ императрицы Евдокіи **). Ѳеофилъ въ собраніи сената подвергалъ обсужденію вопросъ, какое наказаніе надлежало примѣнить къ убійцамъ Льва V. Очень часто, впрочемъ, императоръ расправлялся съ государственными преступниками безъ помощи совѣта, сообразно личному усмотрѣнію, какъ, напримѣръ, это дѣлалъ Алексѣй Комнинъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главнымъ образомъ по государственнымъ преступленіямъ, монархъ игралъ роль камеры преданія суду. Согласно законодательству иконоборцевъ, положеніе это формулировалось слѣдующимъ образомъ: «если кто умышляетъ, дѣлаетъ происки или составляетъ заговоръ противъ царя или противъ христіанскаго государства, тотъ долженъ былъ-бы подлежать немедленному умерщвленію, какъ задумавшій разрушеніе всего. Но для того, чтобы нѣкоторые лица не могли воспользоваться этимъ закономъ вслѣдствіе соображеній личной вражды и не стали-бы убивать безъ суда, принося послѣ оправданіе, что будто-бы потерпѣвшій говорилъ противъ царя, предписывается, преступника на мѣстѣ заклю-

*) Mortreuil, Ш, 86.

**) Скабалановичъ, 348.

чивъ подъ крѣпкую стражу, доложить объ этомъ царю и затѣмъ поступить, какъ онъ заблагоразсудитъ и изволитъ *).

Позднѣйшее византійское писанное право не знаетъ, однако, такой осмотрительности и вмѣшательства императора въ досудебное слѣдствіе. Прохиронъ и Эпанагога выражаются кратко: «умыслившій на царскую безопасность подвергается смертной казни и конфискаціи имущества» **). На практикѣ мы видимъ, однако, что даже при полной доказанности преступленія виновный не всегда подвергался узаконенному наказанію, удостоиваясь болѣе легкой казни или даже полнаго прощенія, по усмотрѣнію монарха. Что касается права помилованія, то императоры пользовались имъ даже до постановленія судебнаго приговора. Такъ, напримѣръ, Алексѣй Комнинъ простилъ злоумышленника варвара, покусившагося на его жизнь.

Вотъ въ каковыхъ чертахъ представляется законодательная, исполнительная и судебная власть византійскихъ императоровъ въ томъ видѣ, какъ ею пользовались эти монархи. Въ принципѣ, повторяемъ, благожелательнымъ государямъ-мудрецамъ передавалась вся совокупность верховныхъ правъ на всемъ ихъ протяженіи и, если даже органамъ подчиненнаго управленія предоставлялась извѣстная доля въ осуществленіи ихъ, то, конечно, не иначе, какъ въ силу общихъ или нарочитыхъ полномочій со стороны императора.

ГЛАВА VIII.

§ 1. Соотношеніе власти царя и патріарха.

Итакъ, свѣтское верховенство находилось въ полномъ и нераздѣльномъ владѣніи византійскаго монарха; по этому вопросу въ настоящее время уже не можетъ возникать никакихъ споровъ или сомнѣній. Иначе дѣло представляется въ

*) Ecloga. XVII, 3.

**) Prochiron XXXIV, 10; Epanagoge XL, 12. Васильев. Ж. М. Н. П. 1878 г., № 199, стр. 287.

отношеніи церковнаго главенства императора, неустанно оспариваемаго у него патріархами. Въ седьмой главѣ третьяго титула Эпанагоги положеніе константинопольскаго первосвященника безо всякихъ оговорокъ приравнивается положенію царя. «Такъ какъ, говоритъ цитированный памятникъ, государство на подобіе человѣка состоитъ изъ частей и членовъ, то наиважнѣйшими и необходимѣйшими членами являются царь и патріархъ; поэтому миръ и благоденствіе подданныхъ зависятъ отъ единомыслія и согласія царской и патріаршей власти». Отсюда, сообразно смыслу Эпанагоги, византійское государство оказывается двуглавымъ. Царь и патріархъ выдвигаются въ качествѣ τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη τῆς πολιτείας. Въ вѣдѣніи перваго находятся тѣла гражданъ, въ вѣдѣніи второго — ихъ души.

Въ народномъ представленіи, въ литературныхъ памятникахъ мы видѣли только монарха, духовной природой своей уподобляемаго Богу въ силу той мудрости, которой причастенъ избранникъ и помазанникъ Божій. Эпанагога, наоборотъ, называетъ земнымъ олицетвореніемъ Спасителя патріарха. «Патріархъ, читаемъ мы въ третьемъ титулѣ первой главы, есть живой и одушевленный образъ Христа, всѣми своими поступками и словами выражающій истину». Πατριάρχης ἐστὶν εἰκὼν ζῶσα χριστοῦ καὶ ἔμψυχος, δι' ἔργων καὶ λόγων χαρακτηρίζουσα τὴν ἀλήθειαν (I). «Патріарху вмѣняется въ обязанность оберегать ввѣренныхъ ему Богомъ людей отъ уклоненій въ отношеніи благочестія и нравственности». Σκοπὸς τῷ πατριάρχῃ πρῶτον μὲν οὓς ἐκ θεοῦ παρέλαβεν εὐσεβείᾳ καὶ σεμνότητι βίου διαφύλαξαι; ему предлагается всѣхъ еретиковъ по возможности обращать въ православіе и присоединять къ церкви и невѣрныхъ примѣромъ свѣтлыхъ и славныхъ поступковъ склонять и дѣлать подражателями вѣры (III, 2). Конечная цѣль дѣятельности патріарха—спасеніе ввѣренныхъ ему христіанскихъ душъ, жизнь во Христѣ и сораспинаніе міру. Τέλος τῷ πατριάρχῃ ἡ τῶν καταπεπιστευμένων αὐτῷ ψυχῶν σωτηριά καὶ τὸ ζῆν μὲν Χριστῷ ἐσταυρῶσθα δὲ τῷ κόσμῳ (III, 3). Отличительныя свой-

ства патріаршаго достоинства должны заключаться въ способности носителя сана къ учительству, въ равномъ обращеніи съ возвеличенными и униженными судьбою, въ милосердности въ отправленіи правосудія, суровости къ неповинующимся и въ смѣлости относительно обличенія царя, въ случаѣ нарушенія имъ догматовъ и погрѣшеній противъ истины (III, 4).

Возвышая патріарха, Эпанагога не удовольствовалась расширеніемъ его правъ въ области церковнаго управленія; она наложила ограниченія на самую свѣтскую власть въ пользу духовной, воспретивъ узаконеніе мірского обычая противнаго церковнымъ канонамъ. Съ этой цѣлью составители Эпанагоги слили въ одинъ два отдѣльныхъ сходственныхъ фрагмента. Пандектъ и выраженіе «contra rationem juris» замѣнили словами παρὰ κανόνας *). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи старинныхъ церковныхъ постановленій и положеній вселенскихъ соборовъ толковничество, интерпретація, предоставлялось исключительно патріарху, безъ какого бы то ни было вмѣшательства свѣтской власти. Τὰ παρὰ τῶν παλαιῶν κανονισθέντα καὶ παρὰ τῶν ἁγίων συνόδων ἐκτεθέντα τὸν πατριάρχην μόνον δεῖ ἑρμηνεύειν.

Такимъ образомъ Эпанагога выдвинула рядомъ съ царемъ другую власть по значенію не только равную, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже высшую чѣмъ первая. Въ этомъ возвеличеніи константинопольскаго первосвященника ясно сказались западно-папистическія стремленія той части византійскаго общества, которая продолжала жить преданіями романизма. Однако, несмотря на временное торжество западнической партіи съ патріархомъ во главѣ, одержанная ею побѣда не дала по себѣ осязательныхъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ, и, быть можетъ, постановленія Эпанагоги, не въ мѣру возвеличившей архіепископа столицы, послужили причиной того обстоятельства, что названное уложеніе какъ-бы затерлось, затемнилось другими памятниками законодательства той-же эпохи. Поль-

*) Сокольскій. О характерѣ и значеніи Эпанагоги, 30.

зуясь наступившей реакціей, западники произвели усиленный натискъ въ сторону меньшаго сопротивленія и, казалось, уже было совершенно завладѣли позиціей, но, къ счастію, та самая волна народнаго самосознанія, которая заставила редакторовъ Эпанагоги, наперекоръ явно выраженной враждебности къ взглядамъ исаврійцевъ, всетаки удержать многое изъ осужденныхъ нововведеній, эта самая волна снесла и затопила внезапно всплывшій островокъ восточнаго папства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что обширныя притязанія патріарха, выраженныя въ Эпанагогѣ, не только не имѣли подъ собой корней въ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ населенія, но кромѣ того прямо противорѣчили существу практически установившихся основъ императорской власти. Въ самомъ дѣлѣ, до императора Граціана, который въ 375 г. сложилъ съ себя званіе pontifex maximus'a, императоры владѣли правомъ по общей статьѣ lex de imperio дѣлать все, что считали нужнымъ въ отношеніи какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ дѣлъ: quaecunque ex usu reipublicae majestate divinarum humanarum publicarum privitarumque rerum esse censebit ei agere jus potestasque sit, гласило соотвѣтствовавшее узаконеніе. Въ силу отсутствія раздѣленія въ языческомъ мірѣ власти духовной и свѣтской, объ онѣ естественнымъ образомъ совпадали въ лицѣ высшаго сановника государства — императора. До временъ признанія христіанства господствующимъ исповѣданіемъ, монархъ всегда принималъ непосредственное участіе въ священнодѣйствіи; онъ владѣлъ правомъ верховнаго надзора за культомъ и по своему усмотрѣнію назначалъ жрецовъ *). Но и христіанскіе государи не сразу отказались отъ языческой привилегіи понтификата. Константинъ, несмотря на свою явную склонность къ новой религіи, продолжалъ исполнять обязанности понтифекса, какъ по отношенію христіанъ, такъ и по отношенію язычниковъ. Всѣ надписи временъ его царствованія

*) Виллемсъ, II, 497.

сохраняютъ за нимъ этотъ титулъ. Онъ равнымъ образомъ заботился объ интересахъ обоихъ исповѣданій, стараясь каждое удовлетворить въ его настоятельныхъ потребностяхъ *).

Констанцій, принимавшій личное участіе въ богословскихъ спорахъ своего времени и заслужившій насмѣшку Амміана Марцелина за свое пристрастіе къ соборамъ христіанскаго духовенства, относился съ уваженіемъ и къ языческому культу, считая себя къ этому обязаннымъ по званію понтифекса **). Нечего говорить объ Юліанѣ, собственноручно закалывавшемъ жертвенныхъ животныхъ и гадавшемъ о будущемъ по ихъ дымившимся внутренностямъ, подобно гаруспексамъ славнѣйшихъ временъ Рима. Gasquet пытается доказать, что даже Граціанъ, формально отказавшійся отъ понтификата, отказался только за себя, но не за своихъ преемниковъ, и что поэтому императорскій понтификатъ продолжалъ существовать оффиціально ***). Въ подтвержденіе своей мысли, французскій ученый ссылается на Сервія, комментатора Вергилія, умершаго въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго, и выражавшагося о понтификатѣ императоровъ слѣдующимъ образомъ: sane majorum haec erat consuetudo ut rex esset etiam sacerdos vel pontifex, unde hodieque imperatores dicimus pontifices. Не взирая на свидѣтельство Сервія, нужно признать, однако, что оффиціально титулъ понтифекса со времени Граціана уже не придавался болѣе императорамъ. Съ этихъ поръ его уже нельзя болѣе встрѣтить въ надписяхъ или на медаляхъ; но упраздненіе понтификата de jure еще не значило, что онъ упразднился de facto. Приводимый Gasquet текстъ Сервія доказываетъ, что, несмотря на уничтоженіе даннаго положенія въ законѣ, оно сохранялось по старому въ народномъ сознаніи.

Умъ западнаго обитателя впослѣдствіи окончательно расколовшейся имперіи овеществилъ древнія представленія о не-

*) Gasquet. De l'autorite imperiale en matière religieuse à Byzance, 28.
**) Ibid. 30.
***) Ibid. 33.

обходимости соединенія духовной и свѣтской власти въ особѣ папы. Философское пониманіе вещей представителя восточнаго міра, переработавъ римскую идею, приспособило ее къ личности византійскаго императора. Восточный грекъ имѣлъ особое предрасположеніе къ тому, чтобы освоиться съ мыслью императорскаго понтификата и придать ему еще болѣе широкій смыслъ. Столпъ эллинскаго отвлеченнаго мудрствованія Платонъ положительно утверждалъ, что философъ обладаетъ возможностью какъ-бы непосредственнаго общенія съ божествомъ путемъ созерцанія. Тотъ-же мыслитель сливалъ въ своемъ представленіи образъ мудреца и совершеннѣйшаго правителя.

Ученіе Платона перешло по наслѣдству къ христіанскому востоку, который, однако, измѣнилъ нѣсколько точку зрѣнія на мудрость и возможность познанія. Въ древнемъ мірѣ истина предполагалась добываемой исключительно съ помощью человѣческаго разума; христіанство сдѣлало ее доступной чувствамъ. Истина потеряла характеръ простого отвлеченія и вочеловѣчилась, овеществилась. Какъ мы указывали въ общей части нашего труда, умъ восточнаго грека былъ въ сильной степени пріуготовленъ къ принятію этой великой тайны. Уже Платонъ теоретически проповѣдывалъ возможность духовнаго сліянія природы, божеской и человѣческой въ лицѣ особыхъ избранниковъ мысли. Плотинъ и другіе неоплатоники доказывали осуществимость таковаго предположенія въ дѣйствительности. Поэтому идея овеществленія истины въ лицѣ Іисуса Христа, идея нераздѣльнаго соединенія въ Немъ естествъ божескаго и человѣческаго не только уразумѣлась востокомъ, но нашла въ немъ перваго и наиболѣе горячаго приверженца.

Востокъ отождествилъ въ своемъ представленіи ученіе Христа и мудрость; христіанское откровеніе для него сдѣлалось синонимомъ послѣдней и получило имя Софіи — ἡ σοφία. Но на ряду съ внѣшнимъ эзотеризмомъ христіанства восточный грекъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ идеи существованія въ новой

мудрости и стороны экзотерической, попрежнему доступной только немногимъ избраннымъ, среди которыхъ, конечно, первое мѣсто долженъ былъ занимать тотъ, кому божественнымъ предопредѣленіемъ и помазаніемъ, какъ высшему мудрецу, вручались скипетръ и держава земного водительства народовъ. Несомнѣнно, что этимъ путемъ мышленія, по нашему мнѣнію, восточный эллинъ—христіанинъ дошелъ въ своихъ разсужденіяхъ до признанія разумности императорскаго понтификата и до представленія о необходимости соединенія въ однѣхъ рукахъ государя тѣлеснаго и духовнаго главенства. Императорское полновластіе, какъ юридическій институтъ, какъ правовое явленіе, было передано востоку Римомъ, но философское совершенно новое осмысленіе это установленіе получило на мѣстѣ подъ воздѣйствіемъ преломленія римскихъ политическихъ идей въ христіано-эллинскомъ міропониманіи.

Рядъ прямыхъ литературно-историческихъ свидѣтельствъ и косвенныхъ соображеній подтверждаетъ высказанную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно, напримѣръ, быть особенно знакомымъ съ греческой философіей для того, чтобы усмотрѣть вліяніе Платона на слѣдующихъ словахъ убѣжденнѣйшаго христіанина Евсевія: «Богъ пожелалъ наполнить своей добротой весь подсолнечный міръ и по образцу своего небеснаго царства создалъ земное. Причастенъ Его премудрости нашъ императоръ, любимый Господомъ, потому что Господь его украсилъ природными добродѣтелями и потому что въ душѣ его онъ запечатлѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ собственныхъ свойствъ. Только вслѣдствіе сопричастія Божественной премудрости, добротѣ и справедливости императоръ мудръ, добръ и справедливъ. Его разумъ есть отраженіе Божественнаго разума. Онъ раздѣляетъ высшее могущество *)». «Онъ (царь), продолжаетъ панегиристъ Константина, отпечатленъ по первобытной идеѣ великаго Царя, и въ своемъ умѣ, какъ въ зеркалѣ, отра-

*) De laudibus Const., 452—53.

жаетъ истекающія изъ ней лучи добродѣтелей. Ими усовершенствованный, онъ... по истинѣ одинъ царь-философъ, знающій самого себя и изучившій внѣшніе, или, лучше сказать, съ неба льющіеся источники всякаго блага» *) «О дѣйствительное изображеніе божественнаго благочестія!» восклицаетъ Агапитъ, обращаясь къ императору.—«Тѣлесными свойствами царь равенъ всѣмъ прочимъ людямъ, могуществомъ-же власти подобенъ владыкѣ всѣхъ—Богу», говоритъ тотъ-же авторъ въ двадцать первой главѣ своего «Свитка».—«Между Божествомъ и между нимъ (императоромъ) нѣтъ посредниковъ», гласитъ въ другомъ мѣстѣ поученіе софійскаго дьякона.

Мысли, высказываемыя Евсевіемъ и Агапитомъ, были господствовавшими взглядами грековосточнаго общества на протяженіи всѣхъ четырехъ періодовъ существованія византійской имперіи. Весь, церковный и придворный церемоніалъ былъ проникнутъ этими идеями; онѣ проявлялись въ поступкахъ самихъ императоровъ, въ ихъ рѣчахъ, въ литературныхъ памятникахъ различныхъ эпохъ, и въ двѣнадцатомъ столѣтіи, какъ и въ четвертомъ, неизвѣстный панегиристъ неизмѣнно провозглашалъ, что царство земное есть отраженіе царства небеснаго, и что императоръ самъ образъ Божій εἰκόνα λαμπρὰν τοῦ αὐτοῦ θεοῦ.

Установляя непосредственную связь между преданіями римскаго абсолютизма и идеями христіанско-философской богоустановленности и боговдохновенности императорской власти, нужно замѣтить, что представленія эти сложились и закрѣпились только на востокѣ. Западъ, признавая государей помазанниками Божіими, разошелся, однако, со своимъ противникомъ въ пониманіи момента установленія такового помазанничества. Какъ мы имѣли случай видѣть въ поученіи Ѳеофилакта, согласно истиннымъ восточно-греческимъ воззрѣніямъ на предметъ, божественной мудрости и благодати монархъ пріобщался

*) Ibid.

непосредственно путемъ своего избранничества, до какого-бы то ни было вещественнаго знака посвященія. «Не я тебѣ даю корону», говорилъ еще Юстинъ II Тиверію,—«но даетъ Богъ моей рукою». Напротивъ, западное духовенство учило народъ и убѣдило его въ томъ, что только реальное помазаніе первосвященникомъ превращаетъ подданнаго въ монарха, въ то время, какъ священническое достоинство владѣетъ благодатью какъ-бы непосредственно свыше. По воззрѣніямъ византіецевъ, если престолъ не переходилъ по наслѣдству или другимъ установленнымъ способамъ, необычайные внѣшніе признаки или предзнаменованія по волѣ Господа заранѣе отмѣчали Ему угоднаго избранника. Намъ уже приходилось упоминать о томъ, какое неотразимое впечатлѣніе производила на византійцевъ отвага, краснорѣчіе и красота при оцѣнкѣ достоинствъ будущаго императора. Не меньшимъ значеніемъ пользовались косвенныя указанія на высшее избранничество: предсказаніе какого-нибудь отшельника, орелъ, ястребъ, взвившійся надъ головой опредѣленнаго лица, услышанный таинственный голосъ. Подобныя предвозвѣстія, конечно, прежде всего укрѣпляли въ извѣстномъ намѣреніи самаго искателя престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали и на окружающихъ. Анна Комнина, напримѣръ, приписываетъ громадное значеніе встрѣчѣ ея отца въ лѣсу съ какимъ то косматымъ старцемъ, ухватившимъ за ногу всадника и произнесшимъ слова Давидова псалма: «наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости и правды, самодержецъ Алексѣй». Комнинъ въ то время еще не былъ императоромъ, но уже имѣлъ виды на тронъ. Анна Комнина многозначительно прибавляетъ по этому поводу отъ себя: «если это не былъ кто-нибудь выше обыкновеннаго человѣка, то, человѣкъ, правду сказать, прозрѣвающій будущее».

Конечно, византійскій императоръ, являлся непосредственно Богомъ указываемымъ избранникомъ, совмѣщающимъ въ себѣ всю полноту власти, какъ свѣтской, такъ и духовной. Въ

просторѣчіи очень часто поэтому государя въ Византіи называли божественнымъ и богоравнымъ, сыномъ Божіимъ *). Но, конечно, во всѣхъ выраженіяхъ подобнаго рода мы должны видѣть не что иное, какъ философско-образное сравненіе безъ какого бы то ни было оттѣнка кощунственности. Божественность монарха являла собой только modus dicendi, способъ обозначенія совокупности извѣстныхъ качествъ и добродѣтелей. Восточное воображеніе всегда отличалось склонностью къ гиперболическимъ метафорамъ. Отъ грековъ тѣ же римляне въ своей поэзіи заимствовали языкъ поражающихъ уподобленій. На самомъ дѣлѣ и въ представленіи восточныхъ грековъ, въ платоновскомъ смыслѣ, только въ отношеніи мудрости, благости и справедливости императоръ отражалъ божественныя свойства. Понятно, что вслѣдствіе высшей благодати, не только сообщенной внѣшнимъ образомъ черезъ помазаніе, но являющейся необходимымъ внутреннимъ свойствомъ избранника Божія, всѣ его дѣйствія окрашивались характеромъ священности, но не божественности.

Не нужно забывать, что преклоняясь передъ исключительными свойствами государя, какъ правителя, восточный грекъ не переставалъ, однако, видѣть въ немъ всю его человѣческую природу **). И потому обличаемый въ раболѣпіи византіецъ никогда не доходилъ въ выраженіяхъ своего уваженія монарху до дѣйствительнаго обоготворенія его, подобно римлянамъ.

Грекъ по свойствамъ своего умственнаго склада не признавалъ въ философскихъ, а равно и въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, представлявшихся ему высшей философіей, какого то ни было принужденія и обязательства. Всякій вѣрующій могъ вѣровать какъ ему угодно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый имѣлъ естественное желаніе возможно болѣе приблизиться къ истинѣ. Греки считали евангельское ученіе въ качествѣ откровенія божественной мудрости таинственнымъ, требующимъ особой

*) У Псела, V, 372 110; Att. 175.

**) См. Агапита XXI главу, также «Завѣщаніе» Василія.

остроты ума и проницательности для уразумѣнія. Поэтому всякій, кто считалъ себя призваннымъ къ толкованію, выступалъ въ качествѣ проповѣдника и сообразно степени даровитости находилъ достаточное число послѣдователей. Отсюда понятно, что императоръ непосредственно причастный божественной мудрости, въ силу своего избранничества въ глазахъ народа не могъ не являться высшимъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и исповѣданія. Въ виду того, неудивительно, что народъ охотно стекался слушать проповѣди Льва Исаврійскаго, Константина Копронима, Алексѣя Комнина въ свою очередь учительство считавшихъ своей духовною обязанностью. Опираясь на свой авторитетъ признаннаго мудреца Мануилъ Комнинъ даже при случаѣ не поколебался дать превратное толкованіе одному изъ важнѣйшихъ догматовъ христіанской церкви, именно равенству Бога Отца и Бога Сына. Ранѣе его съ успѣхомъ еретически учительствовали Анастасій I и Юстиніанъ Великій. Мануилъ утверждалъ, что выраженіе Спасителя «Отецъ болій Мене есть» указываетъ на неравенство человѣческой природы Христа божественной и что слово болій относится къ человѣческой. Патріархъ разошелся во взглядахъ съ императоромъ; послѣдній созвалъ смѣшанный соборъ, на которомъ мнѣніе Мануила было принято большинствомъ, а первосвященникъ— осыпанъ насмѣшками и укоризнами. Утвердивъ свое опредѣленіе, императоръ приказалъ вырѣзать его на каменныхъ доскахъ и помѣстить въ храмѣ св. Софіи у входа съ лѣвой стороны. То, что дѣйствіе Мануила не было простой прихотью, но исполненіемъ сознаваемаго долга, доказываетъ слѣдующій фактъ. Во время изслѣдованія спорнаго вопроса на соборѣ, къ царю явился одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ съ извѣстіемъ, что царица выкинула младенца. «Нимало не измѣнившись въ лицѣ, разсказываетъ Киннамъ *), онъ (императоръ) продолжалъ сидѣть и внимательно слушать пренія: по окончаніи

*) Киннамъ, 284.

разсужденій того дня, онъ всталъ и упавъ къ ногамъ іереевъ, воскликнулъ: «святые отцы, сейчасъ пришло извѣстіе съ женской половины, что выкинутъ младенецъ мужского пола, величайшая моя надежда; прошу вашу святость, вознесите молитву къ Богу, вознесите, умоляю васъ. Если я не право подвизался въ этой священной борьбѣ, то пусть никогда болѣе не созрѣетъ мое сѣмя того или другого пола и пусть не сбудутся мои надежды, а если мой образъ мыслей благоугоденъ Богу, то и надежда моя пусть исполнится въ непродолжительномъ времени». И вскорѣ, замѣчаетъ историкъ, у царя родился сынъ».

Сознаніе права учительства вытекало изъ сущности грекосточнаго представленія верховной власти, какъ истолкователь ницы божественной мудрости и неустанной руководительницы на пути достиженія общаго блага. Но при такомъ взглядѣ на вещи, при подчиненіи императорскому слову даже толкованія догматовъ вѣры, не могло, конечно, возникать какихъ-бы то ни было сомнѣній относительно права распоряжаться внѣшней обстановкой церковнаго устройства наравнѣ со свѣтскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, монархъ сосредоточивалъ въ своей особѣ всю полноту государственной власти уже потому что византійское государство не различало исповѣднаго общества отъ политическаго. Государь былъ первымъ воиномъ, первымъ сановникомъ, первымъ судьей, первымъ священникомъ; права всѣхъ этихъ отдѣльныхъ магистратуръ соединялись въ императорѣ какъ свѣтовые лучи въ фокусѣ зажигательнаго стекла. Въ Византіи мыслилось только одно стадо и одинъ пастырь; всѣ остальные считались лишь помощниками и совѣтниками царя, осуществлявшими долю власти по полномочію. Отсюда легко усмотрѣть и подчиненное положеніе патріарха. Всѣхъ патріарховъ въ первыя времена имперіи на востокѣ насчитывалось четыре: Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, и Іерусалимскій. Константинопольскому отдавалось преимущество только потому, что онъ считался primus inter

pares, но кромѣ таковой привилегіи общія его права не разнились отъ прочихъ всѣхъ первосвященниковъ. По положенію своему возвышаясь надъ прочими патріархами, константинопольскій до раздѣленія церквей уступалъ первенство римскому папѣ, который вначалѣ въ свою очередь признавалъ свою непосредственную и полную зависимость отъ византійскаго императора.

При такомъ положеніи дѣлъ, исходя изъ той неиспоримой истины, что, если часть не равна цѣлому, то часть части еще болѣе усиливаетъ неравенство, говорить о равноправности, а тѣмъ болѣе превосходствѣ столичнаго патріарха надъ императоромъ не представляется даже возможнымъ. На тѣхъ-же основаніяхъ византійскимъ воззрѣніямъ несвойствененъ былъ также споръ о двухъ мечахъ, потому что, согласно восточнымъ взглядамъ и свѣтская и духовная власть, какъ эманація одной и той же силы, являлись нераздѣльными единосущными въ рукахъ избранника Божія. Патріархъ былъ слуга особаго вида, слуга Бога и царя; послѣдній же былъ благодѣтелемъ народа, но слугой рабомъ только Создателя и никого болѣе. Недостойный императоръ могъ быть лишенъ по внушенію того же Бога своего сана, но достойный ни съ кѣмъ ни дѣлилъ своего верховенства.

При таковомъ взглядѣ на вещи древне-римскій понтификатъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы ожить въ рукахъ византійскихъ государей по внѣшности, т. е. оставшись тожественнымъ по формѣ, наполниться отличнымъ содержаніемъ. Уже Константинъ Великій говорилъ князьямъ церкви: «вы— епископы, завѣдующіе внутренними дѣлами общества вѣрующихъ, я поставленный Богомъ епископъ внѣ его»; ὑμεῖς μὲν εἴσω τῆς Ἐκκλησίας, ἐγὼ δ' ἔξωθεν ὑπὸ θεοῦ κατεστάμενος ἐπισκόπος *). Духовный характеръ власти византійскаго императора не отрицался вначалѣ и подчиненными ему папами. «Мы радуемся

*) Euseb. vita Const. IV, 24.

тому, писалъ папа Левъ Ѳеодосію II,—что въ васъ присутствуетъ не только царское, но и священническое естество—ut vobis non solum regium, sed etiam sacerdotalem animum inesse gaudeamus».—Твоя душа священника и апостола,—говорилъ Левъ, приглашая императора къ преслѣдованію еретиковъ,—должна вознегодовать на все зло, отъ котораго стонетъ Константинопольская церковь и вопіетъ о мщеніи» *). Императоръ Левъ Иконоборецъ обратился къ папѣ Григорію со слѣдующими словами: «развѣ ты не знаешь, что я священникъ и царь». На что папа отвѣчалъ: «безъ сомнѣнія, Константинъ, Ѳеодосій, Валентіанъ, Юстиніанъ были царями и священниками. Они доказали это своимъ дѣйствіями... Но ты съ момента вступленія на престолъ постоянно доказывалъ незнаніе каноновъ, ты опустошилъ церковь» **). Итакъ, было время, когда злѣйшій врагъ духовной власти византійскихъ государей признавалъ за ними ихъ право на верховное руководительство обществомъ вѣрующихъ въ ихъ исповѣдныхъ дѣлахъ.

Духовное верховенство монарховъ во внѣ выражалось самыми разнообразными способами. За исключеніемъ того, что императоры не совершали таинствъ Евхаристіи и не причащали исповѣдниковъ, въ остальномъ: они участвовали до извѣстной степени въ богослуженіи, предсѣдательствовали на соборахъ учительствовали, носили облаченіе, видомъ похожее на архіерейское. Какъ извѣстно, внѣшніе знаки императорской власти—вѣнецъ, держава и скипетръ—образовались изъ императорскихъ инсигній Рима, но различныя измѣненія ихъ произошли подъ явнымъ воздѣйствіемъ церковно-христіанской символики. По медалямъ и монетамъ можно легко прослѣдить, какъ вѣнокъ, пальмовая вѣтвь и шаръ съ изображеніемъ генія побѣды постепенно при христіанскихъ государяхъ превращались въ діа-

*) Gasquet. 50.

**) См. Gasquet, 50. Суворовъ. Курсъ церковнаго права, I, 63. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности, II, 484.

диму, жезлъ съ крестомъ на концѣ и шаръ, украшенный такимъ же символомъ христіанскаго спасенія.

Въ собраніи Дюканжа *) Константинъ Великій изображается съ повязкой на головѣ, простымъ шаромъ и копьемъ въ рукахъ. Инсигніи не мѣняются при Констанціи, Юліанѣ, Ѳеодосіи Старшемъ. Только при Ѳеодосіи Младшемъ, въ рукѣ императора впервые появляется крестъ, а затѣмъ языческіе символы начинаютъ подвергаться сильной христіанской переработкѣ, хотя еще самъ Юстиніанъ сохраняетъ на медаляхъ римскій обликъ. Діадиму и шаръ съ крестомъ мы встрѣчаемъ на изображеніяхъ императора въ эпоху Тиверія, въ концѣ шестого столѣтія, съ этого времени христіанскіе скипетръ и держава являются необходимой принадлежностью императорскаго достоинства. Даже иконоборцы изображались не иначе, какъ со знаками креста. Съ теченіемъ времени мѣняется самое воинское одѣяніе византійскаго царя: мы видимъ его облаченнымъ въ какую-то странную ризу, образовавшуюся изъ соединенія тоги, ораря и фелони. Прежняя діадима окончательно превращается въ вѣнецъ, похожій на епископскую митру.

Христіанство придало церковную окраску не только императорскимъ регаліямъ, но и самой идеѣ царской власти. Законъ наказывалъ преступленіе противъ величества той же карой, какъ и святотатство **). Всякій заговорщикъ и бунтовщикъ точно также, какъ и важный церковный преступникъ, предавался анаѳемѣ. Одна изъ новеллъ Константина VIII законодательнымъ образомъ утвердила таковое положеніе ***). Указъ этотъ явился послѣдствіемъ соборныхъ постановленій. Проф. Успенскій приводитъ случаи и другихъ подобныхъ соборныхъ опредѣленій ****), имѣвшихъ мѣсто при императорахъ Мануилѣ

*) Historia Byzantina. 1680 г.

**) Synopsis Attaliatae, tit. LXIX. Nomocanon, t. II.

***) Zachariae, III, 320. Novella XXXI, De seditiosis.

****) Очерки по исторіи византійской образованности, 245.

Комнинѣ и Михаилѣ Палеологѣ. Руководствуясь своимъ правомъ церковнаго верховенства, императоры созывали вселенскіе соборы, предсѣдательствовали на нихъ и скрѣпляли своимъ соглашеніемъ постановленія этихъ главныхъ истолкователей христіанской догмы. Государи не довольствовались на указанныхъ собраніяхъ страдательной ролью: наоборотъ, они постоянно выказывали стремленіе принять самое дѣятельное участіе въ преніяхъ и даже въ постановкѣ вопросовъ. Константинъ Великій, еще не принявъ крещенія, засѣдалъ, по свидѣтельству Евсевія, среди епископовъ на Никейскомъ соборѣ и вмѣшивался въ пренія «какъ епископъ, поставленный самимъ Богомъ». На Халкидонскомъ соборѣ 455 г. императоръ Маркіанъ точно также принялъ участіе въ разсужденіяхъ. Онъ не открывалъ собора, но при появленіи своемъ во время хода преній тотчасъ-же высказалъ свои взгляды на подлежащій предметъ. «Вотъ законъ, который я намѣренъ вамъ предложить, началъ свою рѣчь императоръ; никто да не осмѣлится разсуждать относительно естества Спасителя нашего Іисуса Христа или придерживаться другой формулы вѣры, помимо той, которая была утверждена на Никейскомъ соборѣ... Что касается до меня, то знайте, что я присоединился къ вамъ для того, чтобы утвердить вѣру по примѣру моихъ предшественниковъ, но вовсе не для того, чтобы оказывать на васъ давленіе видомъ своего могущества». Несмотря на послѣднія свои слова, Маркіанъ принялъ на себя настоящее предсѣдательство: предоставлялъ право рѣчи ораторамъ и лишалъ ихъ такового, приказывалъ читать различныя свидѣтельства источниковъ и сравнивать ихъ *). Засѣданіе собора, на которомъ присутствовалъ императоръ, было закрыто имъ же со слѣдующимъ назиданіемъ: «я знаю, вы устали послѣ долгой дороги и сопряженныхъ съ ней трудностей. Отдохните три, четыре дня... и затѣмъ продолжайте работы, которыя должны утѣшить

*) Gasquet, 154.

и вознаградить за все. Но никто изъ васъ не имѣетъ права удалиться со святого собора, прежде чѣмъ труды его не будутъ проведены къ надлежащему концу». «Вотъ какимъ языкомъ, замѣчаетъ по этому поводу Гаске,—говорилъ съ собраніемъ іерарховъ одинъ изъ наиболѣе религіозныхъ и благочестивыхъ византійскихъ императоровъ».

Поведеніе ихъ въ отношеніи соборовъ вообще отмѣчено крайнимъ самовластіемъ и сознаніемъ подчиненности имъ духовенства въ полномъ его составѣ съ римскимъ папой и константинопольскимъ патріархомъ во главѣ. Въ 449 г. на соборѣ въ Ефесѣ императоръ Ѳеодосій II отправилъ для наблюденія за порядкомъ засѣданій двухъ чиновниковъ и войско. Чиновники имѣли предписаніе арестовывать и отсылать къ государю всякаго, чьи дѣйствія клонились ко вреду вѣры, понимаемой съ монофизитской точки зрѣнія. Въ виду императорскихъ распоряженій посланія папы Льва I, составленныя въ истинно православномъ духѣ, остались безъ прочтенія на соборѣ *). Точно также Юстиніанъ на второмъ константинопольскомъ соборѣ не разрѣшилъ чтеніе посланія папы Вигилія, отвергавшаго «императорское исповѣданіе вѣры». Въ виду подобнаго столкновенія мнѣній, Юстиніанъ вытребовалъ папу для личныхъ объясненій, но римскій первосвященникъ вмѣсто повиновенія, отлучилъ отъ церкви предполагаемаго помощника Юстиніана по составленію новаго догмата, патріарха Мину. Упорство Вигилія вызвало прямое насиліе со стороны Юстиніана. Папа былъ заключенъ въ мѣстѣ своего жительства, а послѣ побѣга оттуда въ монастырь Ормизды, былъ извлеченъ изъ алтаря монастырскаго храма посланными солдатами. Къ столь сильнымъ средствамъ прибѣгалъ византійскій императоръ для того, чтобы привести непокорныхъ епископовъ къ единомыслію съ нимъ въ вопросахъ вѣры. Насколько было сильно вліяніе императора на дѣла соборовъ, видно, между

*) Сергѣевичъ. Русскія юрид. древности, II, 2, 490.

прочимъ, изъ слѣдующаго случая изъ практики того же юстиніанова царствованія. Когда на второмъ константинопольскомъ соборѣ епископы потребовали осужденія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, патріархъ Мина остановилъ обсужденіе вопроса подъ тѣмъ предлогомъ, что не надлежитъ, чтобы что-либо происходило въ нѣдрахъ церкви безъ соотвѣтственно выраженнаго мнѣнія императора. Разсмотрѣніе дѣла было пріостановлено и въ слѣдующемъ засѣданіи возобновилось по прочтеніи требуемаго мнѣнія *). Шестой вселенскій соборъ состоялся точно также при дѣятельномъ участіи и подъ предсѣдательствомъ Константина Погоната. По случаю предстоящаго собранія императоръ писалъ папѣ Агаѳону: «я буду возсѣдать среди епископовъ на соборѣ не въ качествѣ императора и я не буду точно также говорить, какъ императоръ, но какъ одинъ изъ епископовъ» **). Нельзя не усмотрѣть, что во всѣхъ подобныхъ словахъ и дѣйствіяхъ византійскихъ государей постоянно проглядывало сознаніе своего абсолютнаго верховенства въ отношеніи всѣхъ вопросовъ церковнаго управленія. Нынѣ признаваемое незыблемымъ основаніемъ не только правилъ каноновъ, но и самыхъ догматовъ церкви, постановленіе вселенскихъ соборовъ имѣло своимъ началомъ и концомъ волю императоровъ до такой степени, что, когда Ѳеодосій Младшій указомъ своимъ объявилъ ничтожными дѣянія Эфесскаго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Кирилла Александрійскаго, только императорская власть Маркіана могла возстановить ихъ уничтоженное значеніе и силу.

Въ качествѣ слѣдствія церковнаго верховенства, императорамъ принадлежало право назначенія патріарховъ на каѳедры. Провинціальные патріархаты до извѣстной степени со-

*) Gasquet, 155.

**) Ibid. 161. Въ этомъ смыслѣ странными кажется утвержденіе проф. Остроумова, будто бы императоры не имѣли права вліять на соборныя рѣшенія «хотя и претендовали на это». Введеніе въ православное церковное право, 205.

храняли въ качествѣ привилегіи право избранія своего первосвященника, но подъ условіемъ утвержденія его въ санѣ государемъ.

На основаніи постановленій вселенскихъ соборовъ, всякій епископъ, насколько возможно, долженъ былъ избираться соборомъ епископовъ даннаго округа. Въ случаѣ невозможности собраться всѣмъ, право избранія предоставлялось по меньшей мѣрѣ тремъ архіереямъ съ тѣмъ, чтобы остальные заранѣе письменно прислали свои мнѣнія относительно кандидатовъ. Утвержденіе ставленника въ каждомъ округѣ поручалось высшей мѣстной духовной власти. Тотъ же порядокъ соборнаго опредѣленія требовался для смѣщенія епископа съ каѳедры. Не смотря на существованіе таковыхъ точныхъ, ясно выраженныхъ правилъ, утвержденныхъ самой верховной властью, императоры мало стѣснялись ими и, для вида прикрываясь соборными постановленіями, на самомъ дѣлѣ возводили и низводили ближайшихъ къ нимъ константинопольскихъ патріарховъ по личному усмотрѣнію. Іоаннъ Златоустъ былъ почти похищенъ у антіохійцевъ и привезенъ въ столицу, потому что понравился временщику Евтропію, который убѣдилъ Аркадія и Евдокію въ необходимости возведенія краснорѣчиваго проповѣдника на патріаршій престолъ. Юстиніанъ, впавъ въ ересь, устранилъ сопротивлявшагося его мнѣніямъ Евтихія и замѣстилъ его Іоанномъ Схоластикомъ. Юстиніанъ II выкололъ глаза Калиннику и на его мѣсто посадилъ только царю извѣстнаго монаха, нѣкогда предсказавшаго ему корону. Патріархъ Анастасій былъ посаженъ на первосвященническій тронъ по распоряженію Льва III военнымъ отрядомъ. Точно также безъ соблюденія какой-бы то ни было внѣшней законной обстановки Константинъ Копронимъ назначилъ патріархомъ Никиту.

Императоры исаврійской династіи не считали нужнымъ даже прикрываться авторитетомъ епископовъ, которымъ принадлежало по законамъ право избранія константинопольскаго первосвященника. Прочіе обставляли свой произволъ различной ви-

димостью формы. Ирина заранѣе намѣтила въ патріархи своего любимца Тарасія, но убѣждая его принять предлагаемый санъ, настроила извѣстнымъ образомъ часть константинопольскаго населенія, и Тарасій былъ избранъ, но—народнымъ голосованіемъ. Фотій изъ свѣтскихъ лицъ въ шесть дней прошелъ всѣ степени священства и сдѣлался патріархомъ по желанію Михаила III. Подъ непосредственнымъ давленіемъ Льва VI епископы избрали Евфимія. Противъ патріарха Алексѣя епископы воздвигли обвиненіе, что онъ былъ поставленъ не по каноническимъ правиламъ, однимъ царскимъ повелѣніемъ Василія II, и, несмотря на то, названный патріархъ занималъ каѳедру при пяти послѣдовательно смѣнившихся императорахъ. Точно также обязанъ былъ императору своимъ возвышеніемъ Михаилъ Кирулларій, выдвинувшійся изъ опалы. Отсюда видно, что несмотря на принимаемое, изъ рукъ патріарха помазаніе, императоръ смотрѣлъ на него, какъ на должностное лицо, назначеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія верховной власти. Самыя постановленія вселенскихъ соборовъ, опредѣлявшихъ четыре главныхъ преимущества патріарха *): избраніе клиромъ и народомъ, независимое отправленіе должности и несмѣняемость иначе, какъ по суду, не ужились съ императорскимъ полновластіемъ. Какъ мы замѣтили выше, въ лучшемъ случаѣ соблюдалась только форма, въ худшемъ монархъ считалъ себя свободнымъ и отъ нея. Впрочемъ, даже самую форму поставленія въ первосвященники византійскій ритуалъ перерабатывалъ по своему образцу. Подробныя свѣдѣнія о чинѣ избранія патріарха можно найти въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго. Въ общихъ-же чертахъ дѣло происходило такъ: по повелѣнію императора соборъ изъ митрополитовъ и епископовъ избиралъ трехъ кандидатовъ, писалъ ихъ имена въ особомъ свиткѣ и черезъ уполномоченныхъ отправлялъ на утвержденіе царя. Послѣдній, нашедши пріятное себѣ имя, отмѣчалъ его;

*) Постановленіе Константинопол. собора, 869 г.

въ противномъ случаѣ, прямо называлъ своего кандидата. Посланные кланялись и сообщали собору повелѣніе императора; послѣ чего новая депутація шла къ избранному и привѣтствовала его слѣдующими словами: «державный самодержецъ нашъ императоръ и божественный, священный и великій соборъ призываютъ твою святость на высочайшій престолъ патріархіи константинопольской» *). Окончательное нареченіе совершалось на торжественномъ выходѣ слѣдующей фразой государя: «божественная благодать и наша царская власть, отъ нея происходящая, производятъ сего благоговѣйнѣйшаго въ константинопольскіе патріархи». Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ божественность верховной императорской власти выдвигалась на первый планъ. Не даромъ болгарскій архіепископъ называлъ императора κοινὸς τῶν Ἐκκλησιῶν ἐπιστημόναρχος.

Преобладаніе императорскаго достоинства надъ патріаршимъ сказывалось даже въ мелочахъ торжественныхъ шествій. Во время таковыхъ, передъ императоромъ, напримѣръ, несли διδάμπουλον, въ знакъ двойственности его заботъ о тѣлѣ и душѣ народа, передъ патріархомъ—μονάμπουλον въ силу того, что первосвященникъ имѣетъ попеченіе лишь о духовныхъ нуждахъ. Такъ толкуетъ это различіе ученый и авторитетный Вальсамонъ **).

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ все верховенство византійскихъ императоровъ въ вопросахъ догмы и церковнаго управленія. Данныя историческаго характера подкрѣпляются точно также и источниками чисто юридическими, заботливо указанными знаменитымъ Мортрейлемъ ***). Къ таковымъ нужно отнести прежде всего вторую новеллу Никифора Вотаніата, затѣмъ вторую новеллу Мануила Комнина, свидѣтельствующую, что постановленія синодовъ не имѣли силы безъ согласія государя; новеллы одиннадцатую и двѣнадцатую Алексѣя Комнина,

*) Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, 365.

**) De Patriarch. privilegiis.

***) Mortreuil, III, 59; I, 197.

четвертую Исаака Ангела, трактующихъ о правахъ императоровъ въ отношеніи назначенія епископовъ и патріарховъ. Всѣ эти эдикты рѣшительнымъ образомъ выражаютъ одну и ту-же мысль, что въ Византіи раздѣленія между свѣтской и духовной властью въ источникѣ не существовало, и что та и другая равнымъ образомъ сосредоточивались въ лицѣ императора.

§ 2. Происхожденіе статей Эпанагоги о власти патріарха и ихъ практическое примѣненіе.

Итакъ, при существованіи коренного признаннаго народомъ единства въ государственномъ строѣ восточной имперіи откуда же народилась та крамола, которая выразилась введеніемъ въ Эпанагогу опасной и гибельной для государства двойственности власти, нуждавшейся въ какомъ-то постоянномъ соглашеніи двухъ по меньшей мѣрѣ равныхъ силъ?

Знакомство съ данными перваго періода византійской исторіи, съ эпохой составленія Эпанагоги и съ положеніемъ тогда боровшихся политическихъ партій даютъ приблизительное разрѣшеніе загадки. Въ настоящее время доказано, что однимъ изъ главныхъ составителей Эпанагоги былъ патріархъ Фотій; имя его въ связи съ фактами извѣстной западнической реакціи, поднявшейся при воцареніи Василія Македонянина, являются вѣхами, указывающими то направленіе, котораго должно держаться при изслѣдованіи затронутаго вопроса. Государи первыхъ временъ имперіи въ своихъ благочестивыхъ стремленіяхъ всячески награждали духовенство всевозможными привилегіями и преимуществами. Мы не будемъ здѣсь перечислять тѣхъ многочисленныхъ правъ исключительности, при помощи которыхъ по волѣ императоровъ духовенство сложилось мало по малу въ государство въ государствѣ. Въ первой-же части нашего труда мы уже указывали, какую не только оборонительную, но и наступательную, войну объявило первое послѣднему тотчасъ же послѣ того, какъ только сознало свою силу. Война

была открыта на всемъ протяженіи, гдѣ свѣтское правительство могло столкнуться съ церковнымъ. Въ борьбѣ принялъ участіе и востокъ и западъ. Благодаря отдаленности отъ новой столицы и помощи франкскихъ королей, глава западнаго духовенства очень рано развилъ значительную силу сопротивленія императорской власти, и въ своихъ стремленіяхъ къ безотносительной самостоятельности византійское духовенство получило въ немъ первую надежную точку опоры. Поэтому, мы знаемъ чуть ли не во всѣхъ разногласіяхъ патріарховъ съ императорами первые всегда обращались за защитою въ Римъ и тамъ находили самую ревностную поддержку. Съ теченіемъ времени папа сдѣлался высшимъ судьей не только въ распряхъ власти свѣтской и духовной, но даже въ разногласіяхъ, возникавшихъ въ средѣ самого восточнаго духовенства. Тяготѣя къ церковной централизаціи, значительная часть романски настроеннаго клира всегда предпочитала искать посредника для разрѣшенія возникавшихъ недоразумѣній непремѣнно въ Римѣ. Еще на постановленіе собора, низводившаго Іоанна Златоуста съ престола, константинопольскій патріархъ апеллировалъ къ римскому первосвященнику Иннокентію *); онъ же тщательно уклонялся отъ допущенія вмѣшательства императорскаго суда во внутренніе церковные раздоры, предпочитая замалчивать самыя страшныя злоупотребленія ради того, чтобы соблюсти внѣшній миръ и спокойствіе. Судьба перенесла на голову Златоуста послѣдствія его сепаратистической политики; онъ палъ жертвой той самой интриги, существованіе которой имъ столь тщательно скрывалось отъ глазъ мірянъ.

Съ теченіемъ времени лавры папскаго преуспѣянія внушили вполнѣ понятную зависть патріархамъ константинопольскимъ, и они начали помышлять безъ подчиненія Риму о таковомъ же возвеличеніи своего престола. Обстоятельства вначалѣ благопріятствовали начинаніямъ подобнаго характера.

*) A. Thierry. S. Jean. Chrysostome, 277.

Не сознавая себѣ самимъ создаваемой опасности, византійскіе императоры продолжали непомѣрно возвышать духовенство въ ущербъ мірянамъ и церковное управленіе на счетъ свѣтскаго. Юстиніанъ въ таковомъ рвеніи перешелъ всякія границы благоразумія и показалъ отсутствіе какой-бы то ни было политической дальновидности. Царствованіе династіи Гераклія закрѣпило внутреннюю политику Юстиніана. Государственныя связи незамѣтно разслаблялись въ угоду узко себялюбивымъ притязаніямъ духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіано-эллинская идея безотносительнаго полновластія императоровъ подрывалась. Внѣшнее приличіе пока, какъ и въ дѣлѣ Іоанна Златоустаго, долгое время соблюдалось, но внутри назрѣвалъ расколъ, обнаружившійся при первыхъ попыткахъ императоровъ скинуть съ себя позорную зависимость отъ одного класса ими-же облагодѣтельствованныхъ подданныхъ. Между тѣмъ, за долгіе годы могущества западнаго первосвященника, идеалъ церковнаго царства прочно завладѣлъ воображеніемъ константинопольскаго патріарха, уже и такъ возвеличеннаго надъ прочими восточными іерархами. При такихъ условіяхъ, естественно, западническая часть византійскаго духовенства пріобрѣла собственный центръ, вокругъ котораго еще удобнѣе было группироваться. Прежнее тяготѣніе къ Риму теперь потеряло старинную основу. Тамъ находился только союзникъ въ борьбѣ, цѣль которой ставилась гораздо выше. Событія же шли впередъ послѣдовательной чередою. Переворотъ, мирно подготовлявшійся въ царствованіе Юстиніана съ Гераклiемъ, ихъ пріемниковъ назрѣвалъ; естественный ростъ патріаршей власти, было уже готовъ незамѣтно достигнуть своихъ крайнихъ предѣловъ, какъ вдругъ онъ внезапно былъ остановленъ сильною рукою завладѣвшій кормиломъ правленія націоналистовъ. Въ отвѣтъ на натискъ народниковъ съ необычайной смѣлостью и почти неслыханной дотолѣ дерзостью патріархъ Германъ рѣшительнымъ образомъ отказался повиноваться приказаніямъ Льва III. Въ этомъ упорномъ сопротивленіи нужно

видѣть прямое слѣдствіе уже накопленной за прошлыя царствованія и сконцентрированной сознанной силы. Побуждаемый сознаніемъ собственнаго долга, монархъ реформаторъ, какъ истый государственный человѣкъ, въ свою очередь не остановился передъ сопротивленіемъ мятежнаго прелата. Германъ апеллировалъ къ папѣ. Римскій первосвященникъ горячо вступился за собрата. Императоръ попытался простымъ способомъ отдѣлаться отъ строптивыхъ: онъ послалъ въ Италію вооруженный отрядъ, а Германа смѣстилъ безъ разсужденій. По независѣвшимъ обстоятельствамъ надъ папой насилія Льву III совершить не удалось. Преемникъ Григорія II Григорій III опять завязалъ долгій споръ съ императоромъ относительно церковной власти послѣдняго, и во время перипетій этого словеснаго сраженія было окончательно выяснено отпаденіе папъ отъ византійскихъ государей. Потерпѣвъ неудачу въ Италіи, націоналисты, однако, продолжали свое дѣло съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дома, и зарождавшійся восточный папизмъ былъ рѣшительнымъ образомъ униженъ и подавленъ въ его сепаратистическихъ стремленіяхъ.

Такимъ образомъ реформа иконоборцевъ, въ своей порывистости хотя и нарушила правила мирнаго государственнаго строительства, но тѣмъ не менѣе сослужила большую службу выясненію идеи чистой монархіи. Съ наступленіемъ реакціи честолюбивыя мечтанія константинопольскихъ патріарховъ опять возродились, но теперь имъ пришлось приспособляться къ измѣнившимся условіямъ общественнаго настроенія. Подъ воздѣйствіемъ высокаго подъема духа волны націонализма даже послѣдующее попятное движеніе не могло не отразить въ себѣ многихъ чертъ предшествовавшей эпохи. Тѣсная связь съ Римомъ начала прямо отвращать отъ западниковъ народные умы; вмѣстѣ съ тѣмъ факты показали, что въ случаяхъ обострения отношеній въ борьбѣ партій въ восточной имперіи поддержка папы сводилась къ нулю; въ особенности это стало ощутительно теперь, когда порвались старинныя узы, соеди-

нявшія византійскаго императора съ римскимъ первосвященникомъ. При новыхъ условіяхъ константинопольскій патріархъ не могъ и думать бороться съ свѣтской властью, опираясь исключительно на сочувствіе папы. Это стало вполнѣ ясно въ виду слѣдующаго событія. Въ царствованіе Ѳеодоры и Михаила III патріархъ Игнатій крайне сурово обошелся въ Вардой, братомъ императрицы. Гордый сановникъ не стерпѣлъ нанесеннаго ему въ храмѣ оскорбленія и склонилъ императора къ отрѣшенію Игнатія. Заступничество папы ни къ чему не привело, и тутъ то ловкій Фотій, замѣститель низложеннаго патріарха, уловилъ минуту, чтобы перемѣнить фронтъ. Изъ окружавшихъ фактовъ онъ самъ могъ убѣдиться, что западническая партія, вслѣдствіе пробужденія народнаго самосознанія, не удержала во всей своей чистотѣ первоначальныхъ принциповъ. Папа оказался точкой опоры, находящейся не подъ ногами; для успѣха же дальнѣйшей борьбы нужно было искать твердой почвы у себя на родинѣ, и Фотій нашелъ ее, примкнувъ по внѣшности къ народническому противузападническому движенію и объявивъ папу низложеннымъ съ престола.

Пріемъ новаго патріарха былъ чрезвычайно удаченъ; однимъ ударомъ константинопольскій первосвященникъ пріобрѣталъ любовь народа, какъ истинный отчизнолюбецъ, и возвышалъ константинопольскую каѳедру на степень абсолютно независимой отъ Рима и слѣдовательно единой первенствующей на востокѣ.

Замѣчательно, что многія свѣтскія лица, попадая волею судебъ въ ряды духовенства, съ поразительной скоростью усваивали себѣ пріемы его политики и проникались образомъ мыслей извѣстнаго рода. Однимъ изъ таковыхъ былъ Фотій. Низвергнутый съ патріаршаго престола Василіемъ Македонянином и имъ-же возведенный вторично, ставленникъ Варды тотчасъ-же разсчиталъ выгоды новаго порядка вещей. Его личныя честолюбивыя и властительскія стремленія совпадали съ тенденціями подчиненнаго клира. Путь, которымъ Василій достигъ

царскаго сана, его заскиванье передъ папою, потаканіе реакціи, стараніе утвердиться на тронѣ при помощи крайняго благочестія и правовѣрія—ясно указали сторону слабѣйшаго сопротивленія. Фотій со своей партіей туда и направилъ аттаку. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Духовенство вообще и патріархъ въ частности добились отъ еще неувѣреннаго въ себѣ императора такихъ преимуществъ, о какихъ они въ прошедшемъ только мечтали. Если не превосходство первосвященника, то полное равенство его царю получили признаніе и законодательную санкцію въ Эпанагогѣ. Государственное единство было разбито соглашеніемъ Фотія и Василія Македонянина. Законъ создавалъ въ Константинополѣ новаго папу, и въ будущемъ рисовались заманчивыя картины восточной Каноссы съ ея распущенностью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ императорской власти.

Если византійскій принципъ строительства-ойкономіи совѣтовалъ ради поддержанія государственнаго равновѣсія извѣстную терпимость къ еретикамъ, то въ еще большей степени онъ долженъ былъ предписывать соблюденіе равномѣрности въ соотношеніи различныхъ частей государства. По существу своему группа церковныхъ религіозныхъ интересовъ столь-же независима отъ прочихъ общественно-государственныхъ группъ, какъ и послѣднія отъ нея. Но такая самостоятельность мыслима только до тѣхъ поръ, пока духовный союзъ не требуетъ у политическаго доли принудительной власти. Въ случаѣ надѣленія церкви таковою государство, правительство, не можетъ относиться безразлично къ пользованію ему принадлежащей силой и устанавливаетъ повѣрку употребленія уступленнаго добра. А отсюда рождается необходимость внѣшняго подчиненія религіознаго общества политическому.

Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ *), византійскіе императоры, дѣлая извѣстное исповѣданіе условіемъ

*) Русскія юридич. древности. II, 2, 483.

юридической правоспособности подданныхъ, тѣмъ самымъ становились въ служебное положеніе относительно церкви и подчиняли ей государство. Между тѣмъ въ земныхъ дѣлахъ свѣтская власть авторитетнѣе духовной. Государство въ своихъ предѣлахъ можетъ допускать существованіе нѣсколькихъ церквей съ равными правами, не жертвуя ни для одной началомъ собственной устойчивости, и если таковой принципъ приложимъ къ общему типу политическихъ союзовъ, то, конечно, онъ былъ болѣе всего умѣстенъ въ примѣненіи къ Византіи. Исповѣдная равноправность издавна была заложена въ основаніе восточногреческаго общества, въ его представленіи власть пользовалась исключительнымъ уваженіемъ, какъ выразительница высшей мудрости и справедливости; народному сознанію противорѣчили всѣ замашки римской нетерпимости и пристрастія, явившіяся въ первомъ періодѣ краеугольнымъ камнемъ правительственныхъ пріемовъ.

Очень возможно, что нѣкоторые императоры, въ томъ числѣ и Юстиніанъ, продолжали политику Константина, разсчитывая въ облагодѣтельствованномъ духовенствѣ и извѣстной части общества обрѣсти надежный оплотъ противъ народныхъ притязаній на верховенство. Въ Юстиніановомъ законодательствѣ еще упоминалось о передачѣ нѣкогда принадлежавшей народу власти императорамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ-же законахъ не говорилось ни слова относительно абсолютной неотъемлемости верховныхъ правъ, которыя, повидимому, могли вернуться къ первоначальному собственнику при его ясно выраженномъ на то желаніи. Позднѣе византійское населеніе даже воспользовалось римской теоріей для смѣщенія и замѣны тѣхъ верховныхъ правителей, которые оказывались несоотвѣтствовавшими ихъ сану коронованныхъ мудрецовъ. Очень возможно, что указаннаго призрака римской республики опасались романизованные византійскіе императоры перваго и послѣдующихъ періодовъ, создавая около себя особую привилегированную силу духовенства. Можетъ статься, что монархамъ, не усво-

ившимъ, не понявшимъ духа своего народа, церковь-клиръ казалась надежнымъ прибѣжищемъ противъ политическаго вольнодумства войска, знати и горожанъ. Поддерживая заблужденіе государей, всѣ церковные дѣятели первыхъ временъ имперіи единодушно защищали императорское могущество и въ выраженіи преданности доходили до полнаго униженія.

Къ сожалѣнію послѣдующее поведеніе духовенства оказалось далеко не тѣмъ, какимъ оно было вначалѣ. Подобно всѣмъ преторіанцамъ, облагодѣтельствованный, возвеличенный клиръ, забывъ всякое чувство благодарности, при первомъ удобномъ случаѣ, обратилъ оружіе противъ довѣрившихся его поддержкѣ государей и выразилъ ясное желаніе подчинить ихъ своей власти. Исходя изъ этого стремленія, духовенство первое поспѣшило наложить конституціонные узы на монарха. Еще въ то время, когда народъ, вѣря въ избранника Божія, готовъ былъ вѣрить каждому его слову, какъ исходящему свыше, духовенство выразило сомнѣніе въ качествахъ верховныхъ носителей власти. Въ 491 г., когда послѣ смерти императора Зенона императоромъ былъ провозглашенъ Анастасій, патріархъ, узнавъ объ евтихіанскихъ убѣжденіяхъ преемника престола, потребовалъ отъ него передъ вѣнчаніемъ письменнаго исповѣданія православной вѣры и клятвеннаго обѣщанія ничего не измѣнять въ православной церкви. Съ той поры таковыя обѣщанія и исповѣданіе постепенно сдѣлались необходимымъ условіемъ вступленія на царство и сковали ранѣе безграничную въ исповѣдныхъ вопросахъ волю византійскихъ императоровъ. Нужно замѣтить далѣе, что противуправительственныя народныя движенія на религіозной подкладкѣ всегда возникали при усиленномъ содѣйствіи духовенства вообще и патріарховъ въ особенности. Своими рѣзкими проповѣдями церковные учителя разжигали народныя страсти, не отказываясь и отъ средства незримой пропаганды при помощи легіоновъ монашества. Монархъ, любимый народомъ, въ большинствѣ случаевъ всетаки могъ свободно относиться даже къ твердо установленнымъ

догматамъ безъ того, чтобы навлекать на себя народное неудовольствіе. Но тѣ изъ государей, которые, возстановивъ противъ себя клиръ, вмѣстѣ съ произвольнымъ учительствомъ, проявляли и другія отрицательныя качества, всегда встрѣчали въ населеніи и исповѣднаго противника; мы можемъ видѣть это на примѣрахъ ничтожнаго братя Верины Василиска или столь же ничтожнаго жалкаго Анастасія, противъ ереси котораго возстали даже не православные-голубые, а вольнодумцы-зеленые.

Необходимо замѣтить, что, ограничивая императоровъ въ правѣ толкованія догмы, патріархи и единомысленнный съ ними подчиненный клиръ понимали подъ охраненіемъ православія не только соблюденіе догматической его стороны. Православіе въ представленіи извѣстной части византійскаго духовенства соединялось съ понятіемъ незыблемости statu quo привилегированнаго положенія клира со всѣми принадлежавшими ему преимуществами вплоть до содержанія мѣняльныхъ лавокъ и банкирскихъ конторъ. Достаточно вспомнить, что всякій разъ, когда подымалось дѣло объ отобраніи церковныхъ земель или иного имущества на обще-государственныя нужды, духовенствомъ возбуждался вопросъ о благочестіи и даже православномъ образѣ мыслей императора: Михаилъ Кируллярій за попытку Исаака Комнина секуляризировать монастырскія имущества, пригрозилъ государю эпитимьей *); точно также архіепископъ Левъ обвинилъ по тому же поводу Алексѣя Комнина въ иконоборствѣ. Отсюда видно, что рясофорные преторіанцы византійскихъ монарховъ, собравшись съ силами, подобно преторіанцамъ древности или турецкимъ янычарамъ, далеко не изъ отвлеченныхъ побужденій посягали на волю самого царя. Нечего говорить, что подобныя порядки, закрѣпленныя Эпанагогой, не только ихъ противорѣчили кореннымъ основаніямъ византійскаго народнаго правосознанія,

*) Скабалановичъ, Виз. госуд. и церковь въ XI вѣкѣ, 385—386.

но не могли быть удобными и для самой власти, ихъ подтвердившей.

Западники, пользовавшіеся всѣми доступными средствами для проведенія въ жизнь своихъ идей, не преминули обратиться и къ тому восточно-греческому взгляду, что царь, уклоняющійся отъ исполненія предназначенной ему свыше обязанности всѣми своими дѣйствіями осуществлять благо, извращаетъ понятіе монархіи. Они внесли эту мысль и въ Эпанагогу, но на практикѣ въ своихъ личныхъ интересахъ толковали ее по своему. Мы указывали выше, что, по понятіямъ западнически настроенной части духовенства, идея блага главнымъ образомъ заключалась въ обереганіи ему ранѣе принадлежавшихъ правъ, предоставленіи новыхъ на счетъ свѣтскаго благосостоянія и всяческомъ попустительствѣ и укрывательствѣ прегрѣшеній клириковъ. Въ виду таковыхъ условныхъ воззрѣній на добро и справедливость самые жестокіе, безпощадные, расточительные и распущенные императоры вродѣ Ирины жили въ добромъ согласіи съ духовенствомъ, и никогда ихъ безбожное мучительство не вызывало ни малѣйшаго обличенія со стороны патріарха и единомысленной части клира, наслаждавшихся личнымъ благоденствіемъ въ эти мрачныя эпохи. Въ силу печально сложившихся обстоятельствъ поступившій въ распоряженіе новозападниковъ, обойденный ими, Василій Македонянинъ, утвердившись на престолѣ, природнымъ недюжиннымъ умомъ легко понялъ, куда клонился его благочестивый союзъ съ патріархомъ и противународнической партіей; поэтому прежде всего онъ не далъ ходу распространенію Эпанагоги, стѣснилъ власть константинопольскаго первосвященника, а передъ смертью завѣщалъ своему преемнику опасливую осторожность въ обращеніи съ тѣмъ, кого онъ самъ призналъ имѣющимъ право сдерживанія и обличенія дѣйствій государя: на смертномъ одрѣ Василій подозвалъ къ себѣ сына Льва и воспитателя своихъ дѣтей Стиліана и сказалъ имъ: «бойтесь Фотія, Сандаварена и ихъ клевретовъ: они меня увлекли въ бездну своими обманами».

Дѣйствительно, необычайно одареннаго Фотія нужно было особенно опасаться императорамъ, но его личность не исключала необходимости опасеній по отношенію замысловъ всѣхъ остальныхъ западниковъ восточной имперіи. Впрочемъ, Левъ Мудрый, какъ-бы и здѣсь оправдывая свое прозвище, сдѣлалъ надлежащій выводъ изъ словъ отца. При Львѣ занимавшій патріаршію каѳедру Николай Мистикъ оказался достойнымъ ученикомъ Фотія: онъ рѣшилъ отстаивать подзаконность императора для того, чтобы сильнѣе оттѣнить авторитетъ обличеній и учительства патріарха. По этому поводу между императоромъ и первосвященниковъ произошло столкновеніе. Мистикъ не уступилъ безъ боя разъ занятой позиціи. Василій Македонянинъ могъ не упоминать Эпанагоги въ Василикахъ, Левъ Мудрый могъ замалчивать ее въ своихъ новеллахъ, но константинопольскій патріархъ крѣпко ухватился за постановленія ему благопріятствовавшаго закона. Императоръ, однако, не задумался стать выше буквы послѣдняго, и непокорный патріархъ былъ принужденъ сложить съ себя свой санъ. Но несмотря на это, какъ доказываетъ проф. Сокольскій *), мысль о независимости священства отъ царства, ясно выраженная въ Эпанагогѣ, проступила и въ грамотѣ отреченія Мистика. Въ названномъ памятникѣ прежде всего указывалось на то, что великій и небесный даръ—патріаршая власть, полученъ отрекающимся исключительно Божьей милостью, и что потому патріархъ покидая престолъ, по волѣ царя, отнявшаго возможность управленія церковью, архіерейства съ себя не слагалъ.

Участь Игнатія, Фотія, Мистика, рядъ дальнѣйшихъ пораженій, понесенныхъ патріархами въ столкновеніяхъ съ императорами, не остановили, однако, ихъ властительскихъ притязаній. Съ удивительнымъ постоянствомъ константинопольскіе первосвященники при каждомъ удобномъ случаѣ въ особенности въ

*) О характерѣ и значеніи Эпанагоги, 36.

эпохи государственныхъ неурядицъ, пытались пробить брешь въ оградѣ, охранявшей духовное верховенство императора. Понемногу почти весь клиръ насквозь проникся воззрѣніями Эпанагоги и, несмотря на полное фактическое подчиненіе патріарха государямъ, равноправность власти царской и патріаршей въ глазахъ византійскаго духовенства оставалась требованьемъ высшей справедливости. Явныя отступленія отъ этого начала непримиримое духовенство продолжало разсматривать, какъ нарушенія божескаго закона *). При вступленіи на престолъ Іоанна Цимисхія патріархъ Поліевктъ, подобно Фотію при Василіи, пользуясь еще шаткимъ положеніемъ монарха, добившагося короны вѣроломнымъ убіеніемъ предшественника, потребовалъ, чтобы были наказаны убійцы Фоки и отмѣненъ указъ этого императора, запрещавшій рѣшеніе всякихъ церковныхъ дѣлъ безъ царскаго соизволенія. Нужно сознаться, что требованіе патріарха было обставлено очень тонко. При посредствѣ наказанія императоромъ какихъ-то относительно ничтожныхъ лицъ, главный убійца Фоки, которымъ былъ самъ Цимисхій, ловкимъ пріемомъ Поліевкта умывалъ руки въ ужасномъ преступленіи. Такимъ образомъ патріархъ умилялъ народъ благороднымъ обличеніемъ зла и возстановлялъ доброе имя новаго государя. Въ благодарность за таковой остроумный пріемъ служенія правдѣ Цимисхій даровалъ церкви желаемую льготу и по смерти Поліевкта, поставляя своего избранника, пустынника Василія, произнесъ рѣчь совершенно въ духѣ Эпанагоги. «Я признаю, говорилъ онъ **), одну верховную и главную власть, сотворившую изъ ничего весь видимый и невидимый міръ. Но здѣсь на землѣ я признаю двѣ власти: священническую и царскую; одной Зиждитель Вселенной поручилъ попеченіе о душахъ, другой— управленіе тѣ-

*) Ibid, 37.

**) Leo Diac. «Μίαν ἀρχὴν ἐξεπίσταμαι τὴν ἀνωτάτην καὶ πρώτην, ἥτις ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι τὸ τοῦ ὁρατοῦ καὶ ἀοράτου κόσμου παρήγαγε σύστημα. δύο δὲ τὰς ἐν τῷ δε τῷ βίῳ γιγνώσκω καὶ τῇ κάτω περιφορᾷ, ἱερωσύνην καὶ βασιλείαν.

лами людей, чтобы не повредился ни одинъ членъ (государственнаго естества), но всякій былъ сохраняемъ въ цѣлости».

Но, показывая столь высокое самоотреченіе и почтеніе къ церковному правительству, Цимисхій, какъ истый византійскій политикъ, тутъ-же попралъ одно изъ важнѣйшихъ его преимуществъ. Не собирая никакихъ архіерейскихъ соборовъ, императоръ представилъ собравшимся іерархамъ и сенату новаго патріарха со слѣдующими словами: «опредѣлить совершеннс достойнаго къ исправленію священныхъ дѣлъ, есть, конечно. дѣло Всевидящаго Ока, которому извѣстны всѣ человѣческія намѣренія. Но я возвожу на престолъ церкви человѣка давно мною испытаннаго, славнаго многими добродѣтелями и одареннаго отъ Бога духомъ пророчества, да не провождаетъ онъ своей жизни въ неизвѣстности. Онъ часто по вдохновенію свыше предсказывалъ мнѣ будущее, которое и сбылось въ свое время». Конечно, вслушиваясь въ повелительный тонъ этой внушительной рѣчи, ни на минуту нельзя вдаться въ обманъ на счетъ истинныхъ чувствъ и намѣреній Цимисхія. Императоръ былъ далекъ отъ того, чтобы, согласно Эпанагогѣ, спутывать себѣ руки и ноги возвеличеніемъ власти часто упорствовавшихъ и несговорчивыхъ патріарховъ. Поліевкту онъ сдѣлалъ уступку, какъ человѣку полезному; Василія выдвинулъ точно также въ качествѣ преданнаго слуги. Когда же Цимисхію донесли, что Василій и другому кому-то предвѣщалъ царскую корону, императоръ безъ разговоровъ, безъ суда или собора заточилъ его въ монастырь на рѣкѣ Скамандрѣ *), и возвелъ въ патріархи монаха Студійскаго монастыря Антонія.

Итакъ, изданіе Эпанагоги не измѣнило фактическихъ отношеній царя и патріарха и не доставило никакой вещественной побѣды послѣднему. Уже самъ Василій Македонянинъ, завѣщалъ своему преемнику вражду къ Фотію, славному автору Эпанагоги. Левъ Мудрый не оставилъ завѣтовъ отца безъ

*) Ibid. X, 2.

приложенія. Какъ бы издѣваясь надъ всякими патріаршими стремленіями, помимо требуемаго канонами собора, императоръ по своему усмотрѣнію распорядился объявить Фотія лишеннымъ престола, заточилъ его въ монастырь и возвелъ въ первосвященники своего брата Стефана, которому еще только что минуло шестнадцать лѣтъ.

Назначеніе Стефана было похоже на насмѣшку. Согласно пятой новеллѣ Юстиніана, усвоенной церковью даже для несенія обязанностей дьякона, требовался узаконенный возрастъ въ двадцать пять лѣтъ. Несомнѣнно, что инциденты съ Фотіемъ и Стефаномъ предрѣшали исходъ послѣдующаго столкновенія съ Мистикомъ, такъ какъ для разрѣшенія его въ нихъ уже имѣлся подходящій случай практикѣ самого императора, который не могъ допустить, чтобы подчиненный ему архіерей осмѣливался мѣшать осуществленію политическихъ разсчетовъ страны. Имперія требовала наслѣдника; первые три брака Льва не дали такового, и только четвертый оказался благопріятнымъ для политическихъ интересовъ страны. Между тѣмъ патріархъ поднялъ цѣлую бурю по поводу самовольнаго вѣнчанія императора съ Зоей и запретилъ Льву входъ въ церковь; Левъ продолжалъ входить, хотя и черезъ особую дверь, надѣясь придти къ мирному соглашенію. Въ корнѣ онъ чувствовалъ свою неправоту по отношенію каноновъ, запрещавшихъ четвертый бракъ; помимо того самимъ императоромъ была издана новелла, предостерегавшая даже отъ третьяго. Тѣмъ не менѣе, соскучившись упорствомъ Мистика, Левъ приказалъ ему отречься и на его мѣсто поставилъ Ефимія. Духовенство было заволновалось. Тогда, наперекоръ всякимъ постановленіямъ Эпанагоги, раздраженный сопротивленіемъ императоръ, на основаніи принадлежавшихъ ему правъ верховнаго законодателя по церковнымъ и свѣтскимъ дѣламъ, пригрозилъ разрѣшить православнымъ заразъ водить нѣсколько законныхъ женъ и тѣмъ заставилъ устрашенное духовенство окончательно смириться.

Въ 911 г., по смерти Льва Мудраго, безпутный братъ его Александръ наругался въ свою очередь на этотъ разъ даже безъ всякихъ поводовъ надъ Ефиміемъ. Въ присутствіи всего столичнаго духовенства и сената императоръ подвергъ патріарха жесточайшимъ и позорнѣйшимъ оскорбленіямъ, послѣ чего несчастный іерархъ былъ отправленъ въ заточеніе. Послѣ смерти патріарха Стефана въ 928 г. Романъ I счелъ неудобнымъ сразу посадить на патріаршій престолъ заранѣе къ нему назначаемаго царевича Ѳеофилакта, не достигшаго еще двѣнадцатилѣтняго возраста. На время подставнымъ патріархомъ былъ назначенъ монахъ Трифонъ, но долго его, во избѣжаніе недоразумѣній, оставить Романъ побоялся и потому вскорѣ заставилъ письменно отречься отъ сана, и патріаршая каѳедра нѣсколько времени пребывала незанятой. Въ 933 г. шестнадцати лѣтъ отъ роду, Ѳеофилактъ былъ посвященъ въ патріархи. Несовершеннолѣтній первосвященникъ, крайне порочный по своимъ наклонностямъ, былъ оставленъ подъ опекой, и такимъ образомъ константинопольскій патріархъ принялъ въ свои руки бразды церковнаго правленія подъ непосредственнымъ руководствомъ особо приставленнаго ментора. Безчинства Ѳеофилакта заставляли краснѣть его отца-императора, но не понудили его и смѣстить кощунствовавшаго патріарха. Съ точки же зрѣнія Эпанагоги это время должно было-бы признать временемъ вожделѣннаго единомыслія и единодушія дѣятельности царя и патріарха на пользу церковно-государственнаго управленія. Никифоръ, далѣе, II держалъ своего патріарха Поліевкта въ самомъ строгомъ повиновеніи. Объ обращеніи съ патріархами Іоанна Цимисхія мы упоминали выше. Василій Второй точно также смѣщалъ и возводилъ константинопольскихъ первосвященниковъ по усмотрѣнію, своими дѣйствіями давая знать, что та или другая судьба патріарха всецѣло зависѣла отъ усмотрѣнія монарха. При такомъ положеніи дѣлъ о равенствѣ обѣихъ властей, а тѣмъ болѣе о превосходствѣ патріаршей надъ царской, не могло быть и рѣчи.

Патріархи, повиновавшіеся императорамъ, дольше удерживались въ своемъ званіи, не повиновавшіеся легко теряли его. Ставленникъ Василія II Алексѣй, всегда почтительный въ отношеніи смѣнявшихся на его вѣку императоровъ, сохранялъ въ неприкосновенности свой престолъ и послѣ смерти оставилъ громадныя богатства.

Примѣръ такого рѣдкаго длительнаго благополучія смиреннаго первосвященника не повліялъ, однако, завлекающимъ образомъ на преемника Алексѣя, Михаила Кирулларія. Въ царствованіе Константина Мономаха и Ѳеодоры Кирулларій не проявлялъ своей личности въ рѣзкихъ формахъ въ отношеніи верховной власти; но съ воцареніемъ бездарнаго Стратіотика энергичный патріархъ окрылился духомъ. Возстаніе Исаака Комнина дало поводъ къ смѣлому замыслу, который и былъ осуществленъ. Кирулларій сталъ во главѣ мятежной партіи въ столицѣ, съ тѣмъ чтобы передать престолъ Комнину и такимъ образомъ пріобрѣсти въ монархѣ человѣка лично обязаннаго патріарху. Такой пріемъ обѣщалъ въ будущемъ нѣкоторые виды на успѣшное возобновленіе папистическихъ притязаній патріарховъ. Въ данномъ случаѣ къ осуществленію плана подошли всѣ надлежащія данныя. Въ прошедшемъ имѣлся благопріятный прецедентъ политики Поліевкта; Эпанагога оффиціально не подвергалась никакимъ ни измѣненіямъ, ни упраздненіямъ; въ виду государственныхъ замѣшательствъ и ослабленія свѣтской власти, прочія обстоятельства также складывались благопріятно. Несмотря на все это, разсчетъ Кирулларія удался только наполовину. Стратіотика оказалось возможнымъ уговорить отречься отъ престола, но замѣстившій его Исаакъ Комнинъ не пошелъ ни на какія уступки. Въ образѣ его передъ византійцами предсталъ настоящій монархъ-абсолютистъ. Собственный братъ императора, являясь передъ лицо царя, обязанъ былъ издали, не доѣзжая до дворца, слѣзать съ лошади и представляться государю не иначе, какъ по докладу. Съ этимъ-то человѣкомъ Кирулларій надѣялся всту-

пить въ выгодное для себя и церковнаго управленія соглашеніе. Императоръ, однако, не склоненъ былъ идти на какіе-бы то ни было компромиссы. При первыхъ попыткахъ проявленія противодѣйствія и самостоятельности со стороны Кирулларія, соблюдая преданія свѣтской власти, Исаакъ принялъ рѣшительныя мѣры и патріархъ безъ суда и слѣдствія отправился въ ссылку въ пригородный монастырь.

Политика позднѣйшихъ государей не только не измѣнилась въ указанномъ отношеніи, но еще болѣе укрѣпилась въ разъ принятыхъ началахъ, и энергія, проявленная византійскими государями въ дѣлѣ подавленія сепаратизма духовенства и властолюбивыхъ притязаній столичныхъ первосвященниковъ, наконецъ, мало-по-малу привела къ желаннымъ послѣдствіямъ. При Алексѣѣ Комнинѣ патріархи его времени дѣйствовали единодушно съ императоромъ, во всемъ подчиняясь царскому руководительству. Алексѣй держался, какъ извѣстно, во внутренней политикѣ началъ умѣренности, законности и избѣгалъ примѣненія рѣшительныхъ средствъ. Но если ему повиновались столичные первосвященники, то тѣмъ болѣе подчиненіемъ были обязаны областные. Подвергшись обличеніямъ халкидонскаго епископа Льва Комнинъ притворно смирился передъ нимъ, но, свидѣтельствуетъ Анна Комнина *): «такъ какъ онъ, т. е. Левъ Халкидонскій, отказывался повиноваться (рѣшенію оправдавшаго императора собора) и нисколько не успокоился обѣщаніемъ царя вернуть взятыя церковныя вещи, но, окруживъ себя незначительнымъ числомъ единомышленниковъ, продолжалъ возмущать церковь и былъ совершенно неукротимъ и неисправимъ, то, по истеченіи многихъ лѣтъ, всѣ единодушно приговорили его къ изгнанію и онъ былъ отправленъ въ ссылку». Конечно, за дѣяніемъ осудившаго Льва собора скрывалась нѣжно прикасавшаяся, но крѣпко зажимавшая рука императора, черезъ много лѣтъ не забывшаго нанесеннаго ему оскорбленія.

*) Византійскіе историки. Сказаніе Анны Комниной, 221.

Алексѣй на соборѣ, осуждавшемъ Льва, какъ и подобало византійскому монарху, взялъ на себя руководительство преніями, въ которыхъ онъ, какъ глава церкви и государства, согласно восточно-греческимъ воззрѣніямъ, былъ вполнѣ компетентенъ. Но рѣшеніе вопроса въ желательную для императора сторону облеклось въ форму соборнаго постановленія, которому подчинился царь. Это былъ пріемъ и разсчетъ тонкой политики, скрывавшей непреклонную единую волю за призрачной внѣшностью уступчивости. Насколько къ концу одинадцатаго вѣка выяснилось церковное верховенство императоровъ, слѣдуетъ изъ того, что никто болѣе Алексѣя Комнина не вмѣшивался непосредственно въ дѣла церковнаго управленія. Въ его законодательствѣ мы ясно можемъ прослѣдить постоянное стремленіе сдѣлать императорскую власть высшимъ авторитетомъ во всѣхъ дѣлахъ церкви. Новеллы Алексѣя затронули этотъ вопросъ даже съ судопроизводственной стороны: «если возникнетъ тяжба между клирикомъ и міряниномъ, говоритъ первая новелла, истецъ подчиняется суду отвѣтчика, если только оба не пожелаютъ обратиться къ суду императора, въ какомъ случаѣ императоръ точно разбираетъ дѣло и постановляетъ рѣшеніе»; Алексѣй подчинилъ волѣ императора установленіе порядка назначенія на духовныя должности **), правилъ о бракахъ и обрученіи, ценза, условія зачисленія въ духовное званіе ***) и надзора за матерьяльнымъ и не матерьяльнымъ положеніемъ ****) духовенства и исполненіемъ имъ своихъ обязанностей *****).

Малѣйшія попытки іерарховъ къ какой бы то ни было самостоятельности тотчасъ же неукоснительно подавлялись. Такъ, напримѣръ, когда въ 1087 г. двѣ викарныя епископскія каѳедры случайно освободились, и митрополиты Гераклеи и Анкиры,

*) Nov. III.
**) Nov. IX.
***) Nov. XX.
****) Nov. II.
*****) Mortreuil, III, 153.

высказали тотъ взглядъ, что замѣщеніе таковыхъ второстепенныхъ каѳедръ должно зависѣть на основаніи двѣнадцатаго правила Халкидонскаго собора отъ митрополій, но не отъ Константинополя. Немедленно по этому случаю состоялся по повелѣнію императора соборъ, предоставившій монарху право назначать епископовъ, возводить епископства и архіепископства на степень митрополій и устанавливать условія избранія на каѳедры *). Вслѣдъ за постановленіемъ собора Алексѣй Комнинъ издалъ свою двѣнадцатую новеллу, заключавшую въ себѣ, между прочимъ, статьи подобнаго содержанія: «такъ какъ халкидонскіе первосвященники снова отказались признавать почести, предоставленныя императорамъ, мое императорское могущество, пользуясь правомъ, разрѣшаемымъ святыми канонами, изволило постановить, что ни одинъ епископъ отнынѣ не будетъ возводимъ въ высшій санъ архіепископа или митрополита иначе, какъ по собственному всякій разъ побужденію императора, когда послѣдній, помимо всякихъ суетныхъ человѣческихъ соображеній, пожалуетъ таковое достоинство какой либо церкви или въ виду заслугъ самого округа ея въ отношеніи преданности православной вѣрѣ, или въ виду исключительныхъ добродѣтелей высшаго духовнаго начальника; потому, до тѣхъ поръ пока патріархъ не посовѣтовался съ императоромъ и не представилъ ему каноническихъ правилъ, константинопольскому первосвященнику разрѣшается не утверждать диплома представляемаго кандидата и не возводить его въ рангъ архіепископовъ или митрополитовъ, такъ какъ императоръ не жалуетъ этихъ высшихъ почестей безъ достаточныхъ къ тому основаній» **).

Указанной новеллой всѣ высокопарныя разсужденія Эпанагоги о власти патріарха окончательно сводились къ нулю.

Алексѣй, какъ мы видѣли только прикрывался дѣятельностью духовныхъ соборовъ, которые являлись въ его рукахъ послуш-

*) Mortreuil, III, 153.

**) Nov. XII: περὶ τοῦ ἀνάγειν τὰς ἐπισκοπὰς εἰς μητροπόλεις.

нымъ орудіемъ, дѣйствовавшимъ противъ собственныхъ интересовъ. Политики дѣда вначалѣ придерживался и Мануилъ Комнинъ. Не раздѣляя богомильскихъ взглядовъ патріарха Козьмы, императоръ сперва пригласилъ къ себѣ всѣхъ значительнѣйшихъ іерарховъ, побесѣдовалъ съ ними на единѣ, а потомъ созвалъ соборъ, единогласно осудившій первосвященника на низверженіе. Замѣчательно, что Іоаннъ Киннамъ, разсказывая исторію совращенія Козьмы въ ересь, сообщаетъ, что многіе недовольные патріархомъ гласно требовали надъ нимъ суда Божія и государева *). Очевидно, что въ это время въ общественномъ сознаніи вполнѣ ясно вырисовывался обликъ монарха, какъ верховнаго владыки и въ свѣтскомъ и въ духовномъ отношеніи. Многіе другіе факты, упоминаемые въ трудѣ названнаго историка, подкрѣпляемаго свидѣтельствомъ Никиты Хоніата, еще болѣе наводятъ на подобную мысль. Такъ, между прочимъ, когда патріархъ Николай Музала былъ по мнѣнію всѣхъ неправильно возведенъ на престолъ, и отъ него требовали отреченія, первосвященникъ долго упорствовалъ, пока не узналъ, что его дѣло передается на разсмотрѣніе царю и отъ послѣдняго ожидается неблагопріятное для патріарха рѣшеніе; послѣ этого извѣстія, очевидно, чувствуя свою подчиненность, Музала отказался отъ престола добровольно **). Обхожденіе Мануила съ патріархомъ и митрополитами во время споровъ о словахъ «Отецъ болій Мене есть» и «Богѣ Олосфиросѣ» слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нужно было на немъ останавливаться. Достаточно вспомнить, что, когда патріархъ Ѳеодосій вмѣстѣ со многими епископами осмѣлился не согласиться съ религіозными мнѣніями императора, послѣдній обозвалъ всѣхъ дураками всесвѣтными ***). Въ отношеніи проведенія идеи духовнаго верховенства царя въ поступкахъ Мануила Комнина очень поучительно сопоставить

*) Византійскіе историки. Киннамъ, 69.
**) Киннамъ, 90.
***) Никита Хоніатъ, I, 278.

мнѣнія двухъ писателей, современниковъ этого царствованія, освѣтившихъ церковно-богословскую дѣятельность названнаго императора съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы говоримъ объ Іоаннѣ Киннамѣ и Никитѣ Хоніатѣ.

Въ повѣствованіи Хоніата слышится нѣкоторая горечь человѣка, имѣвшаго тѣсныя связи съ міромъ принижаемаго духовенства (родной братъ Никиты былъ архіепископомъ аѳинскимъ); Киннамъ въ качествѣ вполнѣ свѣтскаго и притомъ еще военнаго человѣка *), судитъ прямодушно, откровенно, цѣликомъ передаваясь на сторону царя и отчасти неодобрительно отзываясь о клирѣ, какъ о противникѣ полноты державнаго авторитета. Согласно различію во взглядахъ, и тотъ и другой историкъ различнымъ образомъ выражаются о богословскихъ сочиненіяхъ Мануила, но оба удостовѣряютъ фактъ императорскаго церковнаго главенства и учительства (οἱ σιλέντιοι λόγοι). «Для большей части римскихъ царей, говоритъ Никита, рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайней обидой, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героямъ по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и тоже время и провозвѣстниками догматовъ и ихъ судьями, установителями, а часто и

*) Большая часть жизни Киннама протекла въ лагерѣ.

карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ образомъ и этотъ царь, владѣвшій краснорѣчіемъ и богато надѣленный пріятнымъ даромъ слова, не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя называются силенціями» *). Хоніатъ удостовѣрялъ фактъ, но относился къ нему недоброжелательно. Въ немъ явно бродила новозападническая закваска и, передъ глазами его стоялъ образъ патріарха, начертанный Эпанагогой. Историкъ ревновалъ къ церковному верховенству монарха и желалъ видѣть раздѣленіе силъ двухъ мечей.

Вполнѣ свѣтскому человѣку Киннаму притязанія Мануила представлялись совершенно въ иномъ свѣтѣ. Для него, выразителя чисто народническихъ идеаловъ, Комнинъ являлся дѣйствительнымъ героемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Іоаннъ описывалъ только подвиги царя, къ каковымъ принадлежало, по его мнѣнію, и составленіе учительныхъ силенцій. «Царь написалъ молчаливое слово, повѣствуетъ Киннамъ, и написалъ не въ той формѣ, какъ обыкновенно пишутся сочиненія, но говоритъ въ немъ асикритъ (секретарь) отъ имени царя. Въ этомъ словѣ заключена мысль глубокая, льющаяся изъ души весьма благородной. Она содержитъ въ себѣ много назидательныхъ положеній и доказательствъ; вообще говоря, она не имѣетъ искусственныхъ красотъ, однакоже оригинально и живо выражаетъ своего писателя» **). Преданный сторонникъ величія и полноты императорской власти, какъ отвлеченнаго понятія, Киннамъ скорбѣлъ также о чрезмѣрномъ расширеніи правъ римскаго первосвященника и обвинялъ его въ узурпаторствѣ. Въ Хоніатѣ можно разглядѣть скрытаго новозападника, Киннамъ народникъ-восточникъ въ полномъ смыслѣ слова. «Какимъ образомъ, восклицаетъ царскій грамматикъ, власть Рима сдѣлалась предметомъ торга для варваровъ и низкихъ рабовъ? И съ тѣхъ поръ нѣтъ въ немъ ни архіерея, ни тѣмъ

*) Никита Хоніатъ, I, 271.

**) Киннамъ, 324.

болѣе правителя: тамъ восхищающій царское величіе, вопреки своему достоинству, идетъ пѣшкомъ впереди ѣдущаго верхомъ архіерея и исправляетъ должность его конюшаго... Какъ и откуда получилъ ты право, почтеннѣйшій пользоваться римскими царями вмѣсто конюшихъ? Если же, не получилъ ни откуда, то и въ тебѣ лживо архіерейство и въ немъ униженъ царь. Если ты не допускаешь, что царскій престолъ Византіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ престолъ и Рима, то откуда унаслѣдовано самимъ тобой достоинство папы?... Но мнѣ, скажешь, дано право возводить на престолъ царей. Дѣйствительно, но лишь постольку, поскольку возлагать руки, посвящать есть дѣло духовное, но ты не имѣешь права дарить царство и въ этомъ отношеніи дѣлать распоряженія» *). Киннаму было обидно за то, что папа не признавалъ надъ собой главенства византійскаго императора и унижалъ царское достоинство вообще.

Портретъ, нарисованный Никитой Хоніатомъ, даетъ намъ прекрасное понятіе о состояніи верховной власти Византіи наканунѣ латинскаго погрома. Мы можемъ убѣдиться изъ словъ безпристрастнаго въ свѣтскую сторону историка, что въ описываемую имъ эпоху начала, высказанныя Эпанагогой относительно патріаршей власти, за непримѣненіемъ ихъ подверглись окончательному забвенію. Расколовшаяся было вслѣдствіе старанія западниковъ власть благоразуміемъ энергичныхъ правителей снова пришла къ необходимому единству, предоставивъ въ тоже время надлежащій просторъ всѣмъ проявленіямъ народной жизни.

Какъ мы видѣли, побиваніе властолюбивыхъ притязаній духовенства производилось крайне разнообразными средствами. Императоры стремились передать патріаршество своимъ родственникамъ, надолго оставляли первосвященническій престолъ свободнымъ, незанятымъ, выбирали въ патріархи по преиму-

*) Киннамъ, 243.

ществу лицъ неизвѣстныхъ, незначительныхъ, лично обязанныхъ возвышеніемъ свѣтской власти, укрощали случайныхъ строптивцевъ мѣрами строгости и въ результатѣ, наконецъ, добились полнаго приниженія гордыни клира. Папистическія притязанія патріарха и стремленія обособившагося духовенства къ независимости отъ свѣтской власти, конечно, нельзя раздѣлять между собою. Подчиненіе патріарха волѣ императора неизбѣжно влекло за собой подчиненіе всего духовенства. Съ потерей самостоятельности константинопольскаго первосвященника клиръ потерялъ средоточіе своихъ силъ, и борьба въ раздробленномъ видѣ оказалась немыслимой. Кстати сказать, въ пререканіяхъ съ домашними іерархами Комнины не поколебались пустить въ ходъ средство, нѣкогда употреблявшееся патріархами противъ императоровъ, именно обращеніе за санкціей тѣхъ или другихъ дѣйствій къ папѣ. Въ распрѣ относительно отмѣны произнесенія анаѳемы Богу Магомета Мануилъ грозилъ призвать на соборъ самаго папу, чѣмъ, конечно, унижалъ константинопольскаго патріарха въ его признанномъ первенствѣ на востокѣ. Случаи дѣйствительнаго обращенія въ Римъ встрѣчались въ предшествовавшей практикѣ.

Такимъ образомъ спорный по виду вопросъ о существованіи якобы въ Византіи церковнаго и свѣтскаго двоевластія долженъ быть отвергнутъ безусловно. Законодательныя постановленія Эпанагоги явились политическимъ происком пропитанной западническими ученіями клерикальной партіи, воспользовавшейся минутной слабостью свѣтскаго правительства. Здравый смыслъ помогъ византійскимъ императорамъ выпутаться изъ того затруднительнаго, ложнаго положенія, въ которое они были поставлены составителями Эпанагоги, и тѣмъ устранилъ возможность возникновенія въ Константинополѣ втораго папы.

§ 3. Преемство власти.

Здравый смыслъ, предохранившій византійское государство отъ раздвоенія въ церковномъ отношеніи, сослужилъ свою службу точно также въ дѣлѣ устраненія коренного органическаго порока, лежавшаго въ политическомъ устройствѣ римской монархіи и переданнаго подъ именемъ свѣтскаго двоевластія Византіи.

Въ Римѣ до Марка Аврелія былъ только одинъ гражданинъ, законно признаваемый въ качествѣ princeps'а или augustus'а *). Но этотъ гражданинъ, пользовавшійся званіемъ императора, имѣлъ право потребовать у сената товарища и помощника для болѣе удобнаго отправленія нѣкоторыхъ функцій власти. Подобный помощникъ, вначалѣ обыкновенно родной сынъ императора или пріемный, не носилъ особаго титула и считался только consors, particeps imperii. Самостоятельной доли въ управленіи ему не поручалось; онъ дѣйствовалъ не иначе, какъ по предписаніямъ императора. Постепенно, однако, обстоятельства измѣнились. Со времени Коммода товарищъ уже присвоилъ себѣ пурпуровое одѣяніе, стражу, право на статуи, на изображеніе его головы на монетахъ. На этомъ усиленіе власти сотоварища не остановилось. Въ дальнѣйшемъ первоначальный смыслъ избранія субрегента, какъ указанія на преемника престола замѣнился настоящимъ соправительствомъ. Въ 161 г. уже встрѣчается примѣръ существованія двухъ единовременно правящихъ императоровъ duo Augusti, и съ тѣхъ поръ означенное явленіе начинаетъ повторяться постоянно. Второй цезарь получалъ власть съ выполненіемъ всѣхъ надлежащихъ формальностей; съ начала третьяго вѣка даже титулъ pontifex'а maximus'а сталъ принадлежать обоимъ соправителямъ. Двоевластіе въ свою очередь

*) Виллемсъ, II, 503.

привело къ раздѣленію самой имперіи на двѣ части. Сначала временное, позднѣе это дѣленіе сдѣлалось окончательнымъ съ царствованія Ѳеодосія. Это произошло въ 395 г., хотя вплоть до паденія Западной римской имперіи въ 476 г. оба государства номинально продолжали разсматриваться какъ части одного политическаго цѣлаго *).

Взгляды восточно-греческаго населенія, воспитаннаго на монархической философіи Платона и Аристотеля, противорѣчили представленію о законности діархіи. Философскія ученія отечественныхъ мыслителей древности отличали монархію передъ другими формами правленія. Еще отецъ поэтовъ, Гомеръ, высказывался въ томъ смыслѣ что, «вредно многоначаліе, да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь». И вотъ, въ Византіи мало по малу политическое значеніе римскаго института нареченія цезаремъ при возведеніи въ соправители утратилось. Самое званіе цезаря перешло въ разрядъ высшихъ государственныхъ чиновъ. Вначалѣ это былъ чинъ, непосредственно слѣдовавшій за императоромъ, вслѣдствіе чего цезарю-кесарю съ девятаго вѣка полагалось славословіе, какъ и монарху, его короновали головнымъ украшеніемъ подобнымъ вѣнцу, для него раскидывалась царская палатка, ему присвоивалась почетная стража. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, усыновленіе или назначеніе соправителемъ не соединялось непремѣнно съ пожалованіемъ чина кесаря. Точно также съ этимъ достоинствомъ безъ усыновленія не сопрягалось никакихъ правъ на престолъ; поэтому не смотря на то, что Константинъ Дука возвелъ въ кесари своего брата Іоанна, послѣдніи ни чуть не приблизился къ коронѣ и оставался въ семъ званіи въ царствованіе не только Константина, но и Діогена и Михаила Парапинака. Обыкновенно кесарство, какъ почетный титулъ, жаловалось кому либо изъ близкихъ или дальнихъ родственниковъ императора, а иногда и чужимъ.

---

*) Виллемсъ, II, 654.

Паденіе значенія кесарскаго званія не остановилось на указанной ступени. При Алексѣѣ Комнинѣ былъ созданъ новый чинъ севастократора, затмившаго собою кесарство. Севастократорствомъ такимъ образомъ уничтожилось даже воспоминаніе о римскомъ величіи этого слова. Пріобщеніе къ власти и усыновленіе точто также получили въ Византіи надлежащій смыслъ, какъ указаніе будущаго преемника престола. Въ восточной имперіи соправитель вовсе не пользовался самостоятельною властью и владѣлъ лишь пустымъ титуломъ при жизни императора. Какъ все пожалованное, пріобщеніе могло быть всякую минуту отнято, и соправитель въ этомъ случаѣ долженъ былъ немедленно возвратиться въ прежнее положеніе частнаго человѣка.

Идея единства власти, не взирая на завѣщанное Римомъ фактическое дробленіе ея, представлялась заложенной въ качествѣ краеугольнаго камня въ самое основаніе византійскаго государства. Единовластіе составляло политическую аксіому Византіи. Насколько такое единовластіе было далеко отъ деспотіи или тиранніи, намъ пришлось указать выше. Восточная монархія являлась въ минуты подъема ея духовныхъ и вещественныхъ силъ образцомъ правильно понимаемаго государственнаго устройства съ народомъ, обезпеченнымъ въ своемъ правѣ быть хорошо управляемымъ, и правительствомъ, полагающимъ свою цѣль въ осуществленіи блага ввѣреннаго его попеченіямъ населенія при помощи житейской, практической и отвлеченной философской мудрости. Опираясь на данныя отечественной культуры, народное правосознаніе Византіи не допускало ошибки въ построеніи идеала. Во главѣ государства легко могли становиться вмѣсто мудрецовъ болѣе чѣмъ ограниченные люди, они могли обращать свое могущество вмѣсто служенія общегосударственнымъ интересамъ, на удовлетвореніе личныхъ прихотей и нуждъ, тѣмъ не менѣе принципъ монархіи въ идеѣ нисколько не страдалъ отъ этого. Среди безчисленныхъ революцій разумность начала единовластія въ при-

мѣненіи къ восточно-римской имперіи осталась незыблемою. Только одинъ разъ болѣзненное воображеніе, Ставракія, сына Никифора, попыталось превратить византійскую монархію въ республику, но мечтательный проектъ этотъ не вызвалъ ни въ комъ въ свою пользу даже малѣйшихъ колебаній. Ставракіемъ руководило стремленіе уничтожить царскій санъ, чтобы никто имъ болѣе не воспользовался послѣ его смерти. Замыселъ никифорова сына породилъ общее негодованіе, и Михаилъ Ранкабé посредствомъ переворота занялъ императорскій тронъ.

Но, очистивъ начало единовластія отъ наросшихъ на него придатковъ римской діархіи, византійское населеніе въ тоже самое время, однако, въ силу независящихъ причинъ не смогло выработать опредѣленнаго порядка преемства этого недѣлимаго цѣлаго. Въ виду этого обстоятельства, непрерывность осуществленія правъ верховенства со стороны одного лица подвергалась нарушеніямъ. Въ Византіи нельзя было всегда воскликнуть при кончинѣ или удаленіи одного императора: le roi est mort, vive le roi. Съ естественнымъ или насильственнымъ прекращеніемъ полномочій главы государства верховенство на время возвращалось обратно къ народу. Сохраненіе подобнаго порядка являлось крайнимъ неудобствомъ и даже вредомъ для интересовъ правильнаго теченія государственныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе по главному правилу, подобно своему предшественнику на поприщѣ избранія императоровъ, Риму, византійскій народъ упражнялъ interregnum и всевозможныя сочетанія выборовъ; на страницахъ его исторіи мы встрѣчаемъ избраніе чисто народное, рекомендацію кандидата сенатомъ, войскомъ, самимъ предшествовавшимъ императоромъ при посредствѣ пріобщенія къ власти, усыновленія, личнаго назначенія наслѣдника, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно выраженное на каждый разъ согласіе народа привходило, какъ необходимое условіе утвержденія въ санѣ. Несмотря на господство послѣдняго принципа, всетаки было бы ошибочно допустить, что Византія положительно не знала наслѣдственности въ вопросѣ преемства власти съ непрерывнымъ

осуществленіемъ разъ врученнаго верховенства въ опредѣленномъ кругу лицъ. Продолжительное царствованіе династіи Гераклія, Исавровъ, Македонянъ, Комниновъ доказываютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ населеніе согласно было переходить отъ одного правителя къ другому въ порядкѣ наслѣдованія безъ пересмотра правъ распоряженія императорскими полномочіями.

Византіецъ требовалъ только того, чтобы дѣятельность царя соотвѣтствовала отечественному идеалу правителя. Отъ сына императора, оправдавшаго въ таковомъ отношеніи возлагавшіяся на него надежды, конечно, можно было ожидать болѣе вѣрнаго продолженія отцовскихъ тенденцій, и потому народъ очень часто охотно ввѣрялъ свою судьбу потомкамъ зарекомендовавшихъ себя съ хорошей стороны государей, ни на минуту не отбирая у нихъ верховенства. На этихъ основаніяхъ начала выборное и наслѣдственное равнымъ образомъ должны быть признаваемы существовавшими въ системѣ византійскаго престолонаслѣдія *). Неустойчивость послѣдняго, постоянные перевороты, потрясавшіе государственный порядокъ, не могли не давать себя чувствовать трудовому люду, каковымъ былъ византійскій народъ. Всякая перемѣна правительства отзывалась на мирномъ теченіи дѣлъ, которымъ только обезпечивается пользованіе плодами ремеслъ, промышленности и торговли. Населеніе, избѣгая смутъ, иногда терпѣло до послѣдней возможности даже мучительство недостойнаго монарха, тѣмъ болѣе, конечно, оно готово было признавать въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ наслѣдственную передачу верховныхъ правъ истинному правителю.

Что касается до народа, то онъ былъ готовъ примириться со всякимъ узурпаторомъ и даже полюбить его вмѣстѣ

*) Краузе признаетъ существованіе зачатковъ сложенія института законнаго престолонаслѣдія. Die Byzantiner des Mittelalters, 166. Иначе думаетъ Пайяръ. Histoire de la ransmission et ect. 343; по мнѣнію этого автора, Византія питала врожденное отвращеніе къ наслѣдственной монархіи.

съ потомствомъ какъ, напримѣръ, Василія Македонянина, если только тотъ оказывался доброжелательнымъ, заботливымъ и честнымъ государемъ. Но вѣрный греко-восточному пониманію идеаловъ правителя, монархъ, въ томъ случаѣ, когда желалъ упрочить престолъ въ нисходящей линіи, вмѣстѣ съ тѣмъ самъ обязанъ лично думать о томъ, чтобы его единокровный наслѣдникъ въ свою очередь соотвѣтствовалъ душевными, умственными и нравственными качествами достоинству передаваемаго ему сана. Василій Македонянинъ самъ лично сталъ на эту точку зрѣнія. Старшій сынъ его Левъ, въ качествѣ будущаго правителя, по природнымъ свойствамъ вначалѣ не удовлетворялъ требованіямъ императора-отца. Поэтому Василій хотѣлъ было прямо устранить его отъ престола и только впослѣдствіи, по настоянію близкихъ лицъ, смѣнилъ гнѣвъ на милость; ликовавшему по этому поводу народу онъ, однако, не преминулъ замѣтить: «Дѣти мои, вы испускаете крики радости и благодарите Бога за возвращеніе Льва; лучше просите, чтобы царствованіе его когда нибудь не заставило васъ стонать отъ горести». Эти слова показываютъ, что въ данномъ случаѣ государь интересы подданныхъ ставилъ выше отцовскихъ и династическихъ стремленій. Чтобы смягчить строптивый характеръ Льва, отецъ написалъ сыну въ руководство извѣстное обстоятельное поученіе и своими мудрыми совѣтами обезпечилъ ему долголѣтнее царствованіе.

Въ противность правильнымъ пріемамъ Василія Македонянина, смотрѣвшаго въ существо дѣла, многіе изъ византійскихъ императоровъ изъ чувства вполнѣ понятной заботливости о судьбахъ потомства, всѣми способами старались добиться у сената, народа и патріарха внѣшнихъ гарантій неприкосновенности завѣщаемыхъ наслѣдникамъ верховныхъ правъ. Не смотря на исторгаемыя клятвы, подданные, какъ и слѣдовало ожидать, соблюдали завѣты покойныхъ монарховъ, когда они не противорѣчили интересамъ населенія, но не считали себя связанными ими въ томъ случаѣ, если рекомендованный ихъ

вниманію наслѣдникъ не соотвѣтствовалъ установившимся взглядамъ. Государи признавали это право. Умирая, Левъ Философъ призвалъ къ себѣ сенаторовъ и обратился къ нимъ съ рѣчью слѣдующаго содержанія: «Друзья мои, снѣдаемое болѣзнью тѣло мое распадается, силы слабѣютъ. Я прошу у васъ послѣдняго одолженія; не откажете мнѣ въ немъ. Вспомните, что я былъ добръ къ вамъ и потому возьмите подъ свое покровительство мою жену и сына» *). Сынъ Льва VI, Константинъ Порфирородный, благополучно унаслѣдовалъ и сохранилъ отцовскій престолъ, но не вслѣдствіе завѣщанія, а въ силу личныхъ качествъ добраго правителя, Напрасно нѣкоторые императоры старались перенести въ данную область государственнаго права начала гражданскаго наслѣдованія. Народъ противился этому. Ему мало было видѣть на престолѣ плотскаго наслѣдника правителя-мудреца, онъ желалъ въ немъ чувствовать родство и духовное. Напрасно поэтому патріархъ Поліевктъ внушалъ народу, что сыновьямъ Романа II корона должна непремѣнно перейти по праву отеческаго наслѣдія; царствованіе Василія II отдѣлилось отъ момента смерти отца подъ рядъ двумя государями, не имѣвшими связей родственныхъ съ македонскимъ домомъ потому, что народъ, хотя и любилъ македонянъ, но въ данномъ случаѣ опасался сразу подчиниться малолѣтнимъ принцамъ, предпочитая имъ на время вполнѣ возмужалыхъ правителей.

Со взглядами на императорское преемство и мнѣніемъ подданныхъ приходилось считаться даже столь прочно укрѣпившимся государямъ, какъ Комнины. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ Іоаннъ Комнинъ Мануила. «Многимъ уже изъ предшествовавшихъ мнѣ царей угодно было передавать своимъ дѣтямъ власть, какъ

*) τὸ μὲν ἐμὸν σαρκίον, ὦ φίλοι νόσῳ ἑκτρυχωθὲν ἀπέρρευσε, καὶ ἡ ἰσχὺς ἐπιλέλοιπε, καὶ τάχα οὐκέτι μεθ' ὑμῶν βιοτεύω... μίαν τοίνυν καὶ τελευταίαν ὑμᾶς αἰτῶ τήνδε τὴν χάριν, ἀπομνημονεύσαι ἣν εἶχον πρὸς ὑμᾶς χρηστὴν διάθεσιν, καὶ ἀντ ταύτης εὔνοιαν τῇ ἐμῇ συζύγῳ διατηρῆσαι καὶ τῷ υἱῷ. Cedr. II, 273.

нѣкое отеческое наслѣдіе. И самъ я знаю, что получилъ царство отъ отца царя, и каждому изъ васъ это должно быть извѣстно. Посему вы, конечно, думаете, что, находясь при концѣ жизни и оставляя послѣ себя двухъ сыновей, я по общему человѣческому закону передамъ престолъ старшему по возрасту. Но у меня столько попеченія о васъ, что, если бы даже ни одинъ по своимъ качествамъ, не былъ способенъ взять на себя это бремя, я бы избралъ кого нибудь иного, кто пришелся бы по моимъ и вашимъ мыслямъ». Іоаннъ зналъ на сколько слабы всѣ внѣшніе способы принудительнаго обезпеченія наслѣдованія престола и при назначеніи себѣ преемника старался склонить въ его пользу будущихъ подданныхъ, вліяя на ихъ разумъ и чувства.

Случалось, что благодарный народъ въ видѣ особаго знака признательности заранѣе обѣщалъ свою преданность сыну царствующаго императора. Левъ Хазарскій, наслѣдовавшій Константину Копрониму, въ продолженіи своего царствованія всячески старался загладить послѣдствія чрезмѣрной порывистости отца въ дѣлахъ государственнаго управленія. Благодарное столичное населеніе явилось многочисленными толпами просить императора пріобщить къ власти пятилѣтняго сына Константина. Императоръ не уступилъ настояніямъ просителей съ перваго раза. «Вы у меня требуете, обратился онъ къ народу, чтобы я отдалъ вамъ своего единственнаго сына, единственное дитя. А кто же мнѣ поручится за его жизнь, если я исполню ваше желаніе? Кто мнѣ поручится, что вы не заставите его умереть, чтобы возвести на престолъ другого императора»? Народъ поклялся именемъ Господа въ своей неизмѣнной вѣрности Константину, и когда Левъ продолжалъ упорствовать, восторги гражданъ начали грозить принять форму уличныхъ безпорядковъ. Императоръ, наконецъ, далъ свое согласіе. Весь городъ, сенаторы, солдаты, ремесленники, торговцы принесли торжественную присягу малолѣтнему на-

слѣднику престола, и всѣ клялись, что положатъ свои головы за его безопасность. Увы, столь горячо выраженная любовь и преданность не охранили впослѣдствіи возмужавшаго младенца отъ неистовства потерявшей человѣческій образъ матери,—придворная интрига поборола народную преданность.

Итакъ, личная воля императора сама по себѣ была безсильна обезпечить царствованіе преемнику помимо народнаго на то согласія. Левъ III завѣщалъ престолъ сыну, но Константину Копрониму, противъ котораго происками западниковъ была возстановлена значительная часть населенія, пришлось однако, силою, добывать себѣ императорскій вѣнецъ; Романъ Лекапенъ заботливо стремился утвердить въ достоинствѣ царскомъ свое потомство, но оно было оттолкнуто отъ престола безъ всякихъ осложненій. Въ связи съ восточно-греческимъ представленіемъ о правѣ на корону достойнѣйшаго въ Византіи не выработалось никакихъ правилъ относительно законнаго преемства въ опредѣленной постепенности по линіямъ родства или инымъ какимъ нибудь нризнакамъ *). Не сложилось даже представленія о необходимости существованія только одного наслѣдника. Послѣ смерти Гераклія, въ 641 г., вдова его объявила народу объ оставшемся завѣщаніи императора, по которому преемниками назначались двое сыновей: братья Гераклій Константинъ и Гераклій Левъ. Народъ призналъ ихъ въ достоинствѣ государей, причемъ, согласно укоренившейся идеѣ единовластія, настоящимъ монархомъ сдѣлался первый, а второй удовольствовался титуломъ. Романъ II еще при жизни облекъ императорскимъ саномъ Василія и Константина, что не помѣшало Никифору Фокѣ воцариться при помощи Ѳеофано и устранить законныхъ наслѣдниковъ. Константинъ Дука (умеръ 1067) назначилъ императорами трехъ сыновей и

*) Краузе считаетъ прямымъ законнымъ наслѣдникомъ первороднаго сына императора и называетъ такового порфирогенетомъ. Die Byzantiner, 166. Мнѣніе свое нѣмецкій ученый ничѣмъ не обосновываетъ, между тѣмъ какъ выставляемое имъ положеніе и толкованіе слова порфирогенетъ очень спорны.

къ нимъ, въ качествѣ монарха, присоединилъ еще и свою вдову Евдокію, оставшуюся дѣйствительной правительницей.

Отсюда видно, что въ вопросѣ нареченія наслѣдника престола права первородства, старшинства или опредѣленность степени кровной близости къ царствующему императору не играли никакой роли въ Византіи. Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ можно прибавить еще слѣдующіе факты: Левъ Мудрый назначилъ непосредственнымъ преемникомъ брата Александра, а послѣднему поручилъ впослѣдствіи передать корону племяннику Константину Порфирородному, которому, какъ сыну Льва, при существованіи законнаго наслѣдованія, долженъ былъ бы прямо перейти отцовскій престолъ. Іоаннъ Комнинъ обошелъ старшаго сына, чтобы возвысить младшаго Мануила, который ему казался болѣе достойнымъ царскаго вѣнца по своимъ качествамъ души и умственнымъ способностямъ. Въ своей предсмертной рѣчи императоръ, какъ передаетъ Хоніатъ *), доказывалъ присутствовавшимъ, что общее гражданское преемство въ вопросахъ правительства не примѣнимо. «Хотя природа, говорилъ онъ, вѣрная порядку, обыкновенно отдаетъ преимущество старшимъ дѣтямъ, но у Бога при важнѣйшихъ назначеніяхъ всегда почти бывало не такъ; вспомните объ Исаакѣ, который по порядку рожденія занималъ второе мѣсто за Измаиломъ, объ Іаковѣ, который вышелъ изъ утробы матери послѣ Исава, о Моисеѣ, бывшемъ моложе Аарона, о Давидѣ, самомъ младшемъ между братьями и юнѣйшемъ въ домѣ отца». Этими словами Іоаннъ разбивалъ идею возможности примѣненія правъ первородства въ дѣлѣ наслѣдованія престола. Своимъ поступкомъ онъ проводилъ на практикѣ тотъ издавна сложившійся основной принципъ византійскаго государственнаго строительства, что правителемъ долженъ быть способнѣйшій и мудрѣйшій. «Богъ не смотритъ, подобно человѣку, на лицо, развивалъ эту мысль царь, онъ не отдаетъ предпочтенія дол-

*) Византійскіе историки. Никита Хоніатъ, I, 56.

голѣтію, сѣдинамъ и возрасту, но цѣнитъ добрыя свойства души и съ благоволеніемъ взираетъ на кроткаго, смиреннаго и хранящаго его заповѣди».

При такомъ взглядѣ на вещи въ Византіи не казались странными даже тѣ случаи, когда императоръ назначалъ себѣ преемникомъ человѣка совершенно посторонняго, несмотря на существованіе близкихъ родственниковъ. Такъ народъ нашелъ вполнѣ естественнымъ, что Исаакъ Комнинъ завѣщалъ царство Константину Дукѣ, хотя у него существовалъ родной братъ, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. У Алексѣя Комнина имѣлось три сына и четыре дочери. Императоръ больше всѣхъ дѣтей любилъ старшаго Іоанна, императрица старшую дочь Анну, выданную замужъ за Никифора Вріеннія. Когда между царственными супругами заходила рѣчь о наслѣдникѣ престола, императрица указывала на Вріеннія, какъ на человѣка преимущественно способнаго къ правительству, и Алексѣй обѣщалъ назначить зятя своимъ преемникомъ, хотя въ глубинѣ души не переставалъ отдавать предпочтеніе Іоанну. Послѣднему пришлось хитростью отстранить Вріеннія и закрѣпить за собой отцовскую корону. Это ясно доказываетъ, что въ Византіи было шатко не только начало первородства, но что и самое кровное родство съ императоромъ не являлось достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы въ силу этой одной причины сынъ, братъ или племянникъ государя ipso facto становились преемниками его верховныхъ полномочій.

Обобщая вышеприведенныя соображенія и факты, мы должны придти къ тому выводу, что наслѣдственное престолопреемство существовало въ Византіи, но не въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ настоящее время въ европейскихъ государствахъ. Законному наслѣднику только тогда дѣйствительно передавалась юридическая личность единокровнаго предшественника, когда подобный переходъ молчаливо или явственно одобрялся населеніемъ. Иначе говоря, въ порядкахъ византійскаго законнаго престолонаслѣдія скрыва-

лось то-же начало народнаго избранія, которое сказывалось во всѣхъ остальныхъ видахъ преемства и вполнѣ явно выступало въ качествѣ самостоятельнаго фактора.

Исходя изъ византійскихъ воззрѣній на право правительствованія достойнѣйшаго, можно прямо сказать, что, если даже при нареченіи преемника царствовавшимъ монархомъ кругъ кандидатовъ не ограничивался предѣлами семьи, то тѣмъ шире онъ долженъ былъ быть въ случаѣ примѣненія начала чистаго народнаго избранія. Пайяръ полагаетъ *), что право на императорскую кандидатуру принадлежало всякому полноправному гражданину Византійской имперіи, за исключеніемъ рабовъ, варваровъ, иностранцевъ, евнуховъ и духовныхъ лицъ. Въ это положеніе правильное въ общемъ нужно тѣмъ не менѣе внести одну поправку: исключеніе ограниченій правъ варваровъ. Что касается до варварскаго происхожденія, то какъ для болѣе раннихъ, такъ и для позднѣйшихъ временъ имперіи его нельзя, по нашему мнѣнію,считать въ числѣ непреоборимыхъ препятствій къ занятію трона. Въ доказательство справедливости своей мысли Пайяръ ссылается на примѣръ Аспара, который, якобы въ силу варварскаго происхожденія не считая возможнымъ лично домогаться короны, выговорилъ ее только въ будущемъ изъ рукъ своего ставленника сыну Льва. «Патрицій Аспаръ могъ-бы возложить діадему на свою собственную голову, еслибы только согласился принять Никейскій символъ вѣры», заключаетъ, однако, по тому-же **) поводу Гиббонъ, оттѣняя то обстоятельство, что Аспаръ упорствовалъ въ своей аріанской ереси и не желалъ жертвовать религіозными убѣжденіями для пріобрѣтенія политическаго могущества. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ препятствіемъ служило не варварское происхожденіе патриція, а принадлежность его къ преслѣдуемой сектѣ. Мы знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что варварство не помѣшало безграмотному Юстину не только самому укра-

*) 356.
**) IV, 78.

ситься вѣнцомъ, но даже основать родъ династіи и пользоваться расположеніемъ подданныхъ. Намъ извѣстно также, что варваръ Абзимаръ царствовалъ опредѣленное время вполнѣ благополучно. Отъ насъ не скрыто, что въ правленіе Никифора Вотаніата, тоже варваръ-латинянинъ Урселій ничуть не затруднился поднять возмущеніе съ цѣлью добиться императорскаго сана и въ своихъ начинаніяхъ встрѣтилъ явное сочувствіе населенія.

Исключая варварское происхожденіе, въ качествѣ препятствія къ достиженію короны съ большей степенью достовѣрности можно установить другое ограничительное начало— исповѣдное, хотя и противъ него можно выставить возраженія. Во всякомъ случаѣ въ періодъ сплоченности и вліянія духовенства съ западнической партіей отъ наслѣдующаго престолъ требовалось признаніе православія. Таковое исповѣданіе вѣры вошло впослѣдствіи въ чинъ вѣнчанія на царство *), но сперва практиковалось лишь въ единичныхъ случаяхъ, когда подозрѣвалось правовѣріе претендента.

Рѣшительнымъ образомъ въ качествѣ соискателя короны въ имперіи не могъ выступить сконецъ. Евнухи въ силу своего природнаго или искусственно причиненнаго недостатка положительно устранялись отъ возможности стать императоромъ. Въ Византіи глубоко укоренилось презрительное отношеніе къ этимъ безполымъ существамъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ кастратовъ, какъ, напримѣръ, Нарзесъ, засвидѣтельствовали присутствіе въ нихъ мужественнаго ума и сердца, общество заклеймило ихъ породу презрѣніемъ. Въ Византіи существовала поговорка: «если у тебя есть евнухъ, убей его; если нѣтъ, купи и убей» **). Іоаннъ Орфанотрофъ, при всемъ своемъ могуществѣ, ни на одну минуту не увлекался мыслью воцариться самому и допустилъ на престолъ не только брата,

*) См. Codini curopalatae. De officialibus Palatii, стр. 17.

**) Εἰ μὲν ἔχεις εὐνοῦχον, φόνευσον, εἰ δ' οὐκ ἔχεις, ἀγόρασον καὶ φόνευσον. Cedr. II, 29.

но даже племянника, самъ стремясь лишь къ патріаршему престолу. Скопчество, если оно не было соединено съ духовнымъ, званіемъ ложилось какъ-бы пятномъ на человѣка. Не говоря уже о коронѣ ни одного изъ евнуховъ мы не встрѣчаемъ въ званіи кесаря или пріобщеннымъ къ власти. Полагаясь на народный предразсудокъ, нѣкоторые изъ узурпаторовъ даже не давали себѣ труда убивать сыновей свергнутыхъ императоровъ, но ограничивались только ослѣпленіемъ юношей *).

На ряду со скопчествомъ, въ качествѣ прямого повода устраненія отъ предъявленія правъ на императорскій санъ, нужно поставить обладаніе степенью священства или иноческое состояніе. Поэтому во весь періодъ существованія византійскаго государства на престолѣ не появлялось ни одного духовнаго лица. Постриженіемъ въ монашество обыкновенно заканчивалось добровольное отреченіе отъ короны; въ монастырь-же заключались насильно свергнутые государи. Тиверій II постригъ своего предшественника Леонтія. Анастасій II подъ давленіемъ обстоятельствъ отрекся и принялъ иноческій чинъ. Ѳеодосій III, смѣщенный Львомъ III, постригся; Михаилъ Рангабе́ былъ постриженъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Очевидно, соображаясь съ указаннымъ препятствіемъ, Никифоръ Вріенній, защищая права Алексѣя Комнина на престолъ въ виду того, что передъ Дукой царствовалъ дядя Алексѣя Исаакъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ни слова не говоритъ о Константинѣ Дукѣ, отецъ котораго только что носилъ корону. Такое молчаніе объясняется, конечно, только тѣмъ обстоятельствомъ, что Константинъ былъ постриженъ Вотаніатомъ. По странной особенности принятіе монашества устраняло право на возвращеніе власти отрекшемуся или лишенному сана монарху, но не прекращало ее у принимавшаго иноческій чинъ безъ свободнаго отреченія и насильственнаго отнятія верховенства. Такъ,

*) Cedren. II, 48.

напримѣръ, продолжалъ считаться царемъ и послѣ постриженія Михаилъ Пафлагонянинъ.

Отношеніе женщины къ наслѣдованію престола въ Византійской имперіи подверглось закону эволюціи. Не смотря на сравнительно высокое положеніе жены и матери въ глазахъ восточнаго-грека въ домашнемъ быту, въ общественномъ, онъ усвоилъ себѣ древнеримскій взглядъ на политическія права подруги жизни человѣка. Въ Римѣ же, какъ извѣстно, долгое время женщины во всѣхъ отношеніяхъ были очень стѣснены. Прежде всего въ отдаленныя времена лица женскаго пола, всѣ безъ исключенія, на ряду съ рабами, входили въ составъ familia домохозяина, при чемъ природа женщины казалась римлянамъ настолько легкомысленной, что даже матроны не скоро освободились отъ попечительства, довольно поздно пріобрѣтя частноправовую личность. Равенства же съ мужчиной въ политическихъ правахъ въ республиканскомъ Римѣ женщина не достигла даже послѣ того, какъ ей была предоставлена значительная доля самостоятельности въ частной жизни. И если тогда ея вліяніе и сказывалось въ политикѣ, то оно было не гласнымъ, закулиснымъ, фактическимъ, но не юридическимъ.

Первыя измѣненія въ этотъ отрицательный взглядъ внесла имперія, но и то не сразу. Еще Неронъ, чтобы очернить память Агриппины и оправдать свое чудовищное преступленіе, обвинилъ мать въ томъ, что она осмѣлилась мечтать о пріобщеніи ея къ власти и хотѣла принудить сенатъ, народъ и войско къ позорной присягѣ на вѣрность правительству женщины. Неронъ доказывалъ, что попытки подобнаго рода есть оскорбленіе народнаго величества и какъ таковое заслуживаютъ смерти. Послѣ Агриппины, но болѣе удачно на политическомъ поприщѣ въ Римѣ, въ императорскую эпоху выступили все также фактически, но уже явно Мэза, Семіамира, мать Геліогабала, Маммеа, мать Александра Севера, Юлія, жена Септимія Севера. Названныя женщины приняли открытое непосред-

ственное участіе въ государственномъ управленіи, хотя права на то имъ не было предоставляемо; Мэза, однако, предсѣдательствовала въ сенатѣ; Маммея говорила рѣчи преторіанцамъ; Юлія заслужила почетное для того времени прозвище «матери лагеря».

Единственной общественной дѣятельностью, разрѣшенной римскимъ женщинамъ всѣхъ періодовъ, было жречество Весты. Христіанство въ этомъ отношеніи произвело коренной переворотъ. Новое исповѣданіе сразу возвысило положеніе женщины, которой было предоставлено почетное право умирать за вѣру наравнѣ съ мужчиной и являться борцомъ за новый порядокъ вещей. Несмотря на измѣненіе взглядовъ и нравовъ общества, первые вѣка Византія по римскимъ преданіямъ всетаки сохраняла упорное недовѣріе къ способности женщины нести бремя государственнаго управленія и потому долго и тщательно отстраняла дочерей и женъ императоровъ отъ реальнаго наслѣдованія престола. Поэтому дочь Константина Великаго, Константина, облеченная отцомъ титуломъ августы, не рѣшилась выставить свою кандидатуру на императорство, хотя и была преслѣдуема честолюбивыми помыслами; она возложила корону на престарѣлаго Ветраніо, надѣясь за его спиной фактически управлять государствомъ. Между тѣмъ званіе августы могло само по себѣ послужить достаточнымъ поводомъ для личныхъ домогательствъ дочери Константина, при жизни отца пріобщенной къ власти.

Какъ и въ императорскомъ Римѣ, такъ и въ Византіи вначалѣ политическое значеніе императрицъ выразилось въ предоставленіи имъ знаковъ внѣшняго почета и въ допущеніи ихъ негласнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла. Но въ какой степени царицы съумѣли пользоваться своими преимуществами, и до какихъ границъ простиралось подчасъ ихъ фактическое могущество въ началѣ, напримѣръ, пятаго вѣка, показываетъ поведеніе жены Аркадія Евдокіи. Эта женщина не удовольствовалась общими знаками уваженія, присвоенными по чину супругѣ царствовавшаго императора, это непомѣрно

честолюбивое существо распорядилось поставить свои статуи во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и требовало воздаянія себѣ божескихъ почестей. Кощунственность подобнаго желанія возбудила справедливыя обличенія Златоуста, а столкновеніе его съ императрицей показало всю силу послѣдней. Евдокія сдѣлалась злымъ геніемъ патріарха. Ни народная любовь, ни заступничество западнаго императора, ни вѣское слово римскаго папы не смогли защитить проповѣдника отъ гнѣва раздраженной императрицы. Уличное избіеніе народа, смѣна первосвященника, соборный судъ надъ нимъ скрытымъ двигателемъ имѣли все ту же Евдокію, въ рукахъ которой слабый Аркадій являлся послушнымъ орудіемъ. Послѣ Евдокіи Пульхерія, пользовавшаяся не меньшимъ по объему, но неизмѣримо болѣе благотворнымъ вліяніемъ на царственнаго брата Ѳеодосія II, была, не въ примѣръ прочимъ, провозглашена благодарнымъ народомъ послѣ смерти государя императрицей. Въ ея лицѣ Византія впервые подпала подъ владычество женщины, правительственныя права которой впервые были признаны оффиціально. Однако, среди радостныхъ привѣтствій народа Пульхерія не забыла о существованіи вкоренившагося предубѣжденія общества противъ женскаго правительства и, для того чтобы укрѣпить за собой престолъ, благоразумно отдала свою руку престарѣлому Маркіану.

Царствованіе Аркадія положило прочныя основанія фактическому, открытому господству женщинъ при дворѣ, но примѣръ возведенія на престолъ Пульхеріи остался единичнымъ случаемъ. Во всей дальнѣйшей исторіи Византіи императрицы продолжали играть выдающіяся политическія роли, но не формально. При этихъ условіяхъ преслѣдуя цѣли фактическаго властвованія, византійскія царицы-жены и матери надѣлали цѣлый рядъ подставныхъ императоровъ. Таковыми были Траскалиссей, переименованный въ Зенона и обязанный престоломъ своей женѣ, дочери Льва, Аріаднѣ и тещѣ Веринѣ; Василискъ, случайно возведенный въ санъ государя той-же Вери-

ной; Анастасій, по смерти Зенона получившій отъ Аріадны императорскій титулъ вмѣстѣ съ рукою царицы. Нечего говорить, что поставляя на престолъ всевозможныя ничтожества, названныя женщины фактически сами управляли дѣлами государства. Точно также безъ преувеличенія можно сказать, что истиннымъ правителемъ Византіи въ царствованіе Юстиніана I былъ не кто иной, какъ дочь смотрителя звѣринца Акакія, распоряжавшаяся правительственной машиной по своему усмотрѣнію. Послѣ избранія Пульхеріи Юстиніаномъ былъ сдѣланъ второй шагъ въ области расширенія политическихъ правъ женщинъ изъ царственныхъ семей. Онъ возвелъ свою супругу на престолъ самымъ торжественнымъ образомъ, имя ея въ славословіяхъ было присоединено къ имени императора, и ей приносилась вѣрноподданническая присяга губернаторами провинцій.

Пріобрѣтеніе высшихъ политическихъ правъ женщиной и усиленный ростъ ея вліянія на правительственныя дѣла не послужили на пользу Византіи. Если Римъ относился недовѣрчиво къ умственнымъ способностямъ и твердости характера прекрасной половины рода человѣческаго, то Византійская имперія была принуждена признать, что въ чудовищности вырожденія страстей, въ безпощадности, отсутствіи всякаго пониманія государственныхъ интересовъ новая женщина превзошла новаго мужчину. Ея прикосновеніе къ живому общественному организму по главному правилу было тлетворно: ея воздѣйствіе на мужчину гибельно. Достойно замѣчанія, что худшіе изъ византійскихъ императоровъ всегда или находились подъ женскимъ вліяніемъ или обладали женскими наклонностями.

Примѣры, проходившіе передъ глазами византійскаго населенія, конечно, не могли укрѣпить его въ мысли, что правленіе императрицъ способно принести особое благополучіе государству. Поэтому, когда послѣ смерти Гераклія, согласно его завѣщанію, Марина, императрица-вдова, приняла на себя

опеку надъ двумя сыновьями, явилась передъ народомъ въ царскомъ облаченіи и начала было отдавать приказанія судьямъ и солдатамъ, несмотря на существованіе историческаго прецедента избранія на царство женщины въ лицѣ Пульхеріи, произошло возмущеніе. „Мы должны повиноваться только нашимъ императорамъ, кричала многотысячная толпа, никому болѣе кромѣ нихъ, Марина. Неужели женщина будетъ предсѣдательствовать въ сенатѣ и начальствовать арміей? Богу не угодно, чтобы римская имперія подчинилась такому господству, за которое краснѣютъ даже персы». Марина сочла нужнымъ прекратить свои домогательства, но ея неудача не обезкуражила послѣдующихъ притязаній подобнаго-же рода. Императрицы начали усиленно пользоваться правами материнства, чтобы вмѣшиваться въ дѣла правленія сперва подъ видомъ регентства, а потомъ и безъ всякаго законнаго оправданія. Въ этомъ смыслѣ поучителенъ примѣръ Ирины. По смерти Льва IV въ 780 г. Константинъ VI остался девятилѣтнимъ ребенкомъ. Императрица воспользовалась малолѣтствомъ сына, чтобы утвердиться на престолѣ и удержать за собой власть. Но подданные съ неудовольствіемъ смотрѣли на правительство женщины. Ея единственной поддержкой являлись западники и духовенство. Свободомыслящіе постоянно волновались, и, когда Ирина предписала ея имя ставить впереди имени императора, армянская гвардія отказалась повиноваться; солдаты отвѣтили, что послѣ смерти Льва они клялись въ вѣрности Константину и Иринѣ и что они останутся вѣрными до конца жизни, но что вмѣстѣ съ тѣмъ они обязаны соблюсти порядокъ, предписанный законами и присягой и не потерпятъ преобладанія имени Ирины надъ Константиномъ. Насильственныя мѣры императрицы по отношенію сына вызвали открытое возмущеніе восточныхъ легіоновъ. Ирина была принуждена уступить на время и невидимо занялась устраненіемъ препятствій къ исполненію своего замысла. Счастье благопріятствовало ей, и, съ ослѣпленіемъ сына, подъ

давленіемъ вооруженной силы народъ призналъ Ирину полновластной императрицей, хотя и не пожалѣлъ ее нисколько, когда покинутая всѣми въ бѣдности и презрѣніи она была принуждена доживать свои жалкіе дни на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ въ ею же основанномъ монастырѣ.

Въ византійской исторіи царствованіемъ Ирины былъ созданъ второй примѣръ единоличнаго правительства женщины. Тѣмъ не менѣе предубѣжденіе противъ женскаго верховенства продолжало существовать въ грековосточномъ обществѣ и постоянно выступало въ качествѣ вліятельнаго фактора въ тѣ минуты, когда такъ или иначе вершились судьбы престола.

Подъ воздѣйствіемъ подобнаго предубѣжденія взбалмошный, безалаберный Константинъ VIII, не оставляя послѣ себя мужского потомства, не рѣшился, однако, превратить въ императрицу одну изъ своихъ дочерей безъ того, чтобы не придать ей надежную опору въ видѣ мужской руки. Зоя была выдана за Романа III. Несмотря на народную преданность Македонскому дому, послѣ смерти перваго мужа, дочь Константина VIII всетаки не сочла возможнымъ остаться единоличной правительницей и избрала себѣ новаго супруга. Кончина Михаила Пафлагонянина заставила императрицу сочетаться бракомъ въ третій разъ. Точно также выбрала мужа и ранѣе въ принципѣ отрицавшая супружество Ѳеодора, когда дошелъ до нее чередъ царствовать.

Константинъ X Дука, боясь за участь своихъ малолѣтнихъ сыновей, временно назначилъ полноправной самостоятельной правительницей свою жену Евдокію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не выходила замужъ вторично и такимъ образомъ не препятствовала бы съ будущемъ воцаренію Дукъ въ прямомъ колѣнѣ. Единоличное правленіе императрицы между тѣмъ вскорѣ дало себя знать ослабленіемъ государственныхъ связей и устоевъ. Кружокъ націоналистовъ-отчизнолюбцевъ возвысилъ голосъ въ пользу необходимости избранія царя могущаго защитить имперію отъ внутреннихъ и

внѣшнихъ бѣдъ. Воззваніе патріотовъ не осталось безъ отклика; народъ заволновался; въ высшихъ кругахъ точно также заговорили о неудобствахъ женскаго правительства. Противъ него высказался и просвѣщенный народникъ патріархъ Іоаннъ Ксифилинъ *). Воля покойнаго императора была нарушена, и Романъ Діогенъ, получивъ руку Евдокіи, сдѣлался государемъ. Единоличное управленіе императрицы продолжалось всего семь мѣсяцевъ и нѣсколько дней. Послѣдовавшее паденіе Романа Діогена въ скоромъ времени повлекло за собой и паденіе Евдокіи. Съ согласія сына своего Михаила VII она была лишена достоинства и пострижена въ монастырь въ сентябрѣ 1071 г. Въ лицѣ Евдокіи женщина въ послѣдній разъ появилась на византійскомъ престолѣ. Вдова Мануила Комнина не царствовала, но только регентствовала, но и то короткій срокъ ея правительства вызвалъ народный мятежъ, послужившій поводомъ къ возвышенію Андроника.

Итакъ, вплоть до конца двѣнадцатаго столѣтія предубѣжденіе противъ правительственныхъ способностей женщины продолжало жить въ средѣ населенія византійской имперіи. Такимъ предубѣжденіемъ Византія несомнѣнно почти всецѣло обязана традиціямъ Рима, въ своихъ преданіяхъ въ данномъ случаѣ едва ли не единственный разъ послужившаго на пользу греко-восточнаго государства. Вліяніе римскихъ воззрѣній, конечно, было усилено также и древне-еврейскими, переданными востоку въ книгахъ Соломона и Іисуса сына Сирахова, но всетаки романскія преданія должны быть выдвинуты на первое мѣсто. Еврейскіе мудрецы говорили противъ мелочности женскаго ума; византіецъ съ этимъ не могъ вполнѣ согласиться; въ отношеніи греческой женщины въ своей исторіи онъ видѣлъ проявленія обширныхъ мыслительныхъ способностей у подруги Перикла, у Сафо, у Гипатіи. Для него гораздо болѣе были убѣдительны доводы римскихъ мыслителей, бравшихъ за исход-

*) Attaliot. 100.

ную точку своихъ сужденій свойства женскаго характера. Знатокъ человѣческой природы Цицеронъ, концентрируя романскіе взгляды на данный предметъ, сказалъ: «много нужно побужденій, чтобы привести мужчину къ тому преступленію, къ совершенію котораго женщину толкаетъ одна страсть». И византіецъ не могъ не оцѣнить по достоинству справедливости этого замѣчанія, видя печальные примѣры судебъ императорскаго престола въ тѣ минуты, когда облеченныя въ порфиру женскія страсти вооружались прерогативами царскаго могущества.

Кромѣ народнаго избранія и наслѣдованія, основаннаго на кровномъ родствѣ преемника съ покойнымъ императоромъ, Византія, подобно Риму, знала еще особенный способъ замѣщенія престола посредствомъ усыновленія и пріобщенія къ власти.

Въ Римской имперіи императорская власть не считалась достояніемъ, переходящимъ непремѣнно по наслѣдству. Собственно говоря, покидавшій престолъ императоръ обязанъ былъ всякій разъ передавать власть консуламъ и сенату съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе назначили преемника по своему усмотрѣнію. Кандидатовъ въ государи очень часто представляла сенату гвардія, а затѣмъ вошло въ обычай, чтобы императоръ самъ при жизни указывалъ себѣ преемника. Таковое указаніе происходило посредствомъ особаго правительственнаго акта, который назывался adoptio regia. Императорское усыновленіе не влекло за собой усыновленія въ общегражданскомъ смыслѣ: усыновленному лицу не переходила за смертью императора его частная собственность; adoptio regia касалась только наслѣдованія верховной власти и являлась чисто правительственнымъ дѣйствіемъ. Такимъ способомъ Адріанъ передалъ корону Антонину Пію, Антонинъ Пій—Марку Аврелію и такъ далѣе. Въ Римѣ усыновленіе соединялось неразрывно съ пріобщеніемъ къ власти, которое совершалось пожалованьемъ званія цезаря. Перешедши къ Византіи, adoptio и ассоціація нѣсколько раздѣлились, а цезарство, какъ мы говорили выше,

превратилось въ простой чинъ даже не перваго ранга. Особенность восточной имперіи заключалась въ томъ, что даже кровный законный наслѣдникъ престола необходимо долженъ былъ заранѣе быть объявленнымъ императоромъ и короноваться, какъ соправитель. Дѣлалось это для того, чтобы народъ впередъ могъ видѣть, въ чьи руки должно перейти въ будущемъ кормило правленія и имѣлъ возможность положительно или отрицательно высказаться за предполагаемаго замѣстителя трона. Поэтому государи, желавшіе закрѣпить корону за тѣмъ или другимъ изъ своихъ сыновей, короновали ихъ чуть ли не въ пеленкахъ и зачастую не одного, а нѣсколькихъ сразу, на всякій случай. Такъ Левъ III пожаловалъ титулъ августа Константину Копрониму, когда послѣднему еще не исполнилось двухъ лѣтъ; Константинъ Дука объявилъ императорами всѣхъ своихъ трехъ сыновей.

Обыкновенно въ общемъ порядкѣ усыновленіе и пріобщеніе къ власти слѣдовали одно за другимъ. Но иногда, повидимому, коронованіе, т. е. пріобщеніе къ власти, могло имѣть мѣсто безъ усыновленія. Зоя, напримѣръ, усыновила Михаила Калафата, но короновала его послѣ смерти Михаила Пафлагонянина только послѣ долгихъ размышленій и обѣщанія не вмѣшиваться въ дѣла правленія *). Очевидно, при жизни императрицы Калафатъ былъ обязанъ оставаться въ роли наслѣдника престола, но не дѣйствительнымъ монархомъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему такъ возмутился народъ при попыткѣ соправителя свергнуть Зою. Въ его дѣяніи былъ усмотрѣнъ прямой умыселъ узурпаціи. Точно также истекъ большой промежутокъ времени между усыновленіемъ и объявленіемъ правительства въ отношеніяхъ Юстина II къ Тиверію. Юстинъ II, разсказываетъ Ѳеофанъ, не имѣлъ ни сына, ни дочери **), которымъ-бы онъ могъ завѣщать престолъ. Дѣти его умерли при жизни отца. Изъ родственниковъ на лицо оста-

*) Скабалановичъ. 40.

**) Theophan. I, 381, 382.

вались двое братьевъ, двое племянниковъ и зять которымъ, однако, императоръ не счелъ возможнымъ передать кормило правленія и потому усыновилъ Тиверія, даровавъ ему при этомъ титулъ кесаря. Тѣмъ не менѣе молодой избранникъ не былъ тогда-же пріобщенъ къ власти и въ продолженіи четырехъ лѣтъ дѣло оставалось все въ томъ-же положеніи, пока наконецъ въ 578 г. императоръ, въ присутствіи сената, патріарха, народа и духовенства, не провозгласилъ усыновленнаго соправителемъ и не возложилъ на его голову короны. Въ вопросѣ возвышенія Юстиніана I точно также усыновленіе и соправительство племянника Юстина было раздѣлено во времени. Пользуясь расположеніемъ дяди, хитрый Юстиніанъ щедрыми подарками и вѣжливымъ обхожденіемъ старался склонить на свою сторону сенатъ и, наконецъ, достигъ полнаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Сенатъ проникся чувствомъ глубочайшей преданности къ новому патрицію, который уже былъ облеченъ званіемъ главнокомандующаго и игралъ выдающуюся роль въ государствѣ. Честолюбцу не хватало только одного, соправительства и титула августа. Очарованный императорскимъ племянникомъ сенатъ рѣшилъ обратиться къ монарху съ просьбой пріобщить Юстиніана къ власти, на что Юстинъ на первый разъ отвѣтилъ безусловнымъ отказомъ. Настоянія сенаторовъ привели только къ тому, что Юстиніанъ былъ пожалованъ званіемъ новелиссима и коронованъ, но безъ усыновленія **). Вторичное представленіе, говорятъ, вызвало со стороны Юстина слѣдующее пророческое замѣчаніе: «молите Бога о томъ, чтобы никогда не видѣть этого молодого человѣка облеченнымъ въ эту мантію». Императоръ указалъ при томъ на свое царское одѣяніе. Однако, спустя нѣсколько времени Юстиніанъ все-таки былъ коронованъ вмѣстѣ со своей женой Ѳеодорой за четыре мѣсяца до смерти Юстина.

Переданная наслѣднику власть, т. е., лучше сказать, до-

*) Theoph. I, 250, 251.

стоинство наслѣдника, могло быть точно также отобрано обратно, какъ и сообщено. Истекало такое представленіе все изъ того же положенія, что императоръ въ постоянной своей заботѣ о благѣ подданныхъ могъ убѣдиться при ближайшемъ ознакомленіи съ характеромъ избранника въ неспособности его къ отвѣтственному дѣлу управленія. Такую мысль и выразилъ Михаилъ III, намѣреваясь избавиться отъ Василія Македонянина и сдѣлать соправителемъ гребца Василиска. *) Убіеніе Михаила вывело Василія изъ затрудненія и не допустило покойнаго императора осуществить свой планъ.

Спрашивается, какія условія требовались для того, чтобы быть пріобщеннымъ къ власти и впослѣдствіи имѣть право занять вакантный престолъ? Какъ полагаетъ Пайяръ,—никакихъ кромѣ обладанія правомъ гражданства и отсутствія вышеуказанныхъ препятствій къ возведенію въ санъ дѣйствительнаго государя. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ законодательство Юстиніана, а вслѣдъ за нимъ и «Василики» даютъ цѣлый рядъ правилъ относительно усыновленія въ общегражданскомъ смыслѣ, источники молчатъ объ условіяхъ политической адоптаціи. Быть можетъ, политическое усыновленіе приравливалось къ началамъ частноправового. Намъ кажется,—нѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ практическомъ примѣненіи его мы можемъ наблюсти нѣкоторыя прямыя отступленія отъ правилъ цивильныхъ. Уже самое усыновленіе частнаго характера, изъ римскаго права перешедшее въ византійское, подверглось въ восточной имперіи переработкѣ, расширившей предѣлы его осуществленія.

Римскіе юристы настаивали на необходимости соблюденія условнаго нисходящаго родства съ естественнымъ и потому полагали адоптаціи нѣкоторыя границы, заключавшіяся въ томъ, что усыновитель долженъ былъ быть старше усыновляемаго, не могъ принадлежать къ женскому полу или къ кастратамъ. Въ Византіи же по закону Льва Мудраго получили полную

*) Θеофанъ, II, 250.

свободу усыновленія не только не имѣвшія дѣтей женщины, но и евнухи *). Политическое усыновленіе двинуло эти вольности еще далѣе, и если Юстинъ I усыновилъ Юстиніана восьмидесяти лѣтъ отъ роду, то Михаилъ III сдѣлалъ это на двадцать восьмомъ, когда онъ никоимъ образомъ не могъ быть старше Василія Македонянина на требуемые закономъ восемнадцать лѣтъ. Тоже самое можно сказать о Львѣ VI, который усыновилъ родного брата Александра, съ тѣмъ чтобы послѣдній передалъ впослѣдствіи престолъ племяннику. Очевидно, въ глазахъ византійскаго общества политическое усыновленіе сохраняло, какъ и въ римской имперіи, свой исключительный государственный характеръ. Вмѣстѣ съ пріобщеніемъ власти оно вывелось изъ употребленія къ началу одиннадцатаго столѣтія.

*) Nov. 26, 27. Zachariae Geschichte des g. r. Rechts § 23. Императорское право Рима по исключенію дозволяло адоптацію женщинамъ in solatium liberorum amissorum.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣд. читать:
4	8 снизу	его теоріи	въ его теоріи
15	2 сверху	которая именуется	которыя именуются
27	7 »	незыблимость	незыблемость
87	2 »	по тому	потому
113	13 снизу	праваго	правового
167	1 сверху	словія	условія
176	6 снизу	впослѣдстіи	впослѣдствіи
181	19 сверху	первоначально	первоначальное
186	2 снизу	на противорѣчило	не противорѣчило
204	заголовокъ	§ 4	§ 3 и т. д.
230	4 сверху	полковоца	полководца
234	1 »	какже	также
»	11 »	и	изъ
294	заголовокъ	§ 3	§ 2
315	11 сверху	національнаго	національнаго
323	13 снизу	донастіи	династіи.